

Великая Отечественная: Неизвестная война
Борис Соколов

КРАСНЫЙ КОЛОСС

Почему победила Красная Армия?

02 03 04 05 06 07 08 09 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

Великая Отечественная: Неизвестная война

Борис Соколов

КРАСНЫЙ КОЛОСС

Почему победила Красная Армия?

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2007

ББК 63.3(0)62
С 59

Оформление художника *П. Волкова*

Соколов Б.

С 59 **Красный колосс. Почему победила Красная Армия? —**
М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 352 с. — (Великая Отечественная.
Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-23404-2

Почему Красная Армия победила в Великой Отечественной войне, несмотря на тяжелейшие поражения 1941—1942 годов? Собирались ли Советский Союз напасть на Германию? Какую роль в победе сыграл Сталин, а какую — советский народ? Мог ли победить Советский Союз в схватке с Германией один на один, и как бы закончилась Вторая мировая война, если бы Красная Армия потерпела в 1942 году решительное поражение? Почему советские потери многократно превышали немецкие, и можно ли было выиграть войну с меньшими жертвами? Могли ли первые атомные бомбы быть применены в Европе, а не в Японии? На все эти и многие другие вопросы, используя многочисленные, ранее не публиковавшиеся архивные документы, дает нестандартные ответы в своей новой книге известный военный историк Борис Соколов.

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-23404-2

© Б. Соколов, 2007
© ООО «Издательство «Яуза», 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

...Историки, сцепившись намертво, катаются в пыли веков.

*Владимир Набоков.
Лекции о «Дон Кихоте»*

ПРОЛОГ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Почему победила Красная Армия? И во время войны, и после нее многие и в нашей, и в остальном мире задавали себе этот вопрос. И отвечали от него по-разному, в зависимости от собственных политических взглядов и предпочтений. Кто-то считает победу фатально предопределенной Богом или Судьбой; кто-то уверен, что это — закономерное торжество самого передового в мире коммунистического строя. В то же время кто-то относит ее на счет случайного стечения обстоятельств, полагая, что если бы не ошибки Гитлера, Третий рейх мог бы одолеть Советский Союз; кто-то, напротив, убежден, что она — следствие постоянно действующих факторов, независимых от времени, относя к ним бескрайность российского пространства, обилие природных ресурсов, суровость климата, многочисленность, долготерпение, неприхотливость и мужество русского народа, равно как и других народов Советского Союза.

К сожалению, никто из публицистов и историков до сих пор не дает внятного ответа на вопрос, почему Красная Армия и Советское государство начисто проиграли в 41-м и принудили вермахт и Германию к безоговорочной капитуляции в 45-м. Чаще всего вслед за Сталиным причины поражения видят во внезапности германского нападения. Да, германского нападения Сталин не ожидал, но в том, что война начнется в 41-м, не сомневался, потому что сам готовился напасть на Германию. Готовившиеся к наступлению советские войска были застигнуты врасплох и понесли тяжелые потери. Что ж, внезапность во Второй мировой войне играла

Почему победила Красная Армия?

большую роль. Вспомним, как благодаря внезапности японцы одним ударом по Перл-Харбору вывели из строя весь американский линейный флот на Тихом океане. Однако уже через полгода американцы уничтожили ударные авианосцы японцев и больше ни на мгновение не выпускали из рук инициативу в войне на Тихом океане. Красной же Армии для того, чтобы переломить неблагоприятную военную ситуацию, потребовалось полтора года. Лишь в конце 1942 года, после поражения немцев под Сталинградом, стало ясно, что советская победа над Германией — лишь вопрос времени. Но окончательно сломить германское сопротивление, начать брать сотни тысяч пленных и стремительно продвигаться на Запад Красная Армия смогла лишь в июне — июле 1944 года, после высадки союзников в Нормандии, куда были брошены основные силы люфтваффе и наиболее боеспособные германские танковые соединения. Тогда стало ясно, что на два фронта Германия сражаться уже не в состоянии, и ее крах — дело ближайших месяцев.

Почему же так долго не могла справиться с врагом Красная Армия, имевшая подавляющий перевес и в людях, и в вооружении и боевой технике? Начну с того, что, собственно, внезапностью можно объяснить только самые первые успехи немцев. У нас любят приводить данные, что в первый же день войны на аэродромах было уничтожено 800 советских самолетов. Но при этом забывают, что уже за первые 27 дней войны немцы уничтожили почти 6300 советских самолетов (главным образом — в воздушных боях и огнем зенитной артиллерии), потеряв только 1284 боевых машины. Внезапностью это не объяснишь. Получается, что после первого удара у Сталина осталось еще достаточно самолетов, чтобы нести такие большие потери. Всего же за войну, по моей оценке, общие безвозвратные потери советских ВВС на фронте составили около 75,2 тыс. боевых самолетов. Люфтваффе потеряли в 5,6 раза меньше боевых машин — около 13,5 тысячи. Аналогичное по порядку соотношение и по потерям танков. А по людям безвозвратные потери Крас-

ной Армии почти в 10 раз превосходят потери вермахта. И даже с учетом потерь германских союзников это соотношение не опускается ниже, чем 8:1.

Такие данные как будто свидетельствуют, что полководческим мастерством Сталину и его маршалам хвалиться не приходится. Впрочем, генералиссимуса и не волновала цена, которую пришлось уплатить за победу. До самой смерти он даже приблизительно не знал подлинного числа погибших, запустив в 1946 году, в ответ на Фультонское выступление Черчилля, абсолютно фантастическую цифру в 7 млн погибших красноармейцев и мирных граждан. На самом деле СССР потерял более 43 млн человек — это больше, чем потери всех других участников Второй мировой войны, вместе взятых. Нечего говорить и о боевом мастерстве генералов и офицеров более низкого звена, равно как и рядовых летчиков, танкистов или пехотинцев. Да и как могло быть иначе, если еще и в 1943 году механики-водители советских танков, перед тем как идти в бой, имели опыт вождения в пять раз меньше, чем требовалось для того, чтобы уверенно управлять боевой машиной. А сталинские соколы вплоть до лета 43-го могли барражировать над полем боя только на наиболее экономичных, а не на максимальных скоростях — сказывался недостаток как опыта, так и горючего. И откуда быть опыту, если наши летчики в начале войны, перед тем как идти в бой, имели налет 15—20 часов, а в конце войны — 40—50. Для сравнения — у немецких летчиков такой налет в начале войны составлял 450 часов, а в самом конце войны, когда уже ощущался большой дефицит летных кадров, — 150 часов. Большинство красноармейцев гибли прежде, чем успевали приобрести достаточный боевой опыт.

Допустим, 22 июня 1941 года Сталин войны не ожидал и не успел подготовить необходимое число квалифицированных летчиков и танкистов. Но кто же мешал уже во время войны готовить, допустим, меньше летчиков, но дать им больший налет часов? Ведь неопытные пилоты становились легкой добычей асов люфтваффе. Беда была в том, что со-

Почему победила Красная Армия?

ветская система могла воевать только количеством, а не качеством. Хорошо подготовленный боец или генерал представлял для нее не меньшую опасность, чем настоящий враг на поле боя. Такой человек потенциально подрывал систему хотя бы тем, что возвышался над общей обезличенной советской жизнью массой и пугал власть. В талантливых же генералах и маршалах Сталин видел потенциального Бонапарта, способного свергнуть его в случае победоносной войны. Проще было заваливать врага трупам, чем научиться воевать.

Перечисленное вполне объясняет поражения Красной Армии в 1941—1942 годах, но не объясняет ее победы в 1943—1945-м, пусть и купленные дорогой ценой. Попробуем разобраться в этом. Первые два самых очевидных фактора — территория и население. Обширность территории СССР не позволяла достичь ее жизненных центров на протяжении одной военной кампании, как это было, например, в случае с Польшей или Францией. И это пространство было кому защищать: население Советского Союза в два с лишним раза превышало население Великогерманского рейха. Важно было, однако, чтобы эти люди стали защищать Сталина и советский строй. И тут Сталин достиг замечательных успехов. Несмотря на ужасы коллективизации и репрессий, а во многом и благодаря им, безропотно, а порой и с энтузиазмом шли в самоубийственные атаки, потому что не представляли себе иной жизни и надеялись, что в случае гибели хотя бы семьи получат помощь от государства. Да, в германской армии служило более 1 млн советских коллаборационистов, но все же среди них относительно больше было жителей Прибалтики и западных областей Украины и Прибалтики, т.е. областей, совсем недавно, в 1939—1941 гг., насильственно присоединенных к СССР. Сыграла свою роль и политика Гитлера, рассматривавшего пространство на Востоке лишь как потенциальные германские колонии. Если бы он согласился на независимость Украины и сохранение небольшевистского Русского государства, то союзников у Германии

было бы гораздо больше и их значение могло стать решающим. Но тогда бы Гитлер не был Гитлером. Тоталитарная же система, не допускавшая никакой оппозиции и предусматривающая всеобщий полицейский контроль над населением, позволяла Советскому государству устоять в период самых тяжелых поражений и безостановочно бросать на фронт все новые необученные пополнения. Можно сказать, что мы победили за счет сталинского руководства и созданной Сталиным системе. Другая в тогдашних условиях просто не могла бы действовать. Но благодарить Сталина за столь ужасную по своим жертвам победу как-то не хочется.

Однако для войны требовались не только люди, но и бесперебойное производство вооружения, боевой техники и всего, что требовалось для функционирования армии и народного хозяйства. И здесь без помощи западных союзников, без ленд-лиза, было не обойтись. В Советском Союзе так и не удалось создать автаркическую экономику. По ленд-лизу поступила половина всего потребленного нашей страной в годы войны авиабензина, почти половина алюминия и меди, основная часть легирующих добавок, без которых невозможно было производство брони, основные транспортные средства и средства связи и многое другое. Кроме того, действующая армия снабжалась главным образом продовольствием, поступающим по ленд-лизу. Не стоит недооценивать и роль западных союзников непосредственно в боевых действиях. Они отвлекли на себя две трети германской авиации и почти весь флот, а в последний год войны — не менее трети германских сухопутных сил. Уже к концу 1943 года в Германии стал ощутим кризис людских ресурсов. В результате на фронт попадало хуже подготовленное пополнение. А боевой техники и вооружения не хватало для всех фронтов.

Без действия какого-либо одного из этих факторов Красная Армия не победила бы. Поэтому нельзя говорить, что мы победили вопреки Сталину и советской системе. Но нельзя также утверждать, будто мы могли бы победить и без

Почему победила Красная Армия?

помощи США и Великобритании. Нет, один на один, без поставок по ленд-лизу, без отвлечения сил германской авиации на западные театры боевых действий СССР вряд ли бы продержался дольше 1942 года. И уж, во всяком случае, не смог бы отвоевать свои оккупированные территории и Восточную Европу. Но и западные державы без СССР не победили бы в те сроки и с теми сравнительно с советскими незначительными людскими потерями. И тогда наверняка первые атомные бомбы американцы сбросили бы не на Хиросиму и Нагасаки, а на Берлин, Нюрнберг и Мюнхен. Так что по своему немцы должны быть благодарны Красной Армии за то, что она выстояла. Иначе бы им пришлось познать все прелести атомных бомбардировок.

Многое в нашей победе действительно казалось чудом — после сокрушительного поражения 1941 года, после не менее тяжелых неудач 1942 года, когда Красная Армия откатилась до Кавказа и среднего течения Волги, она после Сталинградской победы через три года оказалась в Берлине. На самом деле чуда никакого не было. Гитлер проиграл свою войну против Сталина уже в первый ее день, 22 июня 1941 года. А вернее сказать, уже 23 августа 1939 года, в день заключения советско-германского пакта о ненападении. Данный тезис можно доказать вполне рационально. Ведь пакт Молотов — Риббентроп не только предопределил скорейшее начало Второй мировой войны и раздел сфер влияния в Восточной Европе, но и точно определил состав противостоявших друг другу блоков, независимо от последующих намерений отдельных политиков Англии, Франции или США. Германии противостояли Польша, Англия и Франция, к которым неизбежно должны были присоединиться со временем Советский Союз и Америка. Против такой мощной коалиции Германия выстоять не могла. Ведь на ее стороне были только, по понятиям тех лет, второстепенные великие державы — Италия и Япония. Быстро победить Антигитлеровскую коалицию не было никакой возможности. Англия была прикрыта от нападения Ла-Маншем, Аме-

рика — океанами, гарантией России от любого завоевания была ее огромная территория, с обильными природными ресурсами. С такой территорией можно было пренебречь морской торговлей и развитием военного и гражданского морского флота.

Именно такой расклад сил предвидел Сталин. И вся его дипломатия 30-х годов была выстроена таким образом, чтобы СССР стал желанным союзником Англии и Франции, к которым неизбежно присоединились бы и США, но мог вступить в мировую войну уже после того, как основные участники окажутся в нее вовлечены, когда у них уже не будет возможности вернуться к довоенному статус-кво. Коба полагал, что сможет обрушить удар на Германию тогда, когда сочтет это наиболее выгодным для себя, когда сможет сделать это с наименьшими потерями и с наибольшим военно-политическим эффектом.

Вторая мировая война была величайшей войной в истории. Крупнее ее по жертвам, разрушениям и последствиям не было вооруженного столкновения на земном шаре прежде и уже никогда не будет в будущем. Изобретенное в самом конце Второй мировой войны ядерное оружие трагически вскоре надежно гарантировало, что любая следующая война такого масштаба, в виде прямого столкновения термоядерных сверхдержав, станет концом существования человечества. Поэтому Вторая мировая война уже сегодня — уникальный феномен, ни в чем не могущий повториться (хотя ее опыт с практической точки зрения продолжают изучать генеральные штабы многих армий мира). Но даже столь разрушительное общественное явление наверняка имело свой смысл, скрытый для современников и не увиденный потомками. Эта война столь сильно потрясла современников и потомков, что они тотчас принялись искать в ней нечто мистическое, будучи убежденными, что столь грандиозная катастрофа не могла обойтись без вмешательства сверхъестественных сил. При этом дьявола обычно видели в Гитлере, а не в Сталине. Между тем они, готовя эту войну втайне друг

Почему победила Красная Армия?

от друга, разумеется, не задумывались о жертвах «чужих» народов, против которых собирались воевать. Сталин, будучи атеистом, уж точно не чувствовал себя орудием ни Бога, ни дьявола и молился одному идолу — власти. Вряд ли он на самом деле думал, что его жизненное предназначение — воплотить в жизнь идеи Маркса и Ленина, хотя в пропагандистских целях неизменно выставлял себя верным и единственным истинным продолжателем их дела. Объективно, конечно, он таковым и являлся, субъективно же любые идеи имели для Сталина лишь подчиненный, утилитарный характер. Гитлер же, находясь с Богом в достаточно сложных отношениях, предпочитал ощущать себя орудием Провидения или Судьбы, призванным возвысить великую германскую расу. Тем не менее фюрер, как генсек, готовился к войне и вел войну вполне рационально. На совести и того и другого достаточно преступлений, но совесть ни одного из диктаторов они никогда не отягощали. И нельзя не признать, что Иосиф Виссарионович и Адольф Алоизович, если вслед за Виктором Суворовым называть его на русский манер, были по-своему талантливыми политиками. Только одному в силу сложившейся расстановки сил в мире повезло, а другому не повезло.

Совместно Сталину и Гитлеру довелось сражаться только против Польши, и то уже тогда, когда польская армия была разбита вермахтом и сражалась уже для спасения своей чести. А так России и Германии в этой войне все больше пришлось сражаться друг против друга. Но, отдадим диктаторам должное, о своих народах они все-таки подумали. И тот, и другой рассчитывали на блицкриг, и тот, и другой надеялись воевать «малой кровью на чужой территории». Но блицкрига не вышло ни у Сталина, ни у Гитлера. Однако ни фюрер, ни генералиссимус войну останавливать не собирались и без колебаний бросали миллионы своих подданных в топку войны. Гитлер незадолго до падения Берлина даже стал задумываться, действительно ли германский народ столь велик, раз он проиграл эту войну, и стоит ли ему остаться на

земле после поражения. Сталин же, нисколько не задумываясь над ценой человеческой жизни, бросал в огонь необученные пополнения, полагая, что победить нужно любой ценой, и будучи убежден, что за цену победы его никто не спросит.

Та история Второй мировой войны, которую знают миллионы российских, да и европейских и американских читателей, пока что соотносится с истиной примерно так же, как соотносятся между собой официальная и тайная история, написанные одним и тем же византийским историком Прокопием Кесарийским. Особенно бросается в глаза несоответствие благостного мифа и суровой правды тогда, когда речь заходит о событиях на советско-германском фронте. Здесь та история, которую мы привыкли читать и видеть (в документальных и особенно в художественных фильмах), за редким исключением, напоминает сильно протертый и пресный диетический суп. Правда о войне до сих пор сокрыта в очень высоких архивах. Отражена она только в некоторых художественных произведениях — повестях и романах писателей-фронтовиков, таких, как Василь Быков, Вячеслав Кондратьев, Виктор Астафьев, Юрий Бондарев (в ранних своих повестях и романах), Константин Воробьев. Да еще в устных солдатских и офицерских мемуарах, появившихся на страницах печати только в перестроечные времена (в эмиграции — на два-три десятилетия раньше, но кто в России их мог прочесть?). Из того же, что писали советские историки да генералы-мемуаристы, война редко представляла подлинной трагедией не только для побежденных, но и для победителей.

Красная Армия и сталинский Советский Союз оказались среди главных победителей во Второй мировой войне. Это вполне естественно. Ведь во Второй мировой войне Великая Отечественная война, война Советского Союза и Германии, была самой кровопролитной и ожесточенной ее частью. Наша страна потеряла в этой войне больше людей, чем все

Почему победила Красная Армия?

остальные страны — участницы Второй мировой, вместе взятые.

И в обыденном сознании, и в трудах солидных историков СССР обычно предстает жертвой неспровоцированной германской агрессии, которой Сталин панически боялся, но к которой почему-то оказался совершенно не готов. Судя по последним публикациям, даже либерально настроенные историки и публицисты склоняются к мысли, что Сталин на Гитлера нападать не собирался, поскольку чувствовал, что Красная Армия слабее вермахта. Ничего удивительного в преобладании такого мнения нет.

Много десятилетий в Советском Союзе пропаганда внушала собственному народу и окружающему миру, что Гитлер напал на СССР внезапно, потому что Сталин его боялся, сознавая неподготовленность Красной Армии к войне, и делал все, чтобы оттянуть конфликт хотя бы до 1942 года. Куда уж тут и помыслить о нападении на Германию, если советские войска только что так позорно выступили в ходе «зимней войны» с Финляндией.

В доказательство вынужденного миролюбия Советского Союза, проистекавшего будто бы от осознания собственной слабости, нередко приводят слова Молотова, сказанные в беседе с Феликсом Чуевым: «Мы знали, что мы слабее Германии, думали лишь о том, докуда придется отступать». Но это говорилось через много десятилетий после войны, когда Вячеславу Михайловичу легко было казаться мудрее, чем он был на самом деле. Из той же концепции, что Сталин и его соратники, дескать, боялись Гитлера, проистекает утверждение, будто пакт с Германией о ненападении был вызван страхом Сталина перед германской мощью и преследовал цель любой ценой оттянуть начало войны. Образ слабого и глупого Сталина многим кажется меньшим злом по сравнению с образом расчетливого геополитика, хладнокровно достигшего своих целей, поскольку этот образ усиленно пропагандируется представителями национал-шовинистического лагеря. Между тем Сталин уверенно заявил Тимо-

шенко и Жукову еще в начале 41-го, в ответ на их информацию о переброске германских войск к советским границам: «Они нас боятся». В это Коба тогда свято верил.

На самом деле отнюдь не германского нападения опасался Сталин. Он опасался только того, что о его планах вторжения в Европу станет известно раньше времени, и Гитлер тогда попытается нанести упреждающий удар или, по крайней мере, подготовиться к достойному отпору. Вот и играл в дружбу с Гитлером, чтобы усыпить его бдительность, догадываясь, впрочем, что в ту же игру играет с ним фюрер. Но Коба рассчитывал, что ему повезет ударить первым. В этом не повезло. Однако в целом Сталин практически не рисковал, провоцируя начало Второй мировой войны. Он, конечно, надеялся кончить дело быстро и без решающей помощи западных союзников, но закладывался и на самый неблагоприятный для себя ход войны. Даже в случае поражения на первой стадии Советский Союз оказывался в составе столь мощной коалиции, которая проиграть не могла. А вот Гитлер сознательно шел на риск, твердо веря, что только он способен обеспечить доминирование германской расы и надеясь разбить своих противников порознь. Откладывать войну за господство «истинных арийцев» фюрер не собирался. Во-первых, потому, что боялся, что его жизни на такое великое дело может не хватить. А во-вторых, что еще важнее, Гитлер рассчитывал урвать побольше добычи, пока главные державы Антанты не поняли, что он стремится как минимум к европейской гегемонии, и начать войну с ними, пока они к войне не готовы и не смогли перевести свой мощнейший экономический потенциал хотя бы частично на нужды войны. Фюрер знал, что сильных союзников ему не получить, а слабые союзники, вроде Италии или Румынии, будут с ним лишь до тех пор, пока германская армия будет одерживать громкие победы. Гитлер рисковал и проиграл, заплатив за проигрыш собственной жизнью. Если бы выиграл, то бесчеловечный нацистский режим господствовал бы в Европе.

Почему победила Красная Армия?

Сталин, как представляется, планов мирового господства не вынашивал, но как минимум собирался подчинить себе всю Восточную Европу от Балкан до Польши. А в один момент, в 1940—1941 годах, когда Гитлер вышиб англичан с континента и завоевал Францию, Иосиф Виссарионович, не исключено, подумывал и о том, чтобы распространить коммунистический мир вплоть до побережья Атлантики. Но этот замысел не удался из-за того, что Красная Армия оказалась значительно слабее вермахта, что для Сталина явилось пренеприятнейшим сюрпризом.

В последние десятилетия наиболее художественно убедительно написал об агрессивных намерениях Сталина и его подготовке нападения на Германию в книгах «Ледокол» и «День-М» Виктор Суворов, бывший офицер ГРУ, перешедший на Запад в конце 80-х годов. В ходе дискуссии, развернувшейся после выхода его книг, были найдены бесспорные доказательства намерений Сталина напасть на Гитлера летом 1940 года, а затем летом 1941-го. По мнению Суворова, если бы не «Барбаросса», Сталин в июле 41-го вполне мог бы разгромить Германию и за два-три месяца завоевать всю Европу. С ним солидарен и российский историк Михаил Мельтюхов, всерьез полагающий, что если бы Сталин ударил первым, война бы закончилась не позднее 1942 года. Следует, однако, оговориться, что в своих последних книгах Виктор Суворов уже не столь категоричен насчет того, что если бы Сталин ударил первым, то он бы быстро выиграл войну.

Я же утверждаю: Советский Союз, Красная Армия, Сталин не могли не победить во Второй мировой войне, и это совершенно не зависело от того, успел бы Советский Союз ударить первым или, напротив, стал бы жертвой агрессии, как в действительности и произошло. Но победить быстро СССР не мог ни при каких условиях, даже если бы успел ударить первым.

Красная Армия, грозная количественно, своей численностью и количеством современного вооружения и боевой

техники, внутренне и качественно была слаба и для проведения блицкрига никак не приспособлена. Уровень подготовки личного состава и командиров был недопустимо низок для армии, которая претендовала на то, чтобы быть сильнейшей в Европе. Кроме того, высший комсостав был в значительной мере деморализован репрессиями второй половины 30-х годов и опасался принимать самостоятельные решения. Впрочем, самостоятельностью в своем большинстве не отличались как рядовые красноармейцы, так и командиры в звене взвод-батальон.

Это были недостатки не временные, а системные, принципиально неустранимые. Чтобы Красная Армия была другой, в России должно было существовать совсем другое государство, как минимум остановившееся в своем тоталитарном развитии на уровне нэпа. Кстати сказать, Германия при Гитлере во многом и оставалась таким государством, поскольку на первых порах национал-социализм еще не слишком активно вторгался в социально-экономическую и вообще в частную жизнь граждан. Однако для России нэп был искусственно введенным и сугубо временным этапом, на котором не собирались задерживаться ни Ленин, ни Сталин. Гитлер же лишь в последний год войны попытался полностью подчинить государству экономику, но не успел это сделать.

Сталин не сомневался в победе, несмотря на все неудачи первых двух лет. Гитлер, похоже, сомневался, причем не только перед тем, как начать войну, но и на пике своих успехов в 1941—1942 годах, когда допускал в той или иной форме заключение компромиссного мира со Сталиным. Но решил рискнуть и идти до конца. Гитлер вел себя как азартный игрок (Сталин после самоубийства фюрера лаконично бросил: «Доигрался, мерзавец!»). Иначе бы этой войны просто не было. СССР, равно как и нацистская Германия были необходимыми и важнейшими игроками для возникновения Второй мировой. Только эти две державы были жизненно заинтересованы в сломе Версальской системы, за бортом

Почему победила Красная Армия?

которой они оказались. А сломать эту систему без войны оказалось невозможно.

Вместе с тем, если бы оба диктатора всерьез не надеялись победить, они бы вряд ли встали на тропу войны и заключили между собой пусть временный, но союз. Но поскольку воевать им предстояло друг против друга, то, несомненно, один из двух должен был ошибаться. И Сталин, и Гитлер, заключив пакт о ненападении, свято верили, что провели один другого. Но прав-то оказался Иосиф Виссарионович, гениально использовавший относительную слабость СССР в интересах создания мощной Антигитлеровской коалиции.

Я также настаиваю, что Великая Отечественная война была прежде всего войной Сталина, а отнюдь не только и не столько войной советского народа, хотя последний субъективно и воспринимал ее именно в качестве справедливой, отечественной и ничего о скрытых от людских глаз замыслах своего правителя не ведал. Наивен тезис послесталинского времени о том, будто войну выиграл не Сталин, а советский народ (до конца 80-х годов — непременно ведомый Коммунистической партией), является чистой воды пропагандой и не выдерживает научной критики. Сталин эту войну задумал, подготовил и провел, будучи во главе государства и армии. Без него Вторая мировая война и, как часть ее, советско-германская война вряд ли бы вообще возникла, а возникнув, никак не могла бы закончиться победой Советского Союза. И не для того Иосиф Виссарионович террором 30-х годов уничтожал любую самодеятельность народа, чтобы дать ему волю в период критического военного столкновения с Германией. Нет, если бы Сталин допустил подобную самодеятельность, сохраняя в то же время тоталитарную власть, в обществе возник бы неразрешимый конфликт, и военное поражение стало бы страшной явью. Хотя и победа была почти столь же страшна и для народа, и для мира, но это была именно победа Сталина. Когда маршал Жуков попробовал внушать своим подчиненным и соратникам, что он-то и есть главный победитель Гитлера, то очень быстро

отправился из Москвы в Одессу, а потом и на Урал. Хорошо еще, что не под конвоем.

Да, Советский Союз имел немало преимуществ перед Германией. И главное его преимущество заключалось, как ни странно, в том, что он был значительно слабее ее, и именно так воспринимался ведущими западными державами. Германия, как-никак, была второй промышленной державой мира, ее заводы, фабрики, технологии, научные школы, бизнес по-прежнему котировались очень высоко в мире, несмотря на поражение 1918 года. Ее армия, хотя и была разбита в Первую мировую войну, сохранила свой кадровый потенциал и боевые традиции. Поэтому, когда Гитлер в 1935 году отказался от всех военных ограничений Версаля, вермахт в короткий срок превратился в грозную военную силу. Германскую армию при Гитлере боялись еще тогда, когда она далеко не достигла мощи и уровня подготовки кайзеровской армии периода Первой мировой войны. А германский флот эпохи Второй мировой войны так и остался бледной тенью германского флота Открытого моря 1914—1918 годов, в том числе и в своей подводной составляющей. Сталин же на флот особенно не отвлекался, будучи уверен, что судьба войны будет решаться в боевых действиях на Европейском континенте, в ходе которых флот будет играть лишь вспомогательную роль. Поэтому основные средства были брошены на развитие авиации и вооружений сухопутных войск.

Императорская Россия, в отличие от Германии, никогда не относилась к ведущим промышленным державам мира. Перед Первой мировой войной она скромно делила с Италией пятое-шестое места по общему объему промышленного производства. Русская армия после революции 1917 года и Гражданской войны практически была уничтожена. Новая, Красная Армия еще только создавалась в качестве массовой армии, годной для введения современной широко-масштабной войны. При этом в ее составе почти не осталось кадровых офицеров с опытом Первой мировой войны, что,

Почему победила Красная Армия?

конечно, резко снижало уровень подготовки командиров и красноармейцев. Часть офицеров была уничтожена в ходе Гражданской войны, другая часть эмигрировала. Те же, кто был мобилизован в Красную Армию, уже в середине 20-х годов практически лишились командных постов и в лучшем случае преподавали в военных училищах и академиях. В начале 30-х годов большинство оставшихся было вычищено и с учебной работы, и многие подверглись репрессиям. Подавляющее большинство командиров Красной Армии, понохавших пороху, имели опыт только Гражданской войны. В Первую мировую они были лишь унтер-офицерами и ефрейторами. Еще и в 1939 году Красная Армия не считалась ни в Англии, ни во Франции за серьезного противника вермахту. Ни в Лондоне, ни в Париже не верили, что Сталин устоит против Гитлера в схватке один на один, особенно принимая во внимание предшествовавшие репрессии против высшего комсостава. Опыт войны с Финляндией это мнение только подтвердил. Поэтому вопрос о помощи Германии в войне против Советского Союза для держав Антанты и США просто не стоял в повестке дня. Другое дело, что в идеале Англия и Франция хотели бы, помогая Советскому Союзу, минимизировать жертвы среди своих солдат и переложить на Москву основную тяжесть борьбы с Германией на суше. Альтруистов не было ни в одной из мировых столиц. Демократические же правительства, естественно, зависели от своих избирателей, которые очень негативно относились к возможности больших военных потерь. Сталин тоже собирался воевать против Гитлера не ради спасения западных демократий, а чтобы обеспечить себе господство в восточной половине Европейского континента, но имел перед своими западными союзниками то огромное преимущество, что никак не зависел от общественного мнения, полностью контролировал информацию, поступающую внутри страны о ходе боевых действий, и был совершенно не чувствителен к проблеме военных потерь.

В Европе и в мире именно нацистская Германия в 1930-е годы воспринималась как главная опасность. В ней видели угрозу новой мировой войны. Нацистский тезис о превосходстве «германской расы» подрывал основные постулаты господствовавшей в Западной Европе либеральной идеологии. Антисемитизм, возведенный в Германии в ранг открытой государственной политики, пугал не только влиятельные еврейские общины в ряде европейских стран, но и представителей «коренных» национальностей. В то же время Советский Союз с официальной доктриной интернационализма воспринимался как воплощение идей национального равноправия, проистекающих из либеральной и социал-демократической доктрин, а главное — как единственный массовый идеологический противовес национал-социализму.

О том, что в Советском Союзе никто официально не отказывался от идеи мировой революции, что там продолжал существовать Коминтерн, имевший своей целью победу коммунистической революции во всем мире, в Лондоне и Париже уже предпочитали не вспоминать, делая вид, что речь идет только об идеологии. Между тем если мы посмотрим на всю историю советской внешней политики и распространения коммунистических режимов по всему миру, то увидим, что ни в одну страну социализм не был привнесен мирным путем. Его установление было либо следствием длительной гражданской войны (Россия, Китай, Вьетнам, Куба, Югославия), либо оккупации той или иной страны Красной Армией (Монголия, Северная Корея, Восточная Европа). Социализм и коммунизм несли не словом, а штыком. Ленин и другие советские лидеры довольно быстро убедились, что без поддержки извне коммунистические страны в других странах не выживают. Поход Красной Армии на Варшаву в 1920 году представлял собой первую попытку экспорта мировой революции вооруженным путем в Польшу, Германию и другие страны Европы. Попытка, однако, не удалась, поскольку Красная Армия была еще слишком

слаба. Промышленность была разрушена, воевать приходилось во многом запасами, оставшимися с Первой мировой войны, и трофеями, захваченными у белых. Поэтому Польша, опираясь на мощный патриотический подъем и снабжаемая державами Антанты, смогла тогда успешно противостоять Красной Армии.

В начале 20-х годов советское руководство продолжало направлять свои усилия на то, чтобы инициировать революции в Китае, Германии, а если повезет, то и в других странах Европы, но очень скоро убедилось, что в условиях, когда основные «империалистические» державы не находятся в состоянии военной конфронтации друг с другом, революции в Европе обречены на поражение. Поэтому был взят курс на «построение социализма в одной стране», а фактически — на создание мощнейшего военно-промышленного комплекса за счет ограбления основной массы населения — крестьянства. Требовалось вооружить Красную Армию так, чтобы она далеко превосходила армии государств-лимитрофов (Польша, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Румынии), могла бы быстро оккупировать эти страны, если к этому сложатся благоприятные дипломатические условия.

Первичной целью Сталина, несомненно, было восстановление границ Российской империи. Но останавливаться на этом советский вождь не собирался. Как известно, Вторая мировая война произросла из Первой мировой войны, вчистую проигранной не только Германией и ее союзниками, но и Советской Россией. Версальский мир сделал из этих стран изгоев. Германия войну проиграла. Россия выпала из числа победителей, подписав с Германией сепаратный Брестский мир и всерьез пугая Антанту мировой революцией.

После 1923 года усилия по экспорту революции в Германию Москва сворачивает. Зато активизируется сотрудничество с правительством Германии в рамках Рапальского договора и сопутствующих ему соглашений, как в экономической, так, что было еще более важно для германской стороны, и в военной области. В СССР были созданы секрет-

ные авиационная, танковая и химическая школы, где германские офицеры осваивали те виды вооружений, которые в самой Германии производить было запрещено Версальским мирным договором. Конечно, от этого сотрудничества выигрывала и советская сторона, получая учебную технику, произведенную германскими фирмами, и осваивая германский военный опыт, в том числе путем стажировки старших советских военачальников в Германии. Однако советский выигрыш был несравним с германским. Ведь благодаря сотрудничеству с СССР немцы получили бесценные кадры опытных военных летчиков и танкистов, которые очень пригодились после прихода Гитлера к власти, когда началось сначала тайное, а потом и явное строительство люфтваффе и германских танковых войск.

Но наивно было бы думать, что Сталин и другие советские руководители были, мягко говоря, неумными людьми и недалекими политиками, помогая Германии вооружаться почти без всякой выгоды для Советского Союза. Нет, главная выгода для Москвы заключалась даже не в технике и в военном опыте, а в том, что в Германии тайно укреплялся военный потенциал, который со временем должен был составить противовес как ненавистой со времен разгрома Польше, так и Англии и Франции. Так, 17 октября 1931 года германский посол в СССР Герберт фон Дирксен описывал статс-секретарю фон Бюлову свою встречу с Ворошиловым: «Ворошилов самым категорическим образом подчеркивает неизменное чувство дружбы, питаемое здесь к Германии. По его словам, как переговоры с Францией, так и переговоры с Польшей представляют из себя явления чисто политического и тактического характера, которые диктуются разумом. В особенности же ясно отдают себе здесь отчет об отсутствии внутренней ценности договора о ненападении с Польшей... Границы с Польшей Ворошилов считает... неокончательными».

Однако Германия становилась одной из первых целей в случае повторения остановленного в 1920 году под Варша-

Почему победила Красная Армия?

вой похода Красной Армии на Запад. И нельзя сбрасывать со счетов и то, что в случае усиления Германии СССР становился ее соперником в борьбе за влияние в Восточной Европе. И немцы опасались делиться с Москвой секретами последних разработок.

Тезис о том, что советская страна представляет собой осажденный лагерь, на который вот-вот может обрушиться объединенный фронт империалистов, использовался только для целей пропаганды, для оправдания тех лишений, которым подвергался советский народ. На самом деле ни о каком объединении Англии, Франции, Германии и, скажем, Польши в едином антисоветском фронте, да еще способном напасть на СССР, речи не шло ни в какой период времени после Первой мировой войны. На первом плане в Европе стояли противоречия между победителями и побежденными, а также межнациональные противоречия внутри новых независимых государств, образовавшихся после распада Российской и Австро-Венгерской империй. Уход США с Европейского континента после Второй мировой войны, возвращение Вашингтона к политике изоляционизма не позволили создать стабильную систему межгосударственных отношений в Восточной и Центральной Европе. И Сталин, и его соратники были прекрасно осведомлены об этом. До прихода Гитлера к власти воевать в Европе стремился только Муссолини. Но и он ограничивался далекой балканской периферией (конфликт из-за Фиуме с Югославией, оккупация Албании) и типичной колониальной войной в Эфиопии. Англия и Франция не собирались воевать с Германией даже тогда, когда она была еще очень слаба, и уж тем более не вызвала у них энтузиазма перспектива столкнуться с миллионной Красной Армией, необходимость воевать с которой было бы очень трудно объяснить собственным солдатам. Советским политикам нужно было только дождаться того момента, когда противоречия между Германией и государствами Антанты выльются в новую войну, причем возникновению этой войны Москва с успехом могла поспособст-

зовать, что и доказал советско-германский пакт о ненападении.

Советский Союз, располагая в начале 30-х годов вооружением и военными технологиями эпохи Первой мировой войны, мог не опасаться, что Германия позаимствует у него что-то действительно ценное. Но Германия могла быть партнером для военного сотрудничества только до тех пор, пока ее вооруженные силы и военная промышленность были слабы, оставаясь под гнетом Версаля. А также до тех пор, пока слаба была советская промышленность и научно-техническая мысль. В этих условиях даже те крохи, которые перепали от рейхсвера, в виде ли образцов танков или совместных военно-химических опытов, представляли собой немалую ценность.

Также и дипломатическое сотрудничество СССР и Германии против Польши имело свои ясно очерченные пределы. Неудивительно, что когда в 1932 году Тухачевский разработал план нападения на Польшу, до его претворения в жизнь дело так и не дошло. Михаил Николаевич предполагал нанесение «ударов тяжелой авиации по району Варшавы» и оптимистически заключал: «В связи с новой программой танкостроения мы имеем полную возможность к концу 1932 г. превратить стрелковые дивизии, расположенные в прифронтовой полосе БВО и УВО, в механизированные бригады и корпуса». И добавил, что подобную же операцию «очень легко подготовить против Бессарабии». Однако нападать на Польшу можно было бы только при благожелательном нейтралитете Германии, которая бы не пропустила в Польшу войска и грузы Антанты. Но в Берлине хорошо понимали, что после падения Польши 100-тысячный рейхсвер останется один на один с миллионной Красной Армией. Да и внутреннее положение Германии в кризисном 1932 году не располагало к совместной с СССР акции против Польши. Вероятно, именно из-за германской оппозиции новый поход на Варшаву в 1932 году не состоялся.

Почему победила Красная Армия?

После прихода к власти нацистов военное сотрудничество с Германией было свернуто, но активную международную кампанию против нацистов Сталин, что характерно, начал только в 1935 году, с принятием антинацистской резолюции Коминтерна. К тому времени режим Гитлера уже достаточно укрепился, подавил всякую оппозицию в Германии, так что рассчитывать на его свержение не приходилось. Однако антинацистская риторика должна была содействовать советскому сближению с Францией и Чехословакией, с которыми в 1935 году были заключены договора о взаимопомощи. Таким образом Сталин получил мощный рычаг воздействия на внешнеполитическую ситуацию в самом центре Европы и теперь, идя на сближение со странами Антанты, стремился подтолкнуть их на противостояние Германии.

Для западных же держав опасность мировой революции, по крайней мере в 30-е годы, казалась менее актуальной, чем угроза германского военного реванша. Поэтому ускоренная индустриализация Советского Союза, несмотря на ее ярко выраженный милитаристский характер, не вызывала протестов. Ее дипломатическим прикрытием с 1933 и вплоть до 1938 года, до печально памятного Мюнхенского соглашения, был курс на коллективную безопасность и на союз с Францией для предотвращения новой войны в Европе.

Переход Англии и Франции к политике умиротворения агрессора, в ходе которой Гитлер без боя получил сначала Австрию, а затем и Чехословакию, если разобраться, был Сталину очень выгоден. Вполне возможно, что он такой переход даже предвидел. Ведь было хорошо известно, что в Англии и Франции, и особенно во Франции, мало находится охотников умирать за Данциг или за Судеты. Поэтому, вполне логично, и в Париже, и в Лондоне должно было возникнуть желание откупиться от агрессора за счет третьих стран.

Однако вечно английские и французские уступки Гитлеру продолжаться не могли. Рано или поздно Англия и Фран-

ция должны были испугаться слишком большого усиления Германии и попытаться противостоять агрессору. Такой момент наступил тогда, когда в марте 1939 года германские войска, вопреки Мюнхенскому соглашению, оккупировали Чехословакию. Тогда английское и французское правительства с большим опозданием догадались, что Гитлера подачками не остановишь. Они безуспешно пытались, дав гарантии Польше, предотвратить германское нападение на еще одну жертву. Но Гитлер не хотел терять темп.

Думаю, что Сталин, хорошо знавший природу тоталитарного, т.е. своего собственного режима (пусть он никогда и не употреблял этот «троцкистский» термин), предвидел, что Гитлер на Судетской области не остановится. Во-первых, фюрер был азартным игроком и торопился захватить в свои руки все, что, по его мнению, плохо лежало, даже ценной мировой войны. Во-вторых, только значительными внешнеполитическими успехами можно было оправдать ограничения потребления германского народа под лозунгом «пушки вместо масла». Сталин в этом отношении находился в более выгодном положении. Выдвинув тезис о необходимости противостоять враждебному капиталистическому окружению, памятного с Гражданской войны, можно было получить хороший пропагандистский лозунг для того, чтобы побудить советский народ потуже затянуть пояса. На роль агрессоров выдвигался блок лимитрофов, поддержанный Англией и Францией, а на Дальнем Востоке — Японией. На самом деле, повторю, такого блока не существовало в природе, Англия и Франция не хотели воевать ни с Германией, ни с Советским Союзом, а Япония больше была занята планами покорения Китая, чем советского Дальнего Востока, с которого она полностью ушла к середине 20-х годов. В Китае же ее интересы сталкивались с интересами Англии, Франции и США, так что не было никаких реальных предпосылок для складывания единого антисоветского фронта и на этом направлении. Однако советское население, получавшее лишь тщательно отфильтрованную инфор-

Почему победила Красная Армия?

мацию, этого, естественно, не знало, а память о недавних военных столкновениях с теми же поляками или японцами делало пропаганду убедительной. Тем более что у Иосифа Виссарионовича имелись для убеждения и другие, еще более действенные средства против тех, кто смел усомниться в официальной линии.

На Германию же никто нападать не собирался. На роль агрессора не подходила ни слабая Польша, ни откровенно не желающая воевать Франция, ни имевшая никаких сил на континенте Англия. Поэтому Гитлер, у которого пропаганда была еще не столь тотальна, как у Сталина в 30-е годы, сразу же начал мобилизовывать народ на войну под наступательными лозунгами — ревизии Версальского договора, возвращения утраченных территорий и завоевания новых с целью расширения «жизненного пространства».

У советской пропаганды тоже был наступательный лозунг — мировой революции. Однако массам он преподносился так, что рабочие Европы и трудящиеся Востока под влиянием одних только светлых идей коммунизма и Октябрьской революции восстанут все как один человек против своих поработителей и свергнут гнет капиталистов и колонизаторов. А Красная Армия, в крайнем случае, придет на помощь молодым коммунистическим республикам, если какая-либо из империалистических держав все-таки уцелеет и попытается предпринять интервенцию. Разумеется, ни одной подобной революции так и не вспыхнуло, по крайней мере, в Европе (Китай и другие страны Азии — особая статья: там пробуждающееся национальное, антиколониальное движение готово было нередко сражаться и под коммунистическими лозунгами, которые оказывались особенно эффективными в преобладающей крестьянской среде, но отнюдь не среди европейских рабочих, привыкших ценить профессию, достаток и уют). Да Сталин на них ставки и не делал. Не случайно же Коминтерн, созданный как главный инструмент мировой революции, очень скоро превратился в фактический филиал советских разведорганов и пропаган-

дистских служб. Революций Коммунистический интернационал больше не готовил, а пропаганда и организация демонстраций и забастовок была нацелена в первую очередь на защиту первого в мире социалистического государства.

Точно так же и Красная Армия воспитывалась в наступательном духе, в духе неизбежности войны с империалистами. Однако эта война, с пропагандистской точки зрения, мыслилась как мощный контрудар советских войск в ответ на вероломное вражеское нападение. Народ и армию стремились убедить в том, что воевать придется малой кровью и на чужой территории, а вражеское нападение будет с легкостью отражено, да еще СССР придут на помощь братья по классу в капиталистических странах. Даже когда готовили ничем не спровоцированное нападение на крошечную Финляндию, то в планах представляли его как грядущий «контрудар» против будто бы неминуемого финского нападения на советскую территорию. Точно так же во всех советских планах против Германии наступательные действия Красной Армии представлялись как ответ на вражеское нападение. Пропагандистский стереотип не позволял сказать открытым текстом, что Красная Армия может первой на кого-нибудь напасть. В крайнем случае допускалось, что она может прийти на помощь «восставшим пролетариям».

На самом же деле Сталин в близкое нападение империалистов не верил, по крайней мере начиная с конца 20-х годов. Тогда ускоренными темпами началась советская индустриализация, а капиталистические государства охватил глобальный, никогда не виданный экономический кризис. Империалистам было не до каких-либо серьезных военных предприятий, требовалось хоть как-то наладить собственную экономику и предотвратить масштабный социальный взрыв. К тому же не было никаких признаков формирования единого антисоветского фронта. Наоборот, все больше углублялись противоречия между Италией и Германией, с одной стороны, и Францией и Англией — с другой. Поэтому Иосиф Виссарионович считал, что время для того, чтобы

Почему победила Красная Армия?

создать мощнейшие вооруженные силы, способные завоевать Европу, у него есть.

Тем временем одна из великих западных держав, Соединенные Штаты Америки, даже активно помогала советской индустриализации. Без передовых американских технологий и американских инженеров вряд ли советский военно-промышленный комплекс был бы создан в столь сжатые сроки. Конечно, свою роль сыграл разрушительный экономический кризис в США, сделавший безработными многие тысячи инженеров и техников, но без молчаливого согласия администрации вряд ли бы СССР так легко мог получить те технологии, которые имели военное значение. Америка мировой революции не опасалась, популярность коммунистических идей в стране была близка к нулю. Зато в Вашингтоне очень не хотели гегемонии Германии в Европе. Потому-то и видели в Советском Союзе противовес будущей гитлеровской экспансии. Не случайно дипломатическое признание СССР со стороны США последовало вскоре после прихода нацистов к власти в Германии.

Советская индустриализация в первую очередь была направлена на обеспечение нужд Красной Армии. Это хорошо видели квалифицированные западные наблюдатели, не поддававшие под влияние советской пропаганды. Так, будущий германский фельдмаршал Вильгельм Кейтель, повешенный в Нюрнберге, так суммировал свои впечатления от посещения СССР в конце 1931 года:

«1. Бесконечные просторы.

2. Наличие наверное всех существующих в природе ископаемых и возможность вести независимое сельское хозяйство.

3. Непокколебимая вера в социалистическое строительство и пятилетний план.

4. Напряженный темп работы. Западная часть европейской России похожа на строительную площадку!.. Деньги и материальная заинтересованность не играют здесь никакой роли... Перспективная цель в сельском хозяйстве — полная механизация... Производство необходимого оборудования

идет полным ходом... Тот, кто трудится, получает право на жизнь. Тот, кто трудится хорошо, получает право на лучшую жизнь. Неработающие обречены на голод и смерть... Стержень государственности — Красная Армия. Любимица коммунистической партии, трамплин к высшим должностям в стране... Соответствующая пропаганда проводится на высочайшем профессиональном и организационном уровне».

А ведь Кейтель впоследствии стал одним из главных военных советников Гитлера, так что у фюрера вряд ли остались иллюзии насчет того, что к концу 30-х годов СССР обладал значительным военно-экономическим потенциалом.

Одним из главных военных советников Сталина в течение многих лет был маршал Борис Михайлович Шапошников. Он еще в 1927 году в книге «Мозг армии» утверждал: «Мы находимся на пороге грядущих войн, и нам предстоит пережить еще не одну, может быть, «конвульсию» империализма, пока о нем не будут говорить лишь одни историки, как о существовавшей когда-то системе общественных отношений... Противоречия, которые существуют между капиталистической формой мирового хозяйства и нарождающейся новой экономической структурой настолько велики, что без больших жертв и борьбы не обойтись...»

Советская военно-стратегическая мысль ориентировалась на неизбежное в будущем вооруженное столкновение с империалистическими державами, причем уже с середины 20-х годов, после устранения из военного ведомства Троцкого и его сторонников, курс был взят не на оборонительную, а на наступательную войну.

Чуда, разумеется, не могло произойти, и за 10—15 лет Россия не в состоянии была пройти тот путь, на который другие страны тратили 50—100 лет, как бы к такому чуду ни призывал Сталин. Но вот создать современное производство вооружений и боевой техники оказалось вполне возможно при условии, что на это были брошены все силы и средства, а основная часть населения была посажена на голодный паек и получала лишь минимум потребительских товаров.

Почему победила Красная Армия?

В результате к началу Второй мировой войны в СССР была создана в целом мощная военная промышленность. Однако при этом остались недоразвитыми многие сопутствующие и особенно технологически сложные производства, будь то производство высокооктанового бензина, радиотехники или электротехники, без чего воевать не было никакой возможности. К тому же по ряду позиций, вроде легирующих добавок для производства бронесталей, Советский Союз по-прежнему зависел от импорта. Полной автаркии, к чему стремился Сталин, да еще в столь короткий срок добиться не удалось. В этом смысле, как ни странно, германская экономика была гораздо более автаркична, хотя и здесь о полном отказе от импорта, даже после завоевания почти всей Европы, говорить не пришлось. Но в Германии хотя бы смогли наладить производство синтетического бензина, что сделало германскую авиацию независимой от импорта нефти. Крах люфтваффе наступил только осенью 1944 года, когда англо-американские бомбардировщики уничтожили основные нефтеперерабатывающие заводы и заводы по производству синтетического горючего. Советская же авиация вплоть до конца войны оставалась в критической зависимости от поставок авиабензина по ленд-лизу.

Главный же и неизбежный минус советской индустриализации заключался в том, что она осуществлялась за счет значительного падения уровня жизни основной массы населения. Сельское хозяйство было разрушено насильственной коллективизацией. Производство потребительских товаров не развивалось, а их импорт почти прекратился, поскольку все средства от не такого уж большого экспорта шли на приобретение промышленного оборудования и технологий.

В этих условиях наращивание военного потенциала в СССР могло происходить только за счет жесткого ограничения гражданского потребления, полного отсутствия демократии, жесточайшей дисциплины, подкрепляемой репрессиями, абсолютной властью диктатора с подчиненной ему вертикалью власти. Старые идеи мировой революции впол-

не годились для пропагандистского обеспечения милитаризации страны. Только они были подкорректированы тезисом о возможности первоначально построить социализм в одной отдельно взятой стране. Так же активно использовался тезис о социализме и коммунизме как самом передовом общественном строе, который в самое ближайшее время обещает своим приверженцам рай на земле. Надо вот только еще немного потерпеть и потрудиться на совесть. Все это хорошо подходило для подготовки к войне. Советскому человеку прививалась психология винтика, за которого думают вышестоящие начальники, партия и Сталин. Это тоже помогло победить. В подавляющем большинстве люди безропотно шли в бой, погибали за Родину и за Сталина, а оставшиеся в живых не спрашивали, какой ценой была добыта победа.

Здесь была, однако, и обратная сторона. В жесткой административно-командной системе не было места реальной самостоятельности и инициативе. Это сказывалось и на экономике, где производство было затратным, частный интерес отсутствовал, не было и заинтересованности в технологической модернизации. Поэтому передовые технологии часто покупали за рубежом или просто воровали. А для производства вооружений приходилось затрачивать гораздо больше человеческого труда, чем в капиталистических странах. Впрочем, труд людей, как и самих людей, особенно не считали.

Кстати сказать, Гитлер, по крайней мере до покушения 20 июля 1944 года, в определенной степени поощрял инициативу своих генералов. Так, в разгар успешного германского наступления на юге России, 3 июля 1942 года, фюрер в беседе с фельдмаршалом фон Бокком, по свидетельству последнего, «потешался над англичанами, готовыми уволить любого из своих генералов, совершившего хоть малейшую ошибку. Лучшего способа борьбы с инициативностью подчиненных и не изобретешь!».

Негибкая система руководства и специфическая подготовка кадров не могли не сказаться негативным образом и

Почему победила Красная Армия?

на Красной Армии. Офицеры приучались действовать по шаблону и выполнять любые приказания начальства, поскольку выполнить самый идиотский приказ оказывается гораздо безопаснее, чем действовать разумно, по обстоятельствам, но вопреки приказу. Советская система была рассчитана на ту реальность, где все можно было заранее предвидеть, отразить в пунктах и параграфах приказа. Но война меньше всего поддается точному планированию, любой самый хороший план во время его выполнения обязательно приходится менять, реагируя на изменение в обстановке, и успех чаще всего зависит от того, кто успеет первым принять верное решение. Советские командиры обычно запаздывали с принятием решений, и это сказывалось на исходе сражения. Кроме того, немецкие солдаты были функционально подготовлены лучше, чем красноармейцы, лучше обходились с техникой, лучше понимали свой маневр, поскольку выросли в обществе, где люди полагались в обеспечении жизненных средств на себя, а не на государство. У простого советского человека самостоятельность стремились отбить всеми силами. Поэтому управлять им было гораздо легче, чем даже немцами при Гитлере. Зато в бою у него было гораздо больше шансов погибнуть, чем у его немецкого противника, поскольку ему труднее было правильно оценить быстро меняющуюся обстановку на поле боя. Кроме того, советский солдат, отличаясь неприхотливостью и не зная лучшей жизни, испытал настоящий шок, когда на заключительном этапе войны Красная Армия вступила в гораздо более благополучные европейские страны — Германию, Австрию, Венгрию, Чехословакию, Польшу...

Сталин, вероятно, в той или иной степени осознавал все эти проблемы, хотя подлинной цены победы — истинного числа жертв среди армии и населения Советского Союза он так и не узнал, да его точные цифры не волновали. Важен был результат, а каким образом он будет достигнут, не имело значения.

Между прочим, Гитлер по-хорошему завидовал той степени тотального огосударствления, которой удалось достичь Сталину, не понимая, быть может, что такое устройство экономики могло погубить Германию еще раньше 1945 года. 17 июля 1942 года Фюрер заявил своему окружению в Ставке в Виннице: «Мы не смогли бы сделать ничего более умного, чем перенять советскую систему всеобщего огосударствления. Например, в СССР огосударствлено врачебное сословие... Больные ждут приема государственными врачами 8—12 часов... Жизненный уровень врачей, если сопоставить его со стоимостью одного костюма, мизерен; ведь они зарабатывали 550—700 рублей в месяц». Фюрера, как и генсека, благосостояние подданных нисколько не заботило. Их обоих заботило лишь воплощение в жизнь собственных грандиозных идей. Только Гитлер, пришедший к власти демократическим путем и опасавшийся, что массы отвернутся от нацистов, боялся слишком ограничивать потребление населения и вплоть до 1943 года не рискнул полностью свернуть гражданское производство. А все потому, что нацисты не успели еще до начала войны приобрести ту степень контроля над обществом, которую имели коммунисты в СССР. Сталин же мог позволить себе бросить на военные нужды абсолютно все, потому что к началу войны подавил не только малейшие ростки оппозиции, но даже самую потенциальную возможность ее возрождения.

Для этой цели, готовясь ко Второй мировой войне, оснащая Красную Армию тысячами и тысячами танков и самолетов, Сталин произвел в 1937—1938 годах масштабную зачистку высшего командного состава от тех, в чьей стопроцентной лояльности к себе сомневался, а также от тех, кто волею судьбы или истории мог попытаться занять его место. Заодно он зачистил и гражданскую номенклатуру. Зачистка делалась отнюдь не на случай возможного поражения. О поражении Сталин если и думал, то не в первую очередь. Воевать собирались «малой кровью и на чужой территории». Зачистка армии, в отличие от зачистки в гражданском секторе

Почему победила Красная Армия?

общества, нужна была в ожидании грядущей победы. Сталин очень хорошо знал историю революций и понимал, что бонапарты рождаются из побед, а не из поражений. Призрак бонапартизма преследовал его всю жизнь. Именно опасения, что кто-то из победоносных маршалов двинет полки на Кремль, заставили диктатора инспирировать «дело о военно-фашистском заговоре» и казнить Тухачевского, Якира, Блюхера (того, правда, строго говоря, не казнили, а забили насмерть на следствии — смертный приговор ему вынесли уже посмертно, несколько месяцев спустя) и сотни других командармов и комдивов, комкоров и комбригов, в чьей лояльности в тот момент не было никаких оснований сомневаться. Остались только проверенные «конармейцы» — Ворошилов и Буденный, Шапошников и Тимошенко, Мерецков и Жуков, у которых, как полагал Сталин, опасных амбиций в случае победы не возникнет как по причине безоговорочной преданности вождю, так и из-за отсутствия стремления вести самостоятельную военную политику. Правда, насчет Жукова к концу войны Иосиф Виссарионович мнение изменил, и уже вскоре победного 45-го отправил его в не слишком почетную ссылку. Но не уничтожил «маршала Победы», а все-таки сохранил для грядущих боев.

Конечно, военный заговор может возникнуть и в случае поражений. Тогда он может быть направлен на более энергичное продолжение борьбы. Но тогда заговорщики обыкновенно достигают прямо противоположного результата. Вспомним, что род заговора генералов и думских деятелей при сочувствии послов стран Антанты существовал в России накануне Февральской революции. Заговорщики надеялись на установление конституционной монархии и более энергичное продолжение войны. Они способствовали отречению от власти Николая II, а в итоге получили революцию, развал армии и приход к власти большевиков. Это хорошо помнил и сам Сталин, и его маршалы, которые вряд ли бы рискнули повторить опыт 17-го года. Вот заговор с другой целью — попытаться выторговать более сносные усло-

вия мира или, на худой конец, капитуляции был более реален, хотя и гораздо менее вероятен, чем бонапартистский сценарий. В сущности, заговор 20 июля против Гитлера как раз и был направлен на достижение более сносных условий капитуляции. Заговор Штауффенберга и его товарищей стал возможен благодаря тому, что Гитлер, стремясь сохранить армию как эффективный механизм агрессии, вплоть до 20 июля 1944 года так и не провел сколько-нибудь масштабной чистки высшего командного состава, отнюдь не разделявшего в своем большинстве национал-социалистических идей. При этом значительная часть генералов находилась в скрытой оппозиции к нацистскому режиму. Сталин же не был столь щепетилен в отношении сохранения боеспособности Красной Армии. Тут сказалось как отсутствие у генсека боевого опыта, так и то, что он рассматривал Красную Армию как создание молодое, с неустоявшимися традициями, с командирами, не имевшими опыта командования ни в Первой мировой, ни в современной войне. Иосиф Виссарионович полагал, что таких командиров несложно будет заменить другими, которых воспитает пощаженный преданный ему костяк генералитета. Сам Сталин не думал о том, что Красная Армия в будущей войне будет терпеть тяжелые поражения. Он верил, что она достаточно сильна, чтобы одержать над врагом быструю победу. Но своей чисткой командного состава в рамках ликвидации мнимого «военно-фашистского заговора» Тухачевского Сталин заодно ликвидировал и всякую возможность любого военного заговора на предмет капитуляции, в случае поражений.

Если военных, Тухачевского и его товарищей, Сталин выводил в расход в первую очередь на случай быстрой и победоносной войны, то с бывшей политической оппозицией, и вообще со всеми, считавшимися политически неблагонадежными, вплоть до уголовников-рецидивистов, расправа творилась на тот случай, если будущая война не заладится и Красная Армия будет терпеть поражения. Иосиф Виссарионович хорошо помнил, что в Первой мировой войне в про-

Почему победила Красная Армия?

игравших странах, будь то Россия, Германия или Австро-Венгрия, перед тем, как окончательно рухнули внешние фронты, развалились фронты внутренние, произошли революции, и народы и армии отказались дальше воевать. Чтобы не допустить этого, требовалось ликвидировать или загнать в лагеря всех тех, кто в будущем, в условиях тяжелых поражений на фронте, мог бы организовать оппозицию правящему режиму. Поэтому во время Большой чистки 1937—1938 годов репрессировали не только видных вождей недавней оппозиции, вроде Зиновьева и Каменева, Рыкова и Бухарина, но и деятелей фракций еще ленинского времени, вроде основательно подзабытой «рабочей оппозиции» начала 20-х годов. Расстреливали не только старых большевиков, которым могла не нравиться диктатура Сталина и которые могли попытаться возглавить партию и страну в случае военной катастрофы. Расстреливали или без суда отправляли в лагеря и ссылки дворян, кулаков, буржуев, интеллигентов-идеалистов, известных уголовников, бывших офицеров белых армий, да и просто всех тех, кто когда-либо позволил себе высказывание, которое стукачи сочли антисоветским. А поскольку ссылали и расстреливали согласно спущенным для каждой области и республики цифровым разнарядкам, то под метлу попадали и люди совсем случайные, ни социальным происхождением, ни какими-либо антисоветскими деяниями не отличившиеся. Но и это Сталина по-своему устраивало. Люди боялись еще больше такого непредсказуемого, иррационального террора и перед властью становились просто шелковыми. Для них и война уже становилась меньшим ужасом. Недаром многие вспоминали, что с началом войны испытали необыкновенное чувство освобождения. Теперь перед тобой был явный враг, и своих как будто можно было не бояться.

Итак, к концу лета 1939 года и в Москве, и в Лондоне, и в Париже стало ясно, что Гитлер собирается расправиться с Польшей. Но фюрер понимал, что воевать против Польши, если ее союзниками будут не только Англия и Франция, но и

СССР, вермахту не под силу. Поэтому он пообещал своим генералам «нестандартное решение», которым стал пакт о ненападении с Советским Союзом. Сталин же заключил пакт о ненападении с Германией 23 августа 1939 года с единственной целью: спровоцировать Вторую мировую войну Гитлера с западными союзниками. Отрицать этот очевидный мотив — значит делать советского лидера форменным дураком, а таковым его вряд ли считали даже самые лютые его ненавистники. Иосиф Виссарионович не был таким наивным человеком, чтобы полагать, будто Гитлер просто так заключает с ним договор о ненападении, да еще и отдает в полную власть Советскому Союзу несколько европейских стран, в том числе половину Польши. Неужели генсек думал, что в ближайшее время войны не будет и СССР сможет спокойно пожинать плоды экономического и культурного сотрудничества с Германией? Вопрос явно из разряда риторических. Потому-то Сталин и поделил с фюрером Польшу и Прибалтику, а заодно и Румынию, что не сомневался: после заключения договора тотчас последует германское нападение на Польшу, которое неизбежно вызовет мировую войну. В секретном протоколе СССР и Германия честно поделили Восточную Европу на сферы влияния и практически говорили о Польском государстве как уже не существующем. Сталин понимал, что Гитлер уже принял решение напасть на Польшу, и Иосифа Виссарионовича такое развитие событий вполне устраивало. Перед этим он вел в Москве переговоры с английской и французской военными делегациями о заключении военной конвенции против Германии, но к успешному завершению этих переговоров вовсе не стремился. Советская делегация еще до начала переговоров получила инструкцию в нужный момент выдвинуть заведомо неприемлемое для английских и французских партнеров требование допустить советские войска на территорию Польши и Румынии, а затем, в случае отказа, прервать переговоры, возложив ответственность на их срыв на англо-французскую сторону. Переговоры с Парижем и Лондоном нуж-

Почему победила Красная Армия?

ны были Сталину только для того, чтобы у международной общественности создалось впечатление, что договор с Гитлером был со стороны Сталина вынужденным шагом, обусловленным позицией западных союзников, отвергнувших советские предложения о союзе. В телеграмме, отправленной из Москвы вечером 23 августа, Риббентроп сообщал, что трехчасовая встреча со Сталиным проходила «положительно в нашем духе» и что последним препятствием к достижению соглашения является требование русских признать порты Виндава (Вентспилс) и Либавя (Лиепая) сферой их интересов. Гитлер немедленно дал согласие на требуемую уступку и уже не сомневался, что договор будет подписан. Хотя впоследствии, уже после оккупации Польши, сетовал, что Советский Союз, не прилагавший никаких усилий в войне, получил слишком большую добычу.

После заключения советско-германского пакта о ненападении Иосиф Виссарионович в узком кругу заявил: «Кажется, нам удалось провести их». А Гитлер 28 августа 1939 года, выступая на совещании с депутатами рейхстага и партийными функционерами, утверждал: «Пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола». Под дьяволом подразумевались поляки, англичане и французы, а в долгосрочной перспективе в этой же компании должны были оказаться и партнеры по пакту.

Перед нападением на СССР, выступая перед высшим командным составом будущего Восточного фронта 30 марта 1941 года, он так обосновал, согласно записи фельдмаршала фон Бока, необходимость заключения пакта о ненападении и будущей войны с Россией: «Фюрер детально обосновал необходимость сокрушить Россию: постоянная угроза у себя в тылу, постоянная коммунистическая опасность, возможность создания американцами и англичанами нового антигерманского фронта в России.

Сейчас существует возможность ударить по России, имея надежные тылы; и подобная возможность уникальна. Я был

бы преступником по отношению к судьбе немецкого народа, если бы не воспользовался ею и не нанес удар!»

Цель — разгром русских вооруженных сил, разрушение промышленности России, при необходимости и той ее части, что сосредоточена на Урале, отторжение Российской империи от Балтики и Украины. Заключенный в канун войны с русскими договор о ненападении не может служить моральным оправданием для отказа от вторжения. Сталин добровольно пошел на заключение этого договора в надежде втянуть Германию в войну, чтобы потом, в разгар этой войны, бросить на обескровленную войной Германию большевистские орды. Он, фюрер, несмотря на многочисленные поводы, сделал все, чтобы не идти на обострение отношений с Россией, пока у нас были связаны руки на Западе. Непреодолимые противоречия с большевизмом отнюдь не смягчились вследствие этого (имеется в виду «приказ о комиссарах», предусматривающий передачу захваченных в плен политработников Красной Армии в Службу безопасности (СД) для последующих репрессий).

Как видим, фюрер нисколько не заблуждался насчет мотивов Сталина при заключении пакта о ненападении и в то же время честно признавался, что решил напасть на Россию потому, что для этого представился удобный момент.

Чисто теоретически у Сталина был шанс либо предотвратить Вторую мировую войну, либо обеспечить быстрое поражение Германии, если бы война все-таки разразилась. Иосиф Виссарионович мог согласиться на союз с Англией и Францией и без того, чтобы в качестве платы за помощь против германской агрессии потребовать установление советской зоны влияния в Восточной Европе. Если бы союз СССР с Англией и Францией все-таки состоялся, Гитлер вряд ли бы решился напасть на Польшу, и Вторая мировая война, скорее всего, так бы и не началась. А если бы фюрер, несмотря ни на что, рискнул бы развязать войну с Польшей, а Советский Союз пришел бы на помощь Польше, германский блицкриг точно бы провалился. А сил воевать сразу и

Почему победила Красная Армия?

против СССР, и против Польши и западных противников сколько-нибудь долго и успешно у Германии в 1939 году еще не было. У вермахта хватало сил справиться с польской армией, но если бы ей на помощь пришли сто советских дивизий с несколькими тысячами танков, то где-то в Польше, скорее всего, образовался бы позиционный фронт по типу фронтов Первой мировой войны. Да и Англия с Францией рано или поздно активизировали бы свои действия на Западном фронте, а против совместных действий союзников в Европе рейх точно так же не устоял бы в 1939 году, как не устоял он в 44-м.

Однако Сталин совсем не собирался играть по правилам западных демократий. Он стремился к распространению своей власти на весь мир под лозунгом торжества коммунистических идей. Соглашение с западными союзниками на условиях, когда СССР, по его мнению, выступал бы в роли младшего партнера (Англия и Франция сохраняли бы колониальные империи и все территории, захваченные в результате Первой мировой войны, а Советский Союз лишен был бы возможности вернуть те территории Российской империи, на которые он претендовал, и создать свою зону влияния на востоке Европы), Сталин отвергал. Замкнуться в собственных границах советский коммунизм никак не мог. Это было бы равносильно скорой смерти в тот момент, когда ослабнут тиски диктатуры. СССР мог существовать только в качестве великой державы, а после Второй мировой войны — в качестве одной из двух сверхдержав. Утрата великодержавия вела к распаду, как это хорошо продемонстрировали события 1991 года.

Нет, и Гитлер, и Сталин, дав поручение своим министрам подписать пакт о ненападении и секретный протокол к нему, прекрасно понимали, что через несколько дней начнут Вторую мировую войну. Оба рисковали, но если разобраться, Иосиф Виссарионович шел на гораздо меньший риск, чем Адольф Алоизович. Ведь Гитлеру уже через несколько дней предстояло напасть на Польшу и столкнуться

с объявлением войны Англией и Францией. Сталин же мог рассчитывать еще какое-то время остаться вне войны, подбирая плоды после германских побед. В дальнейшем воевать он собирался только с Германией, но полагал, что сам сможет определить время начала этой войны и основные удары советских войск.

В быстром крахе Польши Сталин не сомневался. Он знал, что ни Англия, ни Франция к войне не готовы и просто не успеют, да и, как думал Сталин, не захотят спасти Польшу от разгрома. Также Иосиф Виссарионович не сомневался, что ни Румыния, ни Финляндия, ни государства Прибалтики не будут сопротивляться советским ультиматумам и позволят себя оккупировать, а затем и советизировать. Правда, Румынию Сталин получал не всю, а только сравнительно небольшие пограничные территории, не имевшие, кстати сказать, большой стратегической ценности. В идеале, конечно, стоило бы оккупировать всю Румынию, но такой шаг, конечно же, вызвал бы противодействие Германии. Гитлер и так скрепя сердце согласился на передачу Советскому Союзу Северной Буковины. А уж отдавать Сталину нефтяные поля Плоешти фюрер и подавно не хотел. Поэтому Иосиф Виссарионович с Румынией решил повременить, чтобы не тревожить Германию. Он рассчитывал взять Румынию целиком, да еще и с другими балканскими странами в придачу, после того, как Германия будет повержена в молниеносной войне.

В краткосрочном плане пакт 23 августа дал Гитлеру возможность расправиться поодиночке со своими противниками в Западной Европе, а затем внезапно напасть на Советский Союз. В долгосрочном же плане единственным и главным выигрышем Сталина оказалось то, что в результате этого пакта началась Вторая мировая война, в которой объективным ходом вещей союзниками СССР оказались могущественнейшие державы мира — США и Англия с ее Британской империей, которые взяли основную тяжесть борьбы с вермахтом в тех сферах, где советские вооруженные

Почему победила Красная Армия?

силы были слабее, — на море и в воздухе. После Второй мировой войны СССР достиг максимального за всю свою историю территориального расширения. Сфера его влияния простиралась от Эльбы до Вьетнама, от Кореи до Балкан. Пусть сохранилась эта империя всего четыре с небольшим десятилетия, а Китай, Югославия, Албания и Северная Корея вышли из-под ее контроля еще раньше, но на век Сталина этого хватило. Он умер победителем, хотя, наверное, и не достиг всего, о чем мечтал.

Подготовка советского нападения на Германию началась вскоре после того, как две империи «по-братски» поделили Польшу. Эта подготовка была столь длительной и масштабной, что проговорки о намерении Сталина напасть на Гитлера имеются в самых разных документах и мемуарах. Вот, например, журналист Борис Сопельняк во вполне невинной публикации о судьбе советских дипломатов в Германии в 1941 году пишет: «О том, что вот-вот грянет война, сотрудники советского посольства в Берлине знали еще в марте 1941 года. Признаки были самые верные: во-первых, всем, кто возвращался из отпусков в Германию, не разрешали брать с собой жен и детей, и, во-вторых, тем, у кого жены и дети были в Берлине, велели как можно быстрее отправить их домой. А когда посол заявил, что тем, кто останется в Берлине без семьи, он вдвое увеличит зарплату, все стало яснее ясного... Директор школы объявил, что из Москвы пришел приказ закончить учебный год не позднее начала мая и детей немедленно отправить в Союз». Автор как будто не сомневается, что Сталин не собирался нападать на Гитлера. Тем ценнее это признание. Ведь решение оставить семьи дипломатов в СССР могло быть принято на уровне наркома Молотова. Получается, Вячеслав Михайлович, самый близкий Сталину из членов правительства, уже в мае твердо знал, что война с Германией будет, причем не позднее лета 41-го, но этим своим знанием побоялся поделиться с Иосифом Виссарионовичем? Ну, не смешно ли?

Но есть и более ранние признаки намерения Сталина напасть на Германию. Иосиф Виссарионович на первых порах рассчитывал на мирную оккупацию и аннексию тех территорий, которые выторговал у Гитлера. Так получилось с Польшей, которая предпочла не оказывать вооруженного сопротивления новому агрессору, сознавая его безнадежность. Так получилось с государствами Прибалтики и Румынией, принявшими советские ультиматумы. Только в отношении Финляндии Сталин ошибся. С ней пришлось воевать, причем выяснилось, что Красная Армия воюет совсем не здорово и с финской армией быстро справиться не может. Для Иосифа Виссарионовича это стало весьма болезненным сюрпризом. В конце концов линию Маннергейма удалось прорвать, сконцентрировав для этого чуть ли не все ударные силы и средства Красной Армии. Но финские войска сохранили боеспособность и в начале марта 1940 года все еще продолжали удерживать Выборг. Кампания грозила затянуться еще на несколько месяцев. Однако Сталин не мог позволить себе дольше возиться с Финляндией. Он не сомневался, уже хорошо зная основной стратегический принцип Гитлера — не терять темпа, что весной 1940 года Германия непременно начнет генеральное наступление против Франции. К этому моменту желательно было иметь свободными лучшие соединения Красной Армии, в марте все еще связанные войной с Финляндией, чтобы в подходящий момент ударить в спину «другу» Гитлеру. Поэтому Сталин счел, что от превращения Финляндии в еще одну советскую республику пока следует воздержаться, и заключил компромиссный Московский мир, предусматривающий, по крайней мере на ближайшее время, независимость Финляндии, пусть и в урезанном виде.

Тогдашний командующий советским Балтийским флотом В.Ф. Трибуц: «Народный комиссар ВМФ Н.Г. Кузнецов в феврале 1940 года издал специальную директиву, в которой указывал на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и вклю-

Почему победила Красная Армия?

чающей Италию, Венгрию». В приложенной к посмертно изданной книге Н.Г. Кузнецова «Крутые повороты» краткой летописи жизни и деятельности адмирала приведена точная дата этой директивы — 26 февраля 1940 года.

А 5 марта 1940 года было принято решение расстрелять почти 22 тысячи поляков — офицеров и гражданских пленных. Вопреки распространенному мнению это не был какой-то иррациональный акт. Это было точно рассчитанное действие, и понять его можно лишь в контексте подготовки советского нападения на Германию. Ведь в случае, если бы уже летом 1940 года, вскоре после начала германского наступления во Франции, Советскому Союзу пришлось бы воевать с Германией, Франция, Англия и польское правительство в изгнании в Лондоне автоматически становились советскими союзниками. Пленных поляков пришлось бы освобождать из лагерей и передавать правительству Сикорского для формирования новой польской армии. Но Сталин не собирался выпускать добычу из своих рук. Он прекрасно знал из агентурных донесений, что оказавшиеся в плену польские офицеры никаких симпатий к коммунизму и Советской власти не питают. Так что армия, которую они возглавят, никогда не будет послушной марионеткой Москвы. Однако Иосиф Виссарионович и не думал отказываться от идеи установить контроль над Польшей, да и над всей Восточной Европой, над теми странами, что лежали между Берлином и западными советскими границами, а также над Балканским полуостровом. И поляков-офицеров надо было как можно скорее убрать с лица земли, раз от столкновения с Германией СССР отделяли, как думал Сталин в марте 40-го, возможно, уже считанные месяцы. Потом, после скорой победы над Германией, объяснить исчезновение польских пленных как-нибудь сумели бы. Например, придумали бы версию, что они попали под германскую бомбежку и все до единого погибли. Сталин и Берия представить себе не могли, что немцы займут Смоленск и разроют катынские могилы.

лы. Да и кто бы стал особенно допытываться о судьбе польских офицеров в угаре победы!

Сталин поступил вполне в духе политики Большого террора — тайно уничтожить польских офицеров и гражданских представителей «эксплуататорских классов» — фабрикантов, помещиков, интеллигентов, чиновников, а затем объявить, что они пропали без вести или были отпущены куда-нибудь далеко-далеко, например в Маньчжурию. А там их, быть может, и истребили японцы или, на худой конец, снова посадили в лагерь, но Советский Союз к этому уже никакого отношения не имеет. Однако такое объяснение следовало давать только в том случае, если кто-нибудь заинтересовался бы судьбой поляков — польское правительство в изгнании или британские и французские власти. Но Сталин надеялся, что никаких вопросов вообще не возникнет. Он всерьез рассчитывал уже в первые дни советско-германской войны оккупировать Польшу и создать полностью лояльное Москве коммунистическое правительство, которое никаких неудобных вопросов задавать не будет. А Лондон и Париж предпочтут помалкивать, благодарные уже за то, что дядюшка Джо спас их от гитлеровского вторжения.

Кстати, будущее показало, что насчет реакции западных союзников Сталин несколько не ошибся. Когда в 1943 году немцы нашли катынские могилы и начался международный скандал, американские и британские руководители и дипломаты несколько не сомневались, что убийство польских офицеров осуществили Советы. Однако предпочли не обращать на это внимание и публично не возражать против официальной советской версии об ответственности за Катынь нацистов. Как писал в своем дневнике британский статсекретарь сэра Александр Кадоган после получения первых докладов о Катыни, «если представить себе на мгновение, что в 1940 году в руках русских оказались не поляки, а мы, то вряд ли такая Катынь прибавила бы учтивости в нашем к ним отношении... Все это в высшей степени отвратительно. Как только могут поляки хотя бы даже просто полюбовно

Почему победила Красная Армия?

сосуществовать бок о бок с русскими, и как можем мы сами, глядя на все это сквозь пальцы, как ни в чем не бывало обсуждать с русскими вопрос о наказании немецких «военных преступников»?»

Что же касается удара в спину Гитлеру — тому, кто в данный момент занят борьбой не на жизнь, а на смерть с другим могущественным противником, то это был любимый сталинский способ «воевать малой кровью и на чужой территории». Но в 1940 году так не получилось — Франция была разгромлена уже к концу мая. Характерно, что уже в июне Сталин, узнав о французской капитуляции, матерно выругался и в сердцах заявил: мол, теперь Гитлер развязал себе руки на Западе.

Между прочим, если бы Сталин успел первым напасть на Гитлера, его никто не осудил бы ни в сражающейся Англии, ни в готовящихся вступить в войну Соединенных Штатах Америки, ни в оккупированных Германией странах Европы, хотя с формальной точки зрения это была бы неспровоцированная агрессия, особенно если бы Гитлер взял и отложил «Барбароссу» на 1942 год (а только в этом случае Красная Армия успела бы предупредить вермахт). Столь же парадоксально-трагическая ситуация создавалась в годы войны в связи с советским преступлением в Катыни. Западные союзники, хотя и понимали, что это преступление — сталинских рук дело, были лишены возможности заявить об этом публично. Подобное заявление деморализовало бы их народы и армии, поскольку означало бы, что они сражаются против преступного режима Гитлера в союзе с не менее преступным режимом Сталина. Точно так же те из советских граждан, которые полагали, что ответственность за Катынь все-таки несет Сталин, оказывались в состоянии морально-нравственного тупика. Счесть собственного Верховного Главнокомандующего преступником объективно значило для красноармейцев сыграть на руку врагу. А продолжать сражаться

под его командованием как ни в чем не бывало, по сути, граничило с молчаливым сокрытием преступления.

Между прочим, формально предложение о расстреле поляков подал Лаврентий Берия, как глава наркомата внутренних дел, почему Михаил Сергеевич Горбачев, когда впервые признал советскую ответственность, говорил об этом деле как о преступлении НКВД. Однако нет сомнений, что отнюдь не он был инициатором этого преступления. Зная советские реалии того времени, совершенно невозможно представить себе следующую картину. Берия приходит к Сталину с письменным предложением расстрелять пленных поляков как опасный, контрреволюционный и антисоветски настроенный элемент. Коба долго не соглашается, но в конце концов батано Лаврентий его уламывает. Это все равно как вообразить, что сначала человек пишет заявление о приеме на работу, а затем уже работодатель принимает решение зачислить его на ту или иную должность. На самом-то деле всякий не то что работник, а даже студент знает, что сперва работник, нанимающийся на работу, договаривается с работодателем, что тот готов принять его на какую-то должность с определенным окладом, и лишь потом соискатель пишет заявление о приеме на работу. Наверняка так же обстояло дело и в случае с решением Политбюро о расстреле поляков, которое формально утвердило предложение НКВД. Сначала Сталин принял решение их расстрелять, возможно, посоветовавшись предварительно с Молотовым и некоторыми другими членами Политбюро. Вернее, даже не посоветовавшись, а просто проинформировав их о принятом решении, чтобы услышать от них единодушный голос одобрения (иного трудно было себе представить). Затем вызвали исполнителя — Берию, вероятно, уже заготовив текст соответствующего обращения в Политбюро от его имени. По утверждению его сына Серго, Лаврентий Павлович будто бы возражал против казни польских офицеров, говорил, что они нам еще пригодятся для будущей войны против Германии, но послушаться Сталина, ра-

зумеется, не рискнул — иначе вполне мог бы разделить трагическую участь польских офицеров. Единственно, что ему удалось добиться, так это исключения своего имени из состава «особой тройки», которой предстояло формально приговаривать поляков к смерти. Фамилию Берии вычеркнули и заменили его заместителем Всеволодом Николаевичем Меркуловым.

Естественно, Лаврентий Павлович выступал против казни поляков отнюдь не из-за приверженности к «абстрактному гуманизму». Берия слишком хорошо понимал, в какого рода преступлении ему предстояло участвовать. Впервые чекистам приходилось практически одновременно казнить десятки тысяч иностранных граждан, никогда не проживавших на советской территории. Другое дело — те же поляки или латыши, оставшиеся после 1917 года в Советском Союзе. В 37-м году их казнили как «нежелательных иностранцев», как потенциальных иностранных шпионов. В то же время для «своих» правительств они были тоже иностранцами, поскольку почти все они давно уже приняли советское гражданство. Но с катынскими поляками был совсем другой случай. Еще неизвестно, как повернутся в дальнейшем отношения с Польшей и поддерживающими ее Англией и Францией. Не исключено, что другу Кобе потребуются козел отпущения за Катынь, и тогда он, Берия, будет первым кандидатом на эту опасную роль. Но говорить об этом Сталину прямо было нельзя. И Лаврентий Павлович попытался сагитировать Иосифа Виссарионовича отказаться от казни, упирая на чисто прагматические соображения: дескать, поляки могут еще пригодиться для войны с Германией. Однако именно из-за войны с Германией, которая могла начаться уже через считанные месяцы, Иосиф Виссарионович и торопился расправиться с польскими пленными, которых спешно расстреляли в апреле и первой половине мая. Последние партии казнили уже после начала германского наступления во Франции.

Но с поляками торопились, как выяснилось, зря, поскольку в 1940 году Красная Армия не успела напасть на Германию. Задним числом, зная дальнейший ход и исход Второй мировой войны, уничтожение польских пленных в Катыни Сталин, вероятно, признал хуже чем преступлением — ошибкой, если перефразировать известное выражение Талейрана. Ведь в дальнейшем, когда неудачи первых месяцев вынудили Сталина согласиться на формирование на советской территории польской армии генерала Владислава Андерса, подчинявшейся польскому правительству в Лондоне, эту армию спустя год удалось благополучно сбавить в Иран, а потом не допустить на территорию Польши. К Андерсу пошли немногие уцелевшие от расправы польские офицеры (самого Андерса от смерти спасло то, что, когда расстреливали его товарищей в Катыни, он находился под следствием на Лубянке), а в качестве рядовых — поляки, только что освобожденные из советских лагерей. Разве нельзя было 22 тысячи расстрелянных в апреле — мае 40-го поляков подержать в лагерях где-нибудь в азиатской части СССР, как предлагал НКВД еще в феврале? И что бы принципиально изменилось от того, что в конечном итоге с Андерсом бы ушло на 15—20 тысяч больше поляков? Все равно в Польшу бы Сталин их не допустил. Но тогда, в 1940 году, советский вождь рассчитывал на молниеносную войну и даже в страшном сне не мог представить себе, что в его стране будет формироваться польская армия, подчиняющаяся лондонским полякам. Сталин спешил и, возможно, в спешке не до конца просчитал все варианты с польскими пленными. Он-то рассчитывал, что в первые же недели войны против Германии оккупирует Польшу, и тогда польских офицеров придется из плена отпускать совсем не в Иран, а на родину, где они действительно могут создать немало проблем просоветскому польскому правительству.

В итоге расстрел в Катыни позволил Сталину решить одну проблему — нейтрализацию основной части польского офицерского корпуса, попавшего в советский плен, но зато

Почему победила Красная Армия?

создал другую, не менее серьезную. Когда катынские могилы были разрыты, практически ни у кого из поляков не осталось сомнений, что это натворили русские. И это породило такую общенациональную ненависть к коммунистической России, что социализм в Польше мог держаться только на советских штыках, так и не получив за сорок с лишним лет своего существования сколько-нибудь массовой поддержки среди поляков. Не случайно именно Польша стала первой страной Восточной Европы, свергнувшей, причем мирным путем, посредством демократических выборов, коммунистическое правительство в 1989 году. Но Сталина трагическое мироощущение поляков, как кажется, не волновало. Он и так собирался навязывать народам социализм силой и полагал, что в преимущества коммунизма они поверят только тогда, когда на земле не останется некоммунистических государств.

А сталинские планы по завоеванию Европы в 1940 году могли быть поистине грандиозны. Иосиф Виссарионович рассчитывал, что Гитлер завязнет на линии Мажино, и Красная Армия летом 1940 года спокойно, не торопясь, по возможности учтя уроки финской войны, как следует подготовится и нанесет удар по слабому заслону в 12 второочередных немецких пехотных дивизий на демаркационной линии в Польше, а затем быстро продвинется до Берлина, и войне конец. В тот момент Англия еще довольно незначительно присутствовала своими войсками на Европейском континенте. А Франция на радостях, что ее спасли от страшного врага, противостоять которому она самостоятельно вряд ли бы смогла на протяжении сколько-нибудь длительного времени, наверняка простила бы Сталину очень многое и бестрепетно отдала бы под его власть Восточную Европу. Тогда можно было бы легко прибрать к рукам и всю Румынию, и Прибалтику, не говоря уж о Финляндии, с которой в марте вышла осечка.

Иосиф Виссарионович предвкушал скорую победу. 6 мая 1940 года, в самый канун германского наступления на Запа-

де, он говорил в узком дружеском кругу: «Воевать с Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками!»

Но Сталин опять ошибся. Он сильно переоценил французскую способность к сопротивлению и мощь британского экспедиционного корпуса. За какой-нибудь месяц Франция оказалась разбита, а британский экспедиционный корпус спешно эвакуировался из Дюнкерка на родину. В условиях, когда Франция была уже на пороге капитуляции, Сталин не рискнул отдать приказ о вторжении в Польшу и Восточную Пруссию сконцентрированным у западных границ основным силам Красной Армии. Он опасался, что придется иметь дело почти со всем вермахтом. Вторжение было перенесено на 1941 год. А летом 40-го советские дивизии двинулись не в Польшу, а в Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину.

Если бы Красной Армии пришлось драться всего лишь с 12 второразрядными немецкими дивизиями, да еще в условиях, когда основные силы люфтваффе были заняты на Западе, то 120 советских дивизий, да еще поддержанных практически всей советской авиацией, с ними как-нибудь бы справились, а «сталинские соколы», разбив небольшой заслон люфтваффе, завоевали бы господство в воздухе. Сталин мог надеяться захватить всю Польшу, а если повезет, то и Восточную Пруссию до того, как Гитлер начал бы перебрасывать на Восток войска с Западного фронта. Но поскольку к тому времени английская и французская армии, как рассчитывал Сталин, еще не были бы разбиты, то все или даже большинство дивизий немцы из Франции не смогли бы взять. Красная Армия могла бы бить по частям подходящие германские сухопутные соединения и эскадры люфтваффе. Кроме того, Сталин наверняка надеялся, что после ослабления германской группировки во Франции западные союзники тоже перейдут в наступление, опасаясь, что иначе советские войска в одиночку оккупируют всю Германию, и в результате Гитлер окажется между двух огней и не сможет долго сопротивляться.

Почему победила Красная Армия?

При этом под советский контроль перешла бы вся Восточная Европа, а также значительная часть Германии. Сложилась бы примерно та же ситуация, как после высадки англо-американских войск в Нормандии в июне 1944 года. Тогда у Гитлера стала ощущаться катастрофическая нехватка сил на всех фронтах, и война закончилась меньше чем через год. Не исключено, что в 1940 году для завершения боевых действий в Европе мог потребоваться и более короткий срок, так как вермахт тогда был слабее, чем четыре года спустя. Но это могло произойти только при условии, что Франция и Англия сдержали бы майский удар Гитлера, а Сталин вскоре, в свою очередь, ударил бы Германии в спину. Однако ни того, ни другого, как известно, не произошло.

Разгром Франции и изгнание британского экспедиционного корпуса с Европейского континента вынудили Сталина готовиться к будущему столкновению с Гитлером более основательно, исходя из того, что теперь Красной Армии в любом случае придется иметь дело с главными силами вермахта. Сразу после финской войны для устранения недостатков был выдвинут лозунг учить войска в условиях, максимально приближенных к боевым. Новый нарком обороны маршал Семен Константинович Тимошенко 16 мая 1940 года издал знаменитый приказ № 120, где перечислялись выявленные финской войной недостатки, в том числе неумение авиации осуществлять взаимодействие с наземными войсками, неподготовленность к полетам в сложных условиях и низкое качество бомбометания, неумение пехоты взаимодействовать с танками, неумение артиллерии проводить эффективную артподготовку и сопровождать наступление пехоты огневым валом, неумение штабов всех уровней планировать наступление и управлять войсками на поле боя. И в этом же приказе провозглашалось: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». Даже песню на эту тему сочинить успели вездесущий поэт Василий Лебедев-Кумач и композитор Семен Чернецкий:

Борис Соколов

Ну-ка, песня боевая,
Расскажи, подруга, нам —
Как, победу добывая,
Бить сильнее по врагам.

Как товарища и брата,
Командира охраняй.
Все его приказы свято,
Без запинки, выполняй!

Не забудь про маскировку,
Окопаться не забудь,
Проявляй в бою сноровку,
Ко всему готовым будь!

Чтобы дрогнул враг заклятый,
Отдышаться не давай:
Бей его штыком, гранатой
И прикладом добивай!

Чтобы лучшую оценку
Наш совет завоевал.
Чтобы маршал Тимошенко
Нас орлами называл.

Мы НАРКОМА помним слово:
«На ученье, как в бою».
Хоть сейчас идти готовы
В бой за Родину свою.

С этой песней за победой
Мы пойдем с врагами в бой!
С нами вся Страна Советов,
С нами Сталин наш родной!

В песнях все выглядело очень браво. Но, что еще печальней, столь же браво все выглядело и в секретных рапортах об устранении недостатков в боевой подготовке. Уже весной 1941 года, через год после приказа № 120, инспектирование боевой подготовки войск, по крайней мере на бумаге, показало, что в целом уровень боевой подготовки возрос. Войска будто бы достигли успехов в организации и совершенствовании маршей, в маневрировании и организации взаимодействия на поле боя в условиях, максимально приближенных к боевым. Танкисты научились водить машину с закрытыми люками по пересеченной местности, ремонтировать танки, стрелять с места и с ходу (в последнем виде стрельбы,

Почему победила Красная Армия?

из-за его полной неприцельности, большого смысла вообще не было), сопровождать пехоту в наступлении. Артиллеристы освоили артиллерийскую подготовку атаки и т.д. В общем в отчетах все выглядело внушительно. Очевидно, именно так и докладывали Сталину, который, вполне возможно, был уверен, что основные недостатки, выявленные финской войной, уже преодолены. Когда же война действительно началась, выяснилось, что летчики едва умеют поднять в воздух свои самолеты, танкисты бросают танки из-за многочисленных поломок, а артиллеристы не умеют взаимодействовать с пехотой.

Столь же эфемерным мероприятием оказалось начатое по приказу Сталина формирование 29 механизированных корпусов, в каждом из которых по штату должно было быть более тысячи танков — вдвое больше, чем в существовавших ранее танковых корпусах. Однако средств связи в новом корпусе не стало больше, следовательно, он был еще менее управляемым, чем прежний танковый. А ведь оба советских танковых корпуса во время «освободительного похода» в Западную Украину и Западную Белоруссию из-за низкой дисциплины марша и слабой управляемости отстали даже от кавалерийских соединений! Это было следствием острого дефицита радиостанций, из-за чего танковые армады были совершенно неуправляемы. К этому добавились частые поломки техники, которую не умели толком ремонтировать. Новые же механизированные корпуса при вдвое большем количестве танков имели такое же количество радиостанций, как и прежние танковые, а потому оказались еще менее эффективным инструментом для наступления. Поэтому их разгром в приграничных сражениях у специалистов удивления не вызывает, особенно если принять во внимание низкий уровень подготовки советских танкистов. Да и откуда ему было быть высоким, если меньше чем за год численность советских танковых войск более чем утроилась, а горючего для обучения танкистов катастрофически не хватало. При одновременном формировании более двух десятков

механизированных корпусов не было никакой возможности обеспечить их опытными командными кадрами.

Но ведь Сталин вряд ли единолично принимал решение о формировании механизированных корпусов. Он наверняка советовался со своими генералами и маршалами, с теми же Шапошниковым, Жуковым, Тимошенко, Павловым. Значит, либо они побоялись объяснить Иосифу Виссарионовичу всю нелепость его идеи, либо действительно не видели в ней ничего худого.

Сам Иосиф Виссарионович, как известно, в Первой мировой войне не участвовал из-за слабого здоровья и политической неблагонадежности. В Гражданскую войну он бывал на фронтах только в качестве большого комиссара и имел дело с командованием не ниже, чем армии или фронта. В стратегии Сталин, безусловно, разбирался, но на оперативно-тактическом уровне был профаном, хотя кое-что и читал по военной истории и теории военного дела. А маршалы и генералы, скорее всего, были заморожены сталинской гигантоманией и боялись, что если поставят под сомнение выпускать и осваивать в один присест огромное количество танков — более 20 тысяч, то их могут счесть «врагами народа» со всеми вытекающими последствиями. Беда Сталина была в том, что, в отличие от Гитлера, не имея никакого сколько-нибудь серьезного военного опыта, он остро нуждался в толковых и честных военных советниках, но он же своими репрессиями против высших военных кадров настолько запугал уцелевших, что они порой страшились докладывать ему горькую правду.

Строго говоря, Красная Армия не вполне была готова к грамотному и эффективному ведению войны с таким сильным противником, как вермахт, даже в самом конце войны. 4 апреля 1945 года новоназначенный командующий 4-м Украинским фронтом А.И. Еременко записал в дневнике: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям, на 4-м Украинском фронте своевременно не занимались этим решающим успех дела вопросом».

Почему победила Красная Армия?

По свидетельству наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова, «И.В. Сталин представлял боевую готовность наших Вооруженных Сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах». Поэтому советский вождь бесстрашно готовился броситься в пучину войны с самой сильной в тот момент армией Европы. Ему и в страшном сне не могло предвидеться, что придется отступить до Москвы и Сталинграда. Он искренне верил, что Красная Армия по уровню боевой подготовки по меньшей мере не уступает вермахту.

Тем более что соотношение сил и средств накануне войны было явно в пользу Советского Союза. К началу осуществления плана «Барбаросса» у Германии на Востоке было не более 2534 боевых самолетов и 3680 танков, а венгерская и румынская авиация, вместе взятые, насчитывали лишь около 150 машин. Советская же сторона имела на западе к 22 июня 1941 года 12,8 тыс. танков, включая 1475 новейших Т-34 и КВ, и 10 743 боевых самолета. На 22 июня 1941 г. в приграничных округах имелось 1317 машин новых типов (МиГ-1, МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3, Пе-2, Як-2, Як-4, Ил-2). Этого количества в принципе должно было хватить, чтобы противостоять 2000 боеготовым германским самолетам, отнюдь не все из которых были истребителями и отнюдь не все были сравнимы с новейшими советскими самолетами по своим тактико-техническим характеристикам. Тем более что и у люфтваффе отнюдь не все обстояло благополучно. Планы по производству боевых самолетов в Германии, установленные директивами от 13 июля и 28 сентября 1940 года, после проигрыша «битвы за Британию» оказались не выполнены. Так, вместо запланированного производства 345 Ju.88 и 60 Ju.87 в месяц люфтваффе получали соответственно 184 и 52. Причем в конце 1940 г. вы-

пуск продукции даже сократился и не превышал 750—800 самолетов в месяц. Весной 1941 г. суммарный выпуск самолетов в Германии возрос примерно в полтора раза, и казалось, что положение исправлено. Но специалисты знали, что это достигнуто за счет сверхлимитного расхода дефицитного сырья. Немцы вели ускоренное перевооружение истребительной авиации новыми Vf.109F, пытаясь срочно довести моторы DB601E и Jumo211J, на которые возлагали большие надежды... С «мессерами» «лаги» и «яки» могли бы сражаться на равных. Но вот беда — толком летать на новых самолетах в советских ВВС почти никто еще не умел.

Также и по численности личного состава Красная Армия, даже не осуществившая еще полной мобилизации, превосходила своего противника на Западе в 1,25 раза. Помимо 2,9 млн человек кадрового состава сухопутных сил Красной Армии и пограничных войск, дислоцировавшихся в западных округах, в апреле 1941 г. было призвано еще около 400 тыс. ранее не призывавшихся на военную службу, а в мае — июне — также около 800 тыс. запасных. Германская же сухопутная группировка, нацеленная против СССР, насчитывала около 3,3 млн человек, из них в первые недели после 22 июня 1941 г. на фронте находилось только около 2,5 млн человек.

К этому надо добавить, что всего у СССР имелось 19 583 боевых самолетов и более 23 тыс. танков, против 4 тыс. боевых самолетов и чуть более 4 тыс. танков у немцев.

Количественно, на бумаге, Красная Армия по сравнению с вермахтом выглядела очень внушительно. Вот качество подготовки пилотов и танкистов, танковых, авиационных и армейских командиров сильно хромало. Но количественно это выразить было трудно, и Сталин, привыкший доверять главным образом цифрам, этого не осознавал.

Иногда говорят, что вот, мол, советская авиация была гораздо слабее немецкой к 22 июня 1941 года хотя бы потому, что значительная часть боевых самолетов, сосредоточенных в западных приграничных округах, не имела подготовлен-

Почему победила Красная Армия?

ных экипажей. Однако абсолютно такая же картина была и в частях люфтваффе, изготовившихся к нападению на СССР. Там примерно 16% самолетов не имело экипажей. И это — обычная практика всех ВВС мира, участвующих в широко-масштабных боевых действиях. Ведь много самолетов погибнет в первых же боях, но хотя бы часть их экипажей уцелеет и тут же воспользуется резервными машинами. Так что Сталин и его «соколы» в данном вопросе отнюдь не были набитыми дураками, а следовали общемировой тенденции в боевом применении авиации.

Сохранилось немало бесспорных, неопровержимых свидетельств того, что Сталин собирался напасть на Германию летом 1941 года. Так, первоначально напасть на Германию предполагалось еще в июне 1941 года. Из обеих оперативно стратегических игр, проведенных высшим командным составом Красной Армии в конце декабря 1940 года и в начале января 1941 года, был сделан вывод, что наиболее многообещающим может быть удар в юго-западном направлении, тогда как удар по Восточной Пруссии не обещает быстрого успеха из-за сильного сопротивления противника на заранее подготовленных укрепленных позициях. Поэтому в плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе, подготовленном в марте 1941 года, отмечалось: «Развертывание Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям». Поэтому главный удар было решено нанести на юго-западном направлении. Именно в разделе мартовского плана, посвященном этому направлению, заместитель начальника Генштаба Николай Ватугин оставил резолюцию: «Наступление начать 12.6». Это — единственно зафиксированная документально дата планировавшегося нападения на Германию.

Однако пропускная способность советских железных дорог оказалась недостаточной, чтобы обеспечить сосредоточение к 12 июня у западных границ требуемой группировки

войск, вооружения, боевой техники, боеприпасов и предметов снабжения. Поэтому уже в мае срок начала наступления был передвинут с июня на июль.

Надо сказать, что и немцы сознавали определенный риск, что их расположенные рядом с границей склады и аэродромы могут стать объектом превентивного советского удара. Так, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок записал в дневнике 27 марта в связи с совещанием в главном командовании сухопутных войск в связи с предстоящей операцией против России: «Просьба к главному командованию сухопутных войск о приказе удерживать границы в случае нападения русских и, в связи с этим, о сосредоточении вдоль границ необходимых сил пока что не может быть удовлетворена. И хотя сейчас вопрос о возможности нападения русских неактуален, нам, тем не менее, не следует расслабляться — любое внезапное наступление и переход границы ставят под угрозу сосредоточенные там запасы боеприпасов, вооружений и всего необходимого для войск. И люфтваффе тоже озабочены тем, что им придется размещать свои аэродромы вблизи границы, поскольку есть опасность их захвата».

Немцы, хотя и не ожидали советского нападения в 1941 году, тем не менее не прочь были бы прикрыть угрожаемые участки границы, но не могли этого сделать из-за нехватки войск, которые все были задействованы в ударных группировках, которые должны были действовать на всех стратегических направлениях. У Красной Армии дивизий было больше, а главный удар предполагалось наносить только на одном, юго-западном направлении. Поэтому в июне, еще до германского нападения, военные округа представили планы прикрытия тех участков, где в начале войны не предполагалось сразу же переходить к активным действиям, в частности на границах с Восточной Пруссией и Румынией.

5 мая 1941 года на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий Сталин уверенно заявил: «Немцы ошибаются, что их армия непобедима и ее вооружение самое

Почему победила Красная Армия?

лучшее в мире. В истории не было непобедимых армий... Война против Германии неизбежно перерастает в победоносную народно-освободительную войну». А в одном из тостов прямо признал: «Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство... Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войну, за нашу победу в этой войне».

Позднее, в составленном в середине мая 1941 года Ватутиным и его заместителем по оперативному управлению Генштаба Александром Василевским плане «упреждающего удара», предусматривалось, что на юго-западном направлении 152 советские дивизии разгромят 100 немецких и на 30-й день наступления, захватив район Катовице, Краков, выйти на рубеж Оломоуц, Оппельн, Крейцбург, Лодзь, Модлин, Остроленка. Затем наступающие должны были повернуть к Балтике и отрезать немецкие силы в Польше и Восточной Пруссии. Для содействия этой операции Западный фронт наступал на Варшаву. Вспомогательный же удар наносился в Румынии. Как и в ходе игры, группировку противника предполагалось окружить в районе Ботошани, а затем идти на Яссы и Плоешти.

Главный удар был перенесен с центрального и северо-западного направления еще в мартовском плане стратегического развертывания Красной Армии. Это было сделано после того, как в ходе оперативно-стратегических игр высшего состава РККА в конце декабря 1940 года и в начале января 1941 года выяснилось, что советское наступление в Восточной Пруссии не получит быстрого развития, поскольку вероятный противник сможет использовать всю мощь местных долговременных укреплений. А вот на юго-западном направлении, по крайней мере по результатам игры, наступление обещало быстрый успех. Кстати сказать, в ходе игр, несмотря на пропагандистскую вводную о том, что Советский Союз подвергся нападению вероятных противников, реально обрабатывались только наступательные действия

Красной Армии после того, как она отбросила врага к линии государственной границы и перешла в контрнаступление.

Еще одним решающим доказательством в пользу намерения Сталина начать вторжение в Европу именно в июле 1941 года служит следующий факт. 4 июня Политбюро приняло решение о формировании к 1 июля в составе Красной Армии 238-й стрелковой дивизии Средне-Азиатского военного округа, «укомплектованной личным составом польской национальности и знающими польский язык» общей численностью в 10 298 человек. Очевидно, несмотря на всю конспиративную работу, проведенную НКВД и уцелевшими польскими офицерами из числа избежавших Катыни «стукачей» и «правильно политически мыслящих», как писал Берия Сталину, офицеров, достаточного количества добровольцев из числа пленных поляков для дивизии не набралось, и поэтому дивизию решено было сформировать путем переукомплектования не только поляками, но и «лицами, знающими польский язык, состоящими на службе в частях Красной Армии» Это также делало дивизию вполне «благонадежной». На практике, как это позднее имело место с двумя армиями Войска Польского, а ранее — с финским народным корпусом, который начали формировать ровно за месяц до нападения на Финляндию, речь шла об укомплектовании 238-й дивизии красноармейцами с «польскими» фамилиями, даже не знавшими польского языка. В связи с началом войны эта дивизия была сформирована только в сентябре и уже не из поляков, а из казахского и русскоязычного населения Казахстана. «Польский след» остался лишь в фамилии начальника штаба дивизии — полковника В. Л. Михликовского, назначенного на этот пост еще до начала войны.

Решение о формировании польской дивизии к 1 июля указывает на то, что советское руководство действовало по «финскому варианту». Очевидно, Сталин решил, что пришло время для вторжения в Польшу. Никакими другими целями объяснить формирование польской дивизии не представляется возможным. Таковую дивизию формировать было труднее, чем

Почему победила Красная Армия?

обычную стрелковую дивизию (польские уставы, форма, обучение польскому языку), само ее существование в мирное время представляло немалый риск: узнай о польском соединении германская разведка, это могло подтолкнуть Гитлера на войну против СССР, так как явно показало бы агрессивные намерения Сталина. Утаить существование польской дивизии, в которую свозили «лиц, знающих польский язык» со всей Красной Армии и куда могли попасть и не вполне надежные (в том числе и как потенциальные германские агенты) поляки, было довольно трудно, особенно если речь шла о длительном периоде времени, скажем, до весны 1942 года, — до этого момента, по сообщению некоторых мемуаристов, Сталин будто бы рассчитывал оттянуть неизбежное столкновение с Германией. Кроме того, на моральном духе тех поляков, которым суждено было бы попасть в дивизию, негативно сказался бы факт длительного пребывания в Красной Армии, если бы СССР при этом все еще оставался «невоюющим союзником» Германии. В случае, если бы Советский Союз первым на Германию нападать не собирался, а только опасался германского нападения, наиболее благоприятным временем для формирования в Красной Армии польского соединения был бы сам момент германского вторжения. Для поляков сразу исчезли бы многие сомнения и двусмысленность их положения в СССР. Времени же для формирования дивизии вполне бы хватило. Ведь даже по весьма оптимистическим вводным оперативно-стратегических игр января 1941 г., в случае германской агрессии первые две недели войны бои шли на советской территории, и лишь потом Красная Армия вступала в Польшу.

В тот же день, 4 июня, когда состоялось решение Политбюро о польской дивизии, происходило заседание Главного военного совета под председательством члена Политбюро А. А. Жданова, и на нем обсуждался проект директивы Главного управления политической пропаганды РККА о подготовке личного состава к ведению «наступательной и всеобъемлющей войны».

Сам того не ведая, Гитлер упредил Сталина не минимум на год, как он полагал, а лишь на считанные недели. Фюрер, разумеется, не был новичком в политике, равно как никогда не был наивным человеком, подверженным сентиментальности. В дружбу со Сталиным он не верил, поскольку сам собирался напасть на него, и не сомневался, что советский вождь точно так же думает о нападении на Германию. Своим ближайшим соратникам по военному министерству фельд-маршалу Кейтелю и генералу Йодлю, а также второму человеку в государстве рейхсмаршалу Герингу, как они показали в плену и на Нюрнбергском процессе, в период разработки плана «Барбаросса» не раз говорил, что Сталин непременно нападет на Германию в 1942 или 1943 году, причем в последнее время все более склонялся к тому, что это может случиться в 42-м. Любопытно, что точно так же Сталин говорил своим генералам, тому же Жукову и Василевскому, что Гитлер может напасть на СССР в 1942 году, но никак не в 41-м.

Гитлер же рассуждал следующим образом. Осенью 1940 года проведение операции «Морской лев» — десанта на Британские острова — было отложено на неопределенный срок. Главных причин этого было две. Во-первых, люфтваффе в ходе «Битвы за Британию» так и не смогли завоевать господство в воздухе над Ла-Маншем, а без этого любая высадка крупных сухопутных сил вермахта на британское побережье становилась самоубийственной. Во-вторых, германский военно-морской и торговый флоты были слишком слабы, чтобы быстро перебросить через Ла-Манш значительные десантные силы, снабжать их всем необходимым в течение длительного времени и защитить от атак превосходящих сил британского флота. Поэтому Гитлер решил, что в обозримом будущем не удастся принудить к капитуляции Англию, которой все более активно помогали США. Но и сидеть сложа руки, ждать у Ла-Манша погоды фюрер не собирался. Да и войска без дела заскучают, моральный дух у них упадет. Тут, правда, подвернулась незапланированная Балканская кампания, но она скорее принесла вред, не дав Германии

Почему победила Красная Армия?

каких-либо ощутимых стратегических преимуществ, поскольку отвлекла ресурсы от «Барбароссы» и вынудила отложить нападение на СССР на несколько недель. Правда, оставалась еще Северная Африка, где итальянские войска требовали срочной помощи. Однако масштаб боевых действий там был невелик, и транспортные условия не позволяли перебросить туда значительные силы.

Кстати сказать, если бы вообразить, чисто теоретически, сценарий, при котором Америка придерживалась бы строгого нейтралитета, не помогала бы Англии и вообще не вступила бы во Вторую мировую войну, то исход войны мог быть иным. Даже если бы вермахт не смог высадиться на Британских островах в 1940 году, в дальнейшем положение Англии было бы незавидным. Без американских эсминцев, предоставленных ей тогда же, в 40-м, и без судов, в массовом порядке строившихся для Англии на американских верфях для возмещения потерь, «Туманный Альбион» не смог бы противостоять атакам германских подводных лодок и, вероятно, вынужден был бы выйти из войны. И тогда была бы вероятность, что Советскому Союзу пришлось бы противостоять в одиночку всей германской военной мощи, да еще лишенному поставок важнейших стратегических материалов по ленд-лизу. Тогда Германия имела шанс выиграть войну или, в случае если бы Британская империя все-таки устояла, затянуть войну надолго и закончить ее компромиссным миром.

В завоевательных планах Гитлера после Англии значилась Россия. Раз с Англией пока не получается, надо пока обрушиться на Россию. Британские вооруженные силы этому вторжению помешать пока не могут, Америка в войну еще окончательно не вступила. А заодно, что немаловажно, удастся предотвратить неизбежное в недалеком будущем нападение Советов и начать войну с большевиками в более выгодных для Германии условиях.

Почему Гитлер полагал, что Сталин не нападет на него летом 41-го? Скорее всего, фюрер думал, что советский вождь уверен, что вермахт в 41-м стремится высадиться в Англии

(на это была направлена вся германская кампания дезинформации), и пока что предпочтет закончить реорганизацию Красной Армии после неудачи в Финляндии. Вполне возможно, что соображения Сталина действительно были примерно такими, по крайней мере по поводу вероятных действий Гитлера. Вот только вывод из этого он сделал прямо противоположный. Не ждать завершения реорганизации Красной Армии, а ударить первым, когда противник этого не ждет. Иначе Гитлер, возможно, действительно высадится в Англии и разгромит британскую армию, а это резко ухудшит для Советского Союза условия будущей войны с Германией.

Одной из видимых причин, почему фюрер в действительности не ожидал советского нападения, возможно, было то, что он полагал, что Сталин не рискнет ударить, пока не завершит формирование и оснащение новой техникой формируемых 29 механизированных корпусов, пока не оснастит новыми машинами бронетанковые войска и авиацию, не поднимет уровень подготовки летчиков и танкистов. Но в действительности советский вождь считал, что и того количества танков и самолетов, которыми он уже располагал, хватит для разгрома Германии. Тем более что танков, сопоставимых по боевым возможностям с 1864 советскими Т-34 и КВ, вермахт в июне 1941 года не имел. А почти 4 тысячи советских самолетов могли почти на равных, по крайней мере на бумаге, судя по тактико-техническим данным, противостоять немецким машинам, которых на Востоке вообще было почти вдвое меньше, чем всех советских самолетов новых типов. Что же касается уровня подготовки летчиков и пилотов, а также командного состава, да и всех красноармейцев в целом, то Сталин вообще вряд ли имел об этом сколько-нибудь адекватное представление. Он был зачарован магией цифр. К тому же из войск поступали бодрые доклады, что недостатки, выявленные в ходе войны, уже в основном устранены.

Главное же, Сталин всерьез опасался, что летом 1941 года Гитлер сможет высадиться в Англии и поставить на колени

Почему победила Красная Армия?

«владычицу морей». А именно по этому сценарию развертывалась германская кампания дезинформации, призванная скрыть намерение напасть на СССР. Даже знаменитое заявление ТАСС от 14 июня 1941 года на практике было вызвано германским дезинформационным мероприятием и отнюдь не выглядит нелепым, идиотским актом, если знать, что ему предшествовало. Дело в том, что для того чтобы прикрыть переброску основной массы авиации и танковых дивизий, осуществлявшуюся в последние десять дней перед вторжением, в германском официозе — газете «Фёлькише Беобахтер» 13 июня 1941 года была опубликована статья министра пропаганды Йозефа Геббельса «Крит как пример», в которой делался прозрачный намек на то, что в самое ближайшее время вермахт высадится в Англии. Номер газеты был специально конфискован военной цензурой, но с таким расчетом, чтобы часть тиража успела достичь нейтральных стран и иностранных посольств в Берлине. Эта информация и вызвала известное заявление ТАСС с утверждением, что Германия, равно как и СССР, scrupulously соблюдает договор о ненападении. Сталин рассчитывал, что Гитлер сделает дежурный ответ о том, что Германия, дескать, тоже соблюдает пакт о ненападении. Однако Гитлер предпочел вообще никак не отреагировать на заявление ТАСС, чтобы не расхоложивать собственные войска, которым через неделю предстояло вторгнуться на советскую территорию. Сталин же решил, что Гитлер не желает давать Англии косвенное подтверждение того, что сосредоточение войск на Востоке — лишь маневр, призванный отвлечь внимание от предстоящего вторжения на Британские острова. И спокойно продолжал подготовку к атаке на Западную Европу.

Но беда заключалась в том, что даже если бы Гитлеру, из-за затяжки Балканской кампании, пришлось отложить вторжение в СССР на середину июля и Сталин бы успел ударить первым, Красная Армия все равно потерпела бы столь же сокрушительное поражение, какое ей довелось в действительности испытать летом 1941 года. Ведь оттого, что крас-

ноармейцы первыми бы перешли в наступление, лучше воевать они бы не стали. Танкисты, толком не умеющие водить танки еще и в 1943 году, не смогли бы противостоять асам Гудериана и Клейста. Летчики, многие из которых к началу войны имели налет всего в 6 часов и не могли толком управлять боевыми машинами, не смогли бы справиться с пилотами люфтваффе, имевшими превосходную подготовку и богатый боевой опыт.

Главный порок советской системы и Красной Армии заключался в стремлении к количеству без учета качества. Сталин многие недостатки своей армии не видел, а генералы, опасаясь ответственности за собственные упущения, боялись его просветить.

Если уж Сталин не вполне адекватно представлял себе реальную степень боеготовности и боеспособности Красной Армии, то что уж говорить о рядовых командирах и красноармейцах и о широких массах гражданского населения, до которых генералы и Сталин не стремились доводить правду о состоянии вооруженных сил. Страна жила под песню Лебедева-Кумача и братьев Дмитрия и Даниила Покрасс «Если завтра война» из одноименного кинофильма:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!

Если завтра война, — всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко.

.....

От фашистской орды мы себя защитим, —
Мы готовились к бою недаром, —
И на вражьей земле мы врага разгромим
Беспощадным, могучим ударом!

Тем трагичнее было отрезвление, наступившее после 22 июня 1941 года. Ведь советских граждан если не с пеленок, то, по крайней мере с дошкольного возраста приучали

Почему победила Красная Армия?

жить в ожидании неизбежной и скорой войны с капиталистическим окружением, в которой Красная Армия одержит быструю и легкую победу. Так, искусствовед Андрей Дмитриевич Чегодаев, в 30-е годы работавший редактором Издательства детской литературы, вспоминал: «Реальная современная жизнь входила в дошкольную книгу почему-то прежде всего через военную тематику. Вряд ли это было придумано самим Детиздатом, скорее всего в неких высших педагогических сферах решили воспитывать воинственный, героический дух с младенческого возраста или решили, что военная романтика будет доступнее и притягательнее для малых ребят, во всяком случае, для мальчишек. Но дошкольные книги на военные темы появлялись неоднократно как нечто естественное». Разумеется, решения на предмет военной пропаганды принимали отнюдь не высшие педагогические, а высшие политические инстанции. И касались они не только дошкольного, но и всех возрастов, вплоть до пенсионного. Страна жила в атмосфере постоянной подготовки к войне. Даже на двух из трех самых ходовых денежных купюр были изображены военные. Если на однорублевке был запечатлен шахтер-стахановец, то на трехрублевке — красноармеец-пехотинец, а на пятирублевке — красный летчик. Самыми же популярными темами песен были винтовка, тачанка, красные кавалеристы, летчики, моряки, танкисты и т. д. Подобного рода пропаганда прививала населению психологию осажденной крепости, учила безропотно переносить отнюдь не временные трудности, постоянно практикующуюся замену масла на пушки. Это гарантировало единство внутреннего фронта и в этом смысле обеспечивало победу в будущей войне. Но оборотной стороной такой практики стала привычка к еще не начавшейся войне, обманчивое чувство, что к войне мы уж точно готовы. Такого рода ощущение только расхолаживало людей, в том числе и тех, кто по должности отвечал за реальную боеготовность вооруженных сил. В результате поражения первых месяцев Великой Отечественной войны стали шоком для народа.

Также еще до начала войны написали песню, предназначенную явно для освободительного похода 1941 года (композитор Александр Александров, поэт Олег Кольчев):

По-над Збручем, по-над Збручем
Войско Красное идет,
Мы любых врагов проучим —
Тимошенко нас ведет!

Вспомнил маршал путь героический,
Вспомнил он двадцатый год,
Как орел взглянул на войско
И скомандовал: «Вперед!»

И пошли мы грозной тучей
Как умеем мы ходить,
Чтобы лавою могучей
Мразь фашистскую разбить!¹

Мы идем вперед с боями,
И куда ни погляди,
Тимошенко вместе с нами,
Тимошенко впереди!

Похоже, сначала песню написали для «освободительного подхода» 1939 года, а в 1941 году в тексте исправили только одно двустипие. Также не исключено, что первоначально в песне фигурировал тогдашний нарком Ворошилов, поскольку Тимошенко в 1939 году не был ни наркомом, ни маршалом. Вообще, со сменой наркома менять в песнях Ворошилова на Тимошенко было очень удобно. Збруч же, река на советско-польской границе 1939 года, поэтому она и попала в песню. Заменять же Збруч на Буг, который стал границей с оккупированной Германией Польшей, не стали, хотя размер и позволял. Все-таки главный удар предполагалось наносить на юго-западе, а для бойцов Киевского особого военного округа, которому суждено было превратиться в Юго-Западный фронт, Збруч все же был роднее и ближе, чем Буг.

---

¹ Первоначальный вариант: «Чтобы братьев там, за Збручем, От ярма освободить», был явно ориентирован на «освободительный поход» 1939 года. — Б. С.

Почему победила Красная Армия?

Может показаться странным, что в песне прямо называлась «фашистская мразь». Фашистами, конечно, советская пропаганда порой называла и правительство Польши, но в контексте 1941 года этот эпитет однозначно связывался с Германией. Но тут стоит заметить, что и в предвоенном фильме «Если завтра война» напавшие на Советскую страну враги гораздо больше напоминали немцев, чем англичан. В последние предвоенные месяцы в СССР начал постепенно осуществляться поворот к антинемецкой пропаганде, причем начали, естественно, с более абстрактных видов пропаганды — с художественных произведений. Показательным стало присуждение Сталинской премии в начале 1941 года явно антигерманскому фильму Сергея Эйзенштейна «Ледовое побоище». До открытой газетной кампании, конечно, было еще далеко, а в фильмах и песнях в качестве оправдания можно было сослаться на художественную образность.

И не только в песнях и фильмах господствовали шапкозакидательские настроения. По мнению видного шведского военного историка Леннарта Самуэльсена, советский Генштаб вплоть до 1941 года «продолжал исходить из сверхоптимистических прогнозов, основанных на мнимом превосходстве Красной Армии над вероятным противником». Этот оптимизм явно разделялся Сталиным. Не исключено, что генералы боялись разрушить радужную картину, существующую в мозгу генсека. Сталин также верил, что Гитлер не решится напасть на СССР и что фюрер не догадывается о грядущем вторжении Красной Армии в Европу.

Однако Гитлер совсем не был наивным политиком. Он несколько не сомневался, что Сталин — его главный противник на континенте, дружить с ним не собирался, а думал покончить с ним одним ударом, еще до того, как западные союзники смогут оказать России сколько-нибудь действительную помощь.

В принципе для Красной Армии, вплоть до конца войны уступавшей вермахту в качестве подготовки личного состава, особенно в технических родах войск, и в уровне коман-

дования, а также в мобильности, наиболее выгодным образом действий была бы оборона, предусматривавшая ведение войны на истощение. Тогда безвозвратные потери не оказались бы в 10 раз больше, чем безвозвратные потери вермахта. Танки стоило бы использовать прежде всего для непосредственной поддержки пехоты, а истребители и бомбардировщики должны были действовать вместе и иметь своей главной целью поддержку войск непосредственно на поле боя. Только для этого требовалось еще мало-мальски обучать летчиков и танкистов. А для этого танков и самолетов должно было быть значительно меньше, чем реально было в июне 1941 года. Чтобы более или менее сносно обучить такую прорву людей, которые могли бы одновременно управлять более чем 20 тыс. танков и более чем 20 тыс. самолетов, не хватало ни горючего, ни инструкторов. Сталин и его генералы гнались за количеством, забывая о качестве. А это делало советское поражение в начальный период войны неизбежным, независимо от того, кто успеет ударить первым.

Но Сталин мог придерживаться наступательной и только наступательной стратегии. Иначе он должен был бы признать, что его Красная Армия — не самая сильная в мире, а его военно-промышленный комплекс — не самый мощный. Иосиф Виссарионович никак не мог воспитывать своих подданных в оборонительном духе, в осознании, что нам придется долго и трудно обороняться, прежде чем придет желанная победа. Такого рода пропаганда до войны и подобная стратегия в ходе войны серьезно угрожали устойчивости политического режима. Сталин прекрасно помнил, что в Первой мировой войне именно оборонительная стратегия и длительная позиционная война способствовали разложению русской армии и тыла, что в итоге привело к Февральской революции. А повторения революционной ситуации он, разумеется, не хотел и стремился избежать этого любой ценой. А цена заключалась в миллионах человеческих жизней. Правда, Сталин, возможно, помнил, что окончательно подорвало мощь русской армии и спровоцировало

революцию единственное с формальной точки зрения успешное наступление русской императорской армии — знаменитый Брусиловский прорыв. Огромные безвозвратные потери, значительно превышавшие неприятельские, деморализовали русские войска и общественность. Но советское общество 30-х — 40-х годов было несравненно более закрытым, чем российское общество 1914—1917 годов. Поэтому в тылу не знали о чудовищных потерях Красной Армии, а те, кто догадывался об их истинном размере, были лишены возможности донести это свое знание до соотечественников и тем более — хоть как-то воздействовать на власть и спросить с них за большие потери. Любые пораженческие разговоры немедленно и жестоко пресекались. НКВД, имевшее широкую сеть осведомителей, работало безотказно. Все это также способствовало устойчивости внутреннего фронта, в конечном счете гарантировало победу, но многократно увеличивало ее цену для советского народа.

Стоит отметить, что, придерживаясь сугубо наступательной доктрины, Сталин, по сути, опирался на военную традицию царской России и следовал целиком в ее русле. Еще в начале XX века военно-политическое руководство царской России продолжало придерживаться наступательной военной доктрины, хотя армия все более отставала в техническом отношении от потенциальных противников. Русский флот, хотя и считался накануне Русско-японской войны третьим в мире по количеству и тоннажу боевых кораблей после британского и французского, не мог на равных тягаться не только с ними, но и с японским флотом. Это блестяще доказала Цусима.

Уроки Русско-японской войны ничему не научили русских военных. Один из видных теоретиков — генерал Андрей Елчанинов в книге «Ведение современных войн», вышедшей в 1909 году, ратовал за наступательную военную доктрину и ориентировался на суворовскую стратегию сокрушения, которую считал вершиной военного искусства. Елчанинов утверждал: лучше воскресить хорошее свое — су-

воровское, нежели заимствовать столь же хорошее, но чужое, поскольку «у нас богатая доктрина ведения современного боя на заветах нашей святой старины». Замечу, что после Суворова и Барклая-де-Толли наша страна не дала ни одного полководца европейского уровня. Сталину вполне близок был тезис о том, что Красная Армия, как раньше — русская, должна иметь свою собственную стратегию, заимствуя у потенциальных противников и союзников, в лучшем случае, военно-технические общества. Не случайно же немецкие уставы и тактические приемы стали заимствовать только на втором-третьем году Великой Отечественной войны.

Неудивительно, что русские военные планы накануне Первой мировой войны были сугубо наступательными. В XIX веке русская армия привыкла побеждать, а неудачи в Крымской и Русско-японской войне казались досадными недоразумениями. Русский Генштаб собирался нанести два главных удара — по Восточной Пруссии и Галиции, чтобы разбить основные германские и австро-венгерские силы на Востоке. Эту традицию повторил и советский Генштаб, вплоть до начала 1941 года собиравшийся нанести два главных удара в тех же стратегических направлениях. На случай затяжной войны, к которой русская армия в 1914 году не была готова, расчет делался на поставку вооружения и техники от союзников — Англии и Франции. Точно такие же расчеты были и у Сталина.

Действительность оказалась иной как в 1914-м, так и в 1941 году. Когда Германия в 1915 году перенесла основные усилия на Восток, русские армии оказались разбиты. Единственное успешно начавшееся стратегическое наступление Брусилова в 1916 году очень быстро истощило силы русской армии из-за стремления командования задавить врага массой пехоты. В результате русские потери в 2—3 раза превысили потери противника. Также и русский Черноморский флот не смог ликвидировать или хотя бы парализовать гораздо более слабый германо-турецкий флот на Черном море, а на Балтике в конце концов потерпел поражение — в связи с

Почему победила Красная Армия?

захватом осенью 1917 года германской армией и флотом Моонзундских островов. Но тут уже, конечно, сказалось разлагающее влияние революции. А в 41-м германский удар оказался еще более сокрушительным, отбросив Красную Армию всего за каких-нибудь четыре месяца к окраинам Москвы, Ленинграду и предгорьям Кавказа.

Советская военная доктрина уже в первые годы после завершения Гражданской войны довольно быстро приобрела наступательный характер и пропагандировала идеи тотальной войны. Только Лев Троцкий вплоть до своего смещения в январе 1925 года с поста наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета поддерживал оборонительный характер действий Красной Армии, напуганный катастрофическим поражением Красной Армии под Варшавой. Он разделял идеи Александра Андреевича Свечина, известного русского военного теоретика, генерал-майора Генерального штаба, предлагавшего в будущей войне с сильнейшими державами Европы и Японией использовать стратегию истощения. Она должна была заключаться в следующем: отступлением следовало завлечь интервентов в глубь России, а там уже, мобилизовав все силы и пользуясь затруднением неприятеля с подвозом, из-за плохих дорог, нанести его измотанным частям контрудар. Новый глава военного ведомства Михаил Фрунзе, а вслед за ним и Сталин выступали сторонниками «тотальной войны». Фрунзе утверждал, что «войны втягивают в свой крутоворот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения общественные институты». Хотя Красная Армия была сокращена к 1926 году до 562 тыс. человек и переведена на территориально-милиционную систему комплектования, поскольку содержание более многочисленной кадровой армии было не под силу ослабленной Гражданской войной экономике, эта мера рассматривалась как временная, пока не удастся создать собственную развитую военную промышленность. Снабжать же новую, гораздо более многочисленную армию в будущем, когда придет время распространять ми-

ровую революцию на сопредельные страны Европы, должно было согнанное в колхозы крестьянство.

Пока же территориально-милиционная система не могла дать хорошо подготовленных бойцов. Основная масса резервистов призывалась только на несколько недель в год на военные сборы, но действительную службу не служила. Тем не менее по численности эта армия превосходила армии всех государств-лимитрофов и Германии. План развертывания Красной Армии в конце 20-х годов на Западе предусматривал последовательный разгром Финляндии, Польши, Прибалтики и Румынии, причем, с кого начать, зависело от военно-политической обстановки.

К концу 30-х годов милитаризация экономики позволила иметь боевую технику, по качеству во многих случаях не уступавшую, а по количеству далеко превосходившую потенциальных противников. Еще в конце 20-х годов была разработана теория «глубинной наступательной операции», предусматривающая использование танков, авиации и воздушных десантов для прорыва обороны противника на всю оперативную глубину и захват его стратегически важных объектов. Развитие советской военной теории шло в том же направлении, что в Англии и Германии. Однако там подобные операции должны были осуществлять высокопрофессиональные армии. В Красной Армии из-за низкого образовательного ценза уровень подготовки был значительно ниже, чем у немцев или англичан, особенно в технически сложных родах войск: в авиации, на флоте, войсках связи, танковых войсках. В 30-е годы постепенно происходил переход ко всеобщей воинской обязанности. Большинство призывников уже служили полноценную действительную службу в течение нескольких лет, но окончательно закон об этом был принят только 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны. Дивизии, сформированные из территориалов, показали особенно низкую боеспособность во время конфликта на Халхин-Голе и войны с Финляндией. До начала Великой Отечественной войны система всеобщей во-

Почему победила Красная Армия?

инской повинности в полном объеме действовала меньше двух лет. За этот период те резервисты, которые прежде призывались только в рамках милиционной системы, к повторной переподготовке не привлекались. В результате, когда началась война с Германией, значительная часть резервистов практически не умела воевать, хотя и считалось, что они уже служили в Красной Армии. Их переподготовкой поэтому не занимались, а сразу бросали в бой, что вело к очень большим потерям.

Советская военная доктрина, напомним, предусматривала войну «малой кровью и на чужой территории». После неудачи в финской войне новый нарком обороны Семен Тимошенко вынужден был уточнить: «Мы будем побеждать малой кровью только тогда, когда научимся образцово владеть своей техникой, применять ее в любых сложных условиях, когда наши люди будут обучены воевать». Тем не менее все планы развертывания Красной Армии на Западе предусматривали возможность ведения успешной наступательной войны против Германии один на один и достижения молниеносной победы. Согласно уже упоминавшемуся последнему из них, плану превентивного удара по Германии от 15 мая 1941 года, советские войска на 30-й день войны должны были уничтожить войска противника в Чехии и окружить группировку вермахта в Польше и Восточной Пруссии.

К 22 июня 1941 года Красная Армия в целом имела почти в 6 раз больше танков и в 3 раза больше самолетов, чем вермахт, имела 5 воздушно-десантных корпусов против одной парашютной дивизии у немцев. Однако обилие техники, да еще при нехватке средств связи, которым должного внимания не уделяли, только мешало подготовке необходимого числа специалистов и боеспособных частей. Поэтому глубокие танковые прорывы в ходе войны успешно осуществляли немцы, а наши войска научились более или менее успешно перенимать немецкий опыт лишь к концу 1942 года. В Советском Союзе впервые были созданы воздушно-десантные войска еще в 1930 году. И парашютистов в нашей стране, по

крайней мере на бумаге, было подготовлено на порядок больше, чем в Германии. Но только очень немногие из них были действительно обучены вести бой в реальных условиях десантирования. В результате успешные воздушно-десантные операции во Второй мировой войне осуществляли только немцы, англичане и американцы. За Красной Армией — лишь провальный десант за Днепр в сентябре 1943 года, когда значительную часть десантников высадили прямо в реку.

Также практически никакой роли в войне не сыграл наш военно-морской флот, с Синопа не выигрывавший крупных сражений. Потери германских ВМС на Востоке с начала войны с Польшей и до конца 1944 года составили убитыми и пропавшими без вести всего 7719, тогда как общие безвозвратные потери за тот же период достигли 160 285 моряков. Таким образом, потери на Восточном фронте не превышали 4,8 процента (включая потери в Польскую кампанию 1939 года). Таков вклад советского военно-морского флота в общую победу. Победу опять покупала своей кровью пехота, как и в Первой мировой войне.

ВЕЛИКАЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ: КАК ШЛИ МЫ К ПОБЕДЕ

Как и всякая война, Великая Отечественная война и события, ей предшествовавшие, начали мифологизироваться еще в ходе боевых действий, в 1941—1945 годах. Основой мифа стали героизм и жертвенность. Основой мифологии стали выступления и приказы Сталина. В своем первом выступлении в период Великой Отечественной войны, 3 июля 1941 года, советский вождь уже создал несколько мифов, в преобразованной форме бытующих в России еще сегодня. До этого выступления он лелеял надежды, что германский удар удастся отразить контрударами мощных советских танковых группировок, а советская авиация, оправившись от первого удара, все-таки сможет если не завоевать господство в воздухе, то хотя бы на равных сражаться в люфтваффе, пользуясь своим все еще сохраняющимся численным превосходством. Когда все эти надежды не оправдались, Сталин впервые в ходе войны по-настоящему огорчился. Он назвал нападение Германии на СССР «вероломным». Это подразумевало, что Сталин прежде верил Гитлеру, что коммунисты доверяли нацистам, что абсолютно не соответствовало действительности даже на уровне обыденного здравого смысла. Эпитет «вероломный» поэтому изначально имел чисто мифологический смысл. Советский Союз представлялся в виде благородной и даже немного наивной жертвы злого агрессора, не признающего ни норм международного права, ни законов ведения войны. Мифологические образы требу-

ют мифологического восприятия. Красная Армия, по словам Сталина, с первого же дня оказывала «героическое сопротивление». По его утверждению, только на советской территории «немецко-фашистская армия» впервые встретила «серьезное сопротивление, которого не встречала прежде «на континенте Европы». Даже упорное сопротивление Англии, выигравшей воздушную битву с люфтваффе над Британскими островами, Сталин прямо не назвал, ограничившись лишь оговоркой об отсутствии серьезного сопротивления немецкому вторжению на «континенте Европы».

Между тем, если сравнивать с кампаниями вермахта в Польше и во Франции, Красная Армия за первые двенадцать дней войны потерпела даже более тяжелые поражения, чем польские или французские войска, и утратила значительно большую территорию, чем поляки, французы и их союзники. К 3 июля германские войска заняли основную часть Белоруссии и уничтожили главные силы советского Западного фронта. К этому времени немцами были также захвачены Литва и почти вся Латвия с Ригой. Вермахтом была оккупирована и Западная Украина со Львовом, а также значительная часть Правобережной Украины. Немецкие войска, захватив Бердичев, вышли на дальние подступы к Киеву. Советские войска Юго-Западного фронта, хотя и сохранили пока еще значительную часть живой силы, безвозвратно потеряли подавляющее большинство своих танков. Потери советской авиации к 11 июля 1941 года, по немецким данным, составили около 6,3 тыс. машин. Это было во много раз больше, чем общее количество танков и самолетов, потерянных Польшей, Францией, Англией, Бельгией и Голландией в 1939—1940 годах, и, наверное, в десятки раз больше, чем их потери за первые двенадцать дней боев в Польше в сентябре 1939 года и во Франции в мае 1940 года. Что же касается площади оккупированной немцами к 3 июля 1941 года советской территории, то она превышала 480 тыс. квадратных километров. Она была примерно равна тем территориям Польши и Франции, которые были оккупирова-

Почему победила Красная Армия?

ны вермахтом в ходе сентябрьской кампании 1939 года и майской июньской кампании 1940 года. Таким образом, получается, что если бы на месте Советского Союза были бы Польша и Франция, то их положение после двенадцати дней боев было бы абсолютно безнадежным. Основная часть их территорий вместе со столицами была бы занята врагом, а вооруженные силы почти полностью уничтожены.

Значит, Красная Армия в первые дни и недели Великой Отечественной войны сражалась не лучше, а хуже польской и французской армий. К полякам здесь трудно предъявить какие-либо претензии. Они мужественно сражались до конца, в абсолютно безнадежном положении, в условиях, когда неприятель превосходил польскую армию вдвое по численности бойцов и имел подавляющее количественное и качественное превосходство в танках и авиации. А вот молниеносный крах французской армии послужил для многих, в том числе для Сталина, неприятным сюрпризом. Ведь численность войск сторон на Западном фронте к моменту начала майского наступления вермахта была примерно равна. Немцы также не имели сколько-нибудь серьезного преимущества в авиации и танках. Тем не менее союзники оказались разбиты. Причина заключалась в низком моральном духе и боевой подготовке французской армии, а также в отсталости французской военной доктрины. Подавляющее большинство французских генералов к началу войны так и не прониклись идеей массированного применения танков, имели очень слабое представление о принципах взаимодействия авиации с сухопутными войсками. Они не имели сколько-нибудь толковых планов наступления против Германии, а рассчитывали отсидеться за укреплениями линии Мажино. Все это и привело к катастрофе. Сталин совершенно справедливо иронизировал над неспособностью французской армии сражаться. Но теперь неожиданно выяснилось, что Красная Армия сражается еще хуже французов. Для Иосифа Виссарионовича это стало подлинным потрясением.

Данный пример наглядно демонстрирует роль двух факторов, сыгравших решающую роль в советской победе. Это — огромное пространство СССР и его почти неисчерпаемые людские ресурсы. Если бы Советский Союз был бы площадью, скажем, с Францию (550 тыс. квадратных километров), то он был бы полностью оккупирован германской армией уже через две недели войны. А если бы советское население было бы равно по численности тогдашнему французскому (в действительности оно превышало его почти в пять раз), то уже через четыре месяца войны, после катастрофы под Вязьмой, были бы полностью исчерпаны абсолютно все ресурсы пополнения армии, и Москва вынуждена была бы капитулировать. Можно сказать, что в ходе войны Советский Союз полностью положил на поле боя четыре полных состава своей действующей армии. И только пятый состав одержал победу над вермахтом, чья численность на Восточном фронте к концу войны составляла едва треть от той, что была в первый год войны.

Причины катастрофических поражений советских войск в первые недели войны заключались не только в низком уровне их боевой подготовки и боеготовности и во внезапности германского нападения, но и в их крайне невыгодной группировке вдоль западных границ.

Когда Сталин планировал вторгнуться в Европу в июле 1941 года, главный удар, как мы помним, он собирался наносить на юго-западном направлении. Соответственно именно здесь и была сосредоточена основная ударная группировка Красной Армии. Советская разведка утверждала, будто именно в данном районе расположены главные силы вермахта на Восточном театре боевых действий, хотя достоверными данными о планах германского командования, как признавался Генштаб, она не располагала. Думаю, в том, что для главного удара было выбрано юго-западное направление, не последнюю роль сыграло то, что руководители наркомата обороны — маршал Тимошенко и генерал армии Жуков по своей предыдущей службе были очень тесно связаны с Ки-

Почему победила Красная Армия?

евским военным округом. А уж армейская разведка, догадываясь, чего хотят от нее высшие начальники, постаралась им угодить и представила сведения, что как раз на юго-западе и сосредоточены основные силы немцев. Семену Константиновичу и Георгию Константиновичу сподручнее было наступать с теми войсками и командирами, которых они хорошо знали и в свое время сами выдвигали на вышестоящие должности. Иначе выбор юго-западного направления из чисто стратегических соображений объяснить невозможно. С тем же успехом можно было бы наносить главный удар, например из Белоруссии в направлении Варшава — Берлин. Кстати сказать, когда в начале лета 1944 года Красная Армия приблизилась к старой польской границе 1939 года, то главный удар было решено наносить именно в Белоруссии с выходом к Варшаве. С тем же успехом можно было пытаться планировать сделать это и летом 41-го, если бы удалось ударить первыми. То соображение, что удар на юго-западном направлении отрезал от Германии Балканы и прежде всего Румынию с ее нефтяными месторождениями, само по себе не может служить достаточным объяснением. Ведь Сталин планировал молниеносную войну, и тут лишение доступа к источникам энергии не играло большого значения. Несколько месяцев противник мог продержаться и на накопленных запасах. Главным в молниеносной войне было разгромить основные силы неприятельской армии. Тимошенко, Жуков и Сталин поверили, что наиболее мощная группировка вермахта находится на юго-западном направлении. И ошиблись.

На самом деле наиболее сильной немецкой группировкой к 22 июня 1941 года являлась группа армий «Центр», в состав которой входили две из четырех танковых групп. Главный же советский удар никак не мог прититься по 100 немецким дивизиям. Во всей группе армий «Юг» было 38 дивизий, из которых непосредственно под советский удар попадали только 8.

Но даже если бы Сталин все-таки успел бы предупредить Гитлера, эти 8 дивизий он вряд ли бы сумел уничтожить. От того, что Красная Армия наступала, а не оборонялась, «сталинские соколы» не стали бы лучше летать, а танкисты — более умело сражаться и бережнее относиться к технике. Можно не сомневаться, что и в случае советского наступления люфтваффе в первый же день все равно завоевали бы господство в воздухе. А танковые группы армий «Центр», возможно, усиленные еще одной танковой группой из группы армий «Север», пусть не в первый день, но через три-четыре дня нанесли бы мощный фланговый контрудар и отрезали бы основную советскую и ударную группировку. Тогда бы тот грандиозный котел, который в реальности возник в сентябре 41-го в районе Киева, появился бы уже в июле где-то в российско-польском пограничье. А дальше бы ход войны был бы примерно таким же, как и после действительно происшедшего германского нападения на СССР 22 июня 1941 года.

Ну, а в условиях, когда в настоящей войне главный удар немцев пришелся по Западному фронту, сложившаяся наступательная группировка Красной Армии у западных границ только ухудшала положение советских войск. Ударные группировки оказались в далеко вдававшихся в расположение немцев Белостокском и Львовском выступах и сразу же подверглись угрозе окружения. В итоге белостокская группировка была окружена и уничтожена, а львовская группировка, хотя и избежала окружения, но понесла большие потери и не успела отразить фланговые удары немцев и сдержать их наступление к Днепру.

Еще хуже было то, что гораздо больше войск оказалось на Украине, чем в Белоруссии. В результате после разгрома Западного фронта в первую же неделю войны пришлось спешно перебрасывать резервы с Украины на смоленское направление под ударами господствовавшей в воздухе германской авиации. Прибывающие войска вступали в бой по

Почему победила Красная Армия?

частям, часто без артиллерии и тыловых служб, и терпели поражения.

В той же речи 3 июля Сталин дал оценку пакту о ненападении 1939 года: «...Фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства... Как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неременном условии — если мирное соглашение не затрагивает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом».

Сталин перечислил преимущества, будто бы полученные СССР от пакта: «Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакта».

Германия же, по мнению Сталина, «добилась некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах своего мира, как кровавого агрессора».

О своем реальном выигрыше от пакта — то, что он открыл дорогу ко Второй мировой войне и обеспечил СССР

присоединение ряда территорий в Восточной Европе, Иосиф Виссарионович, естественно, не мог сказать открыто. Равно как и о том, что это одновременно было главным выигрышем Гитлера (и одновременно — проигрышем, учитывая конечный итог войны). Пакт позволил Германии сокрушить Польшу и Францию и начать войну СССР почти что один на один.

В этой первой своей речи, посвященной Великой Отечественной войне, Сталин жестко определил альтернативу: «Дело идет... о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в рабство».

Сразу после выступления по радио 3 июля по приказу Сталина были арестованы генерал армии Д.Г. Павлов и другие руководители Западного фронта, на которых была возложена основная вина за катастрофу первой недели войны. Вскоре их и еще некоторых генералов с других фронтов расстреляли — для взбодрения остальных командующих. Гитлер своих генералов и фельдмаршалов за неудачи с должности снимал, и неоднократно. Началось это после поражения под Москвой. Но казнить своих генералов фюрер стал не за поражения, а за конкретную причастность к заговору 20 июля. Однако и Сталин в дальнейшем, вплоть до конца войны, высший комсостав почти не расстреливал, предпочитая понижать в звании. Так было, например, после разгрома советских войск на Керченском полуострове в мае 1942 года. Очевидно, в первые дни войны Иосиф Виссарионович действительно думал, что неудачи — следствие бездарности отдельных генералов, которых просто надо заменить на других, более талантливых. Но когда и новые командующие ничего не смогли сделать со стремительно рвущимся к Москве, Ленинграду и Киеву вермахтом, Сталин понял, что если всех провинившихся перемещать в «штаб Тухачевского», то вскоре вести в бой фронты и армии будет просто некому. Поэтому пришлось иметь дело с теми генералами и маршалами, которые были. Точно так же, между прочим, в

Почему победила Красная Армия?

свое время Иосиф Виссарионович писал руководителям писательского союза, жаловавшимся, как трудно руководить метущимися творческими личностями — писателями: других писателей, мол, у меня для вас нет. А теперь вот самому пришлось непосредственно столкнуться с той же проблемой. Иосиф Виссарионович так и писал своему бывшему помощнику и доверенному лицу Льву Захаровичу Мехлису, ответственному, в качестве представителя Ставки, за катастрофу на Керченском полуострове: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля (Мехлис занимал пост наркома Госконтроля. — Б. С.), а как ответственный представитель Ставки. Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова (командующего Крымским фронтом. — Б. С.) кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

А в 1941 году Сталин в конце концов смог остановить немецкое наступление простым, хотя и малоэффективным с точки зрения сбережения человеческих жизней способом. Он приказал бросать в бой необученные пополнения, не

тратя время на их подготовку, чтобы хоть как-то прикрыть фронт, обнажившийся после гибели кадровых дивизий в первые недели войны. Той же цели служило и формирование ополченческих дивизий, куда набирали в добровольном, а часто — в добровольно-принудительном порядке, людей, в большинстве своем никогда прежде не служивших в армии. Ополченцы гибли целыми полками. Вновь сформированные регулярные дивизии несли лишь немногим меньшие потери. По замыслу Сталина, они должны были, в свою очередь, причинять большие потери немцам и постепенно истощать их силы.

Но на самом деле немецкие потери в России в первые недели войны лишь незначительно превышали потери вермахта в польской и французской кампаниях, во время высадки в Норвегии и войны на Балканах. Так, к 6 июля 1941 года, за первые 15 дней советско-германской войны, сухопутные силы вермахта потеряли убитыми 14 698 человек и пропавшими без вести — 5091 человек. Это уже превысило, хотя и ненамного, безвозвратные потери за 36 дней польской кампании, с 1 сентября по 6 октября 1939 года. Тогда германская сухопутная армия потеряла убитыми 16 343 и пропавшими без вести 320 солдат и офицеров. К этому надо добавить 237 погибших и 234 пропавших без вести в составе люфтваффе в ходе войны с Польшей. Потери германского флота были незначительными. К 31 июля 1941 года, за первые 40 дней советско-германской войны, потери германских вооруженных сил на Восточном фронте достигли 46 470 убитыми и 11 758 пропавшими без вести. Эти цифры уже немного равнялись суммарным безвозвратным потерям германских сухопутных сил в ходе французской кампании, составившим 48 тыс. погибшими и 978 человек пропавшими без вести. Эта кампания, напомним, длилась 39 дней. Правда, по соотношению безвозвратных потерь с потерями противника Красная Армия уже в первые полгода войны воевала эффективнее, чем поляки в сентябре 39-го и союзники в мае — июне 40-го. Поляки потеряли 66,3 тыс. убитыми и

Почему победила Красная Армия?

около 694 тыс. пленными. Это дает общее соотношение безвозвратных потерь 44,2:1. Потери французской армии в мае — июне 1940 года достигли 120 тыс. погибшими и 1,4 млн пленными. Бельгийцы потеряли 7,5 тыс. погибшими и 200 тыс. пленными, голландцы — 2,9 тыс. погибшими и 20 тыс. пленными, а англичане — 11 тыс. погибшими и 41,3 тыс. пленными. Это, в свою очередь, дает соотношение безвозвратных потерь 36,8:1. Безвозвратные потери Красной Армии, по моей оценке, за первые полгода войны составили около 1,6 млн. погибшими и около 3,9 млн пленными. Потери германской сухопутной армии в России за тот же период можно оценить в 301 тыс. человек погибшими и пропавшими без вести. Потери люфтваффе за тот же период можно оценить около 10 тыс. человек, а потери германского флота на Востоке принять пренебрежимо малыми — не более чем в 1 тыс. человек. Это дает соотношение советских и германских безвозвратных потерь 17,6:1, что в 2—2,5 раза лучше, чем для противников в Германии в польской и французской кампаниях. Фактически же это соотношение было еще более благоприятным для Красной Армии, поскольку в борьбе с ней безвозвратные потери несли армии Финляндии, Румынии, Венгрии, Италии и Словакии. С учетом этих потерь, составивших в сумме, вероятно, 20—30 тыс. погибших и пропавших без вести, соотношение безвозвратных потерь может уменьшиться до 16:1.

Однако надо иметь в виду, что безвозвратные потери поляков и французов более чем на 90 процентов состоят из пленных, в то время как со стороны немцев пленных в этих кампаниях почти не было. Если исключить из подсчета пленных и условно принять всех немецких пропавших без вести погибшими, то соотношение для польской кампании станет равным 4,0:1, а для французской кампании — 2,9:1. А для советско-германского фронта за первые полгода войны, при исключении из подсчета пленных (здесь также все пропавшие без вести немцы принимаются погибшими), соотношение потерь погибшими будет 5,1:1, а с учетом потерь

союзников Германии — около 4,8:1. Таким образом, если брать соотношение потерь погибшими, то для польской и французской армий оно окажется даже несколько более благоприятным, чем для Красной Армии.

Между тем огромное количество потерь пленными для польской, французской и бельгийской армий вызывалось объективными обстоятельствами: оккупацией всей территории Бельгии германской армией, оккупацией всей территории Польши вермахтом и Красной Армией и оккупацией большей части территории Франции с основными жизненными центрами, включая Париж, германской армией. Таким образом, относительно меньшие безвозвратные потери Красной Армии объясняются не превосходством советского военного искусства над французским или польским (при таком чудовищном соотношении потерь ни о каком советском военном искусстве в собственном смысле слова говорить наверное, не приходится), а наличием у Советского Союза достаточно обширной территории и людских ресурсов для продолжения организованного сопротивления. Счастье страны заключалось в том, что армия и государство не развалились после тяжелейших неудач, а смогли продолжать борьбу.

Стоит отметить, что в дальнейшем, в 1942—1945 годах, соотношение суммарных безвозвратных потерь (погибшими и пленными) постепенно становилось более благоприятным для Красной Армии за счет уменьшения числа советских пленных и роста числа германских солдат и офицеров, попавших в советский плен. Вместе с тем вплоть до конца войны советские безвозвратные потери неизменно превышали немецкие, а соотношение потерь убитыми стало даже еще более неблагоприятным для советской стороны по сравнению с 1941 годом. Уменьшение потерь пленными привело к росту потерь убитыми в рядах советских войск. При этом вплоть до 1943 года включительно число советских пленных в несколько раз превышало число немецких. Затем соотношение поменялось на прямо противоположное.

Почему победила Красная Армия?

Остановить германское наступление в 41-м и удержать фронт Сталину удалось посредством прежде всего контрударов и контрнаступлений. При этом большинство контрударов оказывалось неудачными. Советские механизированные корпуса, попытавшиеся перейти в наступление уже на второй день войны, были разгромлены прежде всего с помощью люфтваффе, завоевавших господство в воздухе. Следующим советским контрударом стала попытка деблокады войск, окруженных в районе Смоленска. Она также закончилась неудачей. После этого был успешный контрудар возглавляемого Жуковым Резервного фронта в районе Ельни, однако он происходил в тот момент, когда германское командование готово было пожертвовать Ельнинским выступом ради успеха окружения основных сил советского Юго-Западного фронта в районе Киева. Так что по большому счету со стратегической точки зрения контрудар под Ельней принес только вред, поскольку отвлек силы и средства Красной Армии от того направления, где разворачивалось решающее сражение. А вот в моральном отношении значение Ельнинской победы было велико. Ведь это был первый успешный советский контрудар в масштабе фронтовой операции в Великой Отечественной войне. И это обстоятельство было широко использовано пропагандой для поднятия боевого духа армии и народа. С Ельни также началась слава Жукова как великого полководца Великой Отечественной войны. Сталин поверил, что Жуков лучше всех остальных генералов умеет наступать, и старался поручать ему руководство войсками, наносящими удары на решающих направлениях.

Эти наступления сопровождалось большими жертвами, но иначе Красная Армия и советские полководцы побеждать не могли. Будь население СССР тогда миллионов на 50—60 поменьше, мы вполне могли бы проиграть войну, несмотря на помощь западных союзников.

Мало кто знает, что с первых же дней войны Сталин требовал от своих генералов расстреливать не только немецких

пленных, но даже перебежчиков. Вот очень характерный разговор по прямому проводу между Сталиным и командующим Резервным фронтом, наступавшим на Ельню, Г.К. Жуковым, состоявшийся 4 сентября 1941 года: «У аппарата Жуков.

У аппарата Сталин, Шапошников. Здравствуйте. Вы, оказывается, проектируете по ликвидации Ельни направить силы в сторону Смоленск, оставив Рославль в нынешнем неприятном положении. Я думаю, что эту операцию, которую вы думаете проделать в районе Смоленска, следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. А еще лучше было бы подождать пока со Смоленском, ликвидировать вместе с Еременко (командующим Брянским фронтом. — Б. С.) Рославль и потом сесть на хвост Гудериану, двигая некоторое количество дивизий на юг. Главное — разбить Гудериана, а Смоленск от нас не уйдет. Все.

Жуков. Здравия желаю, тов. Сталин. Тов. Сталин, об операции в направлении на Смоленск я не занимался и считаю, этим делом должен заниматься Тимошенко. Удар 109, 149 и 104 (стрелковых дивизий. — Б. С.) я хотел бы нанести сейчас в интересах быстрейшего разгрома ельнинской группировки противника, с ликвидацией которой я получу дополнительно 7—8 дивизий для выхода в район Починок и, заслонившись в районе Починок в сторону Смоленска, я мог бы нанести удар в направлении Рославль и западнее, т.е. в тыл Гудериану. Как показывает опыт, наносить глубокий удар 3—4 дивизиями приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями. Вот почему я просил Вашего согласия на такой маневр. Если прикажете бить на Рославльском направлении, это дело я могу организовать, но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню. Сегодня к исходу дня правым флангом нашей ельнинской группировки занята Софиевка. У противника горловина осталась всего 6 км. Я думаю, завтрашним днем будет закончено полностью тактическое окружение. Все.

Почему победила Красная Армия?

Сталин. Я опасаюсь, что местность в направлении на Починок лесисто-болотистая и танки у вас застрянут там.

Жуков. Докладываю. Удар намечается через Погуляевка южнее р. Хмара по хорошей местности с выходом в район Сторено — Васьково, 30 км северо-западнее Рославль, километров 10 южнее Починок. Кроме того, наносить удар по старому направлению не следует. На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23 пехотная дивизия сменена 267 пехотной дивизией, и тут же он наблюдал части СС. Удар севернее выгоден еще и потому, что он придется по стыку двух дивизий. Все.

Сталин. Вы в военнопленных не очень верьте, опросите его с пристрастием, а потом расстреляйте. Мы не возражаем против предлагаемого Вами маневра за 10 км южнее Починок. Можете действовать, особенно сосредоточьте авиационный удар, используя также РС. Когда Вы думаете начать?

Жуков. Перегруппировку произведу к 7-му. 7-го подготовка, 8-го на рассвете удар. Очень прошу поддержать меня снарядами РС, 76-мм и 152-мм снарядами 1930 года, минами 120 мм. Кроме того, если можно один полк «илов» и один полк Пе-2 и танков штук 10 КВ и штук 15 Т-34. Вот все мои просьбы. Все.

Сталин. К сожалению, у нас нет пока резервов РС. Когда будут, дадим. РСы получите, жалко только, что Еременко придется действовать одному против Рославля. Не можете ли организовать нажим на Рославль с северо-востока?

Жуков. Нечем, нечем, тов. Сталин. Могу только отдельными отрядами, подкрепив их артиллерией, но это будет только сковывающий удар, а главный удар нанесу на рассвете 8-го, постараюсь, может быть, выйдет на рассвете 7-го, Еременко еще далеко от Рославля, и я думаю, тов. Сталин, что удар 7-го или 8-го — это будет не поздний удар. Все.

Сталин. А прославленная 211-я дивизия долго будет спать?

Жуков. Слушаю. Организую 7-го. 211-я сейчас формируется, будет готова не раньше 10-го, я ее потяну в качестве резерва, спать ей не дам. Прошу Вас разрешить немедленно арестовать и судить всех паникеров, о которых я докладывал. Все.

Сталин. 7-го будет лучше, чем 8-го. Мы приветствуем и разрешаем судить их по всей строгости. Все. До свидания.

Жуков. Будьте здоровы».

Таким образом, советский Верховный Главнокомандующий предписывал расстреливать не только пленных, но даже перебежчиков, тогда как немецкие власти против советских перебежчиков репрессий не применяли.

Я не знаю, был ли расстрелян тот безвестный перебежчик под Ельней или нет, только докладывал он сущую правду. Немецкое командование приняло решение оставить Ельнинский выступ, и свежая дивизия должна была только прикрыть отход, который начался на следующий день, 5 сентября. Последующее наступление Жукова пришлось во многом по пустому месту. Ельнинская группировка выскользнула из мешка. Жуков, гнавший войска в бой репрессиями и наверняка расстрелявший упомянутых в разговоре «паникеров», не сумел уничтожить противника, хотя понес большие потери. И к своим солдатам, и к германским пленным советские руководители относились одинаково жестоко. Само же наступление на Ельню оказалось даже вредным. Пока войска Резервного фронта наступали на Ельнинский выступ, 2-я танковая группа Гудериана из района Рославля, куда так не хотел идти Жуков, зашла в тыл советского Юго-Западного фронта и замкнула кольцо вокруг Киева. Жуковское стремление идти к Ельне и Смоленску способствовало катастрофе, в результате которой в плен попало 665 тыс. красноармейцев и командиров, а командующий Юго-Западным фронтом Михаил Кирпонос погиб в бою.

Ленинградская блокада стала одной из самых трагических страниц Великой Отечественной войны. Как известно, 30 августа 1941 года войска немецкой группы армий «Север»

Почему победила Красная Армия?

перерезали Октябрьскую железную дорогу, связывающую Ленинград с Москвой, а 8 сентября прервали всякую связь Северной столицы с «Большой землей». Ленинград оказался в кольце блокады. Ленинградская блокада — одна из крупнейших гуманитарных катастроф Второй мировой войны. По числу жертв ее превзошел только холокост.

30 августа главнокомандующий группой армий «Север» фельдмаршал риттер Вильгельм фон Лееб, кстати сказать, добрый католик, никогда не симпатизировавший Гитлеру, но ставший его орудием для такого бесчеловечного дела, как блокада, записал в дневнике: «20-я моторизованная дивизия вышла к Неве в районе Ивановского. Тем самым исключена возможность ухода военно-морского флота русских из Ленинграда в Архангельск через Ладожское озеро. Одновременно у станции Мга осуществлен выход к железнодорожной линии, ведущей в Ленинград с юго-востока». Гитлер решил Ленинград не захватывать, опасаясь больших потерь при штурме города, а только окружить и уморить голодом. 5 сентября, еще до того, как кольцо блокады окончательно замкнулось, Лееб записал в дневнике: «Во время вчерашнего визита главнокомандующего сухопутными войсками обсуждались возможные дальнейшие действия после завершения операции по окружению Ленинграда... Что касается самого Ленинграда, то его не следует захватывать, но необходимо лишь окружить. Я выразил мнение, что если Ленинград вследствие голода изъявит желание сдаться, то нужно будет лишить его возможности вновь оказать сопротивление: отправить в лагеря военнопленных всех солдат и военнообязанных, собрав при этом все их наличное оружие. Тогда у Ленинграда можно будет оставить лишь незначительные силы». И уже на следующий день Лееб отметил: «По сообщению начальника Генерального штаба сухопутных войск, с сегодняшнего дня операция против Ленинграда — с учетом известных обстоятельств — должна быть прекращена. Причины неизвестны, но, возможно, они увязываются с обстановкой в группе армий «Центр». Действительно, Гитлер

торопился перебросить все ударные силы на московское направление, чтобы до зимы взять столицу. Однако в Москве не знали, что немцы не будут брать Ленинград. 8 сентября, в день, когда Ленинград был полностью окружен, Лееб констатировал: «Сегодня мы взяли Шлиссельбург, очистив и заняв весь берег Невы от Шлиссельбурга до Ивановского. Однако противник, пока другой берег Невы находится в его руках, имеет расширенные возможности по доставке подкреплений большей частью по Ладожскому озеру или эвакуации по нему населения». Фельдмаршал и не предполагал, что массовая эвакуация по Ладоге начнется только через четыре месяца!

13 сентября Жуков сменил Ворошилова во главе Ленинградского фронта. Он сразу же велел за отступление без его письменного приказа расстреливать всех командиров, политработников и красноармейцев. 15 сентября немцы вывели из-под Ленинграда основные соединения 1-го воздушно-го флота, а 18—21 сентября отсюда ушли семь дивизий 4-й танковой группы. Только после этого советские войска смогли остановить немецкое наступление на ленинградские пригороды, но прорвать блокадное кольцо в районе станции Мга не удалось. Не исключено, что это можно было бы сделать, если бы не ошибочная установка Жукова, что немцы все еще стремятся взять Ленинграда, вследствие чего он постоянно организовывал контратаки в районе Пулково и на побережье Финского залива, а не у Невской Дубровки, навстречу 54-й армии. И торопил командующего 54-й армией маршала Кулика с наступлением, чтобы прорвать кольцо блокады. Но наступление, начатое без достаточной подготовки, оказалось неудачным. Мало толку было и от того, что Жуков торопливо бросал в бой необученных и плохо вооруженных рабочих и моряков, не обеспечив на месте взаимодействия с артиллерией и авиацией. Так, 5 октября полегли все 498 бойцов отряда кронштадтских моряков во главе с полковником А.Т. Ворожиловым и комиссаром А.В. Петрухиным, высадившихся в Новом Петергофе с одними только

Почему победила Красная Армия?

винтовками и гранатами. Общее же число жертв в этих плохо подготовленных атаках исчислялось многими тысячами. Правильным решением в сложившейся ситуации было бы бросить основные силы Ленинградского фронта навстречу Кулику, а не истощать их в контрударах на подступах к городу. Ведь немцы наступали только для того, чтобы сжать кольцо блокады, для захвата города у них не было сил. А после прорыва блокады можно было оттеснить противника от города. 28 сентября будущий маршал Победы издал людоведский приказ: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». К прорыву блокады, однако, это не привело.

У немцев еще оставались надежды, что Ленинград сдастся, испугавшись тягот блокады. 15 сентября Лееб запросил указаний, как ему следует поступать в случае получения из Ленинграда предложения о капитуляции. По его мнению, Ленинград должен был быть лишен своего военного потенциала. 18 сентября начальник Генерального штаба Франц Гальдер рекомендовал Леебу для предотвращения прорыва «оборудовать рубеж окружения всеми средствами, то есть минами и средствами заграждения». Принцип, который применяли немцы в отношении Ленинграда, формулировался так: «Мы не занимаем город и не кормим его население». Правда, фельдмаршал Кейтель еще 20 сентября допускал, что «может быть найден путь, по которому на восток будут вывезены женщины и дети». Но никаких предложений на этот счет немцы не сделали. Капитуляции они так и не дождались, Сталин не собирался капитулировать, тем более в колыбели революции. Идею организовать какой-то гуманитарный коридор, по которому из города можно было бы эвакуировать хотя бы женщин и детей, Иосиф Виссарионович даже не рассматривал. Для него это было все равно как братание с врагом, разложившее русскую армию в 1917 году.

Был еще один путь спасения ленинградцев от голодной смерти. Можно было договориться о мире или хотя бы о пе-

ремирии с Финляндией. Для этого достаточно было вернуть Финляндии земли, захваченные Советским Союзом в 1940 году. Только ради их возвращения финны и вели свою, отдельную от Германии войну, не являясь формально союзниками Гитлера. Тогда бы Ленинград можно было снабжать продовольствием из Финляндии и из нейтральной Швеции. Однако Сталин не собирался возвращать ни пяди из завоеванного Красной Армией в ходе несправедливой, агрессивной «зимней войны». Можно было также, не заключая мира, договориться с главнокомандующим финской армией бывшим русским генералом Карлом Густавом Маннергеймом о пропуске продовольствия в Ленинград. Ведь этот город был для Маннергейма совсем не чужим. Он служил там в течение многих лет, ходил по его улицам, назначал свидания у его соборов... Финский маршал не питал никаких симпатий к Германии, он душой был на стороне западных союзников и с Россией воевал лишь по необходимости. Не случайно же он остановил наступление финских войск на Карельском перешейке после того, как они достигли старой советско-финской границы. Маннергейм не хотел брать Ленинград, так как не хотел слишком тесно связывать судьбу своей страны с Германией. Так что с ним в принципе можно было бы договориться. Но Сталин договариваться не хотел. Любые переговоры он не без основания расценивал как признак слабости. Проявить гуманизм значило подорвать им же созданную систему власти, а только эта система могла обеспечить победу. Ее крах в тех условиях вел к неминуемому быстрому поражению.

Говорят, что Иосиф Виссарионович не любил Ленинград — гнездо зиновьевской оппозиции. К тому же там в 1934 году от руки террориста погиб Сергей Миронович Киров — один из немногих членов Политбюро, к кому Сталин питал теплые, дружеские чувства. Иногда блокаду считают чуть ли не сознательной мстью Сталина ленинградцам. Но Коба не был сентиментальным человеком, и все свои действия подчинял трезвому политическому расчету. Трагедия

Почему победила Красная Армия?

Ленинграда не была следствием сталинских симпатий и антипатий, а производным от созданной Сталиным системы, в которой человеческая жизнь не стоила ни гроша.

Гитлер предполагал стереть Ленинград с лица земли, вывезя оттуда население в глубь России. Но и Сталин собирался поступить с городом столь же бесчеловечно. 325 тонн взрывчатки было заложено в основание крупнейших ленинградских предприятий, мостов, объектов жизнеобеспечения, административных зданий и на кораблях Балтийского флота. Все это предполагалось взорвать, если будет решено оставить город. В этом случае город был бы разрушен, и жить в нем стало бы невозможно. Оставшееся население обрекалось на смерть от голода и холода. Но Сталина и его подчиненных волновало, только чтобы немцы не смогли использовать инфраструктуру города для своих нужд.

На момент установления блокады в городе находилось 2 млн 544 тыс. человек, в том числе около 400 тысяч детей. Кроме того, в ленинградских пригородах, тоже оказавшихся в блокадном кольце, осталось 343 тысячи человек. Уехать из окруженного города они уже не могли, а эвакуацию воздушным путем или судами по Ладожскому озеру долго не начинали. Считалось, что массовая эвакуация может вызвать панику и подорвать моральный дух защитников города. Между тем эвакуацию следовало объявлять и проводить ускоренными темпами уже тогда, когда войска фон Лееба 9 июля взяли Псков и создалась непосредственная угроза германского наступления на Ленинград. Эвакуация из города женщин и детей несколько не ослабила бы его промышленный потенциал, зато ослабила бы нагрузку на скудные продовольственные запасы. Уже тогда стоило бы ввести карточное снабжение и рассредоточить продовольствие с Бадаевских складов по более мелким помещениям. Между прочим, нетрудно было догадаться, что немцы постараются не брать Ленинград штурмом, чтобы не нести значительных потерь во время уличных боев в большом городе, а постараются взять его в блокаду, благо географическое положение

Ленинграда позволяло это сделать. Однако Сталин и другие руководители о судьбе людей не думали. Массовая эвакуация из Ленинграда началась только в январе 1942 года, по ледовой Дороге Жизни через Ладожское озеро. При этом каждый четвертый эвакуируемый умирал от истощения либо по дороге, либо сразу по прибытии на место.

Но и в этом отношении судьба Ленинграда не уникальна. Точно так же год спустя, летом 42-го, не было предпринято никаких усилий для эвакуации сотен тысяч жителей и беженцев из Сталинграда, когда ему стали угрожать немцы. А уж к городу, названному в его честь, Сталин вряд ли питал злые чувства.

8 сентября 1941 года, во время первого массированного налета люфтваффе на Ленинград, на город было сброшено более 6 тыс. зажигательных бомб. В результате были сожжены крупнейшие Бадаевские склады, однако, вопреки возникшей впоследствии легенде, там были лишь довольно незначительные запасы продовольствия. Пожар уничтожил только запас сахара на трое суток и полуторасуточный запас муки. Беда была не в бомбардировке, а в том, что в городе были довольно небольшие запасы продовольствия. Так, 12 сентября в Ленинграде оставалось муки и зерна на 35 дней, крупы и макарон — на 30, мяса — на 33 дня, жиров — на 45 и сахара и кондитерских изделий — на 60 дней. Почти отсутствовали картофель и овощи. Чтобы растянуть ничтожные запасы ржаной и пшеничной муки, к ней стали подмешивать солодовую, соевую, овсяную муку, размолотые жмыхи и отруби. Следует подчеркнуть, что создать более значительные запасы продовольствия в Ленинграде в принципе было невозможно. В начале сентября, после введения карточек, по весьма скромным нормам ежедневно расходовалось 2100 тонн муки. Чтобы создать, например, полугодовой запас муки по этому нормированному минимуму, который, без сомнения, спас бы от смерти сотни тысяч ленинградцев в самые тяжелые зимние и весенние месяцы 1942 года, требовалось сосредоточить в городе не менее 380 тыс. тонн муки. Основная

Почему победила Красная Армия?

масса жертв как раз и пришлась на эти страшные месяцы, когда в городе наблюдались случаи людоедства и трупоедства (только с декабря 41-го по июнь 42-го было расстреляно более 2100 каннибалов). Но в Ленинграде просто не было необходимого количества подходящих складских помещений для хранения такой прорвы муки и других продуктов. Власти об этом заранее, в предвоенные годы, не позаботились, не допуская и мысли, что «северная столица» может оказаться в блокаде. Воевать ведь собирались малой кровью и на чужой территории. В мирное время город жил в основном на привозном продовольствии. Если бы даже каким-то чудом и удалось сосредоточить в Ленинграде полугодовой запас продуктов, основная его часть просто бы сгнила, так и не дойдя до голодающего населения. С 1 октября рабочие и инженерно-технические работники стали получать по карточкам 400 граммов хлеба в сутки, все остальные — по 200 граммов. Это уже был настоящий голод. А с 13 ноября 1941 года рабочие и инженерно-технические работники получали по 300 граммов хлеба, иждивенцы — по 150. 20 ноября была установлена самая низкая норма за всю блокаду — 250 граммов на рабочую карточку и 125 граммов — на все остальные. Это означало голодную смерть, особенно для иждивенцев. Последние при всем желании имели мало шансов устроиться на работу и получить рабочую карточку. Лишенные подвоза сырья, ленинградские предприятия работали далеко не на полную мощность.

В Ленинград остался один путь — через Ладожское озеро. Первое продовольствие по Ладоге было доставлено 12 сентября 1941 года. Две баржи привезли 626 тонн зерна и 116 тонн муки. С 22 ноября, когда лед на озере стал достаточно прочным, по нему пустили грузовики. Но ледовая трасса, несмотря на мужество шоферов, к несчастью, не могла покрыть потребностей города в продовольствии. Например, с 23 ноября по 1 декабря завезли только 800 тонн муки, что даже по голодным нормам того времени обеспечивало лишь двухдневную потребность. За это время под лед

ушло 40 машин. Потом положение улучшилось благодаря морозам, укрепившим ледовый покров, и тому, что Дорогу Жизни прикрыли от немецких налетов зенитками и истребителями. 25 декабря удалось впервые повысить нормы выдачи на 100 граммов для рабочих и на 75 — для иждивенцев. Тем не менее в январе 42-го смертность достигла максимума. Умерло почти 100 тыс. человек. В СССР тогда была очень слаба транспортная авиация, да и люфтваффе господствовали в воздухе. Поэтому крупных поставок продовольствия самолетами в блокадный город не производилось. Не использовались они и для массовой эвакуации.

За время осады немцы выпустили по Ленинграду и позициям оборонявших его советских войск около 150 тыс. снарядов тяжелой артиллерии, сбросили около 5 тысяч фугасных и 10 тыс. зажигательных бомб. Были разрушены и сожжены 3174 здания, повреждены — 7143. Таким образом, в Ленинграде была уничтожена почти треть всего жилого фонда. Но большинство мирных жителей погибли не от снарядов и бомб, а от голода и связанных с ним болезней.

По разным оценкам, жертвами блокады Ленинграда стали от 650 тыс. до 1200 тыс. мирных граждан. Как кажется, к несчастью, последняя цифра ближе к истине, чем первая. Цифра в 650 тыс. жертв блокады — это приблизительное число захоронений 1941—1944 годов на двух главных мемориальных кладбищах — Пискаревском и Серафимовском. Однако в городе находилось большое число беженцев из оккупированных районов. Их точное число неизвестно, и даже не все из них получали продовольственные карточки. Умерших беженцев на мемориальных кладбищах не хоронили. Кроме того, в цифру 650 тыс. погибших не вошли те, кто умер в ходе эвакуации. Когда в январе 1944 года блокада была окончательно снята, в Ленинграде оставалось всего 560 тыс. жителей. А сколько погибло советских солдат во время обороны Ленинграда и многочисленных попыток прорвать блокаду, сейчас нельзя оценить даже приблизительно.

Почему победила Красная Армия?

Точно известно, что только в 1942 году умерло более 463 тыс. ленинградцев, подавляющее большинство — от голода. Самыми распространенными преступлениями в городе стали убийства людей для завладения продкарточками. Были и случаи убийства с целью людоедства и просто трупоедства. Уличенных во всех этих преступлениях расстреливали в 24 часа. Справедливости ради, надо заметить, что зимой 1941/42 года в оказавшихся в руках немцев ленинградских пригородах смертность была почти такая же, как и в самом Ленинграде. Одна из жительниц Гатчины записала в дневнике: «Немцы занимают по отношению к русскому населению позицию невмешательства: кто выживет — пусть выживет, помрет — сам виноват». Это, кстати сказать, доказывает, что в случае сдачи города ленинградцы испытали бы такие же бедствия, как и в условиях блокады, и капитуляция не принесла бы спасения. Единственным преимуществом стало бы только то, что часть горожан смогла бы в этом случае уехать в сельские районы Ленинградской области и там хоть как-то прокормиться.

Но во многом так же относилась к своим гражданам и Советская власть в Ленинграде. Зимой 41/42 года ленинградцы возмущались: «В Ленинграде у руководства стоят бездарные люди, которые виноваты в гибели народа от голода... Население Ленинграда ненавидит Попкова (председателя Ленинградского горисполкома. — Б. С.), и женщины готовы его растерзать»; «...Люди продолжают умирать от голода, а ленинградские руководители не обращают на это внимания. Они считают, что чем больше умрет людей, тем легче обеспечивать продовольствием оставшихся в живых» (в семье Попкова, расстрелянного затем по «ленинградскому делу», доходили до того, что выбрасывали зачерствевшие белые булки). Начальники жили как бы совсем в другом городе и далеко не в полной мере ощущали трагизм положения основной массы ленинградцев. Директора предприятий, их заместители и главные инженеры, профессура, деятели искусства (не все, а по утвержденным парторганами

спискам), кроме обычных карточек, получали обеды, обеденные карточки и сухие пайки, а руководящим работникам партийных, комсомольских, советских и профсоюзных органов полагались еще и бесплатные ужины. Высшее же руководство, включая Жданова и его окружение, командование Ленфронта и Балтфлота, НКВД, а также семьи генералов, адмиралов и Героев Советского Союза находились на особом, литературном питании и ни в чем себе не отказывали. Вовсю гуляли и руководители среднего звена. Например, к ноябрьским праздникам 1941 года в столовую Приморского райкома партии для группы из 5 человек местной номенклатуры было доставлено 10 кг шоколада, 8 кг зернистой икры и консервы. А ведь в тот месяц в Ленинграде уже умерли от голода более 9 тыс. человек! Между прочим, как ни парадоксально это звучит, массовый голод в Ленинграде был выгоден как Сталину, так и местным властям. В Ленинграде сохранялось немало недовольных Советской властью, и многие из «бывших» и обиженных коммунистами, как свидетельствуют сводки НКВД, готовы были к восстанию, чтобы уничтожить проклятых большевиков и хлебом-солью встретить германских освободителей. Советской пропаганде о зверствах нацистов и их колонизаторских планах не верили. Угроза голода действительно обостряла недовольство и могла толкнуть людей на решительные действия. Угроза, но не сам голод. Умиравший от голода человек на восстание неспособен и целиком зависит от распределяемой властью пайки. Это понял еще Ленин, посоветовавший громить церкви именно в период голода 1921 года, поскольку сопротивление этой акции со стороны голодающих крестьян будет минимальным. А в Ленинграде в первую военную зиму «пятая колонна» вымерла, так сказать, «естественным путем».

Особенно трагичным было положение оставшихся в Ленинграде в первую блокадную зиму заключенных, которых никто не позаботился ни эвакуировать на Большую землю, ни обеспечить пайками. Тысячи из них умерли от голода, и среди них — широко известный в узких кругах поэт, писа-

тель и драматург Даниил Хармс, скончавшийся 10 февраля 1942 года в тюремной психиатрической больнице в возрасте всего 36 лет.

Никак не меньше, чем гражданских лиц, погибло красноармейцев и краснофлотцев в сражениях за Ленинград, как при обороне города, так и во время многочисленных попыток прорвать блокаду (может быть, самая знаменитая из них — это гибель 2-й ударной армии генерала Власова). Эти жертвы пока еще никто не пытался посчитать даже приблизительно.

Настроения ленинградцев после снятия блокады, как доказывают сводки НКВД, далеко не сразу изменились к лучшему. В городе отнюдь не наступило изобилия продовольствия, которого так ждали изголодавшиеся блокадники. Так, к празднику 7 ноября 1944 года в качестве праздничного пайка выдали только 10 граммов лаврового листа и 10 граммов перца. По этому поводу горожане говорили: «У немцев жить плохо только по словам нашего радио, а на самом деле у нас хуже. Вот дали к празднику перцу с водкой, пей и закусывай». А весной 1944 года произошли волнения на ряде ленинградских предприятий, где из-за простоев платили лишь половину зарплаты. Рабочие возмущались, что не могут обеспечить «прожиточный минимум» своим семьям. Власти же вполне удовлетворились тем, что в городе прекратилась массовая смертность от голода, но снабжать город сверх полуголодного пайка не спешили. Ленинград оставался под подозрением как потенциальный центр крамолы.

Ленинград Гитлер не стал брать, потому что торопился бросить все силы на Москву. И на первых порах, как известно, достиг здесь впечатляющих успехов. Но после вяземской катастрофы Красной Армии очень помогла осенняя распутица. Германские танки и автомобили завязли в грязи на сделавшихся абсолютно непроезжими грунтовых дорогах. Немецкие войска не сумели быстро развить успех прежде всего из-за вызванных распутицей трудностей в снабжении и передислокации войск. Распутица в большей мере ме-

шала вермахту, чем Красной Армии, поскольку у немцев была выше степень моторизации. Например, в 1941 году советская стрелковая дивизия имела по штату 558 автомобилей, 99 тракторов и вовсе не имела мотоциклов, тогда как у германской пехотной дивизии было 902 автомашины, 62 трактора и 527 мотоциклов. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок с тоской написал в дневнике 25 октября 1941 года: «...В целом все это удручает. Раздиранье на части группы армий плюс отвратительная погода привели к тому, что мы крепко застряли. А русские тем временем выигрывают время для пополнения своих изрядно ослабленных дивизий личным составом и усиления обороны, тем более что теперь в их руках уже большая часть автомобильных и железных дорог вокруг Москвы. Хуже и быть не может!»

Надо отметить, что еще за несколько дней до начала советского контрнаступления немецкое наступление на Москву остановилось, и группа армий «Центр» вынужденно перешла к обороне, хотя отдельные дивизии еще и пытались прорваться к Москве. Уже 19 ноября Гитлер заявил начальнику Генштаба Францу Гальдеру, что Германии не удастся добиться полной победой над Россией и ее союзниками и война закончится компромиссным миром: «В целом можно ожидать, что обе враждующие группы стран, не будучи в состоянии уничтожить одна другую, придут к компромиссному соглашению». 1 декабря командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Федор фон Бок доносил главному сухопутных сил фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу, что войска не в состоянии вести планомерные наступательные действия. Но и обороняться толком они тоже не могли, поскольку не было заранее подготовленных зимних оборонительных позиций, а те рубежи, которых немцы достигли в ходе продвижения к Москве, для обороны совершенно не годились. Накануне, 30 ноября, Жуков уже направил Сталину карту с планом контрнаступления, основной целью которого было «ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском

направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле армий Западного фронта».

Во время контрнаступления под Москвой соотношение потерь было особенно неблагоприятно для советской стороны. Даже согласно официальным, сильно заниженным данным, в период с 5 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г. только Западный фронт потерял 101 192 человека убитыми и пропавшими без вести. Немцы же на всем Восточном фронте, согласно данным дневника Гальдера, за время с 10 декабря 1941 г. по 10 января 1942 г. потеряли лишь 24 794 солдата и офицера убитыми и пропавшими без вести, т.е. в 4,1 раза меньше. А ведь в этот период германские войска вели упорные бои под Москвой не только против Западного, но и против Калининского фронта. Кроме того, происходили ожесточенные сражения и в районе Тихвина, на Керченском полуострове и под Севастополем.

В ходе московского контрнаступления врага просто заваливали трупами. Это было следствием неумения командиров организовать разведку и взаимодействие различных родов войск и низкой тактической подготовки солдат. Так, в политдонесении 10-й армии от 2 января 1942 года о командовании 385-й стрелковой дивизии говорилось следующее: «Командир дивизии полковник Савин и военный комиссар Нестерчук не организовали систематической разведки сил врага, расположения его огневых средств, тщательного изучения местности и путей подхода к расположению противника, а порой и, своевременно не имея данных о силах противника, назначали атаки вслепую, отчего части несли большие потери». Не лучше было положение и в 20-й армии, которой командовал печально знаменитый генерал Андрей Власов. В приказе от 4 января 1942 года он отмечал: «Наблюдение и проверки организации боя командирами соединений и частей показывают, что командиры всех степеней плохо организуют бой, ограничиваясь подчас только

отдачей устного приказа... Перед наступлением командиры разведки не ведут, взаимодействия на местности с другими родами войск не увязывают, вследствие чего части и соединения действуют вслепую. Пехота не знает задач артиллерии, артиллерия не знает, где действует пехота... Войсковые саперы по разведке переднего края не используются... В процессе боя обстановку командиры частей и соединений в достаточной мере не изучают, потому, как правило, не знают, что происходит на поле боя».

В результате больших потерь советское наступление выдохлось уже в конце января 1942 года, и дальнейшие атаки, продолжавшиеся вплоть до апреля, лишь множили потери, не приводя более к существенным успехам. Сталин и его генералы не смогли вовремя остановиться. А это стоило сделать, как советовал командующий 16-й армией Константин Рокоссовский, уже в начале января. В тех фрагментах мемуаров, что увидели свет лишь на исходе перестройки, он писал: «С выходом наших войск на волоколамский рубеж стало совершенно ясно, что противнику удалось оправиться от полученного удара и что его оборона становится организованной. Продолжать наступление имевшимися к тому времени у нас силами с расчетом на решительный прорыв обороны противника и дальнейшее развитие успеха уже было нельзя... К великому сожалению... войска, выполняя приказ, продолжали наступать... Была поставлена задача: изматывать противника, не давая ему никакой передышки. Это было для меня непонятным. Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил... Но чтобы изматывать и ослаблять его наступательными действиями... я этого никак понять не мог».

Беда была в том, что советское командование, и прежде всего командующий Западным фронтом Жуков, наносило удар растопыренными пальцами, стремясь быть сильным везде, а в итоге нигде не достигая крупного успеха. Как отмечалось в составленном в Генштабе в 1942 году описании операций на Вяземском направлении: «Силы и средства

были почти равномерно распределены по всему огромному фронту. Громкие приказы, которые отдавал командующий Западным фронтом, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию вовремя не был выполнен войсками. Они оставались голой ненужной бумагой, которая не отражала действительного положения войск и не представляла собой ценного оперативного документа. А та торопливость, которую проявляло командование Западным фронтом, передавалась в войска и приносила большой вред делу.

Операции начинались неподготовленными, без тесного взаимодействия родов войск, части вводились в бой пачками, по частям, срывали всякую внезапность, лишь бы скорей начать операцию, без анализа дальнейшей ее судьбы.

Авиация также была раздроблена по всему фронту на мелкие группы, не было ее сосредоточенных ударов последовательно по определенным направлениям, а при прорыве войсками заранее подготовленной обороны противника она почти на поле боя не участвовала, что сильно сказывалось отрицательно на моральном состоянии войск.

Танковые и артиллерийские средства также нерационально использовались и сильно распылялись.

Управление войсками, действовавшими на этом направлении, со стороны Западного фронта было слабым.

Особенно это резко сказывалось в отсутствие достаточных резервов у командующего Западным фронтом, который не мог без них влиять на ход операций». В результате наступавшие на Вязьму четыре дивизии 33-й армии попали в окружение и были почти полностью уничтожены, а командарм генерал Михаил Григорьевич Ефремов, отказавшийся покинуть своих подчиненных и вылететь на самолете в Москву, что было обычной практикой для советских генералов, застрелился, чтобы не попасть в плен.

Кстати сказать, в том, что немцы смогли окружить и уничтожить ударную группировку 33-й армии, была большая доля вины командующего 43-й армией К.Д. Голубева, так и не сумевшего деблокировать окруженных. Дальше в

книге я приведу замечательный портрет этого генерала, запечатленный в дневнике А.И. Еременко.

В результате бездумного продолжения наступления, для развития которого не хватало сил и средств, измотанными оказались не немцы, а наши войска, что в дальнейшем негативно сказалось на исходе весенней и летней кампании 1942 года.

Сталин, надо отдать ему должное, очень точно выбрал момент для перехода в контрнаступление под Москвой, когда немецкое наступление окончательно выдохлось, а средств и времени для организации прочной обороны у фон Бока уже не было. Командующий группой армий «Центр» еще 1 декабря 1941 года послал Главному командованию сухопутных сил (ОКХ) такую телетайпограмму: «Несмотря на неоднократно посылаемые в главное командование сухопутных войск запросы и донесения группы армий, свидетельствующие об угрозе снижения боеспособности, создается впечатление, что главное командование сухопутных войск заинтересовано в продолжении наступления даже ценой весьма значительных потерь. Проводимое сейчас наступление с учетом всех тактических возможностей в целом носит все же фронтальный характер. Для осуществления маневров с целью охвата, как уже сообщалось, отсутствуют силы, а в настоящий момент и возможность переброски крупных сил. Данное наступление хоть и способно обеспечить нам овладение определенной территорией и разгром частей противника, однако его эффективность в оперативном смысле представляется весьма спорной. Надежда на то, что враг «будет сломлен», если судить по боям последних двух недель, оказалась призрачной. Остановка у ворот Москвы, места, где в одной точке сходятся практически все автомобильные и железные дороги востока России, равнозначна переходу к оборонительным боям с численно превосходящим во много раз противником. А группе армий не по плечу даже недолгое противостояние такому противнику. И если даже произойдет невероятное и мы сможем отвоевать для себя новые участки территории, то у нас явно не хва-

Почему победила Красная Армия?

тит сил на окружение Москвы и надежное блокирование ее с юго-востока, востока и северо-востока. Наступление, таким образом, лишается и смысла, и цели, тем более что близится момент, когда силы группы армий будут окончательно исчерпаны. И вопрос о том, каковы должны быть дальнейшие шаги, решать необходимо уже сейчас. В настоящее время силы группы армий разбросаны вдоль почти 1000-километровой линии фронта с одной-единственной слабой дивизией в тылу в качестве резерва. И, учитывая вышесказанное, а также высокие потери командного состава и резко снизившуюся боеспособность, ей не выдержать даже мало-мальски планомерно проведенного наступления противника. Вследствие паралича железнодорожного сообщения нет никакой возможности подготовить растянутый фронт к переходу в оборону, равно как и организовать войсковой подвоз для упомянутой обороны.

Намерения высшего командования мне неизвестны. Но если оно рассчитывает на поддержание группой армий обороноспособности на протяжении всего зимнего периода, то в ее нынешнем состоянии это достижимо лишь при условии подтягивания на фронт максимально возможного количества резервных частей с целью ликвидации прорывов противника и регулярного отвода дивизий с передовой для пополнения их личным составом и техникой. Для этого необходимо около 12 дивизий. Мне неизвестно, есть ли они в наличии и могут ли быть переброшены сюда в обозримом будущем. Другим неотъемлемым условием является неуклонное соблюдение графика следования железнодорожных составов, дающих нам возможность непрерывно снабжать войска всем необходимым. В случае если оба перечисленных условия заведомо невыполнимы, то надлежит заблаговременно и в кратчайшие сроки определить и обустроить в тыловых районах сражающихся на Востоке войск укороченную и пригодную для обороны полосу с гарантированным войсковым подвозом и всем необходимым для выполнения поставленных задач с тем, чтобы по получении соответст-

вующего распоряжения войска незамедлительно могли бы отступить на нее».

Свободных 12 дивизий у Гитлера не было. Но даже если бы они были, их нельзя было быстро перебросить под Москву. Уже в ноябре количество эшелонов, поступавших в группу армий «Центр», было уменьшено в полтора раза из-за плохой организации железнодорожных перевозок на территории генерал-губернаторства (Польши), плохой погоды, действий партизан, а также проблем, связанных с перешивкой советских железных дорог на европейскую колею. Только в январе 1942 года вся железнодорожная сеть и в Германии, и в оккупированных странах была наконец подчинена одному органу — германскому министерству путей сообщения. Но всего через 4—5 дней после доклада фон Бока началось советское контрнаступление, и германские войска покатались от Москвы на запад.

Вскоре после начала войны выяснилось, что советские войска очень плохо умеют обороняться, даже еще хуже, чем наступать. В мирное время этому виду боя их практически не учили. В условиях, когда враг владел инициативой, превосходил советские войска в мобильности и мог выбирать время и место для нанесения очередного удара, обороняться было особенно трудно. Необученных бойцов и командиров нередко охватывала паника. А поскольку из-за огромных потерь необученное и необстрелянное пополнение преобладало в Красной Армии вплоть до конца войны, советская оборона не отличалась особой устойчивостью. Опыт войны показал, что Красная Армия, даже имея превосходство над противником в людях и техники, могла вести длительную и успешную оборону либо на заранее подготовленных рубежах долговременных оборонительных сооружений, вроде Киевского укрепленного района, либо на естественных рубежах, вроде Кавказских гор. Как правило, наступление вермахта останавливалось только тогда, когда немцы исчерпывали все ресурсы для его развития или когда наступали неблагоприятные погодные условия, вроде осенней распу-

тицы или зимних холодов. Не случайно наиболее мощные советские контрнаступления в первые полтора года войны приходились либо на начало зимы (Московское), либо на позднюю осень (Сталинградское). И в последующие годы советские войска часто не могли отразить немецкие контрудары и откатывались назад, несмотря на свой огромный численный перевес, будь то под Житомиром в декабре 43-го или у венгерского озера Балатон в январе 45-го.

После разгрома советских войск под Харьковом и на Керченском полуострове в мае 1942 года вермахт в конце июня перешел в генеральное наступление на южном крыле Восточного фронта. Целью этого наступления под кодовым названием «Блау» Гитлер определил Сталинград и нефть Баку. Перед самым его началом в наши руки попали документы, раскрывающие детали плана «Блау». 20 июня немецкий самолет связи, на борту которого находился офицер штаба 23-й танковой дивизии майор Рейхель с важными документами, заблудившись в тумане, сел на нейтральную полосу и был захвачен красноармейцами. Майор погиб в перестрелке, а его портфель был доставлен командующему Юго-Западным фронтом маршалу Тимошенко. В тот же день документы оказались у Сталина. Иосиф Виссарионович все сомневался: не дезинформация ли это? Тимошенко убеждал, что нет: «Перехваченные документы с плановыми действиями противника не вызывают сомнений, потому что направлялись они боевым самолетом... Два офицера, в том числе летчик, при падении сгорели, и один офицер в звании майора остался живым, пытался уничтожить документы и скрыться, но был настигнут нашими войсками в момент падения на землю и убит в перестрелке». Сталин, однако, верил, что немцы будут наступать не только на юге: «Возможно, что перехваченный приказ вскрывает лишь один уголок оперативного плана противника. Можно полагать, что аналогичные планы имеются и по другим фронтам».

Сталин понимал, что советские войска долго и успешно обороняться не могут. Их боевая подготовка и моральное

состояние не годились для этого. Об этом он откровенно сказал в знаменитом приказе № 227 от 28 июля 1942 года: «Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства неограничены. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик.

Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба.

Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной

Почему победила Красная Армия?

нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях.

В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда коман-

диры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины».

Для того чтобы остановить отступление, вводились заградительные отряды, получившие право без суда и следствия казнить тех, кто отступал без приказа. При этом часто под пули попадали невинные люди, которых вообще ошибочно обвиняли в том, что они не выполнили приказ. А порой бывало так, что приказ уже не соответствовал быстро меняющейся обстановке, а получить новый приказ не было никакой возможности. А порой бывало и так, что какая-нибудь часть уже полностью исчерпала возможности к сопротивлению, когда у нее, например, кончились боеприпасы и отступление, пусть даже без приказа, было для нее единственным спасением от плена. А ее командира все равно могли расстрелять за отступление без приказа. Но в целом приказ № 227 взбодрил красноармейцев и командиров. Случаев паники и беспорядочного бегства стало меньше. Правда, у приказа была и обратная сторона. Командиры всех уровней медлили с отходом, и войска из-за этого попадали в окружение. Однако следует отметить, что с момента издания приказа № 227 и перехода Красной Армии в контрнаступление под Сталинградом не было. Это объяснялось во многом тем, что Сталин санкционировал дальнейший общий планомерный отход войск южного крыла фронта к

Сталинградским рубежам и Кавказу, где предполагалось окончательно остановить врага. Верховный главнокомандующий осознал, что до этих рубежей его дивизии все равно надолго не остановятся. Практически вплоть до конца августа советские войска на юге вели арьергардные бои. На долю приказа № 227 можно отнести гибель нескольких группировок советских войск в августе — октябре 1942 года на донском плацдарме у Калача, под Ржевом и Ленинградом. Однако нельзя однозначно утверждать, что этих катастроф, связанных с запоздалым отходом войск, не произошло бы и без приказа № 227. Ведь еще более масштабные «котлы» были характерны для 1941-го и первой половины 1942 года, когда такого приказа не существовало в природе. Скорее этот приказ больше способствовал созданию мелких тактических окружений на уровне от батальона до дивизии. В целом же немцы в 1942 году взяли в плен 1653 тыс. красноармейцев, что было в два с лишним раза меньше, чем в 41-м. Из этого числа, вероятно, не менее половины пришлось на период после издания приказа № 227.

Также этот приказ предусматривал создание штрафных частей, где провинившиеся военнослужащие должны были искупить вину кровью в самых опасных местах фронта. Туда красноармейцы и командиры могли попасть за самые разнообразные проступки — от невыполнения боевого приказа до неосторожно рассказанного анекдота или драки с сослуживцем. Порой причиной столь сурового наказания могла стать просто ссора с вышестоящим начальником. Весьма показательны, что для штрафников-командиров были созданы целые батальоны, тогда как для штрафников-красноармейцев — только роты. Тем самым заранее предполагалось, что провинившихся командиров будет значительно больше, чем красноармейцев. А ведь в Красной Армии рядовых и сержантов было в десятки раз больше, чем командиров, по крайней мере в боевых частях. Но ларчик открывался просто. Рядового красноармейца за тот же поступок, за какой командира отправляли в штрафбат, часто проще было

расстрелять. Считалось, что людей для победы у нас все равно хватит. Другое дело — командир, специалист, на подготовку которого затрачены немалые средства. Его считалось выгоднее не расстреливать, а направить искупить вину в штрафбат, чтобы, если уцелеет, вновь использовать его опыт и знания на командных должностях.

Сталин хорошо сознавал, что только разгром наступающих группировок противника в ходе успешного контрнаступления повернет ход войны в его пользу. Поэтому будущий генералиссимус стремился при первой возможности бросить Красную Армию в наступление, чтобы, сконцентрировав максимально возможное число солдат и техники, любой ценой прорвать германский фронт. Иначе армия могла разложиться и стать неуправляемой точно так же, как и в 1917 году. Потому-то Красная Армия все время стремилась наступать. На второй день войны советские войска пытались отбросить врага к границе. Затем последовали контрудары под Смоленском, в Восточной Белоруссии, под Киевом и, наконец, — первое большое успешное контрнаступление под Москвой. Та же тенденция продолжилась в 1942 году. Сначала продолжалось наступление по всему фронту, в которое вылилось московское контрнаступление, от Тихвина на севере до Керченского полуострова на юге. Затем, когда это общее наступление выдохлось, последовало широко-масштабное наступление под Харьковом, в случае успеха которого предполагалось одним махом освободить всю Левобережную Украину. Разумеется, наступление на столь широком фронте, при ощутимом недостатке танков (практически весь довоенный парк бронетехники к концу 41-го был уничтожен) и господстве в воздухе вражеской авиации было ошибкой. Положим, в зимних условиях, с преобладанием нелетной погоды, господство люфтваффе было частично нейтрализовано, но с наступлением весны оно опять стало ощутимым.

Но здесь следует подчеркнуть, что, продолжая широко-масштабное наступление зимой и весной 1942 года, Сталин

Почему победила Красная Армия?

доверился своим генералам. Они чересчур оптимистично оценивали потери вермахта на советско-германском фронте и полагали, что враг после поражения под Москвой находится чуть ли не при последнем издыхании. Согласно публикуемому в приложении к данной книге докладу Генерального штаба, датированному 5 мая 1942 года, немецкие войска потеряли в период советского контрнаступления с 6 декабря 1941 года по 20 апреля 1942 года только убитыми 786 тыс. человек, а общие потери, вместе с ранеными и обмороженными, достигали, согласно оценке советской разведки, 2,5 млн. человек, т.е. трех четвертей от общей численности германской сухопутной армии на Восточном фронте. Если бы немецкие потери действительно были бы столь велики, то Германия была бы почти что на пороге капитуляции. В действительности, по немецким данным, потери германской Восточной армии за это время составили только 373 876 человек, в том числе 99 991—убитыми и пропавшими без вести. В принципе можно было бы задаться вопросом: почему, если немцы несли столь громадные потери убитыми, советские войска почти не брали пленных? Ведь после таких потерь немецкие войска должны были быть деморализованы, и число пленных наверняка должно было увеличиться. А раз пленных мало, значит, немецкие войска еще отнюдь не разбиты и могут нанести противнику тяжелые удары. Но Сталин, как представляется, такого вывода не сделал, вероятно, от недостатка собственного военного опыта.

Столь огромные потери противника, существовавшие, к сожалению, только на бумаге, объяснялись просто. Командиры всех уровней старались в донесениях показать немецкие потери как можно большими, чтобы они значительно превосходили потери соответствующих советских частей и соединений в тех же сражениях. Когда эти донесения добросовестно суммировали, получалось, что вермахт уже почти полностью уничтожен. Похоже, что в первые полгода войны Сталин вслед за генералами и маршалами таким донесениям верил. Но позднее, когда казавшийся поверженным вер-

махт нанес в мае 1942 года тяжелейшие поражения Красной Армии в Крыму и под Харьковом, а затем в ходе летнего генерального наступления отбросил ее к Сталинграду и Кавказу, Сталин сверхоптимистическим донесениям о больших потерях противника верить перестал. И тогда появился приказ № 227.

Выяснилось, что обороняются советские войска в 42-м не лучше, чем в 41-м. Красноармейцы страдают танкобоязнью, впадают в панику при налетах неприятельской авиации. Командиры не успевали занимать выгодные рубежи для обороны, артиллерия не умела заранее пристреливать ту местность, по которой в будущем было наиболее вероятно движение противника. И Сталин вновь стремился наступать. Жуков во главе Западного фронта во взаимодействии с Калининским фронтом Конева пытался ликвидировать ржевско-вяземский плацдарм, Северо-Западный фронт генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Курочкина — демянский, а Брянский фронт Рокоссовского наступал на Сухиничи. К успеху это не привело, но в то же время не позволяло немцам перебрасывать силы с других фронтов для подкрепления своей ударной группировки на юге. Наоборот, активность советских войск под Ленинградом вынудила Гитлера перебросить туда несколько дивизий 11-й армии Манштейна, освободившейся после взятия Севастополя. В итоге к тому моменту, когда Красная Армия перешла в наступление под Сталинградом, добрую половину всех войск противника в междуречье Дона и Волги составляли румыны, венгры и итальянцы, существенно уступающие по боеспособности, вооружению и моральному духу вермахту.

Но не только постепенное истощение ресурсов заставило Гитлера, в отличие от 1941 года, в летней кампании 1942 года избрать для наступления только одно из трех стратегических направлений — южное. Во-первых, на центральном и северном участках немецкий фронт состоял из сплошных выступов и вклинений, что очень растягивало его и делало уязвимым для советских атак, отнимая большие силы

Почему победила Красная Армия?

для обороны. Во-вторых, что еще важнее, география Советского Союза была такова, что по мере продвижения от западных границ на восток фронт борьбы неизменно расширялся. Планируемое дальнейшее продвижение к Волге и Кавказу должно было неизбежно еще более удлинить советско-германский фронт и требовало дополнительных сил и средств. Поэтому Гитлер более широко, чем в кампании 41-го, использовал войска союзников Германии. Это позволило улучшить соотношение численности личного состава Красной Армии, но понижало качество войск на германской стороне фронта. Кроме того, в ноябре 42-го, после высадки американцев в Алжире, но еще до начала контрнаступления Красной Армии под Сталинградом, пришлось перебросить в Тунис несколько немецких дивизий, в том числе одну танковую, и значительные силы авиации. Это было особенно чувствительно в условиях, когда на Восточном фронте на счету была каждая германская дивизия, каждый самолет и каждый танк.

И на этот раз сил вермахта и его союзников не хватило для достижения поставленных стратегических целей — выхода на рубеж Волги, захвата расположенных там промышленных центров и Кавказа с его нефтяными месторождениями. Когда стало ясно, что эти цели недостижимы, Гитлер любой ценой стремился взять Сталинград, чтобы иметь хотя бы один весомый символ своего успеха в кампании 1942 года и важный плацдарм на Волге, парализующий волжский путь. В 41-м он отказался от немедленного захвата Ленинграда, предпочтя оставить город в блокаде. А в октябре 41-го, отдавая приказ о наступлении на Москву, фюрер особо подчеркивал, что немецкие войска должны только окружить советскую столицу, но не вести боев в городе. Но Сталинград окружить в принципе не было никакой возможности. Для этого потребовалось бы форсировать Волгу в ее среднем течении, а для такой грандиозной операции у вермахта осенью 1942 года не было сил и средств. Поэтому Гитлер отступил от своего принципа и бросил 6-ю армию на

штурм Сталинграда. Затяжные бои на истощение не дали решающего перевеса ни одной из сторон, зато полностью парализовали развитие немецкой операции на Кавказе. Сталин ударил в тот момент, когда силы немцев были максимально истощены, и армия Паулюса уже испытывала трудности в снабжении продовольствием и боеприпасами. Главный удар был нанесен по румынским, а потом — по итальянским и венгерским войскам, значительно уступавшим вермахту в способности и желании сражаться.

Между прочим, не исключено, что если бы Гитлер рискнул летом 1942 года осуществить крупное стратегическое решение и оставить ржевско-вяземский и демянский плацдармы, чтобы перебросить на юг освободившиеся дивизии, он, быть может, продлил бы войну на целый год. Конечно, советские дивизии тоже освободились, но трудно сказать, были бы они сразу брошены на юг или Сталин попытался бы развить успех на центральном направлении, к которому они с Жуковым питали особую привязанность. Но даже если бы советские дивизии из-под Вязьмы, Ржева и Демянска сразу же направились на юг, они не компенсировали бы дополнительных немецких дивизий. Во-первых, в течение всей войны, и особенно в ее первые два года, средняя немецкая пехотная дивизия превосходила среднюю советскую стрелковую дивизию, а немецкая танковая и механизированная дивизия — соответственно советский танковый и механизированный корпус. Во-вторых, что еще важнее, прибытие новых немецких дивизий сильно укрепило бы оборону германских союзников и повысило их устойчивость. Можно допустить, что в этом случае советское контрнаступление не привело бы к окружению 6-й армии Фридриха Паулюса в Сталинграде. Немцы, возможно, какое-то время удерживали бы сталинградский клин, а потом отошли бы к Дону. Вероятно, повторилась бы история, которая в реальности произошла с демянским котлом. Там немцы сначала смогли прорубить к окруженным коридор, а затем отвести всю группировку. Паулюсу же, при условии подхода подкрепле-

Почему победила Красная Армия?

ний из групп армий «Центр» и «Север», вполне возможно, вообще удалось бы избежать Сталинградского окружения. В этом случае окончательный перелом на Восточном фронте в пользу Красной Армии, возможно, был бы отсрочен на середину 1943-го, но он бы все равно рано или поздно произошел бы, потому что вермахт неуклонно слабел, а Красная Армия — усиливалась.

Строго говоря, сил Германии для завоевания России катастрофически не хватало еще в 41-м. Как известно, запланированная цель операции «Барбаросса» — линия Архангельск — Астрахань так и не была достигнута вермахтом ни в одном пункте. Но даже если бы каким-нибудь чудом немцы все-таки дошли бы до заветной линии, то вывести оттуда из строя промышленный район Урала с помощью авиации все равно бы не получилось. У немцев не было дальней стратегической бомбардировочной авиации, а мощности и количества имевшихся средних бомбардировщиков для решения этой задачи у них явно не доставало. А значит, Красная Армия рано или поздно оправилась бы от поражений и, вооружившись с помощью ленд-лиза, смогла бы перейти в контрнаступление, причем Гитлер бы в этом случае в России не обошелся бы 60 или даже 75 дивизиями, как он рассчитывал. Оказалось, что боевых возможностей вермахта хватило только на то, чтобы до наступления суровой русской зимы дойти до Москвы, заблокировать Ленинград и овладеть «воротами на Кавказ» — Ростовом-на-Дону. Однако на то, чтобы захватить обе русские столицы и удержать Ростов-на-Дону, сил у немцев уже не было, и они потерпели тяжелое поражение под Москвой и вынуждены были отойти еще на ряде участков фронта.

Ослабление вермахта ощущалось уже в 1942 году. Значительную часть авиации пришлось перебросить в бассейн Средиземного моря и для защиты Германии от воздушных налетов англо-американских бомбардировщиков. Это сказалось и на распределении потерь самолетов по театрам боевых действий. Если с 22 июня по 31 декабря 1941 г. боевые

потери немецкой авиации составили 4543 самолета, из них 3827, или 82 процента, — на Восточном фронте, то в период с 1 января по 31 августа 1942 года потери люфтваффе составили 8301 машину, в том числе на Восточном фронте — 4460, или 54 процента. С 1 декабря 1942 года по 30 апреля 1943 года, время действия Сталинградского воздушного моста, потери люфтваффе на Восточном фронте составили 8810 самолетов, или две трети потерь на всех фронтах. Но затем доля Восточного фронта в потерях люфтваффе неуклонно падала, а доля потерь, понесенных в борьбе с англо-американской авиацией, — возрастала. Так, в июле и августе 1943 года, в период проведения операции «Цитадель» и последующего советского контрнаступления советских войск, потери люфтваффе в боевых самолетах составили 3213 машин, из которых только 1030, или 32 процента, пришлось на советско-германский фронт. В августе 1943 года на Восточном фронте находились 2896 боевых самолетов, или около 44 процентов от общего числа. К ноябрю 1944 года доля Восточного фронта сократилась до 41 процента, что составляло 2675 машин. В последние месяцы войны она уменьшилась еще более значительно. Всего с сентября 1943 года до октября 1944 года на Восточном фронте люфтваффе потеряли 8600 самолетов, что составило только 24 процента всех потерь, достигших 35 660 машин. После Курской битвы люфтваффе присутствовали на Восточном фронте лишь в минимальном количестве (по боеготовым самолетам соотношение было еще в большей степени в пользу тех фронтов, на которых люфтваффе сражались с англичанами и американцами).

К весне 1942 года вермахт на Восточном фронте в основном смог восстановить понесенные потери в живой силе. Тем не менее к 1 мая 1942 года в немецкой армии на Восточном фронте оставался некомплект в 625 тыс. человек, хотя с конца февраля сюда было направлено около 1 млн пополнений. «Соединения группы армий «Юг» располагали всего лишь 50%, а группы «Север» и «Центр» — только 35% своего

Почему победила Красная Армия?

первоначального состава». А вот танков в его распоряжении было уже меньше. К 30 марта 1942 года на всем Восточном фронте было лишь 140 боеспособных танков. К началу мая их число значительно увеличилось, но все-таки было меньше, чем к 22 июня 1941 года, составив только 3229 машин, причем не все из них были боеспособными. Всего вермахт к этому дню имел 5847 танков, из них 3711 боеспособных. Штаб Верховного Главнокомандования вермахта (ОКВ) 6 июня 1942 года с тревогой констатировал: «Танковые дивизии групп армий «Центр» и «Север» будут иметь только по одному танковому батальону (т.е. примерно по 40—50 танков). В августе следует ожидать трудностей в снабжении боеприпасами, что может отразиться на ведении боевых действий. Придется выходить из положения за счет запасов командования Западного фронта. Маневренность войск значительно снизилась из-за высоких потерь в автомашинах и лошадях, которые не могут быть восполнены. В связи с этим не обойтись без изъятия подвижных средств из штатов частей. В настоящее время в Германии нет больше резервов этих средств. ВВС количество боеготовых самолетов снизилось в среднем на 50—60% от уровня, существовавшего на 1 мая 1941 г. В зенитной артиллерии сильно возросла материальная часть, но недостает людей... Боеспособность вооруженных сил в целом ниже, чем весной 1941 г., что обусловлено невозможностью в полной мере обеспечить их пополнение людьми и материальными средствами». Положение же Красной Армии в начале 42-го года, напротив, улучшилось. Постепенно наращивали производство эвакуированные из западных районов страны предприятия, начало поступать вооружение, боевая техника, сырье и топливо по ленд-лизу. Таким образом, фактически Сталин побеждал за счет постепенного истощения сил и средств своего противника, а отнюдь не одномоментного разгрома его значительных группировок, хотя неизменно применял стратегию сокрушения. Стратегию же истощения, как мы уже убедились,

он не мог применять по чисто политическим и моральным причинам.

После харьковского и керченского разгрома Сталин преувеличивал силы противника и считал, что немцы смогут одновременно наступать и на юге, и на Москву. Поэтому он не отдал Тимошенко резервы, остававшиеся на Московском направлении. В результате немцы легко прорвали фронт и уже в 20-х числах августа были на подступах к Сталинграду и Кавказу. Но сил для наступления в двух расходящихся направлениях не хватало. 6-я полевая и 4-я танковая армии увязли в боях за Сталинград, а немецкие войска, идущие на Баку, так и не преодолели Главный Кавказский хребет. Силы врага истощались. Теперь Сталин поверил донесению Военного Совета Сталинградского фронта от 24 сентября 1942 года. Еременко и Хрущев сообщали: «Войска противника понесли под Сталинградом колоссальные потери. По самым скромным подсчетам, с 6 августа по 20 сентября убито солдат и офицеров 25—32 тысячи, ранено солдат и офицеров 80—112 тысяч, сбито и повреждено 1156 самолетов, уничтожено 250—300 орудий, сожжено и подбито 550—600 танков. Подхода свежих частей и соединений не отмечается, а пополнение идет... путем пополнения действующих частей разными командами, штрафными ротами, аэродромными батальонами и другими огрызками. Это показывает, что резервы противника иссякают». Ставка начала планировать контрнаступление, направленное на окружение далеко выдавшейся вперед 6-й армии Паулюса, фланги которой защищали менее боеспособные румынские соединения. Оно началось 19 ноября и привело к окружению и уничтожению 250-тысячной группировки противника в Сталинграде.

19 ноября 1942 года советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом, закончившееся окружением и ликвидацией 6-й немецкой армии фельдмаршала Паулюса. После Сталинградской катастрофы Германия не смогла больше осуществить ни одного успешного генерального наступления ни на Востоке, ни на Западе. Надо подчерк-

Почему победила Красная Армия?

нуть, что это контрнаступление проходило совсем не гладко. Сказывалось то, что у Красной Армии был еще недостаточный опыт успешных наступательных действий. Вот что доносил Особый отдел Сталинградского фронта о первом дне советского контрнаступления (а самые правдивые донесения о положении на фронте — это донесения особистов, так как за ход боевых действий они не отвечали): «Личный состав в наступлении маскируется плохо, движется скученно и во весь рост; если бы не облачность, не дающая противнику широко применить авиацию, то наши части понесли бы большие потери... В 13 мехкорпусе вышло из строя 34 танка, из них 27 подорвались на минах противника».

Неудивительно, что наши танкисты несли большие потери. Ведь им пришлось руководствоваться идиотическим приказом товарища Сталина от 19 сентября 1942 года, предписывавшего «танковым частям Действующей армии с момента подхода к боевым порядкам своей пехоты атаку противника начинать мощным огнем с ходу из всего танкового вооружения, как из орудий, так и из пулеметов, не бояться того, что стрельба получится не всегда прицельная. Стрельба из танков с ходу должна быть основным видом огневого воздействия наших танков на противника и, прежде всего, на его главную силу». Поскольку стабилизаторы, позволявшие вести прицельную стрельбу из танковых пушек, появились только в 50-е годы, сталинский приказ обрекал танкистов на стрельбу в белый свет как в копеечку и бесполезную трату снарядов.

Нельзя также сказать, что немцы ничего не знали заранее о советском контрнаступлении. Как отмечает в мемуарах бывший начальник отдела «Иностранные армии — Восток» знаменитый Рейнхард Гелен, «4 ноября 1942 года поступило важное донесение по линии абвера. В нем говорилось: «По полученным от доверенного лица сведениям, 4 ноября состоялось заседание военного совета под председательством Сталина, на котором присутствовали двенадцать маршалов и генералов... Было решено провести все запланированные

наступательные операции еще до 15 ноября, насколько это позволят погодные условия. Главные удары: от Грозного в направлении Моздока, в районе Нижнего и Верхнего Мамона в Донской области, под Воронежем, Ржевом, южнее озера Ильмень и под Ленинградом». Ссылки на это донесение есть и в работах немецких и иностранных исследователей. Гитлеру и другим руководителям вермахта о нем доложили 7 ноября. Времени хватило бы для отвода 6-й армии из Сталинграда. В действительности советские войска первоначально должны были перейти в наступление под Сталинградом в более ранние сроки (в одном из жуковских донесений Сталину фигурирует 15 ноября), и лишь задержка с сосредоточением сил и средств заставила отложить его начало до 19 ноября. В действительности советский Юго-Западный фронт нанес главный удар не на своем правом крыле, у хуторов Верхний и Нижний Мамон, — против итальянцев, а на своем левом крыле — против румын. Однако вполне вероятно, что первоначально предусматривался более глубокий охват противника и удар именно на правом фланге Юго-Западного фронта, как о том и сообщал неизвестный агент. Подчеркну, что до сих пор большинство документов, относящихся к планированию Сталинградского контрнаступления, остается секретным. Поэтому их нет и в изданном в 2002 году двухтомнике документов «Сталинградская битва». И в любом случае удар с юго-запада грозил отрезать немецкую группировку у Сталинграда. Однако Гитлер не хотел отводить войска к Дону — это означало бы признание краха его стратегии на Восточном фронте. Более того, почти до самого дня контрнаступления войска 6-й армии продолжали активные боевые действия в Сталинграде, пытаясь сбросить советские части в Волгу. Это лишило немецкое командование возможности предпринять хотя бы паллиативные меры — перебросить часть дивизий 6-й армии из города для укрепления флангов, обороняемых гораздо менее боеспособными румынскими частями.

Маршал Жуков в мемуарах утверждал, что идею контрнаступления он разработал вместе с маршалом Василевским, а потом непосредственно координировал его подготовку. Однако в действительности как подготовку, так и непосредственное руководство войсками в начале сталинградского контрнаступления осуществлял Василевский. Жуков же основное время уделял подготовке главного удара кампании 1942 года на западном направлении. Р. Гелен 6 ноября, еще до знакомства с донесением о совещании в Кремле, утверждал: «Главное направление будущих русских операций... все отчетливее вырисовывается в полосе группы армий «Центр». Однако еще не ясно, намереваются ли русские наряду с этим провести крупную операцию на Дону или они ограничат свои цели на юге по тем соображениям, что не смогут добиться успеха одновременно на двух направлениях из-за недостатка сил. Во всяком случае, можно заключить, что подготовка ими наступления на юге не настолько продвинулась вперед, чтобы предполагать здесь в ближайшем будущем — одновременно с ожидаемым наступлением против группы армий «Центр» — крупную операцию». Начальник германской разведки на Востоке недооценил масштаб и быстроту сосредоточения советских войск на южном участке фронта. Но он не ошибся в том, что наступление на Дону будет вспомогательным по отношению к наступлению на западном направлении. Это доказывается распределением сил и средств. Войска Западного и Калининского фронтов, начавшие 25 ноября под руководством Жукова операцию «Марс» — наступление на Ржев, насчитывали, вместе с находившимися в тылу резервами, 1,9 млн человек, более 24 тыс. орудий и минометов, 3300 танков и 1100 самолетов. В ходе операции предполагалось разгромить группу армий «Центр» и выйти к Балтийскому морю. В это время на южном крыле советско-германского фронта Донской, Сталинградский и Юго-Западный фронты имели лишь 1,1 млн человек, 15 тыс. орудий и минометов, 1400 танков и более 900 самолетов. Лишь после того, как жуковское наступление

провалилось и ударные группировки Калининского и Западного фронтов попали в окружение (потеряв 1850 танков и полмиллиона человек, с большим трудом прорвались к своим), резервы были переброшены на юг. Неудавшаяся же операция «Марс» была объявлена Жуковым, а вслед за ним и советскими историками «вспомогательной» по отношению к операции «Уран» — сталинградскому контрнаступлению.

Стоит вспомнить и о трагической судьбе немецких плен­ных, захваченных в Сталинграде. Их положение оказалось ничуть не лучше, чем положение советских плен­ных в немецких лагерях в трагическую зиму 1941/42 г. Из 91 тыс. немецких плен­ных в Сталинграде (по другим данным — из 110 тысяч) уцелело лишь 5 тыс. человек. Более половины из уцелевших были офицерами. В офицерских лагерях лучше кормили и оказывали более квалифицированную медицин­скую помощь. Десятки тысяч немецких солдат гибли от голода и эпидемий, будучи ослаблены также 73-дневным недоеданием в «котле». По свидетельству немногих выживших, в первые дни плена им нередко не только не давали продовольствия, но даже отбирали последние запасы. Многие также не выдержали изнурительных пеших маршей из сталинградских развалин до лагерей. Как пишет немецкий историк Рюдигер Оверманс, «в том, что охрана пристреливала отстающих, подавляющее большинство не видело никакой жестокости. Помочь им все равно было нельзя, и выстрел считался актом милосердия по сравнению с медленной смертью от холода». Он же признает, что многие солдаты, будучи слишком истощены, не выжили бы в плену и в том случае, если бы питание было сносным. Погибли и почти 20 тыс. плененных в Сталинграде «пособников» — бывших советских плен­ных, служивших на вспомогательных долж­ностях в 6-й армии. Они были расстреляны или умерли в ла­герях.

Мало кто знает, что в котле был «на четверть бывший наш народ»: от одной пятой до одной трети среди окружен-

Почему победила Красная Армия?

ных составляли советские граждане, служившие в тыловых частях вермахта в качестве «добровольных помощников». Почти никто из них не уцелел, в том числе и несколько тысяч, попавших в советский плен. После капитуляции остатков 6-й немецкой армии 2 февраля 1943 года в развалинах Сталинграда было найдено и захоронено 120 300 трупов немцев и 32 000 трупов красноармейцев. Из 4 тысяч попавших в котел пленных красноармейцев не более 1 тысячи осталось в живых. А из 93 тысяч попавших в советский плен солдат и офицеров армии Паулюса лишь 5 тысяч вернулись домой. Еще 25 тысяч раненых солдат и офицеров 6-й армии было эвакуировано по воздуху. Сталинград стал могилой не только для лучших кадров вермахта, но и для планов Гитлера по достижению мирового господства.

Это уже был перелом. К весне 1943 года вермахт утратил практически все то, что он захватил в ходе кампании 1942 года. Союзники Германии были надолго выведены из строя. Италия после высадки англо-американских войск вообще капитулировала, а румынские и венгерские войска в значительном количестве появились на советско-германском фронте только весной 44-го.

Тут Сталин совершил ошибку. После успешного контр-удара Манштейна в районе Харькова в феврале — марте 1943 года советский Верховный Главнокомандующий решил, и генералы его в большинстве поддержали, перейти к преднамеренной обороне в районе курского выступа, несмотря на подавляющее превосходство советской стороны в людях и технике, и лишь после отражения немецких ударов перейти в контрнаступление. Между тем летом 43-го года Гитлер уже не пытался достичь на Восточном фронте решающих стратегических целей. Группы армий «Центр» и «Юг» должны были ликвидировать курский выступ, по возможности окружив и уничтожив оборонявшиеся там войска, и предотвратить широкомасштабное советское наступление в 1943 году. В тот момент ожидалось вторжение англо-американских войск в Сицилию, и там были сосредоточены

дополнительные силы германской армии и люфтваффе. Гитлер понимал, что если в 1942 году не удалось достичь поставленных целей с привлечением значительно больших сил, то год спустя с меньшими силами нечего было и мечтать достигнуть Волги и Кавказа. Решение Сталина сначала ждать германского наступления, а только потом перейти в контрнаступление, отодвинуло возможное начало советского наступления на полтора-два месяца. Если бы Красная Армия начала первой, она могла бы атаковать уже во второй половине мая 1943 года, и вряд ли бы вермахт смог отразить это наступление. На этот раз, благодаря поставкам по ленд-лизу достаточного количества автотранспорта, Красная Армия обрела невиданную ранее мобильность и имела возможность быстро развить любой достигнутый в наступлении успех, равно как могла оперативнее отреагировать на немецкие контрудары. Однако это преимущество было реализовано с большим опозданием.

В советской историографии утвердилось мнение, что Гитлер в ходе летнего наступления 1943 года преследовал столь же решительные цели, как и в 1941—1942 годах, и в случае успеха рассчитывал организовать новое наступление на Москву с юга. В действительности «Цитадель» преследовала лишь ограниченные цели: срезать выгодный в оперативном отношении курский выступ и окружить и уничтожить расположенные там советские войска. Тем самым Гитлер рассчитывал сорвать предвидевшееся в 1943 году широкомасштабное наступление Красной Армии и перебросить высвободившиеся резервы в Италию для отражения ожидавшегося англо-американского вторжения. 5 июля, в день начала «Цитадели», в дневнике Верховного Главнокомандования вермахта (ОКВ) было записано: «Учитывая общее военное положение, необходима широкая пропаганда наступательной мощи войск без раскрытия задач на этот год на Востоке. Наши истинные намерения — наступление с ограниченными целями — не должны раскрываться». Замечу, что фактически, в случае удачи, в кольцо оказались бы до 14 советских

общевойсковых и танковых армий. Такое количество войск и техники немцы ни разу не окружали за всю войну (предел составлял 5 армий в 41-м под Киевом и Вязьмой). С учетом, что на курском выступе заранее были сосредоточены большие запасы продовольствия и боеприпасов, немецкое командование не могло рассчитывать уничтожить такую массу окруженных своими значительно меньшими силами. На практике «Цитадель» могла только ослабить советские ударные группировки, изготовившиеся к наступлению. В последние дни «Цитадели» это вынуждено было признать и руководство вермахта, что было прямо зафиксировано в дневнике ОКВ 11 июля (ниже мы ее процитируем). Об этом же писал в мемуарах и бывший командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн: «13 июля... Гитлер все же согласился с тем, что группа «Юг» должна попытаться разбить действующие на ее фронте части противника и создать тем самым возможность снятия сил с фронта «Цитадели». Но снять удалось лишь одну дивизию — «идеологически надежный» танковый лейбштандарт «Адольф Гитлер», который отправился в Италию, где высадились союзники.

В ходе Курской битвы советские потери в танках многократно превзошли потери вермахта. Советские танковые войска в оборонительной фазе Курской битвы безвозвратно потеряли не менее 1614 танков и САУ. В этот же период группа армий «Юг» лишилась 161 танка и 14 штурмовых орудий, а группа армий «Центр» — 87 танков и штурмовых орудий. Здесь соотношение потерь выходит 6,2:1. В ходе Харьковской наступательной операции, завершившейся 23 августа освобождением Харькова, безвозвратные потери советских танков и САУ составили 1864 машины, а в ходе завершившейся 18 августа Орловской наступательной операции (Орел был освобожден 5 августа) — 2586. Это дает общие безвозвратные потери советской стороны в наступательной фазе Курской битвы в 4450 танков и САУ. Точные данные о немецких безвозвратных потерях в танках и штурмовых орудиях

ях в период советского наступления отсутствуют. Оценки же колеблются от 750 до 1250 машин. Даже если взять максимальную оценку, соотношение будет 3,6:1 не в нашу пользу.

В итоге немцы проиграли Курскую битву в оперативном отношении, будучи вынужденными оставить харьковский и орловский плацдармы и отступить к Днепру. Но в тактическом отношении они ее выиграли, поскольку, многократно уступая Красной Армии в людях и технике, нанесли неприятелю значительно большие потери. Как известно, Сталин и его Ставка, несмотря на превосходство в силах, решили отказаться от наступления на Курской дуге, а дать возможность немцам ударить первыми. Вероятно, это было ошибкой. В результате слабейший противник получил инициативу, смог нанести Красной Армии большие потери и вынудить ее начать контрнаступление в невыгодных группировках, сложившихся в ходе оборонительного сражения. В результате большое советское наступление, которое могло начаться еще в мае, началось только в середине июля. Немецкие войска избежали разгрома, не попали в окружение, не потеряли ни одной дивизии и смогли организованно отойти к Днепру, не допустив его форсирования советскими войсками с ходу. А ведь только перед началом Курской битвы советские войска имели вдвое больше людей, в 1,5 раза больше танков и в 1,6 раза больше боевых самолетов. К началу контрнаступления под Орлом советское превосходство по танкам стало двукратным, а под Харьковом — четырехкратным.

Один из самых больших мифов Курского сражения является танковое сражение под Прохоровкой. Там 12 июля столкнулись 5-я гвардейская танковая армия генерала Павла Ротмистрова и 2-й танковый корпус СС обергруппенфюрера Пауля Хауссера. Советские историки утверждали, что у Ротмистрова будто бы было 850 танков и САУ, а у Хауссера — около 750 танков и штурмовых орудий, в том числе более 100 «тигров». Потери же советские источники определяют в 300—400 танков с каждой стороны. Нередко эти цифры

Почему победила Красная Армия?

повторяли и западные историки. У нас считалось, что сражение закончилось как бы вничью, но оно остановило продвижение немцев на Курск с юга и тем предопределило крах «Цитадели».

Только в 1993 году немецкий историк Карл Хайнц Фризер обратился к архивам и выяснил, как обстояло дело в действительности. Согласно данным немецких и советских архивов, в тот день в районе Прохоровки 850 советским танкам и САУ противостояло 273 немецких танка и штурмовых орудия, в том числе 15 «тигров». Безвозвратные потери танкового корпуса СС составили не более 5 танков (такие потери были понесены, согласно боевым донесениям, в период с 11 по 13 июля; более точные данные тогда отсутствовали; в 2003 году Фризер пришел к выводу, что безвозвратные потери немцев под Прохоровкой составили только 3 танка), а безвозвратные потери танкистов Ротмистрова, если верить донесению штаба 5-й гвардейской танковой армии от 17 июля 1943 года, — 334 танка. Кроме того, с немецкой стороны было повреждено около 38 танков и 12 штурмовых орудий. И Прохоровку немцы захватили и контролировали вплоть до 17 июля, когда оставили ее в рамках начавшегося планового отхода к позициям, с которых началась «Цитадель». Так что ни о какой советской «победе» и даже «ничьей» говорить не приходится.

Как признавал Хрущев (тогда — член Военного Совета Воронежского фронта) в докладе Сталину о танковом сражении под Прохоровкой от 24 июля 1943 года, «противник при отходе специально созданными командами эвакуирует свои подбитые танки и другую материальную часть, а все, что невозможно вывезти, в том числе наши танки и нашу материальную часть, сжигает и подрывает. В результате этого захваченная нами поврежденная материальная часть в большинстве случаев отремонтирована быть не может, а может быть использована как металлолом, который мы постараемся в ближайшее время эвакуировать с поля боя». Следо-

вательно, поле боя осталось за немцами, а это — один из формальных признаков победы.

Легенду же о будто бы решающем значении Прохоровского сражения для остановки немецкого наступления на южном фланге Курской дуги и о равенстве сил и потерь сторон в этом сражении породил сам Ротмистров, который после войны признался в одном частном разговоре, что, узнав о больших потерях под Прохоровкой, «Верховный решил было снять меня с должности и чуть ли не отдать под суд».

Также немецкие документы подтверждают, что решение о прекращении наступления на Курск было принято немецким командованием вне связи с Прохоровским сражением. Так, запись в дневнике Верховного Главнокомандования вермахта от 11 июля 1943 г. говорит: «В ходе операции «Цитадель» русский ударный клин был сужен и фронт у Белгорода очищен. 9-я армия продвинулась только на 2—3 км из-за упорного сопротивления противника. Так как быстрый успех не был достигнут, речь идет теперь о том, чтобы при минимальных собственных потерях нанести максимальный урон противнику». В этот день прошла разведка боем, проведенная советскими войсками на северном фланге Курской дуги, и немцы поняли, что за разведкой боем неизбежно последует советское контрнаступление.

Одну из причин больших советских потерь в танках отметили историки В. Н. Замулин и Л. Н. Лопуховский: «Судя по привлекаемым силам и направлениям ударов пяти армий фронта, контрудар преследовал решительную цель — окружить основные силы вклинившейся группировки противника, завершить ее разгром, восстановить утраченное положение и создать условия для последующего перехода в контрнаступление». Они также подчеркивают: «Можно однозначно утверждать, что командование 2 тк СС знало о том, что под Прохоровкой, в полосе ответственности корпуса, сосредоточены наши крупные танковые резервы, и с рассветом надо ожидать сильного танкового удара именно в коридоре между р. Псел и железной дорогой. Во всяком слу-

чае, эсэсовцы постарались в полном объеме использовать данные разведки и приняли меры для отражения вероятного удара русских. Очевидно, что старая лиса Хауссер решил не рисковать и... сначала выманить русские танки на открытое место и встретить их атаку огнем с места и только после этого перейти к активным действиям и выполнить поставленную задачу — захватить Прохоровку... По существу, двум танковым корпусам 5 гв. ТА противостояла одна танковая дивизия СС «АГ», части которой заблаговременно изготовились к отражению удара».

Были и другие причины огромных советских потерь в танках в ходе Курской битвы. Вплоть до конца 1942 года механики-водители советских танков перед тем, как идти в бой, получали практику вождения от 5 до 10 моточасов, тогда как для уверенного управления танком требовалась практика минимум в 25 моточасов. Многие механики из нового пополнения вплоть к началу Курской битвы так и не успели как следует научиться водить боевые машины.

К тому же у немцев все танки были оснащены полноценными радиостанциями, а у нас — только танки командиров. Прочие имели лишь радиоприемники. Поэтому, когда танк командира выходил из строя, никто не мог взять на себя управление подразделением. Немцы это знали и в первую очередь старались подбить танки с круговыми антеннами, которые были только у советских танковых командиров.

Главная причина того, что советские потери многократно превосходили немецкие, — низкий уровень подготовки бойцов и командиров Красной Армии. Умный и умелый солдат Сталину был не нужен, ибо, как независимая личность, представлял угрозу существованию тоталитарной системы. Верховный Главнокомандующий предпочитал побеждать большой массой войск и большой кровью, не считаясь с потерями в людях и технике.

Летнюю кампанию 43-го вермахт начал как никогда поздно — лишь 5 июля. Потери, понесенные в ходе отражения «Цитадели», и необходимость изменить группировку

войск из оборонительной в наступательную заставили советское командование отложить переход в наступление на центральном участке фронта к середине июля, а на южном — до начала августа. Несмотря на значительные территориальные успехи, Красной Армии не удалось окружить и уничтожить крупных группировок немецких войск. Тем не менее потери, понесенные летом и осенью 1943 года, вермахт уже не мог восполнить. Отныне основные силы люфтваффе действовали против англо-американской авиации. На востоке не осталось достаточно истребителей, чтобы вести с советской авиацией борьбу за господство в воздухе. После капитуляции Италии там пришлось держать германскую группу армий, хотя это был еще далеко не подлинный Второй фронт в Европе по масштабу борьбы.

Теперь Германия уже не имела сил для крупного наступления на Восточном фронте. Однако с осени 43-го и до лета 44-го вермахт еще был в состоянии вести здесь активную оборону и, несмотря на большие потери территории, особенно на Украине, где Красная Армия наносила главный удар, не допускать повторения катастрофы масштаба сталинградской.

Положение изменилось в июне 1944 года, после высадки союзников в Нормандии. Сталин не зря добивался, чтобы Второй фронт был открыт во Франции, а не на Балканах, как это предлагал Черчилль. Выигрыш для Советского Союза был двойной: стратегический и политический. Если бы союзники нанесли главный удар на Балканах, то, скорее всего, из-за гористой местности и отсутствия хороших путей сообщения там возник бы такой же стратегический тупик, как и в Италии, где немцы, несмотря на большое превосходство противника, из-за узости линии фронта и наличия многих естественных рубежей для обороны смогли продержаться до самого конца войны. На Балканах же снабжать большую группировку войск было значительно труднее, чем в Италии, а условия местности делали невозможным быстрое продвижение вперед и позволяли обороняться срав-

нительно небольшими силами. Поэтому Балканский фронт вряд ли бы заставил Гитлера снять дополнительно значительные силы с советско-германского фронта. В политическом же отношении выигрыш Сталина состоял в том, что Англия и Америка отказались от попытки разместить свои войска в потенциальной зоне советского влияния и фактически отдали Балканы СССР. А о Балканах Иосиф Виссарионович мечтал давно. Ведь в 1940 году именно требование Сталина допустить советские военные базы в Румынии, Болгарии и Турции заставило Гитлера отказаться от попытки временно привязать СССР к Тройственному пакту и начать осуществление плана «Барбаросса».

Вторжение англо-американских войск во Францию привело к тому, что у Германии не осталось достаточных для обороны сил ни на одном из фронтов, и прежде всего на самом протяженном — Восточном. Возникли многочисленные «котлы», в которых гибли или попадали в плен сотни тысяч германских солдат. И менее чем через год у Германии уже не осталось территории для продолжения сопротивления, и вермахт вынужден был капитулировать. Сталинская стратегия восторжествовала, пусть и с опозданием на четыре года. Гитлер был повержен, а Советский Союз, как и Соединенные Штаты, превратился в мировую сверхдержаву.

В нашей стране давно сложилось представление о высадке в Нормандии и последующем наступлении союзников вплоть до Эльбы как чуть ли не о легкой прогулке, тогда как основная мощь вермахта продолжала оставаться на советско-германском фронте, который сыграл решающую роль в крахе Германии во Второй мировой войне. Но при этом приходится забывать об очень многих фактах, хорошо известных специалистам, но часто неведомых широкой публике. Так, и немецкие, и западные полководцы, в том числе Монтгомери и Эйзенхауэр, справедливо отмечают, что на Западном фронте плотность германских войск, вооружений и техники была в два с половиной раза больше, чем на Восточном фронте, что осложняло задачу союзников. Кроме

того, в распоряжении немцев на Западе были, пусть и не завершенные, но состоящие из долговременных укреплений Атлантический вал и линия Зигфрида, тогда как на Востоке подобные укрепления были только в Восточной Пруссии. Кроме того, против высадившихся в Нормандии союзников сразу же сражались отборные германские войска: танковый корпус СС, танковая группа «Запад», состоявшая из учебных танковых частей (позднее — 5-я танковая армия), парашютно-десантная армия и др. Всего за два месяца боев в Нормандии, с 6 июня по 11 августа 1944 года, американские, британские и канадские войска потеряли около 170 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести. Немцы за этот период, по разным оценкам, потеряли от 200 до 300 тыс. человек.

Между прочим, сразу же после высадки в Нормандии танковый корпус СС, располагавшийся в Польше, был переброшен на Западный фронт. Это значительно облегчило задачу советских войск в Белоруссии. Еще более способствовала успеху операции «Багратион» экстренная переброска значительной части германской фронтовой истребительной авиации в Нормандию. 6 июня 1944 года, в «день Д», на Западе дислоцировалось всего 288 немецких истребителей, а на Восточном — 550. Еще 250 истребителей находились в Средиземноморье, Балканах и Норвегии, и 1179 машин входили в ПВО рейха, сражавшемся почти исключительно с англо-американской авиацией. А 22 июня, в день начала советского наступления в Белоруссии, на Восточном фронте остался только 441 истребитель, на Западном их стало 704, на других театрах их число увеличилось до 338, а в ПВО Германии — 538. Как отмечают немецкие солдаты и офицеры, именно полное отсутствие в воздухе люфтваффе привело к столь быстрому разгрому группы армий «Центр», усугубленному подавляющим превосходством советских войск в танках. У нас любят напоминать, что союзники в Нормандии имели чуть ли не десятикратное превосходство и авиации и трехкратное — в танках. При этом,

правда, забывают, что первые недели боев самолетам союзникам приходилось базироваться за Ла-Маншем, и как тогда, так и в последующие месяцы, вплоть до конца войны, снабжение оставалось главной проблемой союзных армий на Западе. Перебои с поставками горючего и боеприпасов существенно уменьшали численный перевес союзников в людях и технике. Но ведь примерно таким же было и советское численное превосходство на Восточном фронте в 1944—1945 годах. Весь вопрос в том, кто эффективнее использовал свое превосходство — союзники, потерявшие убитыми не больше, а по некоторым оценкам, — даже меньше, чем противостоявшие им германские части, и взявшие на порядок больше пленных, или Красная Армия, на каждого убитого германского солдата клавшего десятков своих.

Именно открытие Второго фронта резко повысило германские потери не только на Западе, но и в России. Любимый сталинский писатель Константин Симонов на склоне жизни, в комментариях к своим военным дневникам, признавал: «Решительный перелом в соотношении между потерями и результатами боев... наступает летом 1944 года». До этого, исключая Сталинград, Красная Армия брала в плен только тысячи немцев (больше всего — 12 тысяч — в Корсунь-Шевченковском котле в феврале 1944 года). После же высадки в Нормандии было захвачено более 50 тыс. пленных в Белоруссии в июле 1944 года и 180 тыс. пленных в Яссо-Кишиневском котле в августе того же года. Можно смело утверждать, что именно открытие Западного фронта, куда была отвлечена треть германских сухопутных сил, сыграло решающую роль в советских успехах последнего года войны. В этот период Восточный фронт практически лишился люфтваффе и каких-либо резервов, которые позволили бы минимизировать последствия советских ударов.

После разгрома германских войск во Франции, Белоруссии и Румынии летом 1944 года стало ясно, что конец войны — не за горами. 25 августа 1944 года, беседуя с самым результативным летчиком-асом Второй мировой войны Эри-

хом Хартманом, которому он только что вручил рыцарский крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, Гитлер честно признал: «С военной точки зрения война проиграна, Хартман. Вы должны знать это. Однако существуют также крупные политические разногласия между союзниками — англичанами и американцами, с одной стороны, и русскими — с другой. Мы должны держаться и ждать. Скоро русские будут сражаться с англичанами и американцами точно так же, как сейчас они дерутся с нами. Это единственная альтернатива для нас. Иначе нас захлестнут большевистские орды, и вы сами знаете, что это будет значить для нашей страны». А когда Хартман стал говорить о необходимости новых модификаций истребителей, Гитлер ответил, что ему каждый день предлагают новые виды вооружений, но все это — слишком поздно, ибо на их разработку и производство уже нет времени.

Сталин же сумел обеспечить новыми вооружениями и боевой техникой Красную Армию, несмотря на тяжелейшие поражения 1941—1942 годов.

Не случайно единственную стратегическую наступательную операцию последнего года войны немцы провели против англо-американских войск в Арденнах, а не против Красной Армии. Сравнительно небольшая глубина западного театра давала хотя бы теоретические шансы на достижение решающего успеха в ходе одной операции, тогда как необъятные просторы Восточного фронта таких шансов не давали даже в теории. Кстати, с Арденнами связана еще одна легенда — будто бы Сталин по просьбе Черчилля ускорил наступление Красной Армии, чтобы спасти союзников в Арденнах, и перенес его начало с 20 на 12 января 1945 года, о чем и сообщил британскому премьеру. Только в 90-е годы исследования историков выявили, что утвержденный Жуковым еще 29 декабря 1944 года план сосредоточения войск 1-го Белорусского фронта предусматривал начало наступления 8 января 1945 года, но из-за плохой погоды, ограничившей действия авиации, его пришлось перенести на более

Почему победила Красная Армия?

поздний срок. Письмо же Черчилля Сталину, где упоминались Арденны, содержало лишь просьбу дать информацию о советских военных планах, но отнюдь не просьбу о помощи. Сталин тогда просто разыграл готовность пожертвовать жизнями советских солдат ради союзных интересов, прекрасно зная, что наступление как раз и должно начаться около 12 января.

Высадка в Нормандии привела к коренному перелому в ходе сухопутной войны. Но не надо забывать, что западные союзники также вынесли на себе основную тяжесть воздушной войны. Ведь две трети безвозвратных потерь в личном составе люфтваффе понесли в борьбе против западных союзников. Что же касается флота, то практически весь германский, итальянский и японский флот погиб в борьбе с англо-американским флотом и авиацией. Союзные бомбардировки замедляли темпы наращивания германского военного производства, практически парализовав, в частности, реализацию германского атомного проекта, а в последние полгода войны — производство горючего.

У нас, когда говорят о ленд-лизе, то часто повторяют цифру из труда Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в годы Отечественной войны», вышедшего в 1947 году, о том, «что объем американских и британских поставок не превышал 4% от общего объема советского производства военных лет». Или приводят цифры поставок самолетов и танков, которых были во много раз меньше, чем советское производство. При этом намеренно забывают, что ленд-лиз покрывал узкие места советской экономики. Нам поставляли то, что мы производили явно недостаточно или вовсе не производили. Так, по ленд-лизу пришло в полтора раза больше автомобилей, чем было произведено в СССР, более трети всех использованных взрывчатых веществ, почти все легирующие добавки, необходимые для производства бронестали, половина всего использованного алюминия, меди и авиационного бензина. Также потребность Красной Ар-

мии в радиостанциях удовлетворялась почти исключительно за счет ленд-лиза.

На Западе германских солдат погибло раза в три меньше, чем на Востоке. Но зато пленных союзники даже до капитуляции в мае 45-го взяли в несколько раз больше, чем Красная Армия, так что по безвозвратным потерям (пленные плюс убитые) между фронтами — равенство. В чем СССР безусловно первенствовал, так это в собственных людских потерях. Но иначе Красная Армия воевать не могла. Без англо-американской помощи мы бы не победили. Но и США с Англией без содействия СССР если бы и победили, то совсем в другие сроки и с другими жертвами, и, скорее всего, им бы пришлось применить атомную бомбу в Европе.

Представим себе на минуту, что тот сценарий, который был придуман писателем Робертом Харрисом в романе «Фатерланд» и воплощен в одноименном голливудском фильме, был бы реализован в действительности. Напомню, у Харриса вермахт в 1942 году овладевает Сталинградом и Кавказом. Остатки Красной Армии отброшены за Урал, где при американской поддержке продолжают вести малую, партизанскую войну против германской оккупационной армии — наподобие той войны, которую войска Чан Кайши вели в Китае против японской армии. В результате Германия побеждает на Европейском континенте, а США сокрушают Японию с помощью атомной бомбардировки. Две сверхдержавы делят мир. Однако на самом деле в случае краха советского сопротивления дальнейший ход войны наверняка был бы существенно иным, чем тот вариант, что представлен в романе американского писателя. Тогда бы Гитлеру все равно не удалось высадиться на Британских островах и сокрушить Англию. Ведь советское поражение никак не сказалось бы на американской и британской воздушной и морской мощи. Наоборот, силы англо-американских ВВС даже возросли бы за счет того, что теперь не надо было бы поставлять в СССР по ленд-лизу самолеты и стратегические материалы, необходимые для производства авиатехни-

Почему победила Красная Армия?

ки. Точно так же поражение Советского Союза никак не сказалось бы на ходе и сроках выполнения американского ядерного проекта, равно как не могло ускорить и ход германского ядерного проекта (здесь немцы отставали от американцев минимум на три года). А уж когда американцы получили бы летом 1945 года в свое распоряжение парочку атомных бомб, они бы ни в коем случае не стали тратить их на Японию. Хотя и Германию с таким незначительным числом ядерных зарядов атаковать вряд ли бы решились тотчас же, а подождали бы несколько месяцев, скажем, до середины 1946 года, когда в их руках было уже несколько десятков бомб. Вот тогда наверняка последовали бы атомные бомбардировки Берлина и Мюнхена, Гамбурга и Нюрнберга, Франкфурта-на-Майне и Кельна, всего Рурского промышленного района... И жертв в каждом из этих городов было бы во много раз больше, чем в японской Хиросиме. И Германия наверняка бы после этого капитулировала, даже если бы Гитлер уцелел, спрятавшись в каком-нибудь подземном убежище, и призывал сражаться до конца. Вермахт был бы полностью деморализован. Союзники без труда высадились бы во Франции и Германии, и война закончилась.

Поэтому в каком-то смысле немцы могут быть благодарны Советскому Союзу и Красной Армии за то, что они не дрогнули и в конце концов успели сокрушить вермахт в мае 45-го, еще до появления у американцев атомного оружия. Таким образом, Германия была избавлена от ужасов ядерных бомбардировок, жертвами которых могли стать миллионы немцев, в своем большинстве — мирных жителей.

СТАЛИН-ПОЛКОВОДЕЦ И ЕГО МАРШАЛЫ

Не умолкают споры на тему, был ли Сталин полководцем. Думаю, что на этот вопрос можно ответить положительно, если под полководцем понимать человека, который руководит боевыми действиями больших масс людей, и отрицательно, если считать полководцем только такого военачальника, которому с помощью военного искусства удастся разгромить превосходящие силы противника, нанеся ему значительно большие потери, чем понесли собственные войска. Поскольку Красная Армия практически всю войну имела существенное численное превосходство над вермахтом, бить врага меньшими силами было затруднительно. А нести меньшие потери, чем противник, не давала созданная Сталиным система, в которой человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша. В этом духе были воспитаны сталинские генералы и маршалы, и именно по этому принципу они действовали от начала и до конца войны. Если же они пытались беречь людей, то сразу вызывали подозрение, будто пытаются саботировать приказы Верховного и въехать в рай на чужом горбу — за счет того, что своих людей не будут беречь соседи. Поэтому такие генералы в маршалы не выходили, да и на фронте особенно долго не задерживались.

В конечном счете единственным стоящим полководцем, по крайней мере в Красной Армии, Иосиф Виссарионович не без основания считал только самого себя. Ведь настоящий полководец должен иметь право и возможность самостоятель-

но принимать важнейшие стратегические решения. А таким правом в СССР уже в 30-е годы обладал только Сталин. Все остальные военачальники должны были быть лишь талантливыми, вдохновенными исполнителями его воли. И в ходе войны методом проб и ошибок генералиссимус подобрал наиболее подходящих исполнителей своей воли. Они командовали главными фронтами в последние месяцы войны. Это маршалы Жуков (1-й Белорусский фронт, нацеленный на Берлин), Конев (1-Украинский фронт, нацеленный на Берлин и на Прагу), Рокоссовский (2-й Белорусский фронт, Померания и Северная Германия), Василевский (3-й Белорусский фронт, Восточная Пруссия). Кроме того, Жуков длительное время был заместителем Верховного Главнокомандующего, а Василевский — начальником Генерального штаба. Из всех остальных полководцев первого года войны вынужденно Сталин расстался только с маршалом Шапошниковым — из-за его тяжелой болезни (туберкулеза), не позволившей ему с середины 1942 года исполнять обязанности начальника Генерального штаба и активно руководить войсками. От Ворошилова как от полководца Иосиф Виссарионович избавился, скорее всего, потому, что после кровавой чистки 1937—1938 годов в Красной Армии Климент Ефремович, хотя сам приложил к ней руку, испугался на всю оставшуюся жизнь и стал панически бояться принимать на себя ответственность и самостоятельно, без совета со Сталиным, принимать какие-либо решения. Сталину не понравилось, что летом и осенью 1941 года Ворошилов не смог остановить немецкое наступление на Ленинград и предотвратить окружение города. А потом неудачные действия в Крыму окончательно подорвали доверие Сталина к полководческим способностям «первого маршала». На политических должностях Сталин Ворошилова еще использовал, например на переговорах с Рузвельтом и Черчиллем во время Тегеранской конференции или на посту председателя Союзной контрольной комиссии по Венгрии после войны, оставил и в составе Политбюро, хотя все больше после войны

демонстрировал ему свое недоверие. На военные же должности Климент Ефремович больше не назначался.

Сам Ворошилов в апреле 1961 года в рукописи незаконченных мемуаров, посвященных началу войны, утверждал: «Чтобы полнее представить обстановку в стране перед войной, нельзя обойти молчанием факт истребления бандой Берия крупных военных деятелей. На протяжении нескольких лет вражеская рука путем клеветы и провокаций вырывала из рядов Красной Армии ее наиболее ценные кадры людей, обладавших широким военным кругозором, способных в самые критические минуты не потерять присутствия духа, закаленных в Гражданской войне и безусловно преданных своему народу, партии. Прекрасные специалисты своего дела были устранены от руководства войсками важнейших округов, штабов, учреждений. Армия, по сути дела, была обезглавлена. На смену опытным в военном отношении командирам, политработникам были выдвинуты люди, не обладавшие необходимыми качествами руководителей большого масштаба. Порою из-за нескромности, а иногда по причине неспособности реально смотреть на вещи, они взвалили на свои плечи непосильную тяжесть и, конечно, терялись в минуты тяжелых испытаний. Одним из таких выдвинутых был и генерал армии Павлов. Это также не могло не сказаться отрицательно на нашей армии и на ходе боевых действий в начальном периоде войны».

В этом высказывании замечательно проглядывает психология Ворошилова, равно как и других советских маршалов. Репрессии в армии, к которым Климент Ефремович был еще как причастен, свалены на Берию, который имел к ним куда меньшее касательство, так как первым заместителем наркома внутренних дел стал только в августе 38-го, когда пик репрессий в Красной Армии уже миновал. Также вся вина за неудачи начального периода сваливается на Павлова, который был выдвинутым конкурирующего клана Тимошенко, сменившего Ворошилова во главе Красной Армии после финской войны. О Павлове Ворошилов во время

Почему победила Красная Армия?

поездки в конце июня 1941 года на Западный фронт высказался весьма резко, очевидно, догадываясь, какой приговор ему вынесет Сталин. Обращаясь к командующему Западным фронтом, Ворошилов утверждал: «Если вы были так уверены в нападении немцев, как сейчас утверждаете, то кто мог вам помешать, скажем, рассредоточить и замаскировать самолеты на аэродромах, привести в состояние боевой готовности истребительную авиацию. Разве вам требовалось указание Москвы, чтобы вывести танки, артиллерию и автомашины из парков и гаражей в леса, которыми так богата Белоруссия. Я уж не говорю об этих злополучных артиллерийских сборах. Оставить пехоту без артиллерии и в то же время ждать вторжения врага, по меньшей мере, легкомысленно... вспомните, что я говорил, когда обсуждалось у Сталина ваше назначение на пост командующего Особым Западным округом. Я тогда уже не был наркомом, отошел от чисто армейских дел, но когда товарищ Тимошенко назвал вашу кандидатуру на это исключительно ответственное направление, я, как вы помните, резко возражал... Как вы могли согласиться на это назначение, не имея ни опыта, ни знаний. У вас, прямо скажу, кругозор командира кавалерийского полка, от силы командира танковой дивизии. Возглавляли вы какой-то период Главное бронетанковое управление Наркомата обороны и неплохо освоились с этим делом, познакомились с промышленностью, знали людей, работающих в танкостроении, и надо было вам продолжать работу в этой области. Но у вас после Испании закружилась голова, вы вообразили себя стратегом, военачальником, не имея необходимых для такого поста данных.

Меня тогда, к сожалению, не послушали. Сейчас мне тяжело об этом говорить, а вам слушать. Но я еще раз повторяю: задолго до войны, хорошо вас зная, для меня было очевидным, что вы берете ношу не по плечу. Но тогда вы этого не хотели понять...»

Того же мнения о Павлове был маршал Шапошников: «Надо признать, что он мало или почти ничего не сделал для

повышения бдительности войск. Он не решился взять на себя ответственность и не мог, как мне кажется, провести границу между тем, что ему говорили — не дразнить немцев, и хотя бы самыми элементарными мерами предосторожности. По приезде в Минск 22 июня я застал Павлова и его штаб совершенно неподготовленными к руководству войсками в такой сложной обстановке».

Что ж, задним умом, после того как катастрофа разразилась, маршалы были крепки.

Маршала Буденного Сталин в начале 1943 года, когда только-только началось советское наступление, закончившееся в Берлине, перевел на декоративный пост командующего кавалерией Красной Армии. Похоже, Семен Михайлович поплатился, наоборот, за излишнюю самостоятельность, да еще за оставшееся с Гражданской войны стремление сберечь жизни своих бойцов. Так, он выступал за то, чтобы оставить Киев и успеть вывести войска и технику из готового замкнуться полукольца. И на Северном Кавказе летом и осенью 1942 года Буденный, командуя этим стратегическим направлением, все же удержал немцев на линии Главного Кавказского хребта до того момента, как советское контрнаступление под Сталинградом изменило стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте.

Один характерный штрих к портрету Буденного. По воспоминаниям Хрущева, Семен Михайлович был единственным из советских маршалов, который, находясь уже в этом высоком звании, не брезговал тем, чтобы собственноручно бить морду простым красноармейцам. Другие советские маршалы и многозвездные генералы тоже мордобой практиковали, что Сталин порой даже поощрял. Особо отличались Жуков, Конев, Гордов, Еременко. Конев из-за слабости здоровья использовал для битья подчиненных палку. Но они в рукоприкладстве ниже майора не опускались, не понавившихся же чем-либо рядовых скорее предпочли бы расстрелять. На этом фоне Буденный выглядит явным демократом. И, пожалуй, еще и человеколюбом. Ведь он пола-

Почему победила Красная Армия?

гал возможным битьем исправить нерадивых солдат, тогда как мог бы их просто вывести в расход.

Кстати сказать, отношение к генералам, оказавшимся в окружении, у нас и у немцев сильно разнилось. Так, из осажденного Севастополя, за день до падения города, подводными лодками и самолетами были эвакуированы генералы, старшие офицеры, комиссары и партработники во главе с командующим Черноморским флотом адмиралом Ф.С. Октябрьским и командующим Отдельной Приморской армией генералом И.Е. Петровым. Из Новороссийска Октябрьский направил донесение в Ставку с копией Буденному: «Исходя из сложившейся обстановки на 24.00 30.06.42 г. и состояния войск, считаю, что остатки войск СОР могут продержаться на ограниченном рубеже один, максимум два дня. Одновременно докладываю: вместе со мной в ночь на 1 июля на всех имеющихся средствах из Севастополя вывезено около 600 человек руководящего состава армии, флота и гражданских организаций...» На самом деле обреченный город покинули 1228 генералов, адмиралов и старших офицеров и политработников, бросивших на произвол судьбы раненых (они заняли предназначенные им места на последних самолетах и подлодках). Их не только не наказали. Наоборот, все они были тотчас же награждены за героическую оборону Севастополя. Немцы же, напомним, из окруженного Сталинграда не стали вывозить ни Паулюса, ни начальника штаба армии, ни подавляющего большинства командиров дивизий и корпусов (да и основная масса генералов во главе с Паулюсом и не собиралась бросать своих солдат, даже когда положение стало безнадежным после провала попытки деблокирования 6-й армии). До последнего момента из Сталинграда вывозили раненых и больных, а также эвакуировали несколько десятков офицеров-специалистов, в основном инженеров, артиллеристов и зенитчиков. Те же солдаты и офицеры, которые самовольно пробрались на борт самолета, впоследствии, если это обнаруживалось, попадали под трибунал. Тут сказалась разная психология как советских и немецких генералов, так и двух диктаторов. У нем-

цев сказывалась старая солдатская традиция делить все тяготы с подчиненными. Советские генералы же, с одной стороны, знали, что жизнь их ничего не стоит перед Сталиным, что генсек-генералиссимус может в любой момент отправить их туда же, куда отправил Тухачевского и других участников «военно-фашистского заговора». Но, с другой стороны, генералы и маршалы, равно как и комиссары, и старшие офицеры Красной Армии, ощущали свою избранность, принадлежность к номенклатуре, и в этом отношении от рядовых красноармейцев и младших офицеров в звене взвод — рота их отделяла пропасть. Сталин же опасался, что, попав в плен, генералы могут поступить так же, как поступил генерал Власов, и предпочитал их искушению плена по возможности не подвергать. А вот Гитлер, сам солдат Первой мировой войны, считал, что генералы и офицеры солдат бросать ни в коем случае не должны, и требовал, чтобы они до последнего дрались в окруженных «крепостях». Да и сами германские генералы и фельдмаршалы в подавляющем большинстве блюли кодекс офицерской чести, запрещавший оставлять своих солдат в беде.

Кстати сказать, «крепостью» фюрер часто называл любой более или менее важный город, особенно порт, хотя часто там не было никаких серьезных укреплений. Таких «крепостей» было особенно много на Западном фронте — из-за значительного количества здесь так называемых крепостных или стационарных дивизий, почти лишенных транспортных средств (их все равно было очень трудно эвакуировать при отступлении).

Маршалу Тимошенко Сталин не смог простить случившийся по его вине разгром под Харьковом в мае 1942 года и больше не назначал его командовать фронтами, хотя и позволил в августе 1944 года в качестве представителя Ставки координировать победоносную Яссо-Кишиневскую операцию, за что Семен Константинович и удостоился полководческого ордена «Победа».

Примерно к середине 1943 года, к Курской битве, Сталину, наконец, удалось сформировать команду своих маршалов.

До этого у некоторых из них карьера складывалась далеко не всегда гладко. Неуклонно по восходящей она была только у Василевского, преемника и протеже Шапошникова, и у Рокоссовского. Конева Сталин неоднократно снимал за неудачи с командования фронтом. А Жукова после проигрыша Смоленского сражения вообще хотел расстрелять. Об этом поведал в одном из своих предсмертных писем в Президиум ЦК Берия, а в таких письмах обычно не врут, тем более что Лаврентий Павлович писал о вещах, хорошо известных его вчерашним коллегам: «Т.Т. Маленков и Молотов (другой вариант расшифровки — Микоян. — Б. С.) хорошо должны знать, что Жуков, когда его сняли с генерального штаба по наущению Мехлиса (в конце июля 1941 г. — Б. С.), ведь его положение было очень опасно, мы вместе с вами уговорили назначить его командующим фронтом и тем самым спасли будущего героя нашей Отечественной войны, или когда т. Жукова выгнали из ЦК — всем нам было больно». Не говорю уж о маршалах, так сказать, второго ряда, возглавлявших второстепенные фронты и также пользовавшихся в конце войны благоволением Сталина. Достаточно вспомнить, что маршал Мерецков, командовавший Волховским фронтом, успел перед тем, как возглавить фронт, «попить кофе у Берии» и даже во всем признаться, или маршала Малиновского, в бытность командующим Южным фронтом ставшего «героем» знаменитого приказа № 227: именно его войска «покрыли позором свои знамена», оставив без приказа Ростов и Новочеркасск.

Какие же качества отличали сталинских полководцев? По какому принципу генералиссимус отбирал себе полководческую рать? Пожалуй, Иосифа Виссарионовича не слишком волновало умение цепко обороняться. Почти у всех приближенных к нему маршалов (кроме уже перечисленных, сюда можно отнести еще Говорова, командовавшего Ленинградским фронтом, Толбухина, действовавшего на Балканах, а также генерала армии Черняховского, возглавлявшего войска в Восточной Пруссии) были как удачные, так и вполне провальные операции. Правда, бросается в глаза, что провалы в обороне у всех были в 41-м, в крайнем случае — в первые восемь-девять

месяцев 1942 года. Как кажется, Сталин готов был неудачи этого периода отнести за счет, как он полагал, объективных обстоятельств: внезапности германского нападения, превосходства врага в боевом опыте и, может быть, в авиации и танках (по крайней мере, ему так докладывали). А вот неудачи в обороне, относящиеся к 1943-му и более поздним годам, Сталин прощал куда реже. Тут уж, считал он, должны проявляться ум или бездарность полководца.

Но главное, что объединяло любимых сталинских маршалов, это, конечно же, наступление. Они умели наступать, но только в типичной советской манере — с массированием большого количества войск и техники, с мощной артподготовкой, но, как правило, без хорошей разведки, по площадям, с одновременным направлением в атаку больших масс плохо обученных людей. Даже во время последней, Берлинской операции разведка так и не смогла установить, что немцы отвели свои основные силы на западные скаты зееловских высот, так что большинство бомб и снарядов пришлось в пустоту. При наличии необходимого подавляющего превосходства эта тактика гарантировала успех, приводило к захвату значительной территории, трофеев, пленных. Если же резервов оказывалось недостаточно, то все ограничивалось большими потерями. Но, начиная с 1943 года сил, чтобы дожать противника, чаще всего хватало, хотя случались и досадные неудачи, вроде дюжины неудачных наступлений в Белоруссии в период с осени 1943 до весны 1944 года.

Вот как, например, описывал в своем дневнике военное искусство маршала Жукова генерал армии Еременко, будучи зол на Георгия Константиновича за то, что тот способствовал снятию его с командования Сталинградским фронтом на завершающей стадии разгрома группировки Паулюса и тем лишил победных лавров: «Жуков, этот узурпатор и грубиян, относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески. Он всех топтал на своем пути, но мне доставалось больше других. Не мог мне простить, что я нет-нет да и скажу о его недостатках в ЦК или Верховному Главнокомандующему. Я обязан был это сделать как командующий вой-

сками, отвечающий за порученный участок работы, и как коммунист. Мне от Жукова за это попадало. Я с товарищем Жуковым уже работал, знаю его как облупленного. Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист...» (запись в дневнике 19 января 1943 г.).

«В ходе работы у меня возникла мысль, что если бы тов. Жуков утвердил время атаки, которое предлагал я, то противник не только не задержал бы нас на реке Червленной, а, наоборот, сталинградская группировка была бы разбита еще в ноябре. Один день, недооцененный Жуковым, «съел» два месяца (подготовки к контрнаступлению. — Б. С.) и принес много жертв. Первоначально по общему плану контрнаступления Юго-Западный и Сталинградский фронты должны были наступать одновременно. Я был категорически против одновременного начала наступления и доказывал, что мы должны обмануть противника и поставить в исключительно невыгодные условия, заставить его измотать и задержать свои танковые и механизированные войска, к тому же без всякой пользы... Мое утверждение основано на реальном расчете и анализе действий противника. С началом нашего наступления факты полностью подтвердили мои доводы. Я не считаю себя сейчас умней, чем был тогда, когда настаивал на своем предложении и добивался его утверждения... Ведь если Юго-Западный фронт начнет наступление на два дня раньше, чем Сталинградский, то для противника создастся весьма сложная обстановка, которая может привести его к катастрофе. На эти мои доводы Жуков ответил: «Обождите с «катастрофой», хоть отгоните противника от Сталинграда километров на 60—70, и то будет хорошо». (Спустя некоторое время Еременко повторно изложил свои соображения насчет разновременного начала наступления двух фронтов, Георгий Константинович воспринял эту идею более благосклонно): «На сей раз Жуков слушал меня с большим вниманием и в конце моего доклада сказал: « — Хорошо, согласен на одни сутки. Так и буду докладывать Сталину на утверждение».

« — Я прошу доложить на двое суток».

« — Нет, нет, — сердито возразил он, — одни сутки, больше не дадим!»

« — Ясно», — ответил я и подумал, что не для себя прошу эти дни, а для общего дела, для нашей страны... На этом и закончилось обсуждение вопроса о сроке начала атаки. Я весь кипел внутри и возмущался... Жуков боялся, как бы не застопорилось наступление Юго-Западного фронта. В какой-то мере он вместе с Ватутиным готовил это наступление. Подготовку войск Сталинградского фронта осуществлял я. И вдруг они более успешно будут действовать?!

Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5—6 раз, иначе он не будет браться за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру.

Он боялся даже в таких условиях, когда Ватутин сосредоточил на узком фронте танковую армию тов. Романенко (5-ю танковую. — *Б. С.*), два совершенно свежих танковых корпуса, 3-ю ударную общевойсковую армию тов. Кузнецова (в действительности В.И. Кузнецов командовал 1-й гвардейской армией Юго-Западного фронта; в декабре из нее выделили еще 3-ю гвардейскую армию, что и вызвало ошибку памяти у Еременко. — *Б. С.*), 21-ю общевойсковую армию, несколько отдельных танковых бригад, кавалерийский корпус и много других частей усиления. С такой силищей трусил, хотел, чтобы войска Сталинградского фронта оттянули на себя силы противника. Вот когда Жуков показал свою шкуру» (запись от 28 февраля 1943 г.).

Сам Еременко воевал, наверное, не многим лучше, но, быть может, все-таки не так безжалостно бросал своих солдат в мясорубку наступления, за что порой впадал в немилость у Сталина.

Кстати сказать, предложение Еременко, чтобы войска его Сталинградского фронта переходили в наступление на двое суток позже, чем войска Юго-Западного фронта генерала Ватутина, было вполне разумным. Больших резервов у немцев под Сталинградом было мало, всего один слабый германо-румынский танковый корпус менее чем с сотней

танков. С такими силами за два дня они бы точно не только не успели бы разбить войска Ватутина, но даже вряд ли бы сумели остановить полностью его продвижение. Немецкому командованию пришлось бы снимать силы от Сталинградского фронта, которые за двое суток ушли бы уже слишком далеко, чтобы вернуться обратно, и тогда удар Еременко был бы еще более сокрушающим.

Кстати сказать, немцы также неоднократно применяли этот прием, когда наступление различных группировок разводилось по времени на один-два дня, что затрудняло противнику маневрирование резервами. Например, во время осуществления операции «Тайфун» — генерального наступления на Москву, 2-я танковая группа Гудериана начала наступление на Брянск 30 сентября 1941 года, тогда как остальные войска группы армий «Центр» перешли в наступление на Вязьму двумя днями позже.

И точно так же произошло во время германского наступления на юге России летом 42-го. Командующий группой армий «Юг» фон Бок записал в дневнике 27 июня 1942 года: «6-я армия (Паулюс) докладывает, что вследствие возобновившихся ливней начать наступление 28 июня она не в состоянии. Удастся достичь согласия с верховным командованием по этому вопросу, и я переносу начало наступления 6-й армии на послезавтра. Временное эшелонирование тем более не вызывает сомнений, потому что вследствие начинающегося раньше наступления 2-й армии (Вейхс) неприятель, возможно, начнет отводить свои наиболее сильные части с фланга 6-й армии, чтобы бросить их на борьбу с армейской группировкой Вейхса».

Когда Еременко принял Калининский фронт, которым до него командовал генерал М.А. Пуркаев, он обнаружил, что на передовой наблюдаются случаи смерти красноармейцев от голода, причем отнюдь не во вражеском окружении. Причиной был несвоевременный подвоз продовольствия. В то же время многие генералы ни в чем себе не отказывали. 23 мая 1943 года Андрей Иванович с возмущением писал в дневнике: «К сожалению, некоторые командиры, одни по халатности,

другие по нерадивости, уделяли мало внимания вопросам питания... Что я обнаружил в 43-й армии? Командующий армией генерал-лейтенант Голубев вместо заботы о войсках занялся обеспечением своей персоны. Он держал для личного довольствия одну, а иногда и две коровы (для производства свежего молока и масла), три-пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал. Когда мы в академии изучали Русско-японскую войну, то от души смеялись над генералом Сахаровым, который возил в теплушке корову... А теперь у нас еще похлеще Сахарова оказался генерал Голубев. Смех и горе. Может ли быть хороший воин из эдакого генерала? Никогда! Ведь он думает не о Родине, не о подчиненных, а о своем брюхе. Ведь подумать только — он весит 160 кг. КП Голубева, как трусливого человека, размещен в 25—30 км от переднего края и представляет собой укрепленный узел площадью 1—2 гектара, обнесённый в два ряда колючей проволокой. Посредине — новенький рубленый, с русской резьбой пятистенки, прямо-таки боярский теремок. В доме четыре комнаты, отделанные по последней моде, и подземелье из двух комнат... Подземелье и ход в него отделаны лучше, чем московское метро. Построен маленький коптильный завод. Голубев держит человека, хорошо знающего ремесло копчения. На это строительство затрачено много сил и средств, два инженерных батальона почти месяц трудились... Это делалось в то время, когда чувствовалась острая нехватка саперных частей для производства инженерных работ на переднем крае...»

Стоит подчеркнуть, что Еременко был человеком действительно не робкого десятка. Он был одним из немногих высших военачальников Красной Армии, кто в годы войны, пусть даже в личном дневнике, осмеливался столь резко критиковать Верховного. Так, после того как Сталин 5 августа 1943 года посетил его на Калининском фронте, Еременко записал в дневнике: «Товарищ Сталин значительно повинен в истреблении военных кадров перед войной, что отразилось на боеспособности армии. Вот почему он, прежде чем начать заслушивать план предстоящей операции, перевел разговор на

Почему победила Красная Армия?

тему о кадрах, чтобы прощупать меня... В ходе этого разговора товарищ Сталин неоднократно говорил о многих генералах, которые были освобождены из мест заключения перед самой войной и хорошо воевали. «А кто виноват, — робко задал я вопрос Сталину, — что эти бедные, ни в чем не повинные люди были посажены?» — «Кто, кто... — раздраженно бросил Сталин. — Те, кто давал санкции на их арест, те, кто стоял тогда во главе армии». И тут же назвал товарищей Ворошилова, Буденного, Тимошенко. Они, по словам Сталина, были во многом повинны в истреблении военных кадров. Именно они оказались неподготовленными к войне. Но самая плохая характеристика... была дана им за то, что они не защищали свои военные кадры. Собственно, я в этом разговоре больше слушал да отвечал на вопросы. Сталин спрашивал меня, насколько хорошо я знаю того или иного маршала, генерала, освобожденного из-под ареста. Что касается маршалов, я дал уклончивый ответ, сказав, что знаю их плохо, издали. Партия создала им авторитет, и они почили на лаврах. Поэтому плохо показали себя в Великой Отечественной войне. Вот как говорит о них народ, я тоже придерживаюсь такого мнения. «Говорит народ правильно», — вставил реплику Сталин. В отношении же освобожденных генералов я сказал, что товарищи Горбатов, Рокоссовский, Юшкевич, Хлебников — все они во время войны, а некоторые и до нее были в моем подчинении, и я даю им самую высокую оценку, так как это умные генералы, храбрые воины, преданные Родине. «Я согласен с вами, товарищ Еременко», — заметил Сталин. Каждый раз, говоря о кадрах, он пристально, испытующе посматривал на меня, видимо, для того чтобы определить, какое впечатление производят на меня его характеристики и оценки людей».

Сам Еременко, как легко убедиться, насчет истинной роли Сталина в репрессиях нисколько не заблуждался. Быть может, Сталин интуитивно чувствовал это, отсюда и некоторая настороженность в отношении Еременко, который при нем так и не стал маршалом, а после Сталинграда оказался задвинут на второстепенные фронты. Чрезвычайно показательным и то, что Сталин в августе 43-го, когда почти

все представители конармейской группировки оказались на вторых ролях, именно на них стремился свалить всю ответственность за 37-й год. Хотя, конечно, расстреливать их, по крайней мере в ближайшее время, не собирался. Не исключено, что Ворошилов вместе с Молотовым, Микояном и некоторыми другими представителями старой гвардии в 1953 году предназначался в качестве кандидатов для показательного процесса по «делу врачей». Косвенно об этом может свидетельствовать резкая критика Микояна, Молотова и Ворошилова Сталиным на октябрьском пленуме 1952 года, после XIX съезда партии. Однако в любом случае Тимошенко вряд ли мог подвергнуться репрессиям. Как-никак, его дочь Екатерина была замужем за сыном Сталина Василием. Не стал бы, я думаю, Иосиф Виссарионович выводить в расход свояка. Да и против Буденного никаких действий после войны как будто не предпринималось. Очевидно, с «конармейцами» как с группировкой Сталин после войны расправляться не собирался. Он ограничился ссылкой Жукова в Одессу, арестом и расстрелом нескольких генералов и двух маршалов авиации (один из них, С.А. Худяков, был расстрелян). Был, в частности, расстрелян разжалованный маршал Г.И. Кулик, который, возможно, заплатился за то, что в 1938 году вместе с Д.Г. Павловым подписал письмо с призывом прекратить репрессии в армии. В целом же сталинские маршалы военной пары на бонапартов не тянули, и Сталин их тасовал по своему усмотрению.

Сталин был хорошо осведомлен насчет соперничества своих генералов и маршалов, о том, что они, мягко говоря, недолголюбивают друг друга. Кстати сказать, у немцев картина была такая же. Например, между Клюге и Гудерианом дело даже дошло до дуэли, которую, однако, запретил Гитлер. Сталин же поощрял соперничество и даже вражду своих генералов и маршалов. Например, именно Верховный устроил гонку к Берлину между Жуковым и Коневым и наверняка немало потешался тому, как каждый из маршалов из кожи лез, чтобы первым достичь столицы рейха. Тут были свои резоны. Во-первых, вражда и зависть между маршала-

ми гарантировали, что они не составят заговор против генералиссимуса. Во-вторых, как не без оснований полагал Иосиф Виссарионович, соперничество будет поощрять их активнее наступать и стремиться быстрее и лучше выполнить поставленную задачу. Ведь успехи Красной Армии Сталин оценивал в первую очередь размерами занятой территории и количеством освобожденных от неприятеля крупных городов и важных коммуникационных узлов. О том, сколько именно врагов уничтожено в той или иной операции, как Иосиф Виссарионович убедился уже в первой половине 1942 года, по донесениям командующих армий и фронтов объективно судить трудно, равно как и оценивать собственные жертвы как слишком высокие или, наоборот, приемлемые, поскольку точные потери противника все равно неизвестны. Действительно же большое число пленных, исключая Сталинградский котел, Красная Армия стала захватывать только с лета 1944 года. Впрочем, количество жертв с советской стороны Сталина особенно не волновало. Ни один генерал во время войны за чрезмерные жертвы наказан не был. А вот роль арбитра в разрешении генеральских споров Сталин на себя охотно принимал.

Сталин, в отличие от Гитлера, не возражал, чтобы советские генералы и маршалы поживились трофеями, разнообразив ими скудный материальный достаток советской жизни. В германской армии генералы, за редким исключением, трофеи себе не присваивали. Главными коллекционерами трофейного искусства были видные деятели национал-социалистического движения — рейхсмаршал Геринг и рейхсминистр Розенберг. И то они, как правило, покупали картины, пусть и по принудительно установленной заниженной цене. Генералы же и фельдмаршалы трофеями, как правило, не интересовались и от подарков от населения, «в благодарность за избавление от большевиков», отказывались. Так, фельдмаршал фон Бок 2 ноября 1941 года записал в дневнике: «Власти Смоленска (подчиненными фон Бока, между прочим, и поставленные. В Смоленске находился штаб группы армий «Центр». — Б. С.) испросили моего мнения,

смогу ли я передать приветственный адрес фюреру и принять памятный подарок от города. Велю дать следующий ответ: немецкий офицер подарков не принимает, что же касается приветственного адреса фюреру, то он будет передан в соответствии со всеми необходимыми формальностями». Советским же маршалам и генералам Сталин до поры до времени позволял широко пользоваться трофеями для собственных нужд и принимать подарки в виде картин, фарфора и мебели «в благодарность за освобождение от нацистской оккупации». Многие покупали за бесценок, за оккупационные марки, картины и другие антикварные ценности, отправляли в СССР мебель и бытовую технику целыми вагонами. Затем «трофейная лихорадка» становилась весомым пунктом обвинений против тех генералов и маршалов, которые попадали в опалу, в том числе против маршалов Жукова, Худякова, генералов Телегина, Крюкова, Абакумова и ряда других. С помощью «трофейного крючка» Сталин гарантировал лояльность военачальников. В погоне за трофеями им было не до фронды и уж тем более не до заговоров, а в нужный момент неудобных легко можно было дискредитировать в глазах армии, предав огласке их трофейные подвиги.

В целом Сталину даже в большей степени, чем Гитлеру, удалось достичь полной лояльности высшего комсостава и его безусловного подчинения своей воле. Это также стало одной из важных причин советской победы в войне.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Красная Армия могла выиграть войну только очень большой кровью. Сталин это понимал и на это ориентировался. Для того чтобы вести войну именно таким образом, необходимо было иметь десятки миллионов солдат, готовых, не задумываясь, пожертвовать своей жизнью за Родину и за Сталина. И таких бойцов Иосифу Виссарионовичу удалось воспитать в 30-е годы. Тут играла свою роль как беззаветная преданность социалистическому Отечеству и коммунистической идее, так и страх перед репрессиями, в том числе против родственников и семей. Первый мотив был более распространен среди горожан — рабочих и интеллигенции, второй — среди крестьянской массы, деморализованной насильственной коллективизацией и готовой безропотно идти в бой, даже на верную смерть.

Играл свою роль и фактор голода. Все продовольствие в СССР было нормировано. Попытка уклониться от военной службы на практике могла вести человека к голодной смерти. Кроме того, Сталин возглавлял народ, не привыкший к свободе, поэтому большинство было готово повиноваться и выполнять любые приказы, даже обрекавшие людей на смерть.

После неудач начала войны Сталин издал соответственно в августе 41-го и в июле 42-го драконовские приказы № 270 (предусматривающий репрессии против семей пленных и перебежчиков) и № 227 (предусматривающий возможность бессудного расстрела за отступление без приказа). Стоит подчеркнуть, что в конце войны, оказавшись в крити-

ческой ситуации, аналогичные приказы издавали и немцы. Например, 1 февраля 1945 года командующий группой армий «Г», защищавшей подступы к Баварии, генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер доносил главнокомандующему Западным фронтом фельдмаршалу Герду Рундштедту: «Совместное расположение с разбитыми соединениями действующих частей, пополнение их недостаточно обученным личным составом оказали неблагоприятное воздействие на внутреннее состояние войск. Далее, ввиду большой протяженности линии обороны воздействие командиров частей и соединений, а также офицеров по национал-социалистическому руководству на личный состав зачастую в требуемом объеме стало невозможным. Поэтому возросла опасность увеличения числа перебежчиков на сторону противника и потребовалось принять профилактические меры. До сведения личного состава доведены меры в виде ареста родственников. При этом следует принять во внимание, что угроза ареста родных потеряла свою действенность в отношении тех солдат, семьи которых находятся в занятых врагом областях Германии». Хауссер требовал: «По перебежчикам немедленно открывать огонь. Тот, кто не будет стрелять, подлежит наказанию. Каждое отделение, каждый взвод, каждая рота несет коллективную моральную ответственность за поведение каждого своего солдата». Отмечу, что в британской и американской армиях таких приказов не было даже во времена самых тяжелых поражений 1940—1941 годов. Но, во-первых, поражения англичан и американцев все-таки были не такими глобальными, как у Красной Армии, а во-вторых, в демократических государствах широкомасштабные бессудные репрессии против людей, заведомо невиновных, были невозможны. Исключения, случившиеся в ходе Второй мировой войны, вроде депортации американцев японского происхождения после нападения Японии на Перл-Харбор, скорее подтверждают правило. Американское государство и общество еще не воспринимало тогда этих несчастных своей частью, даже если некоторые из них и имели американ-

ское гражданство. Характерно, что в Германии даже в конце войны трусы и дезертиры расстреливались только по приговору судов, пусть это и было самое ускоренное военно-полевое судопроизводство. В частности, в конце 1944 года фельдмаршал Кейтель издал приказ, где потребовал: «Немедленно открывать огонь из всех видов оружия по каждому солдату, явно переходящему на сторону противника. При возникновении подозрения о том, что солдат перебежал к противнику, необходимо тотчас же на месте организовать судебное разбирательство. Следствие проводить немедленно и добросовестно. Если в результате расследования будет установлен факт перехода к противнику, то судебное разбирательство следует закончить приговором к смертной казни и приговор утверждать. Семья приговоренных к смерти перебежчиков отвечает за преступления осужденного имуществом, свободой или жизнью. Мэру ответственности в каждом отдельном случае определяет рейхсфюрер СС и начальник германской полиции... При отсутствии неопровержимых фактов перехода на сторону противника следствие надлежит закончить соответствующим актом... О смертном приговоре или наказании семьи в каждом отдельном случае необходимо немедленно поставить в известность части дивизии или соответствующего ей соединения». Замечу, что формулировки этого приказа даже жестче, чем у сталинского приказа № 270, который все-таки не предусматривал казнь родственников перебежчиков. Скорее кейтелевский приказ ближе к приказу Жукова, отданного им в бытность командующим Ленинградским фронтом. Там, как мы помним, предусматривалась смертная казнь для родственников пленных и перебежчиков. Правда, до сих пор неизвестны случаи, чтобы в Германии в последние полгода войны кого-нибудь казнили только за то, что он родственник перебежчика, равно как и факты, что жуковский приказ успели претворить в жизнь.

Так же и германские заградотряды должны были всеми средствами посылать солдат обратно в бой, не останавливаясь перед расстрелами, но при этом непременно требова-

лось созвать предварительно военный суд. Здесь было принципиальное различие с советской практикой бессудных расстрелов бойцов и командиров. Для германских солдат и офицеров могли иметь авторитет только репрессии, освященные судебным приговором. Для красноармейцев же, привыкших жить в страхе, военно-политическое руководство считало наиболее действенным средством заставить сражаться массовые бессудные казни на месте и правых, и виноватых. Подобным же образом после объявления осадного положения в Москве в октябре 1941 года грабителей предписывалось расстреливать на месте. В Берлине весной 45-го с приближением фронта прошли погромы пекарен, но их зачинщиков казнили только по приговору суда и с обязательным утверждением гаулейтера Берлина Геббельса. В тоталитарном государстве, каким была нацистская Германия, семьи могли отвечать за дела своих членов, будь то дезертирство или участие в заговоре 20 июля. Однако советских масштабов германские репрессии против родственников плененных не успели достигнуть.. Впрочем, и в СССР подавляющее большинство плененных из гуманных соображений, а также для некоторой лакировки отчетности обычно записывали в пропавшие без вести, и репрессиям обычно подвергались только семьи хорошо известных перебежчиков, вроде генерала Власова.

Тут необходимо отметить, что важнейшим фактором советской победы было то, что Гитлер не предпринимал никаких политических шагов, которые могли бы привлечь на сторону немцев значительную часть советского населения под антибольшевистскими лозунгами. Так, фельдмаршал фон Бок 27 февраля 1942 года отметил в дневнике появление статьи в одной шведской газете, автор которой высказывал мысли, явно близкие фельдмаршалу: «Статья в одной из шведских газет о положении на Восточном фронте гласит, что «германская армия в 1941 году уже сделала в России все, что было в человеческих силах». Что же касается политики, то тут автор статьи выражает свое недовольство. По его мне-

нию, немцы не предприняли ничего для раскола внутреннего фронта России, ничего для того, чтобы повести за собой антибольшевистски настроенную часть населения оккупированных областей, и в результате сейчас Германии противостоит национально-большевистский фронт под предводительством Сталина».

И сам фон Бок, и фельдмаршалы фон Клейст, Буш, Рейхенау, генералы Кинцель, Кестринг, Гудериан, глава отдела «Иностранные армии — Восток» знаменитый Рейнхард Гелен и многие другие германские генералы неоднократно предлагали превратить советско-германскую войну в гражданскую войну русских против русских, чтобы таким образом разбить созданный Сталиным национальный фронт и достичь победы. Для этого предлагалось сформировать русское антикоммунистическое правительство и армию. Однако Гитлер оставался глух к этим призывам вплоть до июля 1944 года. Только тогда он дал санкцию на формирование власовской Русской освободительной армии, а в ноябре позволил Власову возглавить Комитет освобождения народов России — подобие антибольшевистского правительства. Вот только территорий, которыми это правительство могло бы управлять, к тому времени под германской оккупацией уже не осталось. До этого фюрер относился к восточным славянам как к «недочеловекам» и рассматривал оккупированные советские территории как будущие германские колонии, где местному населению в лучшем случае уготована роль чиновников низшего звена в германской колониальной администрации.

В принципе если Гитлер был столь категоричным противником создания русского антибольшевистского правительства, то можно было бы пытаться развалить советский внутренний фронт другим путем, опираясь на нерусские народы СССР. Сторонником такой стратегии был, в частности, министр восточных территорий и один из идеологов национал-социализма Альфред Розенберг. Однако и здесь дело не пошло дальше пропаганды. В рамках такой страте-

гии ключевое значение имела Украина. Напомню, что в 1991 году именно образование независимого Украинского государства привело к окончательному развалу Советского Союза. И на Украине были достаточно влиятельные силы, готовые бороться вместе с немцами против большевиков. Вскоре после занятия Львова немцами сторонники лидера Организации украинских националистов Степана Бандеры создали там украинское правительство, но уже через несколько дней были арестованы, а находившийся в Берлине Бандера был помещен в концлагерь Заксенхаузен. А ведь в то время в случае создания украинского национального правительства оно могло бы рассчитывать на значительную поддержку не только на Западной Украине, но и на Восточной, русифицированной тогда в значительно меньшей степени, чем, например, это было в начале 80-х годов XX века. Если в бандеровскую Украинскую повстанческую армию, сражавшуюся как против немцев, так и против Красной Армии, влилось до 200 тыс. человек, то, если бы в 1941 году Гитлер разрешил создание украинского национального правительства и формирование им собственной армии, такая армия с привлечением советских военнопленных украинской национальности могла бы составить и полмиллиона человек и стала бы серьезной военной силой.

На практике же все достижения в национальной политике немцев на оккупированных советских территориях свелись к привлечению на свою сторону в значительном числе, с формированием достаточно многочисленных воинских частей, эстонцев и латышей (литовцы до 1943 года не считались арийским народом, и им не было разрешено формировать собственный легион СС), казаков и народов Северного Кавказа. Последние не только формировали воинские части в составе СС и вермахта, но и вели активную партизанскую войну против Красной Армии, в том числе и после ухода немцев с Северного Кавказа. Эстонцы и латыши всего только за год до германского нападения были насильственно включены в состав СССР. Советское влияние в их странах

было ничтожно, и симпатий к Москве в своем большинстве они не питали. Казаки активно боролись против Советской власти и столь же активно подвергались репрессиям после ее окончания. А народы Северного Кавказа издавна вели борьбу против России, которая в ту пору отождествлялась у них со сталинским правительством.

Столь же слабо была организована собственно оккупационная политика в экономическом аспекте. Германские оккупационные власти зачастую изымали у населения последнее и вплоть до 1943 года сохраняли колхозы, чтобы легче было изымать продовольствие. Такая политика только множило число противников германского «нового порядка». Правильной политикой было бы установление фиксированного натурального налога и передача местного самоуправления в руки жителей. В тех случаях, когда германские военные власти по собственному почину устанавливали отношения с населением по этой схеме («Локотская республика» на Брянщине, «Староверческая республика» в Витебской области Белоруссии и др.), то местные жители сами вели борьбу против партизан, а продовольствия немцы получали даже больше, чем в ходе насильственных реквизиций. Однако такие случаи были всего лишь нечастым исключением из правил, причем все это делалось втайне от Гитлера.

В целом Сталину удалось победить потому, что для жителей оккупированных территорий немцы оказались хуже Советской власти. Генералиссимусу удалось совместить в какой-то момент коммунистические идеалы с национальными ценностями русского народа и других народов Советского Союза. Тут сыграла свою роль и массивная пропаганда, подчеркивающая не только социальный, но и национальный аспект борьбы. Народ и армию призывали бороться не только против фашистов, но и против немцев. И подавляющее большинство советских народов в итоге сохранили лояльность Москве.

После того как оккупированные немцами территории были освобождены Красной Армией, их жители вынуждены были убедиться, что при Советах жить и выжить им будет ничуть не легче, чем при немцах.

По сути своего положения мобилизованные в Красную Армию «оккупированные», как их тогда называли, ничем не отличались от штрафников. Последним выдавали поношенное и дырявое обмундирование, нередко снятое с трупов, им не полагались ордена и звездочки на пилотки. Первых же вообще не обмундировали, а нередко еще и не вооружали. Вот и шла в бой «лапотная пехота» в пальто и пиджаках, реализуя на практике знакомый еще с Первой мировой войны лозунг: «Оружие добудете в бою!» Шансов погибнуть у штрафников, особенно в состоявших из бывших фронтовых офицеров батальонов, было даже меньше, чем у неопытных и часто безоружных призывников с оккупированных территорий. Штрафники-то худо-бедно воевать все-таки умели и хоть как-то примерялись к складкам местности, более-менее грамотно совершали короткие перебежки, умели стрелять, в конце концов. «Оккупированные» же, не имея в большинстве своем никакой боевой подготовки, а порой и оружия, при атаках на неподавленную систему обороны становились всего лишь хорошими мишенями для немецких орудий, минометов и пулеметов.

Тут был и определенный политический расчет. Жители оккупированных территорий поголовно подозревались в сотрудничестве с немцами. Сталина, Берию, Абакумова и чинов НКВД и «Смерша» рангом пониже не волновало, что основная часть коллаборационистов, особенно те, кто запятнал себя участием в расстрелах евреев, цыган и заложников, в операциях против партизан и службе в вермахте и СС, отступили вместе с немцами. Оставшиеся ведь подвергались воздействию нацистской пропаганды, служили в оккупационных учреждениях, работали в школах и больницах, открытых с разрешения оккупантов. Хотя бы этим они уже виноваты перед Советской властью и должны теперь испкупать

Почему победила Красная Армия?

свою вину кровью. У НКВД после войны меньше работы будет. И обмундировывать и вооружать «оккупированных» не стоит. Во-первых, могут перебежать к противнику. Во-вторых, их главная задача — своими телами подорвать минные поля, вынудить немцев расстрелять по атакующим боезапас, измотать неприятеля, чтобы потом более боеспособные кадровые части (где пополнение больше — из госпиталей и районов глубокого тыла, прошедшее хоть какую-то подготовку) смогли выбить ослабленных немцев с занимаемых позиций. Те «оккупированные», кому посчастливилось уцелеть в первых атаках, по возвращении из госпиталей получали форму, оружие и уже ничем не отличались от обычных солдат, точно так же как и искупившие свою вину штрафники. Вероятно, перед смертью многие из «оккупированных» могли только пожалеть, что не поддались на германскую пропаганду, не стали коллаборационистами в рядах вермахта и СС или не уехали на работу в Германию.

Вот что пишут о тех же «оккупированных» бывшие советские военнопленные И.А. Дугас и Ф.Я. Черон: «Как правило, освободив от немцев определенную территорию, советское командование собирало все военнообязанное население и, часто без оружия и военной формы, гнало его в бой. Так, например, было в харьковском наступлении мая 1942 года. Солдаты называли наспех мобилизованных «воронами» (по темной гражданской одежде). В наступлении «ворона» могла быть вооружена лопатой, штыком, в редких случаях винтовкой, из которой она не умела стрелять. Вопрос: кем считать этих «ворон», попавших в плен, — солдатами, гражданскими лицами или партизанами? Немцы поступали так: если у «вороны» была наголо под машинку острижена голова или же она имела винтовку — «ворона» считалась пленным. Иногда немцы «ворон» просто выгоняли, даже не рассматривая прическу. Со стороны советского командования было преступлением посылать этих людей». Не приходится сомневаться, что несчастных «ворон» все же надо считать красноармейцами. Ведь на отражение их безумных атак

немцы точно так же тратили боеприпасы, как и в случаях, когда атаквали красноармейцы в форме. Со временем уцелевшие «вороны» получали и винтовки, и обмундирование, но шансов довоевать до конца войны у них было не так уж много.

Сами немцы были потрясены зрелищами этих «трупозаваливающих» атак. Вот свидетельство из письма домой одного немецкого солдата летом 43-го: «На вновь занимаемой территории Красная Армия призывала все население, мужчин и женщин. Сформированные из них трудовые батальоны используются для увеличения массы атакующих. Не имело значения, что эти призывники не обучены, большинство из них без оружия, а многие — без сапог. Взятые нами пленные говорили, что безоружные рассчитывают взять оружие у павших. Эти невооруженные люди, вынужденные идти в атаку, подозревались в сотрудничестве с нами и платили буквально своими жизнями за это подозрение».

В подобных атаках раненых было относительно немного. Даже те из бойцов, кто был тяжело ранен и не мог самостоятельно покинуть поле боя, имел мало шансов остаться в живых. Чтобы вытащить такое количество жертв, не хватило бы санитаров и санитарок. Впрочем, санитаров-мужчин в Красной Армии почти не было. Здоровых мужиков предпочитали отправлять не в санитары, а в строевые части. И это был еще один фактор, увеличивающий долю убитых и уменьшавших долю раненых в общих потерях Красной Армии. Замечательный белорусский писатель-фронтовик Василь Быков, автор действительно честных книг о войне, в своих мемуарах очень хорошо объясняет, почему в Красной Армии на одного убитого приходилось значительно меньше раненых, чем в вермахте, да и в других армиях Второй мировой войны: «Наши потери в наступлении были чудовищны, наибольшее их количество, конечно, приходилось на долю раненых. Легкораненые с поля боя выбирались сами; тяжелораненые нередко подолгу находились в зоне огня, получая новые ранения, а то и погибая. Выносить раненых с поля

боя имели право лишь специально назначенные для того бойцы — санитары и санинструкторы. Никому другому сопровождать раненых в тыл не разрешалось, попытки такого рода расценивались как уклонение от боя. Конечно, девочки-инструкторы старались как могли, но санинструкторов полагалось по одной на роту, раненых же на поле боя всегда набирались десятки. Как было успеть при всем желании? И не успевали; раненые вынуждены были долго ждать помощи и, истекая кровью, умирали на поле или по дороге в санбат.

До сих пор в точности неизвестно, кому принадлежит «гениальная» идея использования на войне женщин. Кажется, это чисто советское новшество, в немецкой армии ничего подобного не наблюдалось до конца войны. При очевидной бездефицитности людского (мужского) материала на войне какая надобность была посылать под огонь молодых, мало приспособленных к своеобразию боевой жизни девчат? Какая от них была польза? Разве что в скрашивании досуга и быта старших командиров и политработников, временно лишившихся жен и тыловых подруг. По дороге на фронт многие из них оседали в штабах и тыловых учреждениях в качестве секретарш, медсестер, связисток, под которых обычно маскировали тех, кто на солдатском языке игриво именовался ППЖ. Те же из них, кто добирался до полков и батальонов, не вызывали к себе серьезного отношения — на чисто мужской работе, какой является война, среди мужских масс они сразу обнаруживали всю свою бесполезность. Даже девчата такой категории, как снайперы, что в минуты затишья между боями выдвигались на нейтральную полосу, в непосредственную близость к противнику. Принято было считать, что каждый снайперский выстрел — это убитый немец, на деле же все обстояло иначе. Ведя огонь, пролежать под носом у противника можно было лишь считанные минуты, и каждый девчачий выстрел — не обязательно попадание в цель. Но когда на фронте не велось активных боевых действий, снайперская активность была единственным по-

казателем боевой активности, и командиры не скупались на цифры в отчетности».

За счет того, что у нас раненых вытаскивали с поля боя не дюжие мужики-санитары, как у немцев, а хрупкие девушки, вчерашние школьницы, равно как и за счет того, что раненых в бою (т.е. тех, кто не умер сразу же, как только его поразила пуля или осколок) в целом было очень много, шансов у советского раненого выжить и добраться до полевого госпиталя было на порядок меньше, чем у их немецких товарищей по несчастью. Вследствие этого резко повышались безвозвратные потери Красной Армии, которые на порядок превышали потери вермахта.

Вот только один пример. За июль 1943 года, во время Курской битвы, войска Воронежского и Степного фронтов, согласно подсчетам Л.Н. Лопуховского по донесениям о потерях, потеряли 189 тыс. человек, в том числе 70,1 тыс. убитыми, пленными и пропавшими без вести. Противостоявшая им группа армий «Юг» за тот же период лишилась 46,2 тыс. солдат и офицеров, в том числе 9,3 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести. Из этого числа не менее 4 тыс. человек было потеряно в боях против советского Юго-Западного фронта. Тогда на долю Степного и Воронежского фронтов приходится примерно 42 тыс. выбывших из строя германских военнослужащих, в том числе около 8,5 тыс. — безвозвратно. Таким образом, соотношение по общим потерям оказывается 4,5:1 в пользу немцев, а по боевым безвозвратным — уже 8,25:1. Это доказывает, что доля санитарных потерь у немцев в общих потерях была гораздо большей, чем в Красной Армии.

И ведь не сказать, что Курская битва была самым неудачным сражением для Красной Армии. Все-таки в итоге она остановила врага и отбросила его на Запад.

Между прочим, полученный результат подсчетов, даже не принимая весьма вероятный недоучет безвозвратных потерь в Красной Армии (по Центральному фронту этот недоучет только в период Курской оборонительной операции

был трехкратным, получился очень близок к полученному мной общему соотношению безвозвратных потерь советских и германских вооруженных сил в 10:1. Надо учесть, что на Восточном фронте Красная Армия сражалась не только с вермахтом, но и с его союзниками — армиями Румынии, Венгрии, Италии и Финляндии. Кроме того, часть попавших в плен красноармейцев позднее сражались и погибали на стороне Германии в разного рода вспомогательных формированиях. А эти жертвы я учел все-таки среди советских потерь. С учетом всех этих факторов соотношение безвозвратных потерь советских и германских войск в столкновениях друг с другом составит около 8:1 или немного меньше. Это — прекрасная иллюстрация, как мы заваливали врага трупами.

Теперь я перехожу, может быть, к самому страшному, что есть для российского национального самосознания во Второй мировой войне, — к зверствам, которые творили советские солдаты в Германии и других странах Европы в конце 1944 года и в победном 1945 году, в том числе и после победы. Прочтите, например, свидетельство художника Леонида Рабичева, в годы войны — лейтенанта, командира взвода связи: «Назад в Восточную Пруссию, февраль 1945 года.

Да, это было пять месяцев назад, когда войска наши в Восточной Пруссии настигли эвакуирующееся из Гольдапа, Инстербурга и других оставляемых немецкой армией городов гражданское население. На повозках и машинах, пешком старики, женщины, дети, большие патриархальные семьи медленно по всем дорогам и магистралям страны уходили на запад.

Наши танкисты, пехотинцы, артиллеристы, связисты нагнали их, чтобы освободить путь, сбрасывали в кюветы на обочинах шоссе их повозки с мебелью, саквояжами, чемоданами, лошадьми, оттеснили в сторону стариков и детей и, позабыв о долге и чести и об отступающих без боя немецких подразделениях, тысячами набросились на женщин и девочек.

Женщины, матери и их дочери лежат справа и слева вдоль шоссе, и перед каждой стоит гогочущая армада мужиков со спущенными штанами.

Обливающихся кровью и теряющих сознание оттаскивают в сторону, бросающихся на помощь им детей расстреливают. Гогот, рычание, смех, крики и стоны. А их командиры, их майоры и полковники стоят на шоссе, кто посмеивается, а кто и дирижирует — нет, скорее, регулирует. Это чтобы все их солдаты без исключения поучаствовали. Нет, не круговая порука, и вовсе не месть проклятым оккупантам — этот адский смертельный групповой секс.

Вседозволенность, безнаказанность, обезличенность и жестокая логика обезумевшей толпы. Потрясенный, я сидел в кабине полуторки, шофер мой Демидов стоял в очереди, а мне мерещился Карфаген Флобера, и я понимал, что война далеко не все спишет. А полковник, тот, что только что дирижировал, не выдерживает и сам занимает очередь, а майор отстреливает свидетелей, бьющихся в истерике детей и стариков.

— Кончай! По машинам!

А сзади уже следующее подразделение. И опять остановка, и я не могу удержать своих связистов, которые тоже уже становятся в новые очереди, а телефонисточки мои давятся от хохота, а у меня тошнота подступает к горлу. До горизонта между гор тряпья, перевернутых повозок трупы женщин, стариков, детей.

Шоссе освобождается для движения. Темнеет. Слева и справа немецкие фольварки. Получаем команду расположиться на ночлег. Это часть штаба нашей армии: командующий артиллерии, ПВО, политотдел. Мне и моему взводу управления достается фольварк в двух километрах от шоссе. Во всех комнатах трупы детей, стариков и изнасилованных и застреленных женщин. Мы так устали, что, не обращая на них внимания, ложимся на пол между ними и засыпаем.

7 мая 2002 года, спустя пятьдесят восемь лет.

Почему победила Красная Армия?

— Я не желаю слушать это, я хочу, чтобы вы, Леонид Николаевич, этот текст уничтожили, его печатать нельзя! — говорит мне срывающимся голосом мой друг, поэт, прозаик, журналист Ольга Ильницкая. Происходит это в третьем госпитале для ветеранов войны в Медведкове. Десятый день лежу в палате для четверых. Пишу до и после завтрака, пишу под капельницей, днем, вечером, иногда ночью.

Спешу зафиксировать внезапно вырывающиеся из подсознания кадры забытой жизни. Ольга навестила меня, думала, что я прочитаю ей свои новые стихи. На лице ее гримаса отвращения, и я озадачен.

Совсем не думал о реакции будущего слушателя или читателя, думал о том, как важно не упустить детали, пятьдесят лет назад это было бы куда как проще, но не возникало тогда этой непреодолимой потребности, да и я ли пишу это? Что это? Какие шутки проделывает со мной судьба. Самое занятное, что я не ощущаю разницы между этой своей прозой и своими рисунками с натуры и спонтанно возникающими стихами. Зачем пишу? Какова будет реакция у наших генералов, а у наших немецких друзей из ФРГ, а у наших врагов из ФРГ?

Озарение приходит внезапно. Это не игра и не самоутверждение, это совсем из других измерений, это покаяние. Как заноза, сидит это внутри не только меня, а всего моего поколения, но, вероятно, и всего человечества. Это частный случай, фрагмент преступного века, и с этим, как с раскулачиванием тридцатых годов, как с ГУЛАгом, как с гибелью десятков миллионов безвинных людей, как с оккупацией в 1939 году Польши, — нельзя достойно жить, без этого покаяния нельзя достойно уйти из жизни. Я был командиром взвода, меня тошнило, смотрел как бы со стороны, но мои солдаты стояли в этих жутких преступных очередях, смеялись, когда надо было сгорать от стыда, и по существу совершали преступления против человечества.

Полковник-регулировщик? Достаточно было одной команды? Но ведь по этому же шоссе проезжал на своем вил-

лисе и командующий Третий Белорусским фронтом генерал армии Черняховский. Видел, видел он все это, заходил в дома, где на постелях лежали женщины с бутылками? Достаточно было одной команды? Так на ком же было больше вины: на солдате из шеренги, на майоре-регулировщике, на смеющихся полковниках и генералах, на наблюдающем мне, на всех тех, кто говорил, что «война все спишет»?

В апреле месяце моя 31-я армия была переброшена на Первый Украинский фронт в Силезию, на Данцигское направление. На второй день по приказу маршала Конева было перед строем расстреляно сорок советских солдат и офицеров, и ни одного случая изнасилования и убийства мирного населения больше в Силезии не было. Почему этого же не сделал генерал армии Черняховский в Восточной Пруссии?

Сумасшедшая мысль мучает меня — Сталин вызывает Черняховского и шепотом говорит ему: «А не уничтожить ли нам всех этих восточнопруссских империалистов на корню, территория эта по международным договорам будет нашей, советской?» И Черняховский — Сталину: «Будет сделано, товарищ генеральный секретарь!» Это моя фантазия, но уж очень похожа она на правду. «Нет, не надо мне ничего скрывать, правильно, что пишу о том, что видел своими глазами. Не должен, «не могу молчать!». Прости меня, Ольга Ильницкая».

Советские зверства в Германии потрясли не только самих немцев, но и западных союзников. Вот как описывает советские зверства в Восточной Пруссии, куда советские войска вторглись в октябре 1944 года, авторитетный британский военный историк Марк Гастингс: «Едва ли хоть один гражданский избежал смерти от рук русских солдат. Женщин распинали на дверях сараев и перевернутых телегах, или, изнасиловав, давили гусеницами танков. Их детей тоже зверски убили. Сорок французских военнопленных, работавших на окрестных хуторах, предполагаемые освободители расстреляли. Та же судьба постигла и признанных немец-

Почему победила Красная Армия?

ких коммунистов. Действия красноармейцев не были проявлением бессмысленной жестокости — это был методичный садизм, не уступающий действиям самих нацистов.

Есть еще и свидетельства, по горячим следам событий собранные германским командованием. «Во дворе фермы стояла телега, к которой, в позе распятых, были прибиты гвоздями за руки еще несколько голых женщин, — сообщил фольксштурмовец Карл Потрек. — Возле большого постоянного двора находится сарай; к каждой из двух его дверей была в позе распятой прибита гвоздями голая женщина. В жилых домах мы обнаружили в общей сложности 72 женщин и девочек, а также одного мужчину 74 лет — все они были убиты зверским образом; лишь у нескольких в голове обнаружены пулевые отверстия. Некоторым младенцам разложили головы».

«В одном из крестьянских хозяйств мы увидели пятерых детей, чьи языки были прибиты гвоздями к столу», — утверждал очевидец из деревни под Хайдекругом, в долине р. Мемель, куда в октябре 1944 года ступили войска 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта. Несколько позже он обнаружил «пять девочек, связанных вместе веревкой, почти без одежды, с сильно ободранными спинами. Было такое впечатление, что их долго тащили спинами по земле».

Такая же трагическая картина была во множестве деревень и поселков Восточной и Западной Пруссии, Мекленбурга, Бранденбурга, Померании, других восточногерманских земель. Меттетен, пригород Кенигсберга, был занят войсками 3-го Белорусского фронта 29 января 1945 года, но затем был отбит обратно немецкими войсками. На открытой площадке немецкие солдаты увидели, как сообщал адъютант (начальник штаба батальона) Карл Август Кнорр, «двух девушек лет двадцати, которых, видимо, привязали ногами к двум машинам, а затем разорвали на части». Из находившейся поблизости виллы было вывезено около 60 женщин, половина из которых была близка к сумасшествию. Их насиловали в среднем 60—70 раз в день. В том же месте за

домом капитан Герман Зоммер нашел несколько обнаженных трупов женщин и детей. У детей был проломлен череп, а тела проколоты штыками.

Есть не менее яркие описания германских зверств на советских территориях, многократно публиковавшиеся и в материалах Нюрнбергского процесса, и в многочисленных советских публикациях. Даже если они, как и немецкие материалы о советских зверствах, содержат некоторые пропагандистские перехлесты, в целом картины в обоих случаях представляются близкими к действительности и чрезвычайно похожими между собой.

Буквально животная ненависть к немцам захватывала и людей вполне интеллигентных. Например, уже знакомый нам А.Д. Чегодаев, профессор искусствоведения и бывший князь, потомок Чингисхана, писал в апреле 1945 года из Германии, где занимался поиском германских художественных ценностей для советских музеев, своей семье: «Германия — отвратительна, быть в ней — тяжело и противно, все, что о ней у нас писалось в газетах, — это только какая-то тень того, что она представляет собой на самом деле. Это какая-то уродливая, выродившаяся культура, которая — если ее не истребить до самых корней — может быть только источником разложения и одичания для других народов и стран. Немцы связаны круговой порукой; Германия столько награбила по всей Европе, что люди жили здесь до самого конца припеваючи и даже не подозревали (тупые немецкие башки!), что кому-то от войны плохо. Германия потому так упорно и защищается до сих пор, что у нее грандиозные запасы продовольствия и военного (и всякого другого) снаряжения, потому что у «крестьян» Силезии находили наши во дворах по 100 коров! А русские военнопленные и угнанные на работу жили — тут же, в этой обильной и сытой обстановке, — вымирая от голода, в грязных хлевах-бараках, на каторжной работе. Лишь ничтожное меньшинство немцев — люди нормального сорта — интеллигенты, рабочие, даже уцелевшие в подполье коммунисты, которые нам теперь по-

Почему победила Красная Армия?

могают вылавливать фашистов и налаживать работу заводов, но их очень мало. Огромная масса — это то самое самодовольное, глупое, грубое, жестокое мещанство, которое совершенно естественно породило, как свое «высшее» достижение, фашизм, со всей его идиотски-звериной системой рассуждений и поведения. Я бы выселил немцев из этой земли всех вон, расселил бы их по свету, чтобы они не могли нигде больше собраться, ни в какой Аргентине, чтобы корней этой системы не осталось. А то они уже, проигрывая войну, откровенно и деловито готовятся к новой войне — я ведь слушаю их радиопередачи!»

Быть может, в душе милейшего Андрея Дмитриевича проснулась кровь воинственного предка — повелителя Вселенной, сметавшего с лица земли целые народы. Справедливости ради скажу, что насчет «сытых» немцев он не прав. В последние полгода войны, когда неприятельские армии подступили к германским границам, а англо-американская авиация разрушила основные средства коммуникации, немецкое население, если и не голодало, то, по крайней мере, сильно недоедало, чему есть масса свидетельств. Насчет же подготовки новой войны говорила только геббельсовская пропаганда, но вряд ли ее можно уподоблять всему германскому народу.

А ведь еще 23 февраля 1942 года Сталин в приказе по Красной Армии во всеуслышание заявил: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством... Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается». Однако это не мешало вплоть до апреля 1945 года на практике воплощать лозунг: «Убей немца!»

И дело было не в одном только этом лозунге, брошенном в красноармейские массы Ильей Эренбургом и растиражированном советской пропагандой на самом высоком уровне. После вторжения на германскую территорию по негласному приказу Сталина командование и органы военной юстиции закрывали глаза на насилия, творимые красноармейцами

над немцами. Ведь многие из этих земель должны были отойти к СССР и Польше, а «советские зверства» побуждали сотни тысяч, миллионы немцев бежать на запад, освобождая территорию для новых поселенцев. Характерно, что маршал Конев стал активно пресекать бесчинства своих бойцов в Силезии только в апреле, тогда как советские войска вступили туда еще в январе 1945 года. Очевидно, в январе ни Конев, ни Черняховский не имели команды сверху, от Сталина, железной рукой пресекать насилия в отношении немецкого населения. Действительно, как раз 20 апреля 1945 года была издана директива Ставки Верховного Главнокомандования за подписью Сталина и начальника Генерального штаба генерала армии А.И. Антонова. Она была адресована командованию и Военным Советам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов и гласил: «1. Потребуйте изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жестокое отношение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами. До этого лозунг же о Германии и немцах, которые остаются, несмотря ни на каких гитлеров, был рассчитан лишь на послевоенное употребление, чтобы привлечь к сотрудничеству

Почему победила Красная Армия?

немцев в той части Германии, которая попадет в советскую сферу влияния».

Показательно, что эта директива не распространялась на 2-й Белорусский фронт, действовавший в Померании, и на 3-й Белорусский фронт, добивавший врага в Восточной Пруссии. Оттуда немецкое население требовалось изгонять, и принципиально менять к нему отношение не требовалось.

Правда, еще 19 января 1945 года Сталин подписал приказ, который требовал не допускать грубого отношения к местному населению. В развитие этого приказа Рокоссовский на 2-м Белорусском фронте издал приказ, предписывал мародеров и насильников расстреливать на месте. Аналогичные приказы издали и на других фронтах. Однако тогда эти приказы, похоже, остались на бумаге, раз 20 апреля пришлось издавать еще одну директиву. Тогда, в январе, по воспоминаниям мародеров, расстрелов за насилия и мародерство не было, и мало кто был осужден за такие подвиги трибуналом. В частности, войска Рокоссовского уже после издания январского приказа отличились массовыми изнасилованиями при взятии Данцига (Гданьска), который пал 30 марта 1945 года. Тогда, в частности, были изнасилованы мать и сестра Нобелевского лауреата, писателя Гюнтера Грасса. Солдаты и офицеры тогда еще думали, что грозные приказы против насилий издаются только для проформы.

Очень скоро волна зверств перешла все мыслимые границы и угрожала уже боеспособности Красной Армии, которой еще предстояло воевать с Японией, а потом противостоять своим вчерашним союзникам.

Еще в сентябре 1945 года, когда война давно закончилась, в Германии отмечались случаи мародерства со стороны красноармейцев. По этому поводу Сталин 20 сентября написал Жукову, командовавшему Группой советских войск в Германии: «Я случайно узнал вчера от Смерш, что Военный совет Группы советских оккупационных войск в Германии издал приказ от 9 сентября с. г., где он, отмечая мародерские действия отдельных военнослужащих, считает не-

обходимым наказать весь командный состав от сержантов и офицеров до командиров рот включительно путем перевода офицерского состава до командиров рот включительно на казарменное положение с тем, чтобы командиры были расположены вместе с подчиненными с обязательством командирам взводов и командирам рот постоянно находиться со своими подчиненными.

Как оказалось, копия этого приказа не была послана в Генеральный штаб.

Я считаю этот приказ неправильным и вредным. Он неправилен ввиду его огульного характера и несправедливости, так как из-за мародерских действий отдельных военнослужащих огульно и несправедливо наказывается весь командный состав до командиров рот включительно. Он вреден, так как он не укрепляет дисциплину, а наоборот, ломает ее, дискредитируя командный состав в глазах рядовых. Я уже не говорю о том, что, если этот приказ попадет в руки руководителей иностранных армий, они не преминут объявить Красную Армию армией мародеров... Советую Вам усилить политическую работу в войсках группы и почаще прибегать к суду чести, вместо того чтобы пугать людей приказами и таскать офицеров в суд, как проворовавшихся уголовников.

Я думаю, что это будет лучшее средство для ликвидации мародерских действий».

Как видно, Иосиф Виссарионович не склонен был слишком сурово карать за насилия и мародерство. Ему важнее было одернуть зарвавшегося маршала Победы, проявлявшего неуместную самостоятельность. Опала Жукова была не за горами. Между тем жуковское распоряжение, чтобы офицеры ночевали в казармах и следили за своими подчиненными, действительно могли бы предотвратить массовое мародерство.

Тут надо подчеркнуть, что точно так же вели себя советские солдаты и офицеры не только на территории Германии, но и в других европейских странах, освобождаемых от нацистской оккупации. Например, в том же октябре 1944 го-

да в Сербии красноармейцы успели изнасиловать 121 местную женщину, 111 из которых убили. Кроме того, было более 1200 случаев грабежа. По этому поводу один из соратников лидера югославских коммунистических партизан Йосипа Броз Тито и будущий диссидент генерал Милован Джилас вместе с другими югославскими представителями ездил разбираться в Москву. Но Сталин не нашел в случившемся ничего особенного и никого не наказал. Он сказал Джиласу: «Представьте себе человека, который проходит с боями от Сталинграда до Белграда — тысячи километров по своей опустошенной земле, видя гибель товарищей и самых близких людей!

Разве такой человек может реагировать нормально? И что страшного в том, если он пошалит с женщиной после таких ужасов? Вы Красную Армию представляли себе идеальной. А она не идеальная и не была бы идеальной, даже если бы в ней не было определенного процента уголовных элементов — мы открыли тюрьмы и всех взяли в армию... Война надо понимать. И Красная Армия не идеальна. Важно, чтобы она била немцев — а она их бьет хорошо, — все остальное второстепенно».

«Немного позже, после возвращения из Москвы, — свидетельствует Джилас, — я с ужасом узнал и о гораздо большей степени понимания им грехов красноармейцев. Наступая по Восточной Пруссии, советские солдаты, в особенности танкисты, давили и без разбора убивали немецких беженцев — женщин и детей. Об этом сообщили Сталину, спрашивая его, что следует делать в подобных случаях. Он ответил: Мы читаем нашим бойцам слишком много лекций — пусть и они проявляют инициативу!».

То же творилось в Польше, Венгрии и других европейских странах, занимаемых советскими войсками. Без этого мы бы тоже не победили! А ведь в случае с Сербией объяснение мести за сожженные хаты и казненных родных уже никак не работало: сербы не воевали в России на стороне Гитлера.

Сталин прекрасно понимал, что бойцы Красной Армии, пережившие самоубийственные атаки, в которых из десятых, быть может, выживал один, или те новобранцы, которые уже знали, что им предстоит пройти через это пекло, ощущали себя безвольными винтиками, чья жизнь почти ничего не стоит, должны были найти выход своему угнетенному, подавленному положению. И находили этот выход вовне, убивая, грабя и насилуя европейских (не обязательно германских) женщин, детей и стариков. Если бы не дать такого выхода накопившейся ярости, Красная Армия под конец войны могла бы взбунтоваться.

Красная Армия не могла не победить, но победа ее была страшна. Она не могла победить без этих страшных погромов последних месяцев войны. Только в Берлине после капитуляции и до конца 1945 года, по немецким данным, погибли 65 тыс. мирных жителей, большинство из которых стали жертвами советских оккупационных войск. При этом 110 тыс. берлинок были изнасилованы. Возможно, эти цифры и преувеличены, но не подлежит сомнению, что убийства и изнасилования в занятых Красной Армией немецких областях носили массовый характер.

Необходимо отметить, что перед началом войны с СССР Гитлер издал приказ, освободивший германских военнослужащих от ответственности за преступления, совершенные против советского мирного населения. Фюрер считал, что с Советским Союзом будет вестись истребительная война, и насилия против мирного населения будут дополнительным средством устрашения и деморализации противника. Однако очень скоро командующие армиями и группами армий вынуждены были фактически этот приказ отменить, поскольку попустительство насилиям грозило разложением армии, и начать привлекать военнослужащих к суду за убийства, изнасилования и грабежи мирного населения. Всего за войну было несколько десятков тысяч таких дел. Подавляющее большинство привлеченных к суду отделались дисциплинарными взысканиями и штрафбатом, и очень немногие

были казнены смертью. Германских руководителей гораздо больше раздражало, что германские солдаты очень часто вступают в сексуальную связь с русским, белорусским и украинским населением, подавляющее большинство которого не является арийским. Так, Гиммлер осенью 1942 года в специальной докладной записке утверждал, что, по его данным, 3 млн немецких солдат имели добровольные интимные отношения с женщинами оккупированных территорий СССР. Конечно, добровольность тут была относительная. Женщин в немецких солдатах привлекал их паек и хоть какая-то защита от полицейского произвола. Но рейхсфюрер опасался, что будет нанесен непоправимый урон чистоте крови высшей нордической расы. Одной из мер, призванных уменьшить число изнасилований и внебрачных половых связей, стало открытие в вермахте полевых борделей. Сталина же, кстати сказать, в вопросах об изнасилованиях, совершенных советскими солдатами и офицерами, расовые вопросы совершенно не волновали. Он даже ничего не имел против дальнейшего смешения народов, пусть даже таким, противоестественным образом. Но санкционировать в армии бордели, естественно, не собирался: считалось, что проституция уже изжита в СССР. А вот опасность разложения армии в результате подобных эксцессов Иосиф Виссарионович, как кажется, недооценил. И пришлось принимать экстренные меры в последние недели войны и особенно уже после завершения войны в Европе. Но и в Красной Армии лишь незначительное меньшинство убийц и насильников было казнено. Большинство подверглось дисциплинарным мерам или было отправлено в тюрьмы и лагеря. Это все были неизбежные издержки той стратегии, благодаря которой Сталин выиграл войну.

Эксцессы против мирного населения совершали и союзные армии, но там их размах был на порядок меньше, чем у вермахта на оккупированных советских территориях и у Красной Армии в Германии. Так, когда французские войска весной 1945 года заняли Штутгарт, там было изнасиловано

более тысячи женщин. Особо отличились служившие во французских частях марокканцы. А в американской армии в 1942—1947 годах за изнасилования были осуждены около тысячи солдат и офицеров, причем четверых приговорили к смертной казни.

Все мы знаем, как истреблялись советские военнопленные в немецких лагерях и по дороге в лагеря. Немцы не подумали обеспечить продовольствием миллионы пленных красноармейцев, хотя по плану «Барбаросса» и предполагалось захватить их в плен уже в первые недели войны. В результате большинство пленных первого полугодия войны погибли от голода и жестокого обращения со стороны германских военнослужащих. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок записал в дневнике 22 августа 1941 года: «При транспортировке пленных имели место случаи жестокого обращения с ними, по этому поводу по армиям разослан составленный мною в категоричной форме приказ. Вследствие истощенности пленных и невозможности организовать мало-мальски сносное их пропитание во время продолжительных пеших маршей по малонаселенной местности транспортировка их остается крайне острой проблемой».

Но ничего в положении пленных не улучшилось, и 20 октября 1941 года, сразу после ликвидации вяземского котла, фон Бок с сожалением отмечал: «Тяжелое впечатление производят крайне слабо охраняемые колонны из десятков тысяч русских пленных, тянущиеся пешим маршем в направлении Смоленска. Будто живые покойники, бредут эти несчастные, изможденные голодом люди по дорогам. Многие так и гибнут на них, от голода и потери сил. В разговоре с командующими армиями затрагиваю эту тему, однако здесь ничем не поможешь. Необходимо усилить охрану пленных, в противном случае мы своими руками наплодим партизан».

Тут были объективные обстоятельства. Германская армия в России сама существовала на полуголодном пайке и испытывала постоянные трудности со снабжением продо-

Почему победила Красная Армия?

вольствием. Число же советских пленных в первые шесть месяцев войны даже превышало общую численность германских войск на Восточном фронте. Ясно, что командование вермахта при всем желании не могло хоть как-то прокормить еще одну такую же армию, если оно лишь с огромным трудом могло прокормить своих солдат. Тут надо прибавить, что основная масса красноармейцев оказалась в плену уже после того, как они по крайней мере несколько дней блуждали в окружении, практически не получая продовольствия, и не имели с собой никаких запасов. Поэтому советские военнопленные, как это ни печально, в своем большинстве были обречены на голодную смерть. Но их положение еще более усугублялось жестокостью со стороны немцев, нередко добивавших раненых и расстреливавших пленных при транспортировке. Немецкие солдаты находились под влиянием национал-социалистической пропаганды о русских как «недочеловеках» и тезиса Гитлера о войне на Востоке как истребительной войне.

Благодаря Нюрнбергскому процессу мир прекрасно осведомлен о страданиях пленных, захваченных немцами, в первую очередь советских. Но положение германских пленных на самом деле было немногим лучше. Сталин проповедовал такую же истребительную войну против немцев, как и Гитлер — против русских, так что жестокое отношение и бессудные расстрелы немецких пленных красноармейцами также были в порядке вещей. Просто немецких пленных было гораздо меньше, чем советских, поэтому эти эксцессы были менее заметны.

Красная Армия, как и вермахт, испытывала постоянную нужду в продовольствии. Немцы же, особенно в первые три года войны, попадали в плен обычно сильно истощенными, после длительного пребывания в окружении. Так было, например, с армией Паулюса в Сталинграде. Почти все уцелевшие в битве погибли потом в лагерях от голода и эпидемий, при этом часть была расстреляна конвоем при транспортировке (убивали тех, кто не мог идти).

Исход войны определялся соотношением военно-экономических потенциалов Германии и ее противников, а они, после того как противниками рейха оказались не только Британская империя, но и США и СССР, были несопоставимы. Поэтому, в частности, отказ Гитлера и Геринга от широкомасштабного производства четырехмоторных стратегических бомбардировщиков в действительности не может считаться ошибкой. Это было вынужденное решение, связанное с тем, что экономика Германии не могла справиться с одновременным производством и самолетов стратегической авиации, и необходимых для блицкрига самолетов поля боя. К концу войны, в 1944—1945 годах, люфтваффе пришлось ограничиться 150-часовым налетом своих пилотов в период учебы вместо прежнего 450-часового. Но это было вызвано объективными причинами, и прежде всего — острой нехваткой авиабензина. К тому же даже этот показатель оставался в несколько раз больше учебного налета советских пилотов, которые в начале войны успевали налетать в среднем 15—20 часов, прежде чем идти в бой, а к концу войны — 40—50 часов.

Что же касается реальной боевой эффективности действий люфтваффе, то даже сегодня определить ее сколько-нибудь точно довольно трудно. Ведь нельзя достоверно установить, какой именно ущерб нанесли люфтваффе сухопутным армиям союзников и их экономическому потенциалу. Например, подсчитать, сколько именно танков уничтожили люфтваффе, а сколько — артиллерия сухопутных войск. И как выделить отдельно танки, уничтоженные зенитной артиллерией? Ясно только одно, что без господства люфтваффе в воздухе невозможен был германский блицкриг 1939—1941 годов. Что же касается соотношения ущерба, нанесенного люфтваффе Англии, Франции, Голландии, СССР, Балканским странам, и ущерба бомбардировками англо-американской авиации территории рейха и оккупированных стран, то здесь с большим отрывом лидируют западные союзники. А насчет количества самолетов, уничтоженных

Почему победила Красная Армия?

люфтваффе, и, в свою очередь, количества машин, потерянных немцами на разных фронтах, то здесь возможны более конкретные оценки.

В 1939—1944 годах, по данным архивов люфтваффе, немцы потеряли 71 965 бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей всех типов. Здесь учтены как уничтоженные самолеты, так и получившие повреждения, не менее чем на 10 процентов снизившие боеспособность машины. Часть поврежденных самолетов, несомненно, вернулась через какое-то время в строй. Это доказывают хотя бы следующие цифры. Всего в 1939—1944 годах в Германии было произведено 18 235 бомбардировщиков, а потеряно за тот же период — 19 923, что доказывает, что какая-то часть поврежденных самолетов вернулась в строй. Потери в 1945 году можно оценить на основе данных о потерях самолетов в 1944 году — 33 280 машин и данных о потерях летного состава в 1944 году — 32 841 человек и за первые два месяца 1945 года — 2883 человека. В среднем в месяц в 1944 году терялось 2773 самолета и 2737 человек летного состава, а в 1945 году в месяц в среднем терялось 1442 человека летного состава. Если предположить, что среднее отношение между числом потерянных самолетов и количеством потерь личного состава в 1945 году осталось тем же, что в 1944 году, то число потерь в самолетах в последние четыре месяца и 10 дней войны можно оценить примерно в 6326 машин. Тогда общее число потерянных за всю войну бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей всех типов составит 78 291 самолет.

Для того чтобы оценить потери всех боевых самолетов люфтваффе, сюда нужно добавить потери самолетов-разведчиков. За всю войну их было произведено 6299. Если допустить, что здесь соотношение произведенных и уничтоженных и поврежденных самолетов было примерно таким же, как и в случае с бомбардировщиками, то общие потери самолетов-разведчиков составят примерно 6882, а общие потери боевых самолетов — 85 173 машины.

Интересно, что с сентября 1943 года по октябрь 1944 года из 35 660 всех потерянных самолетов 20 719 машин были потеряны безвозвратно. Если распространить это соотношение на 85 173 всех потерь боевых самолетов, то там общее число безвозвратно потерянных машин должно составить около 49 487 единиц.

Труднее определить потери противников Германии. Согласно итоговым германским оценкам, за войну летчиками-истребителями было уничтожено около 70 тыс. неприятельских самолетов, в том числе 45 тыс. — на советско-германском фронте. С учетом потерь в самолетах, которые понесли противники от налетов на аэродромы, от боев с бомбардировщиками и штурмовиками и от зенитной артиллерии, их боевые потери должны превышать 100 тыс. машин. В люфтваффе на эксплуатационные потери, включая потери в школах, приходилось 39,7 всех потерь летного состава в 1939—1944 годах (общие потери составили 112 533 убитых, раненых и пропавших без вести). Если у противников Германии соотношение боевых и эксплуатационных потерь в самолетах было близко к германским, то их общие потери в боях с Германией должны были составить не менее 140 тыс. машин. Потери летного состава в немецких школах составили 16 613 человек, или 14,8 процента всех потерь. Тогда на этот род потерь можно отнести около 12,6 тыс. всех боевых самолетов. Потери люфтваффе на всех фронтах в этом случае можно оценить в 72,6 тыс. боевых машин.

Германские оценки можно попытаться проверить на основе официальных данных о безвозвратных потерях советской авиации в Великой Отечественной войне. Они составили 88,3 тыс. боевых самолетов (истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков), в том числе 43,1 тыс. — боевые потери. Всех же самолетов было потеряно 106,4 тыс., в том числе 46,1 тыс. — в боях. Таким образом, небоевые потери составили 56,7 процента всех потерь. В подобное верится с трудом. Ведь сама по себе плохая подготовка пилотов, характерная для СССР, в равной мере повышала как вероятность ава-

рийности, так и вероятность быть сбитым в бою. Скорее всего, завышенный процент эксплуатационных потерь образовался либо за счет того, что часть боевых потерь записывали в эксплуатационные, либо за счет того, что боевые потери были существенно занижены в абсолютном выражении. Если применить к данным о советских потерях немецкую норму эксплуатационных потерь — 39,7 процента потерь и предположить, что часть боевых потерь советской авиации записывалась в небоевые (эксплуатационные), то действительные боевые потери советской авиации должны были составить около 64,2 тыс., а эксплуатационные — 42,2 тыс. самолетов всех типов. Для боевых машин соответствующие цифры составят 53,2 тыс. и 35,1 тыс. всех машин. Если же процент боевых потерь был искусственно снижен за счет их занижения, то действительные общие потери всех самолетов должны были бы составить 151,9 тыс. машин, в том числе 91,6 тыс. машин — боевые потери. Но даже если исходить из предположения, что боевые потери записывались как эксплуатационные, немецкая оценка советских потерь здесь находит свое полное подтверждение. Получается, что в боях было безвозвратно потеряно около 64,2 тыс. советских самолетов. Конечно, часть из них пришлось на потери, понесенные от германских союзников — летчиков Финляндии, Румынии, Италии, Венгрии и др. Однако вряд ли их вклад был существенен. Достаточно сказать, что летчики-асы германских союзников сбили 1094 советских самолета, тогда как германские асы — около 25 тыс. Вероятно, и в остальных видах потерь была примерно такая же пропорция, и вклад германских союзников не превышал 4 процентов. Тогда на долю люфтваффе приходится около 62 тыс. уничтоженных советских самолетов. Это вполне согласуется с утверждением, что 45 тыс. машин из этого числа было сбито германскими истребителями, а еще 17 тыс. — сбито зенитной артиллерией и уничтожено при бомбардировке аэродромов.

Как распределялись потери германских самолетов по различным фронтам? Это можно примерно оценить по дан-

ным о потерях личного состава люфтваффе. С 1 сентября 1939 года по 31 января 1945 года потери на Западе и на территории рейха составили 132 914 человек, потери на Юге (Северная Африка, Средиземное море, Италия, Балканы) — 119 563, потери на Востоке (Польша, Россия) — 218 966. Еще 39 883 человека приходится на летные школы, учреждения и предприятия. Замечу, что потери парашютных и воздушно-десантных дивизий, также входивших в состав люфтваффе, даны отдельной строкой и в приведенные выше цифры не включены. При этом потери личного состава люфтваффе во время польской кампании составили 734 убитых, раненых и пропавших без вести, так что собственно на советско-германский фронт приходится потери 218 232 человек, что составляет 46,3 процента всех потерь. Однако действительная доля Восточного фронта в потерях летного состава была значительно ниже. Дело в том, что на Востоке в потерях люфтваффе учитывались потери авиаполевых дивизий, действовавших как обыкновенные пехотные дивизии и несшие соответственно основные потери ранеными, а не убитыми. Не случайно поэтому на Западе на 86 757 убитых и пропавших без вести приходилось только 46 157 раненых, или 0,53 раненого на одного убитого и пропавшего без вести. А на советско-германском фронте на 101 629 убитых и пропавших без вести солдат и офицеров люфтваффе пришлось 116 597 раненых, или 1,15 раненого на одного убитого или пропавшего без вести. Можно с высокой долей вероятности утверждать, что все «сверхнормативные раненые» пришлись на потери авиаполевых дивизий, а значит, к боям в воздухе и к уничтожению неприятельских самолетов они не имеют никакого отношения. Авиаполевые дивизии, конечно же, несли потери также убитыми и пропавшими без вести. Их число можно оценить как минимум втрое меньше, чем число раненых солдат и офицеров авиаполевых дивизий. Тогда общие потери авиаполевых дивизий можно оценить в 75 тыс. раненых и 25 тыс. убитых и пропавших без вести. За вычетом этих потерь мы получим суммарные поте-

Почему победила Красная Армия?

ри на Восточном фронте летного состава, наземного технического персонала и зенитных частей примерно в 118,2 тыс. человек. Тогда общие потери люфтваффе на всех фронтах за вычетом потерь авиаполевых дивизий с начала войны и до 31 января 1945 года можно оценить в 370,3 тыс. человек, а долю в них потерь советско-германского фронта — в 31,9 процента. Вероятно, примерно такой же была доля потерь самолетов люфтваффе на Восточном фронте, т.е. около 23,2 тыс. боевых машин, из которых безвозвратно — около 13,5 тысяч. В боях было потеряно около 14 тыс. боевых самолетов. Безвозвратные потери ВВС Красной Армии в борьбе против люфтваффе составили около 84,8 тыс. боевых машин (без самолетов-разведчиков), из которых в бою погибло около 51,1 тыс. боевых машин. Из этого числа для чистоты сравнения надо вычесть потери в летных школах, предположив, что они, как и в Германии, составили 14,8 процента всех потерь. Тогда общие безвозвратные потери советских ВВС на фронте составят около 75,2 тыс. боевых самолетов. Таким образом, соотношение безвозвратных потерь боевых самолетов составляет 5,6:1 в пользу люфтваффе. Если же принять, что советские официальные цифры безвозвратных потерь включают все самолеты, имевшие более чем 10-процентное повреждение, то соотношение потерь будет 3,3:1. В борьбе же против западных союзников люфтваффе потеряли около 49,4 тыс. боевых самолетов. Окончательных сводных данных о потерях авиации Англии, Франции и США в борьбе с Германией до сих пор не опубликовано. В 1939—1942 годах потери союзников в целом были значительно выше, чем потери люфтваффе. К концу 1943 года соотношение потерь выравнивалось, а во второй половине 1944 года и в 1945 году потери люфтваффе превышали потери союзников. Как пишет историк люфтваффе Греффрат, перед вторжением союзников в Нормандию «соотношение своих потерь с потерями противника удерживалось примерно на уровне 1:1, затем собственные потери превзошли потери противника сначала в 1,3—1,5, а к концу войны — даже в

3,5 раза». Можно предположить, что потери западных противников Германии были примерно равными потерям Германии на соответствующих фронтах и составили более 49 тыс. уничтоженных или серьезно поврежденных боевых самолетов. В эту цифру входят эксплуатационные потери, но не входят потери в школах. Из этого числа в боях погибло, очевидно, не менее 35 тыс. самолетов. Вместе же с небоевыми самолетами всего германской авиацией и ПВО могло быть уничтожено и повреждено не менее 50 тыс. самолетов западных союзников. Это вполне согласуется с германской оценкой, согласно которой только летчики-истребители вне советско-германского фронта сбили не менее 25 тыс. самолетов. Это был неплохой результат, с учетом того, что значительное число сбитых машин составили тяжелые четырехмоторные бомбардировщики, аналогов которых у люфтваффе практически не было.

Гораздо проще оказывается провести оценку потерь по фронтам германской бронетехники. Всего за годы войны вермахт получил от промышленности, с учетом бронетехники, находившейся в строю к 1 сентября 1939 года, 27 401 танк и 22 737 штурмовых и самоходных орудий. Советский Союз произвел почти вдвое больше танков и САУ — более 125 тысяч, с учетом тех, что находились на вооружении к 22 июня 1941 года. Такая разница определяется тем, что Германия вынуждена была тратить ресурсы металла, других дефицитных видов сырья и квалифицированной рабочей силы, необходимых для производства бронетехники, также и на другие виды вооружений, в первую очередь военно-морских. Кроме того, в рейхе остро не хватало легирующих добавок, необходимых для выпуска бронесталей. СССР же почти не производил военно-морских вооружений и получал по ленд-лизу дефицитное сырье, необходимое для производства танков, а также продукцию гражданского машиностроения, благодаря чему не отвлекал ресурсы на эту отрасль и смог сосредоточиться на производстве бронетехники.

Почему победила Красная Армия?

Характерно также, что германская промышленность в годы войны произвела 22,6 тыс. бронетранспортеров, тогда как советская промышленность данный вид вооружений вообще не производила. Данное различие объясняется тем, что командование вермахта было озабочено тем, чтобы с наименьшими потерями доставить солдат к линии атаки, тогда как в СССР предпочитали производить вместо бронетранспортеров танки, не считаясь с потерями среди пехоты.

Можно предположить, что на советско-германский фронт приходится примерно три четверти потерь германской бронетехники, что примерно соответствует его доле в безвозвратных потерях германских вооруженных сил. Поэтому можно принять, что в борьбе с Красной Армией вермахт безвозвратно потерял около 37,6 тыс. танков и САУ. Безвозвратные потери советской бронетехники, согласно официальным данным, составили 96,5 тыс. танков и САУ. Это дает соотношение 2,6:1. Можно предположить, что в первые два года войны, вплоть до середины 1943 года, это соотношение было более неблагоприятным для советской стороны, потому что тогда поле боя со всей поврежденной техникой чаще оставалось за немцами. Затем соотношение выровнялась, несмотря на то что немецкое качественное превосходство в бронетехнике возросло. Выравнивание за счет того, что немцы, отступая, вынуждены были оставлять на полях сражений свою поврежденную бронетехнику, а Красная Армия, наоборот, получила возможность ремонтировать свои поврежденные танки. Вероятно, в последние два года войны советские безвозвратные потери в бронетехнике превосходили немецкие не более чем в два раза. Сказалось германское превосходство в качестве бронетехники, руководстве танковыми войсками и подготовке экипажей. Однако необходимо подчеркнуть, что советские танкисты, особенно под конец войны, стали достойными противниками воспитанников Гудериана, Гота и Клейста. И уж, во всяком случае, они сражались гораздо успешнее, чем американские, французские или британские танкисты. Во время войны на со-

ветско-германском фронте находилось от 90 процентов (22 июня 1941 года) до 65 процентов (в последний год войны) всех немецких танков.

Точных данных о безвозвратных потерях бронетехники английской, французской и американской армий в борьбе с вермахтом не имеется. Можно, однако, предположить, исходя из данных о производстве танков в США и Англии (соответственно 135,1 тыс. и 24,8 тыс. танков и САУ), что безвозвратные потери союзников в бронетехнике многократно (более чем в три раза) превосходили немецкие, даже принимая внимание, что часть союзной бронетехники расходовалась на Тихоокеанском театре против Японии и поставлялась по ленд-лизу Советскому Союзу. Это объяснялось прежде всего существенным качественным превосходством германской бронетехники. У англичан и американцев практически не было танков, способных хоть в какой-то степени противостоять не только немецким «тиграм» и «пантерам», но и модернизированному Т-IV. Поэтому союзники уничтожали германскую бронетехнику прежде всего ударами с воздуха, а также огнем тяжелой артиллерии.

А вот доля безвозвратных потерь сухопутных сил вермахта на советско-германском фронте составила в период с 22 июня 1941 года и до 31 января 1945 года 2108 тыс. человек, или 61,4 процента всех потерь, составивших около 3434 тыс. человек. За последние три месяца и 9 дней войны эта доля могла лишь немного понизиться, так как в последний год войны потери германских сухопутных сил с войсками западных союзников были относительно выше, чем в предыдущие годы.

Вот характерный эпизод, показывающий, как по-разному относились к цене войны у нас и на Западе. Во время пребывания генерала Эйзенхауэра в Москве и в Ленинграде в августе 1945 года он много говорил с маршалом Жуковым о минувшей войне. Эйзенхауэр интересовался, как Красная Армия преодолевала минные поля. В «Крестовом походе в Европу» он приводит свою беседу с Жуковым по этому во-

Почему победила Красная Армия?

просу: «Меня очень поразил русский метод преодоления минных полей, о котором рассказал Жуков. Немецкие минные поля, прикрытые огнем, были серьезным тактическим препятствием и вызывали значительные потери и задержку в продвижении. Прорваться через них было делом трудным, хотя наши специалисты использовали различные механические приспособления для их безопасного подрыва. Маршал Жуков рассказал мне о своей практике, которая, грубо говоря, сводилась к следующему: «...Когда мы подходим к минному полю, наша пехота проводит атаку так, как будто этого поля нет. Потери, которые войска несут от противопехотных мин, считаются всего лишь равными тем, которые мы понесли бы от артиллерийского и пулеметного огня, если бы немцы прикрыли данный район не одними только минными полями, а значительным количеством войск. Атакующая пехота не подрывает противотанковые мины. Когда она достигает дальнего конца поля, образуется проход, по которому идут саперы и снимают противотанковые мины, чтобы можно было пустить технику».

Я живо вообразил себе, что было бы, если бы какой-нибудь американский или британский командир придерживался подобной тактики, и еще ярче представил, что сказали бы люди в любой из наших дивизий, если бы мы попытались сделать практику такого рода частью своей военной доктрины. Американцы измеряют цену войны в человеческих жизнях, русские — во всеобщем очищении нации. Русские ясно понимают значение морального духа, но для его развития им необходимо достигать крупномасштабных успехов и поддерживать не только патриотизм, но даже фанатизм.

Насколько я мог видеть, Жуков уделял мало внимания методам, которые мы считали жизненно важными для поддержания морального духа в американских войсках: систематическая смена частей и создание им условий для отдыха, предоставление отпусков и максимальное развитие технических средств борьбы, чтобы не подвергать людей ненужному риску на поле боя. Все это было обычным делом в аме-

риканской армии, но, казалось, было неизвестно в той армии, где служил Жуков».

Можно сказать, что идею репрессий против родственников пленных и перебежчиков вермахт заимствовал у Красной Армии. В свою очередь, сплошь и рядом в ходе боевых действий советские войска вынуждены были заимствовать многие элементы тактики и вооружения. Вот что вспоминал, например, Василь Быков: «Очень скоро оказалось, что боевые уставы, созданные на основе опыта Гражданской войны, мало соответствуют характеру войны новой и в лучшем случае бесполезны, если не вредны в буквальном своем применении. В самом деле, чего стоило только одно их положение о месте командира в бою (впереди атакующей цепи), которое сплошь и рядом приводило к скорой гибели командиров, в то время как оставшиеся без управления подразделения скоро утрачивали всякое боевое значение (на самом деле это имело значение только в ближнем бою, если командир поднимал свое подразделение в атаку непосредственно у вражеских окопов. Но свыше 90 процентов безвозвратных потерь во Второй мировой войне армии воюющих государств несли от мин, снарядов и авиационных бомб. А для этих видов оружия не имело никакого значения, находился ли человек впереди или позади атакующего строя. Даже если командиры первыми поднимали своих людей из окопов в атаку, то первыми приблизиться к неприятельским позициям на расстояние прицельного огня стрелкового оружия могли только в том случае, если были лучшими бегунами в своем взводе или роте. Ведь надо было еще пробежать нейтральную полосу порядка километра, и каждый инстинктивно стремился сделать это как можно быстрее, чтобы выйти из-под артиллерийского и минометного обстрела. — Б. С.). Полагавшееся по уставу пошелонное строение атакующих войск вызывало неоправданные потери, особенно от минометного огня противника. Перед лицом этих и многих других нелепостей Сталин был вынужден пойти на переработку уставов, и уже в ходе войны появились новые

Почему победила Красная Армия?

боевые уставы пехоты — часть I и часть II. В то время как в войсках жестоко пресекался всякий намек на какое-нибудь превосходство немецкой тактики или немецкого оружия, где-то в верхах, в Генштабе это превосходство втихомолку учитывалось и из него делались определенные негласные выводы. С санкции Верховного кое-что внедрялось в войска.

Впрочем, внедрять и заимствовать следовало куда как больше и не только из того, что касалось тактики. Как ни бахвалились мы (разумеется, в пропагандистских целях) качеством отечественного оружия, немецкое стрелковое оружие сплошь и рядом оказывалось совершеннее по устройству и сподручнее в применении. Наш прославленный ППШ с очень неудобным для снаряжения дисковым магазином по всем параметрам уступал немецкому «шмайссеру» (на самом деле, в большинстве случаев «шмайссером» в советской литературе называли 9-мм пистолет-пулемет МП-40, разработанный не Шмайссером, а конструкторами «Эрфуртер Maschinenfabrik» (ЭРМА), впрочем, в последний год войны красноармейцы смогли оценить и высокие боевые качества собственно «шмайссера» — 7,92-мм штурмовой винтовки 1944 года, разработанной конструктором Гуго Шмайссером, с которой и был скопирован наш «Калашников». — Б. С.); громоздкая, с длинным штыком винтовка XIX века конструкции Мосина уступала немецкому карабину. Устаревший, с водяным охлаждением пулемет «Максим» доставлял пулеметчикам немало забот, особенно в летнее время на безводном юге, а с текстильной лентой — повсеместно в непогоду. Ручной пулемет Дегтярева запомнился бывшим пулеметчикам разве что непомерным для этого вида оружия весом. Когда на вооружении немецкой пехоты появился компактный скорострельный МГ-42, нашим атакующим батальонам не осталось шансов уцелеть под его шквальным (до 1000 выстрелов в минуту) огнем. Один такой пулемет с удачно расположенной позиции за считанные минуты способен был истребить батальон».

О заимствовании Красной Армией немецкого опыта пишет и бывший генерал вермахта Э. Миддельдорф, отмечая, что русские «в ходе минувшей войны исключительно быстро учли опыт первого этапа войны и приспособились к немецким способам ведения боевых действий. В частности, они заимствовали у немецкой армии использование крупных соединений бронетанковых войск для решения оперативных задач, массирование артиллерии и танков на решающих направлениях и непрерывное наращивание сил из глубины.

Таким образом, русские в 1944—1945 гг. придерживались в основном методов ведения боевых действий немецкой армии периода 1941—1942 гг. А немецкие «учителя» уже не могли что-либо противопоставить своему ученику...»

Точно так же в авиации был заимствован у немцев боевой порядок истребителей — парами, в сухопутных войсках советское командование переняло у немцев действия штурмовых групп. В области стрелкового оружия самым знаменитым советским заимствованием у германской конструкторской мысли, правда, уже после окончания войны, был известный на весь мир автомат Калашникова — несколько усовершенствованная копия немецкой штурмовой винтовки 1944 года, которой фирма «Шмайссер» до конца войны успела наштамповать свыше 400 тыс. штук. Между прочим, и другие немецкие автоматы, в том числе уже упоминавшиеся МП-40, а также фаустпатроны пользовались большой популярностью среди наших бойцов, которые охотно использовали эти трофеи в бою.

Также Василь Быков справедливо ставит под сомнение и советское качественное превосходство в танковой технике: «Средний танк Т-34, в общем неплохой, маневренный, с хорошим и сильным двигателем, имел слабую броню и при скверной 76-мм пушке становился легкой добычей немецкого противотанкового оружия и особенно тяжелых танков типа «тигр». Преимущество последних особенно проявлялось в обороне, при отражении наступления наших «три-

Почему победила Красная Армия?

дцатьчетверок». Великолепная цейссовская оптика и мощная пушка позволяли «тиграм» с дальнего расстояния расправляться с десятками наших наступающих танков. Советские танкисты прямо-таки плакали с досады, когда наш танковый батальон, едва начав атаку (особенно на равнинной местности), попадал под огонь замаскированных где-нибудь в садках и сельских строениях «тигров». Сразу загоралось несколько машин, подбитых танковыми болванками из «тигров», в то время как сами «тигры» оставались неуязвимы из-за дальности расстояния до них. Нередко происходили случаи, когда атакующие, поняв, что сблизиться на расстояние прямого выстрела не успеют, покидали машины и под огнем возвращались на исходный рубеж. Пока они его достигали, их машины уже горели. В конце концов, разгадав крамольную уловку танкистов, командование отдало приказ привлекать к суду военных трибуналов экипажи, вышедшие из огня в полном составе (отсюда в известной танкистской песне: «А наутро вызывают меня в особотдел: «Почему ты, сука, в танке не сгорел?». — Б. С.). Тогда танкисты пошли на новую хитрость: стали подъезжать к противнику ближе и покидать машины уже под пулеметным огнем из танков. Кто-то из них погибал или был ранен в открытом поле, но кое-кому удавалось пробраться к своим. Из подбитой же, подожженной машины шансов выбраться было несравненно меньше. Воевавшим помнятся и немецкие минометы, от навесного огня которых не было спасения ни в поле, ни в лесу, ни в городе».

По этому поводу можно сказать, что в начале войны советские бронетанковые войска имели ощутимое качественное превосходство над противником. Ничего подобного танкам Т-34 и КВ у немцев в то время не было. Однако уже во второй половине 1942 года немцы, вооружив модернизированный танк Т-IV длинноствольной 75-мм пушкой, получили эффективное средство, способное противостоять «тридцатьчетверке» и даже побеждать в дуэли с ней благодаря лучшей артиллерийской оптике. А менее мощный Т-III уже

с декабря 1941 года получил 50-мм орудие с длиной ствола 60 калибров, превосходившее по бронепробиваемости на дистанциях до 700 м 76-мм орудие Ф-34, стоявшее на вооружении танков Т-34. Отмечу также, что в Т-IV экипажу было гораздо просторнее, чем в «тридцатьчетверке», и у него там был лучше обзор. Кстати, и с модернизированными Т-IV, получившими броню до 85 мм и 75-мм пушку с длиной ствола 48 калибров, смогли справиться только модернизированные «тридцатьчетверки» с 85-мм пушками, которые в массовом порядке стали поступать в войска только в середине 1944 года. Правда, и старые «тридцатьчетверки» превосходили модернизированные Т-III и Т-IV по скорости, маневренности и проходимости. А по запасу хода превосходство было даже в 2,5 раза. Поскольку в результате модернизации вес немецких танков увеличился, все перечисленные показатели у них ухудшились. Однако в столкновениях танков с танками на поле боя эти показатели решающего значения не имели. С появлением же в середине 1943 году в массовом количестве новых танков «тигр» и «пантера» качественное превосходство перешло к немцам и оставалось у них вплоть до конца войны. «Королевский тигр» из своего 88-мм длинноствольного, по сути зенитного, орудия мог поразить лобовую броню всех других танков Второй мировой войны, в том числе и советского ИС-2, на такой дистанции, на которой эти танки со своими орудиями не могли поразить его лобовую броню. К неудобствам всех советских танков относились несовершенство приборов наблюдения, плохой обзор местности, стесненность боевого отделения (особенно башни), неудобства пользования боекомплектом, большая загазованность внутренних помещений. У нас, в отличие от немцев, об удобствах экипажей думали в последнюю очередь. То же относилось не только к танкам, но и к самолетам.

В то же время некоторые образцы советской боевой техники на голову превосходили немецкие аналоги. Так, самолет-штурмовик Ил-2 стал одним из лучших самолетов Вто-

рой мировой войны. Немецкие солдаты с ужасом называли его «Черная смерть». Он оказался самым лучшим и самым массовым штурмовиком Второй мировой войны. В начале 1944 года 30 процентов всех советских самолетов на фронте были штурмовики Ил-2. Немецких «хеншелей», уступавших «илам» по многим параметрам, было произведено всего 841 машина. Тут сказалось то обстоятельство, что со второй половины 1943 года люфтваффе потеряли господство в воздухе, и «хеншели» становились легкой добычей советских истребителей. А выпускать их стали лишь в 42-м, когда Гитлер убедился, что война против СССР будет иметь затяжной характер и люфтваффе нужен новый, более мощный самолет для атаки советских танков и укреплений. Однако эффективность действий «хеншеля» была невелика. До того, как быть сбитым, он успевал обычно уничтожить лишь несколько советских танков, а стоимость «хеншеля» превышала стоимость «тридцатьчетверки» в несколько десятков раз.

Характерной особенностью реализации проекта Ил-2 было то, что для преодоления косности руководства ВВС и их скептического отношения к необычной машине Ильюшину приходилось обращаться лично к Сталину. И это обращение оказалось действенным прежде всего потому, что военнотехнических познаний Иосифа Виссарионовича было достаточно для того, чтобы оценить все достоинства новой машины. Кроме того, диктатор, естественно, не был связан никакими ведомственными интересами и корпоративной солидарностью. Поэтому он смог объективно взглянуть на возможности принципиально нового штурмовика и дать «зеленый свет» его разработке и производству.

Генералиссимус ощущал себя единственным подлинным победителем в Великой Отечественной войне. Все остальные в армии и стране, от рядового до маршала, только выполняли его волю. Себя самого Иосиф Виссарионович позволял судить только судом истории. Остальных победителей дозволялось оценивать современникам. Сталин, выступая 9 февраля 1946 года перед избирателями Бауманско-

го района Москвы, по поводу победы в войне заявил: «Победителей можно и нужно судить. Можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности». Сегодня как никогда стоит прислушаться к этому призыву Иосифа Виссарионовича. Тем более что в той же речи он утверждал: «Война показала... что советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества... наше многонациональное советское государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность». И с этим последним выводом нельзя не согласиться, как бы ни относиться к тоталитарному советскому государству.

В 1945 году, под впечатлением победы в войне вообще и парада Победы в частности, Александр Вертинский написал такое вот стихотворение о Сталине:

Чуть седой, как серебряный тополь.
Он стоит, принимая парад,
Сколько стоил ему Севастополь,
Сколько стоил ему Сталинград!
И в слепые морозные ночи,
Когда фронт заметала пурга,
Эти ясные, яркие очи
До конца разглядели врага.

Эти черные, тяжкие годы
Вся надежда была на него.
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?

Побеждая в военной науке,
Вражьей кровью окрасив снега,
Он в народа могучие руки
Обнаглевшего принял врага.

И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов
И таких легендарных бойцов?

Он взрастил их. Над их воспитаньем
Много думал он ночи и дни.
О, к каким грозovým испытаниям
Подготовлены были они!

Почему победила Красная Армия?

И в боях за Отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую правду его.

Как высоко вознес он державу,
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для Отчизны своей!

...Тот же взгляд. Те же речи простые.
Так же скупы и мудры слова...
Над военной картой России
Поседела его голова.

Конечно, тут есть апологетика, прославление вождя, ругать которого прославленный русский шансонье, живя тогда уже в Советском Союзе, разумеется, никак не мог. Но, если разобраться, певец и поэт не так уж много погрешил здесь против истины. Генералиссимус действительно воспитал такой народ, такую армию и таких полководцев, которые только и могли победить в Великой Отечественной войне. Окажись на месте Жукова или Рокоссовского Манштейн или Кессельринг, Эйзенхауэр или Монгтомери, а на месте советских солдат — солдаты немецкие, британские или американские, Советский Союз войну бы проиграл очень быстро. В той системе, что существовала в СССР при Сталине, генералы, которые пытались бы беречь солдат, вопреки приказу Верховного взять во что бы то ни стало тот или иной город, пошли бы под трибунал или, в лучшем случае, были бы отстранены от ведения боевых действий, а солдаты и офицеры, которые вздумали бы качать права и отказались бы идти в атаку на неразминированное минное поле, были бы немедленно расстреляны. Советским солдатам такая мысль просто в голову не могла прийти, а немецким или американским — наверняка бы пришла. Так что другую армию и народ Сталин мог бы иметь лишь в том случае, если бы правил совсем в другой стране.

Приложения

ПРЕДЪЮБИЛЕЙНАЯ «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ»: ПАКТ МОЛОТОВ — РИББЕНТРОП, ОККУПАЦИЯ ПРИБАЛТИКИ И КАТЫНСКОЕ ДЕЛО В РОССИЙСКИХ СМИ

Великая Отечественная война по-прежнему остается наиболее мифологизированным периодом российской истории. Это объясняется тем, что из всех событий советского времени только она избрана в качестве основы для единения государства и общества. При этом мифы конструируются с самого верха, а затем транслируются государственно-националистически настроенными публицистами и историками. Главными проблемами войны 1939—1945 годов, вызвавшими наибольший резонанс в российском обществе и отразившимися в СМИ, были: пакт Молотов — Риббентроп; вопрос об оккупации республик Прибалтики и восточных польских воеводств Красной Армией, а также Катынское преступление в контексте современных российско-польских отношений.

В российском обществе во всех этих вопросах постепенно происходит возвращение к несколько модернизированным мифам советского времени. Что любопытно, в подходе к этим проблемам наблюдается значительная степень единства государства и общества. Первое видит в реанимации несколько подновленных старых мифов инструмент своей внешней и внутренней политики, второе — возможность в памяти о великом прошлом найти средство ухода от не слишком радужной современной действительности и пре-

Почему победила Красная Армия?

одоления комплекса неполноценности, порождаемого сегодняшней значительной отсталостью России от стран «золотого миллиарда». Здесь порой объединяются и элита, и массы, профессиональные историки и профессиональные политики. Историческая же истина на практике становится служанкой политической и социально-психологической конъюнктуры.

1. ПАКТ МОЛОТОВ — РИББЕНТРОП: ЭКСПАНСИОНИЗМ, ОШИБКА ИЛИ ЗАБОТА О БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года остается в центре российской историографии потому, что с его оценкой и интерпретацией связаны также оценка обстоятельств вступления СССР во Вторую мировую войну и советские цели в этой войне. Практически позиция историков и публицистов по истории войны в целом оказывается в прямой зависимости от их отношения к советско-германскому пакту и советским военным целям. Дополнительную остроту проблеме пакта придает ее роль в современной российской внешней политике. Именно с разной оценкой советско-германского соглашения и его последствий связаны основные проблемы в отношениях России со странами Балтии и Польшей, в том числе вопрос об оккупации и аннексии государств Прибалтики и восточных воеводств Польши и квалификация Катыни как военного преступления или преступления против человечности.

Историки консервативного, или националистического, направления считают пакт с Германией о ненападении законным средством обеспечения безопасности Советского Союза, а также естественным продолжением Сталиным политики русских царей по установлению контроля над Востоком Европы. Так, депутат Госдумы от фракции «Родина» историк Наталья Нарочницкая утверждает, что договор о ненападении между СССР и Германией представлял собой «совершенно нормальный по тем временам договор, каких история знает невероятное множество». Она же полагает,

что «войну СССР выиграл не как носитель коммунистической идеи, а в своей ипостаси Великой России»¹.

Тезис о связи советско-германского пакта и Мюнхенского соглашения повторяет обозреватель РИА «Новости» Виктор Литовкин: «Можно сколько угодно упрекать советское правительство за «пакт Молотова — Риббентропа», поделивший земли некоторых восточноевропейских стран между Германией и СССР. В нынешней России к нему тоже неоднозначное отношение. Но все-таки не надо забывать... кто именно перед 1939 годом начал этот самый «дележ континента», кто первым стал «сдавать» суверенные европейские государства, чтобы умаслить фашистского агрессора и оккупанта. А сделали это 29 сентября 1938 года в Мюнхене глава французского правительства господин Даладье и глава правительства Великобритании господин Чемберлен. Принимали их «щедрый подарок» сам фюрер — Адольф Гитлер и его ближайший итальянский друг и соратник Бенито Муссолини»².

Противоположной точки зрения придерживается известный историк Вячеслав Дашичев. Он считает заключение пакта с Германией одновременно и ошибкой, и проявлением экспансионистских замыслов Сталина, которые он деликатно именует намерением «расширить зону социализма». Историк справедливо полагает, что одной из главных целей Сталина при заключении пакта о ненападении было «дать Гитлеру свободу рук на Западе»: «Пусть его вермахт завязнет на линии Мажино. А когда стороны взаимно ослабят друг друга, Советский Союз окажется в состоянии и дальше выполнять свою мессианскую роль в расширении советского господства в Европе». Насчет же распространенного оправдания пакта Молотов — Риббентроп предшествовавшим Мюнхенским соглашением, то Дашичев отмечает, что «ни Франция, ни Англия не имели никакого желания воевать с Германией в одиночку, без третьего стратегического звена бывлой Антанты — России. Вступить в войну с Германией из-за Судет обеим державам не позволял глубокий политиче-

Почему победила Красная Армия?

ский и идеологический раскол между державами, призванными противостоять нацистской экспансии». Кроме того, из-за сталинских чисток западные союзники «очень низко оценивали тогдашнюю боевую мощь Советского Союза и не могли серьезно рассчитывать на его поддержку»³.

По мнению Дашичева, в 1939 году, после оккупации Гитлером Чехословакии, «ни о каком союзе между Англией, Францией и Германией, направленном против Советского Союза, не могло быть речи. Наоборот, Англия и Франция были открыты для союза с Россией, и Сталину ничего не стоило протянуть им руку, чтобы этот союз возник и преградил Гитлеру путь к развязыванию Второй мировой войны. Не сделав этого, Сталин совершил тяжчайшую ошибку, имевшую самые тяжелые последствия и для нашей страны».

Думается, что тезис об «ошибках» Сталина в принципе ошибочен. Сталин отнюдь не ошибался, а, заключая пакт с Гитлером, рассчитывал на втягивание Германии в мировую войну с западными союзниками и на оккупацию Красной Армией значительных территорий в Восточной Европе. По итогам Второй мировой войны он получил контроль не только над государствами-лимитрофами, но и над Балканами и частью Германии, а какой ценой это было достигнуто, Сталина не волновало. Возможность же союза с западными демократиями против Гитлера без каких-либо серьезных территориальных приобретений была для Сталина абсолютно не интересна.

Интересно, что телеобозреватель Михаил Леонтьев в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 29 июля 2005 года, отказываясь осудить советско-германский пакт как нарушение международного права, в то же время утверждал, что он отнюдь не был ошибкой ни с советской, ни с германской стороны: «Никому из участников пакта Риббентроп — Молотов не приходило в голову, что это союз. Никому: ни Гитлеру, ни Риббентропу, ни Сталину, ни Молотову не приходило в голову, что это союз... Им приходило в голову, что это игра с врагом, определенная против другого врага. Чтобы не ос-

таться одному против всех врагов. Такое тоже бывало. Вот этого в голову не приходило. Только латышским поселянам приходит в голову, что Сталин с Гитлером заключил союз с исключительной целью — отравить жизнь латышских поселян. Больше ему делать было нечего»⁴. Здесь журналист все же лукавит. Ведь Сталин определенно хотел посредством соглашения с Гитлером включить Латвию, как и другие государства Прибалтики в состав СССР, что явно не пошло на пользу местному населению.

Оправдание всех деяний Сталина, в том числе и раздела Европы по секретным протоколам к российско-германскому пакту о ненападении, его сторонники видят в политике западных держав, якобы проникнутой «русофобией» и направленной на ослабление и даже уничтожение СССР. Отставной дипломат и партийный функционер Валентин Фалин утверждает: «К моменту высадки союзников на континент был приурочен и заговор против Гитлера. Приведенные к власти в рейхе генералы должны были распустить Западный фронт и открыть американцам и англичанам простор для оккупации Германии и «освобождения» Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Австрии... Красная Армия должна была быть остановлена на границах 1939 года». Он также утверждает: «Была ли у Советского Союза в 1939 году альтернатива заключению пакта о ненападении с Германией? Разумеется. При условии, что западные демократы оставили бы Москве выбор»⁵. Фалин утверждает, что западные союзники, отказавшись в 1939 году от договоров с СССР, «не оставили советскому руководству иного выбора, как заключить с Германией договор о ненападении (известный как Пакт Молотова — Риббентропа)»⁶.

У историков националистического направления проявляется тенденция считать победу в войне победой исключительно Советского Союза. Например, Н. Нарочницкая утверждает: «Не будь Великой Победы СССР во Второй мировой войне, не было бы ни Латвии, ни Литвы, ни Эстонии, ни

Почему победила Красная Армия?

Польша. Если бы не наша Победа, эти страны вообще исчезли бы с карты»⁷.

Возражая Фалину, американский историк Пол Гобл, преподаватель «Евроколледжа» в Тарту (Эстония), утверждает: «Чем ближе становится годовщина победы 9 мая, тем больше жителей России, как и Фалин, считает, что Запад не только ополчился против их страны сейчас, но и делал это в прошлом. Слова Фалина лишь отражают эту тенденцию, но, поскольку его речь распространяется одной из крупнейших новостных служб России, они еще и формируют общественное настроение в соответствующем ключе»⁸.

Сама по себе экспансионистская политика Сталина, направленная на установление контроля как минимум над Восточной Европой, с одной стороны, не позволила предотвратить Вторую мировую войну в 1939 году, а с другой стороны, взвалила в 1945 году на советскую экономику непосильное бремя сверхдержавы.

Характерно, что российская официальная позиция по поводу пакта Молотов — Риббентроп совпадает со взглядами большинства российских публицистов и практически вернулась к идущей еще со сталинских времен увязке советско-германского договора о ненападении с Мюнхенским соглашением.

Так, президент Владимир Путин 22 февраля 2005 года в интервью словацким СМИ прямо заявил, что пакт Молотов — Риббентроп был спровоцирован Мюнхенским соглашением и принципиально ничем от него не отличается. Буквально президент сказал следующее: «Что же касается тех, кто хочет или пытается переписать историю, принизить значение этого события и значение в победе над нацизмом Советского Союза и Красной Армии, Советской Армии, то мы понимаем, с какими событиями это связано. Часто вспоминается, скажем, пакт Молотова — Риббентропа, в результате которого как бы произошел сговор между Советской Россией, Советским Союзом и гитлеровской Германией и в последующем была аннексирована Прибалтика.

Ну что можно сказать на этот счет? На все это нужно смотреть в контексте исторических событий. И я бы тогда попросил Вас вернуться к событиям сентября 1938 года, когда в Мюнхене были подписаны известные соглашения между нацистской Германией и западноевропейскими странами, которые позднее вошли в историю и называются часто Мюнхенским сговором.

Напомню также, что со стороны западных союзников их подписали: Даладье — по-моему, от Франции, и премьер-министр Великобритании Чемберлен, а с другой стороны — Муссолини и лично Гитлер.

Советско-германский документ был подписан на гораздо более низком уровне — на уровне министров иностранных дел — через год, в ответ на подписание западными странами договора, который сегодня называется Мюнхенским сговором. Напомню также — и для вас как для словаков, наверное, это имеет особое значение: тогда в результате Мюнхенского сговора на растерзание нацистской Германии была отдана Чехословакия, и западные партнеры как бы показали Гитлеру, куда надо идти для того, чтобы реализовать его растущие амбиции, — на Восток. С целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах Советский Союз пошел на подписание этого пакта Молотова — Риббентропа с Германией.

Вот если в этом контексте мы будем смотреть на проблему, которая сегодня выпячивается, то она смотрится совсем по-другому. И я бы рекомендовал новоявленным историкам или, точнее, тем, кто хочет переписать историю, прежде чем переписывать ее и прежде чем писать книжки, научиться их читать»⁹.

Президент Путин, как и большинство российских историков, при этом предпочел не уточнять, что Англия и Франция, заключив постыдную сделку с Гитлером за счет Чехословакии, сами никаких территориальных приобретений за счет этого соглашения делать не собирались. Даладье и Чемберлен рассчитывали, что Судеты станут последним приоб-

ретением Германии, и Мюнхен даст Европе долгий мир. Сталин же, идя на договор с Гитлером, прекрасно знал, что тот в ближайшие дни собирается напасть на Польшу, и выговорил себе значительные территории в Восточной Европе. А уж аргумент насчет того, что Мюнхенское соглашение более значимо, чем советско-германский пакт, поскольку было подписано главами государств, а не министрами иностранных дел, способен только вызвать улыбку.

Позднее, 28 апреля 2005 года, при посещении Израйля Путин вновь поставил Мюнхенское соглашение и советско-германский пакт о ненападении на одну доску. Когда сотрудник мемориального центра «Яд-вашем» Арон Шнеер заявил, что оккупацию Польши открыл пакт Молотова — Риббентропа, президент России не согласился с этим. Он заявил: «Мюнхенский сговор был раньше, и поэтому нельзя сказать, что к оккупации Польши привел исключительно один пакт»¹⁰. Практически это означает возвращение к сталинской позиции первых лет «холодной войны».

В то же время в вопросе об оценке пакта Молотов — Риббентроп официальная российская позиция сегодня уже не пользуется столь же безусловной поддержкой со стороны населения, как в случае с отрицанием советской оккупации Прибалтики. Как отмечает американский политолог Пол Гобл, опрос 2100 человек, проведенный в июне 2005 года по всей России, об оценке советско-германского пакта о ненападении, показал, что только «30 процентов россиян согласны с положительной оценкой пакта, а 28 процентов с этим не согласны, считают это ошибкой. Можно сказать, что россияне почти поровну разделены между сторонниками и противниками пакта. Такие результаты представляются особенно примечательными в свете того, что опрос проводился по следам торжеств по случаю 60-летия окончания Второй мировой войны в Европе. Это было празднование, и оно было отмечено празднованием почти всего, что делал Советский Союз между 1939 и 1945 годами. В этом контексте тот факт, что почти 30 процентов готовы считать пакт Риббентроп —

Молотов ошибкой, даже преступлением, которое привело к разделу Европы между двумя диктаторами, чрезвычайно примечателен. Он показывает, насколько неэффективна мифология, культивируемая сегодня Кремлем»¹¹. Показательно и то, что до 40 процентов опрошенных не дали определенной оценки пакту, в том числе, очевидно, из-за равнодушия к этому событию. Вероятно, здесь сказалось то, что еще в эпоху перестройки пакт 1939 года подвергся безусловному осуждению как властью, так и обществом и был негативно оценен в специальном постановлении Съезда народных депутатов в 1989 году. Поэтому нынешние попытки его оправдания не воспринимаются массами слишком серьезно. Большинство либо осуждает пакт, либо вообще не проявляет к нему большого интереса, тем более что мало кто связывает какие-либо последствия договора с современной жизнью. В частности, положение русскоязычных меньшинств в Прибалтике в массовом сознании отнюдь не ассоциируется с пактом Молотов — Риббентроп. Включение Прибалтики в состав СССР воспринимается без прямой связи с советско-германским сговором, то ли как результат народного волеизъявления, то ли как реализация плана, направленного на обеспечение безопасности СССР.

2. ОККУПАЦИЯ ПРИБАЛТИКИ: НА ЗАЩИТЕ ИМПЕРИИ

Гораздо более острой проблемой, чем вопрос о пакте Молотов — Риббентроп как таковом, является в современной историографии и публицистике вопрос об оккупации и аннексии Советским Союзом государств Прибалтики. Фактически эта проблема также была создана пактом Молотов — Риббентроп и советской политикой 1939—1945 годов, но приобрела уже самостоятельное значение, в течение уже 15 лет отравляя отношения России с государствами Балтии. Когда речь заходит о признании Москвой факта советской оккупации и аннексии, в голосе российских официальных лиц начинает звучать металл, обильно сдабриваемый непар-

ламентскими выражениями, в чем наблюдается трогательное единство с националистической публицистикой.

В вопросе об оккупации Прибалтики лишь очень немногие российские историки и публицисты разделяют тезис об оккупации Прибалтики¹². Даже те историки, которые в целом осуждают пакт Молотов — Риббентроп, здесь стоят на точке зрения отрицания оккупации. Например, В. Дашичев настаивает: «Президенты Литвы и Эстонии не пожелали приехать в Москву, чтобы почтить память десятков миллионов убитых в борьбе против нацистской тирании. Но ведь со сталинизмом уже давно покончено. Осуждены его преступления. Много лет не существует и Советского Союза. Поэтому совершенно несостоятельны попытки взвалить вину на Россию и ее нынешнее руководство за преступления Сталина, за его тоталитарный режим и мессианскую политику расширения коммунистического господства. Кроме того, позиция, занятая главами балтийских государств, выглядит оскорблением для русского народа, который понес во сто крат большие потери от сталинского террора, чем латыши, литовцы и эстонцы в результате раздела Восточной Европы между Гитлером и Сталиным»¹³.

Такое единение патриотов и либералов объясняется, с одной стороны, опасениями, что признание факта оккупации может ухудшить положение русских в Латвии и Эстонии. С другой стороны, признание факта оккупации кажется умалением жертв советского народа, понесенных в том числе при изгнании немецких войск из Польши и Прибалтики.

Гораздо последовательнее в своих позициях представители консервативного, или националистического, направления. Так, историк Н.А. Нарочницкая полагает, что «оккупация — это юридическое понятие, которое означает неравенство в правах завоевателей и завоеванных. Государство и его законы могут быть плохими, но если все граждане перед лицом этих законов равны, то об оккупации не может быть и речи! Латыши обладали всей полнотой прав, они станови-

лись учеными, инженерами, художниками, артистами, были представлены во всех структурах власти, получали государственные премии! Развивались культура, литература, искусство, язык! Это ли оккупация?»¹⁴. Но, в таком случае, например, нельзя говорить и об оккупации Австрии Германией в 1938 году, поскольку австрийские земли сразу же были включены в состав рейха на правах гау (областей), а все этнические австрийцы получили абсолютно равные права с немцами Германии.

Такую же игру со словом «аннексия» предпринимает автор одного из латвийских русскоязычных сайтов. Святослав Черниченко утверждает: «Аннексия — насильственное присоединение к государству территории другого государства (всей или части). Но между тем до Второй мировой войны не всякая аннексия рассматривалась как противоправная и недействительная. Это связано с тем, что принцип, запрещающий прибегать к силе или угрозе ее применения, ставший одним из основных принципов современного международного права, впервые был закреплен в 1945 году в Уставе ООН. Надо отметить и то, что аннексии не обязательно предшествовала оккупация — она могла быть следствием только угрозы»¹⁵.

Опять определения, принятые после войны, переносятся на военные годы, и придумывается теоретическая возможность аннексии без оккупации, примеров чего, однако, невозможно найти во всей истории человечества. Ведь для того, чтобы присоединить территорию против воли ее населения, т.е. аннексировать, над этой территорией и населением надо прежде установить эффективный контроль, т.е. оккупировать.

Виктор же Литовкин, отвечая на критику французского историка Флорена Афтальона, профессора французской Высшей школы экономических наук и коммерции, договорился до совершенно замечательного пассажа: «Очень странно слышать упреки в «оккупации» трех небольших республик Прибалтики, занимающих площадь в 174 тыс. кв. км, от гра-

Почему победила Красная Армия?

жданина страны, чьи войска в эти же годы занимали чужие территории размером в 9,7 млн. кв. км. Сравните тысячи квадратных километров и миллионы! И при этом эти войска методично уничтожали население Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Алжира, Туниса, Марокко, Мадагаскара и других азиатских и африканских государств. Причем делалось это не по приказу коммунистов, Советов или НКВД, а вполне демократических по нынешним меркам правительств»¹⁶. Пожалуй, это едва ли не единственный случай в российских СМИ, когда страны Балтии в составе СССР прямо сравниваются с колониями европейских держав.

Отметим, что в странах Балтии у большинства или, по крайней мере, у значительной части русскоязычных «неграждан» вообще сохраняется советское самосознание, которое фактически и обозначает термин «русскоязычные». Факт оккупации стран Балтии СССР теперь признан Евросоюзом и США, но для местных русскоязычных, многие из которых или советские военные пенсионеры, или их потомки, очень трудно признать, что Прибалтика в 1940—1991 годах была под советской оккупацией. Субъективно они не могут считать себя оккупантами или потомками оккупантов. И их самосознание совпадает с самосознанием значительной части российского общества, испытывающей ностальгию по советскому прошлому.

Практически носители такого сознания давно уже создают «альтернативную историю», не совпадающую с той, что принята в европейских странах и, в частности, в бывших государствах-лимитрофах — странах Балтии, Польше и Финляндии. Здесь очень показательны материалы дискуссии на одном из русскоязычных сайтов Латвии на тему «Развенчиваем миф об «оккупации» и восстанавливаем правдивую историю Латвии»¹⁷. Большинство ее русскоязычных участников отвергают официальную трактовку истории Второй мировой войны и роли СССР, принятую в Латвийской республике. Один из них, выступающий под псевдонимом «Бриз», отвечая своему латышскому оппоненту, заявил: «Вы можете

ссылаться на решение Нюрнбергского трибунала в отношении аншлюса Австрии или на какое-то сексуальное преступление. Но из этого не следует, что Латвия была оккупирована. Нет судебного решения о вине преступника СССР в отношении жертвы Латвии. Это факт. Военных действий между армиями СССР и Латвии не было. Это факт. Ввод советских войск и создание нового правительства были легитимизированы президентом Латвии. Советские войска встречались с цветами».

Другая русскоязычная участница дискуссии, выступившая под псевдонимом «Лена», очень точно, как кажется, определила причины, почему у разных народов и у разных групп внутри одного народа существуют малопохожие друг на друга «альтернативные истории»: «Причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям, по-моему, является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем (фанаты-историки являются крайне редким исключением). Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего.

Почему латыши так упорно цепляются за свою трактовку вхождения Латвии в СССР (даже те, кто сам это пережил)? Потому, что этот их вариант событий дней минувших (да и дней настоящих тоже) оправдывает (в первую очередь для них самих, и только во вторую — для всего мира) их нынешние поступки, позволяет, творя явное беззаконие, оставаться в первую очередь в своих собственных глазах «белыми и пушистыми», гарантирует психологический комфорт. И все остальные исторические события трактуются (или сочиняются) только и исключительно в пользу латышского народа (изредка делая реверанс просвещенной Европе) именно для этого.

Поэтому давайте вспомним, что к абсолютной истине можно только стремиться, но реально она — относительна.

И я согласна с Прибалтом (еще один участник. — Б. С.) — у русских должна быть своя версия событий (чем ближе к реальной — тем лучше), которая снимет с них навязанный латышами и прочими «историками» «комплекс вины» за какие-то мифические преступления, позволит гордо поднять голову и реально в лучшую сторону изменить свое настоящее и будущее. Но вот если такого желания у нас пока нет (не следует удивляться, что человек, образно говоря, не хочет «умереть стоя», а предпочитает относительно комфортно «жить на коленях»), то лучше сохранить существующую в Латвии на данный момент трактовку исторических событий, чтобы иметь возможность оправдывать свое нынешнее положение в своих собственных глазах псевдоисторической версией «исторической вины русского народа».

Эти выводы вполне применимы и к ситуации в России, причем не только в отношении к проблеме оккупации Прибалтики, но и к другим наиболее болезненным для национального самосознания вопросам истории Второй мировой войны. В этих «альтернативных историях» факты и их интерпретации в основном подбираются с точки зрения соответствия «своим» интересам и собственного психологического комфорта. Такая «альтернативная история» есть и у коренных народов стран Балтии. Просто в вопросах оккупации и пакта Молотов — Риббентроп она оказывается ближе к исторической истине, чем и вызвана поддержка позиции Литвы, Латвии и Эстонии со стороны Евросоюза и США.

Официальная российская позиция в вопросе о советской оккупации Прибалтики практически полностью совпадает как с мнением российских националистических историков, так и с позицией публицистов, представляющих русскоязычные меньшинства в странах Балтии. В юбилейный год она неоднократно озвучивалась на самом высоком уровне.

10 мая 2005 года на пресс-конференции по итогам саммита ЕС — Россия Путин в наиболее развернутом виде изложил российскую позицию в отношении реалий Второй мировой войны применительно к отношениям России со стра-

нами Балтии: «Мы готовы к подписанию договора по границе, о котором Вы спрашивали, и с Эстонией, и с Латвией. Надеемся, что они не будут сопровождаться дурацкими по своему содержанию требованиями территориального характера. Сегодня в Европе, в XXI веке, когда одна страна предъявляет территориальные претензии другой и одновременно хочет ратифицировать договоры по границе, это полная чушь, «сапоги всмятку». Это не соответствует ни духу строительства общеевропейского дома, ни смыслу того, что мы делаем с Евросоюзом. Мы готовы набраться терпения, подождать, пока наши коллеги, которые додумались до фантазий подобного рода, созреют для реальной работы и будут действительно готовы к подписанию этих документов».

Тут последовал вопрос-возражение корреспондента Эстонского телевидения: «Какие территориальные требования есть у Эстонии? Насколько я знаю, их нет. Так о чем Вы говорите? И другой вопрос. Почему Вам так тяжело сказать: «Извините за оккупацию»? Потому что, если бы Вы сказали, мы могли бы очень легко вместе жить».

Путин ответил не без скрытой издевки: «Спасибо Вам большое за Ваш вопрос. Он очень кстати. Начну с последнего. Вы так хорошо говорите по-русски, что, уверен, и читаете не хуже. Возьмите, пожалуйста, постановление Съезда народных депутатов 1989 года, где черным по белому написано: Съезд народных депутатов осуждает пакт Молотова — Риббентропа и считает его юридически несостоятельным. Он не отражал мнения советского народа, а являлся личным делом Сталина и Гитлера.

Что еще можно сказать более точно и ясно по этому вопросу? Или Вы хотите, чтобы мы делали это каждый год? Что еще нужно сказать, как Вы считаете? Мы считаем, что этот вопрос закрыт. Все. Возвращаться к этому больше не будем: сказали один раз — достаточно.

Теперь по поводу оккупации. Я полагаю, что в 1918 году в результате Брестского мира состоялся сговор между Германией и Россией, и Россия передала часть своих территорий

Почему победила Красная Армия?

под контроль Германии фактически. С этого началась сегодняшняя эстонская государственность. А в 1939 году состоялся другой сговор между Россией и Германией, и Германия возвратила назад России эти территории. В 1939 году они вошли в состав Советского Союза. Хорошо это было или плохо? Сейчас не будем говорить об этом — это история. Я думаю, что это был опять сговор, разменной монетой в котором были малые государства и малые народы. К сожалению, таковы были реалии той жизни, так же как и реалии колониального прошлого европейских стран, так же как и использование рабского труда в Соединенных Штатах. Ну что же мы теперь каждый день будем позволять мертвым хватать нас за рукава и мешать идти вперед?

Значит, если в 39-м году прибалтийские страны вошли в состав Советского Союза, то в 45-м Советский Союз не мог их оккупировать, потому что они были его частью (так в официальной стенограмме. В реальности, как я покажу ниже, эти слова прозвучали несколько иначе. — Б. С.). Я хоть и не очень хорошо, может быть, учился в университете (потому что пива много пил в свободное время), но все-таки кое-что еще помню из этого, кое-что у меня в голове еще осталось: у нас были хорошие преподаватели. Это по второму вопросу.

Предыдущий вопрос, связанный с урегулированием пограничной ситуации с Эстонией. У нас нет проблем с Эстонией, слава Богу.

К чести эстонских партнеров надо сказать, что они заняли прагматичную позицию в своих национальных интересах.

Что касается других вопросов территориального характера, то такие вопросы есть с Латвией, которая, по сути, поставила вопрос о передаче им Пыталовского района Псковской области, со ссылкой на договор 1920 года. Латвия готова, как они заявили нам, подписать с нами договор о границе, но в текст этого договора о границе хотят включить оговорку и

ссылку на договор 20-го года, по которому Пыталовский район относится к территории Латвии.

Вы знаете, в результате распада Советского Союза Российская Федерация потеряла десятки тысяч (кв. километров. — Б. С.) своих исконных территорий. И что, Вы предлагаете сейчас начать все делить сначала? Вернуть нам Крым, часть территории других республик бывшего Советского Союза и так далее? Давайте Клайпеду вернем нам тогда. Давайте сейчас начнем все делить в Европе. Вы этого хотите? Ведь нет, наверное? Мы призываем латышских политиков прекратить заниматься политической демагогией и перейти к конструктивной работе. Россия готова к такой работе»¹⁸.

Однако в телеэфире и в сообщении иностранных источников отмеченное выше место звучало иначе: «Если в 1939 году страны Балтии вошли в состав СССР, то в 1941 году мы никак не могли их оккупировать, так как они уже были частью Советского Союза»¹⁹.

Строго говоря, и насчет 1939 года Путин ошибся, но это точно — оговорка по Фрейду, поскольку российский президент, похоже, искренне считает, что фактически государства Прибалтики стали советскими сразу же после пакта Молотов — Риббентроп, когда Гитлер уступил Сталину эти территории и туда вошли советские войска. Что же касается 1941 года, о котором в действительности говорил Путин, вместо правильного 1945 года — времени, когда Красная Армия завершила изгнание германских войск из Прибалтики, то, возможно, президент подсознательно хотел ответить правдиво. Ведь с формальной точки зрения он не погрешил против истины — в 1941 году Красная Армия никак не могла оккупировать Прибалтику, поскольку она сделала это в 1940 году, когда значительные контингенты советских войск были введены в Прибалтику под угрозой применения силы, а местные правительства были по требованию Москвы в один день заменены на просоветские. В 1944 — 1945 же годах, в момент вторичного прихода Красной Армии, Прибалтика, строго гово-

ря, была частью рейхскомиссариата «Остланд», управлявшегося германской оккупационной администрацией.

В общем, президент Путин так волновался, категорически отрицая это, что совершенно запутался в датах, и политологам пришлось решать настоящий ребус.

Тезис же насчет того, что Россия приняла превращение не всегда выгодных для нее административных границ между союзными республиками в государственные, то республики Прибалтики в принципе не считают себя членами Союза, а лишь насильственно присоединенными территориями, и потому никак не могут оценить жертвы, принесенные Россией ради умиротворения других союзных республик, хотя и не выдвигают к ней никаких территориальных претензий.

Балтийскую тему президент России продолжил 23 мая 2005 года на встрече с журналистами «Комсомольской правды». На этот раз Путин утверждал: «Что касается политической составляющей, то, как вы знаете, у нас подписан договор по границе с Эстонией. И мы сознательно пошли на это. Вне зависимости, повторяю, от демаршей со стороны некоторых политиков прибалтийских, в том числе эстонских: Переговорный процесс шел долго, очень сложно. Там, кстати говоря, тоже на первоначальном этапе были и территориальные вопросы, и территориальные претензии. И мою позицию знаете хорошо.

Российская Федерация при развале Советского Союза с целью избежать развития на постсоветском пространстве по югославскому сценарию пошла на беспрецедентные в истории человечества жертвы, отдала десятки тысяч квадратных километров своих исконных территорий. Хорошо или плохо — сейчас не будем об этом говорить. Но это произошло. И теперь выслушивать всякие бредни по поводу того, что мы какие-то там пять километров кому-то должны, абсолютно недопустимо.

Но, повторяю, мне кажется, что это делают люди не в расчете на то, чтобы что-то получить территориальное от

России. А в расчете на то, чтобы разжечь и испортить отношения. Мы не должны помогать этим людям решать их задачи. И не будем этого делать. Естественно, никогда не будем вести никаких переговоров на платформе даже обсуждения каких бы то ни было к нам территориальных претензий. Пыталовский район Псковской области? От мертвого осла уши им, а не Пыталовский район»²⁰.

В данном случае в утверждениях президента также содержится определенная передержка. Дело в том, что страны Балтии официально признали сложившиеся при распаде СССР границы и территориальных претензий к России не выдвигают. Они требуют лишь признания факта оккупации и аннексии, без каких-либо международно-правовых выводов из этих фактов для сегодняшнего дня.

В целом российская сторона, которую активно поддерживают русскоязычные СМИ стран Балтии, последовательно отстаивает тезис о том, что не было ни аннексии, ни оккупации, а было добровольное вхождение народов Прибалтики в состав СССР после первых в этих странах свободных выборов, проведенных в июле 1940 года. Выборы служат прежде всего аргументом против признания факта аннексии. При этом намеренно игнорируется тот факт, что выборы проводились фактически под дулами советских винтовок. Выборы в местные парламенты прошли по принципу — один кандидат от нерушимого блока беспартийных на одно место. Причем этот блок во всех трех государствах назывался одинаково — «Союз трудового народа». Присутствовавшие на участках люди в штатском брали на заметку тех, кто кандидатов вычеркивал или бросал в урны пустые бюллетени. Естественно, коммунисты получили во всех трех республиках более 90% голосов — в Эстонии 92,8%, в Латвии 97%, а в Литве аж 99%²¹.

Эстонские политики, однако, не долго проходили в прагматиках в путинском представлении, а проблемы в вопросе российско-эстонского пограничного договора исчезли всего на месяц с небольшим. В закон о ратификации эстонский

Почему победила Красная Армия?

парламент включил декларацию, содержащую ссылки на документы, упоминающие о фактах оккупации и аннексии Эстонии Советским Союзом, а также на российско-эстонский договор 1920 года, признававший эстонской часть территории нынешней Псковской области. После этого российская сторона отозвала свою подпись под пограничным договором от 18 мая 2005 года, создав дипломатический тупик.

В Москве прежде полагали, что отсутствие договоров о границе с Латвией и Эстонией затруднит вступление стран Балтии в НАТО и ЕС. В уставах этих организаций есть соответствующие пункты, предусматривающие, что страны-кандидаты не должны иметь нерешенных территориальных проблем с соседями. Однако на практике отсутствие договоров о границе с Россией никак не затруднило вступление балтийских государств в Евросоюз и Североатлантический пакт. Ведь ни Литва, ни Латвия, ни Эстония территориальных претензий к России не выдвигают, и Москва также официально не претендует на территорию этих стран. Теперь же расчет делается на то, что без пограничных договоров Латвию и Эстонию не примут в Шенгенскую зону. Однако на неосновательность подобных расчетов указывают балтийские политики. В частности, депутат латвийского Сейма А. Кирштейнс заявил: «Не знаю, почему людей вводят в заблуждение, утверждая, что отсутствие договора о границе с Россией лишит нас возможности присоединиться к Шенгенской зоне. В свою очередь, для России договор о границе является условием введения безвизового режима. Таким образом «уши мертвого осла» получила Россия»²².

Еще 5 мая 2005 года Департамент информации МИД России прокомментировал позицию ЕС и ряда европейских политиков по поводу оккупации и аннексии СССР стран Балтии: «Российская позиция по данному вопросу неоднократно излагалась и остается неизменной. И ввод дополнительных частей Красной Армии и присоединение прибалтийских го-

сударств к Советскому Союзу не вступали в противоречие с нормами действовавшего в то время международного права.

Так, в соответствии с международно-правовой доктриной середины XX века под «оккупацией» понималось приобретение государством никем не заселенной территории, которая ранее не принадлежала какому-либо государству, путем установления над ней эффективного контроля с намерением распространить на нее свой суверенитет. Кроме того, этот термин означал временное занятие в ходе вооруженного конфликта армией одного из воюющих государств территории (или части территории) другого государства.

Для правовой оценки ситуации, сложившейся в Прибалтике в конце 30-х годов прошлого века, термин «оккупация» не может быть использован, поскольку между СССР и прибалтийскими государствами не было состояния войны и вообще не велось военных действий, а ввод войск осуществлялся на договорной основе и с ясно выраженного согласия существовавших в этих республиках тогдашних властей — как бы к ним ни относиться. Кроме того, в Латвии, Литве и Эстонии на протяжении всего периода их пребывания в составе Советского Союза, за исключением времени оккупации Германией этой части территории СССР в годы Великой Отечественной войны, действовали национальные органы власти. И, как известно, именно эти власти — опять же, независимо от того, как их расценивать сегодня, — в лице Верховных Советов соответствующих республик приняли в 1990 году решения, приведшие к их выходу из состава СССР. Так что, если подвергать сомнению легитимность органов власти советского периода, возникает вопрос и о легитимности провозглашения республиками Прибалтики своей независимости.

Соответственно и любые претензии, включая требования о материальной компенсации за якобы имевший место ущерб, который, как кое-кто считает, стал результатом произошедшего в 1940 году, лишены оснований.

Попытки же поставить политику Союза ССР в тот период в один ряд с действиями гитлеровской Германии, которая вела в Европе агрессивную войну с целью порабощения или уничтожения целых народов, абсурдны в силу одного того очевидного факта, что благодаря в первую очередь усилиям СССР были обеспечены разгром гитлеровской Германии и избавление Европы от нацизма»²³.

Здесь — только игра со словом «оккупация» и попытка применить к действиям СССР в 1939—1940 годах определения слова «оккупация», принятого уже после Второй мировой войны. Практически здесь в развернутом виде сформулированы те же тезисы, что отстаивают Н. Нарочницкая и В. Литовкин.

Российская сторона пытается развести понятия «оккупации» и «аннексии», первую не признавая категорически, а вторую вроде бы признавая, но утверждая, что она была юридически корректной. Так, 18 июля 2005 года заместитель министра иностранных дел России Владимир Чижов заявил в Москве на встрече с журналистами стран Балтии, что Россия не оспаривает осуществленной Советским Союзом в 1940 году аннексии стран Балтии, однако последующее включение ее в состав СССР не считает оккупацией: «Применительно к странам Балтии речь шла о последствиях аннексии 1940 года. Этот термин содержался и в межгосударственном соглашении между Россией и Литвой, подписанном в 1991 году. Мы это не оспариваем. Однако аннексия и оккупация — это разные вещи». При этом период после аннексии оценивается как «формально юридически» узаконенное членство Литвы, Латвии и Эстонии в СССР, не противоречившее нормам того времени, а не оккупация. Чижов также заявил, что сомнения в законности советской власти в Балтийских странах ставит под вопрос и независимость этих стран, которую провозгласили советские органы власти. Он посоветовал вопросы оккупации стран Балтии оставить истории и оптимистически заверил балтийских журналистов, что «Россия не собирается нападать на ваши страны»²⁴.

Эти аргументы, строго говоря, не выдерживают исторической критики. Ведь правительства стран Балтии еще в составе СССР заявили о своем намерении восстановить действие довоенных конституций. И тогда остается загадкой, как вообще надо было бы выходить из состава СССР, ведь советское законодательство делало выход из состава Союза практически невозможным, ибо требовало согласия на это всего советского населения.

Иногда оккупация Советским Союзом Прибалтики и польских Западной Украины и Западной Белоруссии, равно как и румынских Бессарабии и Северной Буковины, отрицается на том основании, что советским войскам во время вступления их на эти территории не было оказано вооруженного сопротивления. Тот же С. Черниченко настаивает: «Некоторыми кругами делается попытка доказать, что, поскольку ультиматумы и последовавший затем ввод войск противоречили международному праву, то такой ввод все же можно считать оккупацией. При этом указывается на вынужденное согласие правительств Латвии, Литвы и Эстонии с требованиями, предъявленными в ультиматумах. В качестве подтверждения иногда проводят параллель с действиями гитлеровской Германии в отношении Австрии и Чехословакии.

Если проанализировать факты, легко заметить, что параллели здесь неуместны. В первом случае немецкие войска вторглись в Австрию, а ее присоединение к Германии (аншлюс, т.е. аннексия) было «оформлено» уже после ввода на ее территорию немецких войск. С Чехословакией ситуация складывалась иначе. Прибывший в Берлин президент Чехословакии Гаха был поставлен в известность о том, что немецкие войска уже получили приказ вступить в Чехословакию. После этого 15 марта 1939 года он подписал соглашение о «включении чешского народа в состав Германской империи».

В обоих случаях аннексия была недействительной с точки зрения действовавшего в тот период международного

права, и нахождение немецких войск на территории Австрии и Чехословакии продолжало оставаться оккупацией и, по положениям пакта Бриана — Келлога 1928 года, безусловно, представляло собой агрессивную войну, хотя вторжение и не встретило сопротивления»²⁵.

Здесь опять применяется откровенная передержка. Аншлюсу Австрии предшествовал ультиматум о создании в Вене прогерманского правительства во главе с нацистом Зейссом-Инквартом. И уже оно пригласило в Австрию германские войска, которых ранее на территории страны вообще не было. А только потом последовала аннексия. Точно так же и в случае с оккупацией и аннексией Чехии Германией в марте 1939 года дело шло практически по тому же сценарию, что и оккупация и аннексия стран Балтии Советским Союзом в 1940 году.

С помощью подобных аргументов можно отрицать факт оккупации Германией накануне и в ходе Второй мировой войны целого ряда стран — Австрии, Чехии, Дании, Люксембурга. Между тем факт оккупации этих стран, являвшийся нарушением норм международного права и актом агрессии, был признан преступлением на Нюрнбергском процессе и вменен в вину главным нацистским военным преступникам. Также один из аргументов против признания факта оккупации Прибалтики и других восточноевропейских стран Советским Союзом сводится к тому, что там официально не вводился режим оккупации. Однако применение данного критерия не позволяет считать оккупированными многие государства, захваченные нацистской Германией. Австрия сразу же была включена в состав рейха и разделена на несколько гау (областей). Чехия, Дания и Норвегия были превращены в протектораты, Польша превращена в генерал-губернаторство и т.д., что не мешало и в ходе войны, и после нее говорить об этих странах как оккупированных Германией. Практически на положении оккупированных на протяжении войны оставались лишь захваченные нем-

цами советские территории и территории Франции, Бельгии и Голландии.

Но правовая и историческая логика не воспринимается большинством историков и публицистов, протестующих против попыток поставить на одну доску сталинский Советский Союз и гитлеровскую Германию. Это рассматривается как косвенный удар по России как правопреемнице СССР. Признание же фактов оккупации и аннексии является вещью крайне болезненной для российского национального самосознания, во многом еще остающегося советским.

Вероятно, истинная история — это та, которая поднимается над узконациональной точкой зрения и рассматривает события с международных позиций. В случае с Прибалтикой вопрос об оккупации, по всей видимости, надо решать с позиции Нюрнбергского трибунала. И, наверное, не стоит обижаться на тот факт, что европейское и североамериканское общественное мнение в вопросе об оккупации и аннексии стран Балтии поддерживает позиции Вильнюса, Риги и Таллина.

В частности, 7 мая 2005 года, по дороге в Москву, президент США Дж. Буш заявил на совместной пресс-конференции с президентами Литвы, Латвии и Эстонии: «Я признаю, что на Западе конец Второй мировой принес мир, но в странах Балтии началась оккупация и коммунистическая тирания. Американский народ никогда не забудет оккупацию и коммунистическое угнетение народов Балтии, — заявил Буш. — Я полностью понимаю, что балтийские страны чувствуют гнев и недовольство из-за оккупации. Я уже сообщал об этом президенту Путину, но он и так это знает. Я надеюсь, что мы сможем преодолеть эту историческую фазу».

Накануне в интервью НТВ Джордж Буш сказал, что за послевоенную историю Европы ответственность несет не только Москва. На Ялтинской конференции ее разделили Сталин, Черчилль и Рузвельт. Ранее в письме президенту Латвии Вайре Вике-Фрейберге Джордж Буш написал, что «для Западной Европы окончание Второй мировой войны

означало освобождение. В Центральной и Восточной Европе война означала начало оккупации Эстонии, Латвии и Литвы Советским Союзом, аннексию и насаждение коммунизма»²⁶.

Также и Европарламент 26 мая принял резолюцию, где подчеркнул: «Европарламент в полной мере осознает огромный вклад Советского Союза и принесенные им жертвы при освобождении многих государств и их народов от тирании, но в то же время осуждает чрезвычайные трудности и страдания, которые многим странам и людям, включая Балтию, принесла оккупация, последовавшая вслед за ней аннексия и тирания Советского Союза»²⁷.

20 мая Сенат США принял резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Советским Союзом с 1940 по 1991 год прибалтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы». В резолюции утверждается, что «включение в 1940 году прибалтийских стран — Латвии, Литвы и Эстонии — в состав СССР было актом агрессии, осуществленным против воли суверенных народов». 23 июля 2005 года Палата представителей конгресса США приняла аналогичную резолюцию²⁸.

Если применять одинаковые критерии к действиям СССР и Германии в годы Второй мировой войны, то окажется, что Литва, Латвия и Эстония, равно как и восточные районы Польши, были оккупированы Советским Союзом точно так же, как Чехия, Австрия и Дания были оккупированы Германией. Во всех этих случаях мы имеем дело с так называемой мирной оккупацией, без объявления войны и ведения широкомасштабных боевых действий, которая тем не менее на Нюрнбергском процессе была признана актом агрессии.

Однако вот эта универсальность критериев в России становится камнем преткновения и для историков, и для политиков. Российская элита предпочитает рассматривать Россию как уникальное культурное и геополитическое образование, к которому неприменимы общеевропейские нормы и законы. Наталья Нарочницкая заявила: «Что же о так назы-

заемой «оккупации» Балтии Советским Союзом, то, как заметил в ту пору британский министр, СССР лишь вернул часть своих территорий, принадлежащих Российской империи».

И в данном случае позиция элиты совпадает с позицией большинства россиян. Согласно социологическому опросу, проведенному компанией «Башкирова и партнеры», 71 процент россиян уверены, что никакой оккупации Прибалтики СССР не было²⁹. Здесь сказалась общая для элиты и масс тоска по империи. Дополнительную роль сыграла также широкомасштабная пропагандистская кампания о тяжелом положении русскоязычных меньшинств в Латвии и Эстонии. Для власти эта последняя тема, равно как и тема «русофобии» прибалтов и их сотрудничества с немцами в годы Второй мировой войны, давно уже стала важным орудием пропаганды для оправдания «наступательного» характера российской внешней политики на постсоветском пространстве. Такая позиция затрудняет нормализацию отношений России со странами Балтии и ее вхождение в общеевропейское культурное и правовое пространство, зато облегчает консолидацию российского общества на основе противостояния «исконному врагу» — прибалтам.

3. КАТЫНСКОЕ ДЕЛО: ВОЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ГЕНОЦИД ИЛИ «НАША МЕСТЬ ПОЛЯКАМ»

Предъюбилейный вал альтернативной истории коснулся и польской темы. Наиболее болезненной проблемой в российско-польских отношениях и сегодня остается трагедия в Катыни. Постановление российской Главной военной прокуратуры о прекращении расследования Катынского дела, принятое в преддверии юбилея Победы явно для того, чтобы не омрачать этот светлый праздник, только подлило масла в огонь. Именно это решение и породило основные публикации по Катыни в юбилейном году.

11 марта 2005 главный военный прокурор России Александр Савенков сообщил об окончании расследования Ка-

тынского дела. Он утверждал, что следствием установлено точное количество людей, которые содержались в лагерях «и в отношении которых принимались решения» — чуть более 14 тыс. 540 человек. Из них чуть более 10 тыс. 700 человек содержались в лагерях на территории РСФСР, а 3 тыс. 800 человек — на Украине. По его словам, расследование в отношении тех лиц, которые были признаны виновными, прекращено в связи с их смертью, «в рамках расследования были установлены и допрошены более 900 свидетелей, проведены более 18 экспертиз, в рамках которых исследованы более тысячи объектов. Эксгумировано более 200 тел». Всего в деле 183 тома, из них 116 содержат сведения, составляющие, по словам Савенкова, государственную тайну, поэтому полякам может быть передано только 67 томов. Интересно, какие тут могут быть секреты, если фамилии едва ли не всех «героев» Катynи, вплоть до рядовых исполнителей, были широко опубликованы еще в 90-е годы.

Савенков сказал: «В ходе предварительного следствия по инициативе польской стороны проверялась версия о геноциде, и мое твердое утверждение — говорить об этом правовом явлении нет никаких оснований. Нет и не было геноцида польского народа в тех действиях, которые исследованы в рамках этого дела»³⁰.

Главный военный прокурор заявил, что из 14 540 польских военнопленных, содержащихся в трех лагерях, установлена гибель 1803, из которых тела 22 идентифицированы. О судьбе остальных военнопленных прокурор ничего не сказал. То ли их расстреляли Советы, то ли немцы, то ли они бродили-бродили по смоленским лесам, да так и померли от голода. Так, по крайней мере, могла бы решить простодушная публика. По крайней мере, ряд российских историков и политиков «патриотической ориентации» до сих пор уверяет, что поляков в Катynи расстреливало, дескать, не только НКВД, но еще и гестапо.

Заявление Савенкова стало также ответом на решение польской стороны 1 декабря 2004 года самостоятельно во-

зобновить следствие по Катынскому делу. Ранее польский Институт национальной памяти, ведущий свое расследование, договаривался с Военной прокуратурой России о том, что ему будут предоставлены все документы. Расследование ИНП имеет целью добиться признания событий в Катыни геноцидом и военным преступлением, а также установить число расстрелянных и общее число виновных. В ИНП считают, что в засекреченных томах содержатся хорошо известные общественности имена причастных к этому делу преступников и тень обвинения может лечь на их родственников.

Однако Главной военной прокуратурой России катынское преступление было объявлено военным преступлением, подлежащим, следовательно, сроку давности, а отнюдь не преступлением против человечности или геноцидом. По свидетельству заместителя директора ИНП профессора Витольда Кулеши, «когда в Москве отвергли наше мнение о том, что катынское убийство — это геноцид, я напомнил, что во время Нюрнбергского процесса советский прокурор утверждал прямо противоположное. Он убеждал, что это преступление, совершенное немцами, подлежит юрисдикции международного суда. «Неужели тот факт, что автором преступления было НКВД, лишает преступление этого характера?» — спросил я. Главный военный прокурор России генерал Александр Савенков отреагировал так: «О, вижу, что прокурор Кулеша показывает нам львиные когти!»³¹ Кулеша также заявил: «По моему убеждению, те, кто проводил расследование с российской стороны, с самого начала решили, что никто не будет привлечен к уголовной ответственности. Их главный аргумент звучит так: «Красная Армия не могла совершить преступление геноцида».

Эти высказывания Кулеши российская газета «Дуэль» проводила следующим комментарием: «Пресловутая «российская сторона», подыграв Западу в клевете на нашу страну, намеренно стремится ограничиться ритуально-политическими телодвижениями — литьем слез о «невинных жертв»

вах сталинизма», возведением мемориалов, возможно, даже выплатой «компенсаций» родственникам расстрелянных».

Как заметил корреспондент польской газеты «Жечьпосполита» Кшиштоф Маслонь, «трудно было ожидать, что российская сторона займется чем-то иным, кроме замазывания темного пятна своей истории». А директор Института национальной памяти Леон Керес заявил, что «российская сторона, пытаясь сегодня убедить, что в катынском деле речь не идет о геноциде, забывает, что после войны в Нюрнберге, на процессе главных военных преступников перед Международным военным трибуналом, СССР сам стремился вписать Катынь в число немецких преступлений геноцида — как истребление польских граждан. Так представлял катынское преступление заместитель главного советского обвинителя Юрий Покровский. Когда мы напомнили об этом в Москве, генерал Савенков с уважением сказал профессору Витольду Кулеше: «Ну, вы показали когти»... Тем не менее я доволен, что мог стать с ним лицом к лицу и произнести наше «*non possumus*»: «Вы совершили преступление геноцида, и просим не уверять нас, что это не так. С нашей позиции мы не отступим».

Л. Кереса особо возмутило, что «по их (российских властей. — Б. С.) мнению — я говорю это после бесед с замминистра иностранных дел Сергеем Разовым и помощником президента РФ Сергеем Ястржембским — в геноциде не может быть обвинен член антигитлеровской коалиции. Кроме того, тысячи советских солдат и офицеров отдали свою жизнь в боях за освобождение Польши. Наконец, и этот аргумент вызывает у меня особый, резкий протест: в советских тюрьмах и лагерях находилось около 250 тыс. поляков, а убито «только» 22 тысячи.... У меня есть записи со встречи с прокурором Савенковым. Вот его контраргументы: «После 17 сентября 1939 г. в советском плену оказалось 250 тыс. польских граждан, из которых 90% затем были освобождены, а катынское преступление коснулось только 10% военнопленных. При таком состоянии дел нельзя говорить об

умысле советских властей на истребление польской национальной группы целиком или частично, ибо часть этой группы покинула Советский Союз с армией генерала Андерса, часть с 1-й армией Людового Войска Польского, наконец, часть продолжала существовать и не была охвачена планом физического уничтожения». Поэтому российская сторона закрыла свое следствие, ибо, не будучи геноцидом, катынское преступление подлежит сроку давности»³².

Среди националистически настроенных российских публицистов до сих пор бытует версия, что в катынском преступлении повинно не только НКВД, но и гестапо и что немцы тоже расстреливали польских офицеров в 1941 году. Так, Сергей Пантелеев утверждает: «Факты, свидетельствующие о том, что польских офицеров казнили фашисты, по крайней мере не менее доказательны, чем противоположная версия. При этом подходе участие представителей польского эмигрантского правительства Сикорского в работе немецкой комиссии 1943 года, которая предстает как грубая пропагандистская фальсификация, выглядит, мягко скажем, весьма двусмысленно»³³.

В отрицании польской версии о геноциде русские публицисты «патриотического» направления солидаризируются с официальной российской позицией. Как утверждает Вадим Трухачев, «расстрел польских офицеров в Катыни происходил отнюдь не потому, что они были поляками по национальности, в отличие от узников лагерей смерти»³⁴. Он также возмущается, что, «несмотря на чудовищные потери Советского Союза в Польше, в наше время говорят о том, что на смену немецкой оккупации пришла советская — именно так поляки называют период пребывания в социалистическом лагере». Похоже, жертвы Красной Армии и советского народа давно уже стали оправданием всех преступлений и нарушений международного права, совершенных Советским Союзом.

Квалификация Катыни в качестве военного преступления, а не преступления против человечности, имеет важные

последствия для российской национальной памяти. В народном сознании непереносимым становится тот факт, что те, кто вел Отечественную, справедливую войну против фашизма и освободил Европу от «коричневой чумы», могут быть в то же время повинны в геноциде. Военные же преступления не только имеют срок давности, но и могут быть в какой-то мере оправданы военной необходимостью. Как пишет в апологетической биографии Лаврентия Берии историк Алексей Топтыгин, «Катынь — безусловно, не лучшая страница в советско-польской истории, но если учесть, кто погиб в катынской трагедии, и задаться вопросом, имело ли смысл держать на советской территории 25-тысячную армию польских антисоветчиков, думается, ответ будет однозначен. Не будем забывать, что Советский Союз стоял на пороге величайшей из войн и иметь в тылу воюющей страны врага... было не с руки. С этой точки зрения уничтожение части польского офицерского корпуса... представляется если не оправданной, то вынужденной мерой». И тот же историк считает Катынь мстью за мнимое массовое истребление советских пленных поляками в 1920 году³⁵.

Также Алиса Аргунова сравнивает Катынь с событиями 1920 года: «Если говорить о трагедии нескольких тысяч польских офицеров в Катыни, то надо вспомнить и о трагедии нескольких десятков тысяч русских, попавших в плен в ходе советско-польской войны 1920 года и замученных в польских концлагерях»³⁶.

Тут стоит все-таки уточнить, что в момент казни поляков в Катыни СССР не был в состоянии войны ни с одним государством. И на практике весной 1940 года были расстреляны не только польские офицеры, но и гражданские лица — представители интеллигенции и имущих классов. И сделано это было не по приказам военных властей или в качестве личной инициативы отдельных военнослужащих, а согласно политическому решению, принятому Политбюро. Главное же, более 20 тыс. поляков расстреляли не только по социально-классовому, но и по национальному признаку,

именно как поляков, так что данное преступление вполне подходит под определение геноцида. Стоит вспомнить, что в решении Политбюро о расстреле от 5 марта 1940 года фигурировали только поляки.

В связи с намерением режиссера Анджея Вайды снять художественный фильм о Катыни (там погиб его отец) газета «Коммерсантъ» довольно точно сформулировала различие польской и российской позиций относительно этого преступления: «Официальная Варшава считает, что речь идет о преступлении, не имеющем срока давности, и хочет определить виновных на всех уровнях, тогда как в Москве отказываются называть произошедшее «геноцидом» и признают ответственность лишь советских руководителей той эпохи»³⁷.

Кроме отдельных российских историков, с осуждением решения российской стороны прекратить расследование Катынского дела 4 апреля 2005 года выступило правление общества «Мемориал». Оно заявило: «Мы считаем, что прекращение расследования недопустимо. Во-первых, даже если не было события геноцида, то в любом случае необходимо сказать, как квалифицируются эти бессудные расстрелы — как военное преступление, как преступление против человечества, как предумышленное убийство при отягчающих обстоятельствах? Закрытие дела без правовой оценки выглядит как попытка отказаться от всякой ответственности за преступление. Во-вторых, до сих пор не установлены личности значительной части его жертв (почти 4 тысяч человек) — а именно, заключенных, расстрелянных в Белоруссии. Главная военная прокуратура ссылается на то, что преступления, совершенные за пределами нынешней России, должны расследоваться правоохранительными органами соответствующих стран. Однако этот довод в данном случае не выглядит убедительным, поскольку решение о расстреле всех польских граждан принималось в Москве, отсюда осуществлялось руководство всей операцией в це-

лом, сюда стекались все донесения и отчеты о ее проведении...»

В том же заявлении подчеркивалось, что «хотели ли этого военные юристы или нет, но заявление о прекращении расследования «Катынского дела», сделанное накануне 60-летия Победы, напомнило всему миру не только, что Советский Союз был участником антигитлеровской коалиции, вынесшим на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашизмом, но и тот несомненный факт, что после заключения в августе 1939 года пакта с гитлеровской Германией СССР осуществил ряд аннексий, присоединив к себе восточные территории довоенного польского государства, Литву, Латвию, Эстонию, Северную Буковину и Бессарабию. Что на этих территориях был немедленно развернут массовый террор, частью которого, наряду с арестами и депортациями, и стала «спецоперация» по уничтожению польских пленных и заключенных, — констатируется далее в заявлении. — Память о Победе 1945 года неотделима от памяти о всех людях, убитых тоталитарными режимами XX века...»³⁸.

Также в заявлении польского Сейма по поводу решения Главной военной прокуратуры говорилось: «Мы ожидаем от российского народа и властей Российской Федерации окончательного признания совершенного в Катыни преступления против человечности, как это было сформулировано в ходе Нюрнбергского процесса. Мы также настаиваем на выяснении всех обстоятельств преступления, прежде всего на предоставлении информации о месте захоронения подавляющего большинства убитых офицеров Войска Польского, чьи могилы до сих пор не найдены. Кроме того, мы считаем необходимым предоставление польской стороне фамилий всех виновных — как исполнителей, так и отдававших приказы». Помимо этого депутаты Сейма выразили сожаление по поводу того, что расследование событий в Катыни прекращено российской военной прокуратурой, а само «катынское преступление до сих пор остается предметом политических действий, направленных на сокрытие правды»³⁹.

Можно вполне согласиться с мнением по проблеме Катыни, высказанным публицистом Александром Архангельским. Он заявляет: «Я считаю себя патриотом, я люблю свою страну, я люблю свою историю, я считаю себя частью этой истории, но что такое любить свою страну и что такое любить свою историю? Это значит — гордиться лучшим и нести ответственность за худшее. Мы разделяем историю нашего отечества в той мере, в которой мы гордимся всем славным и несем ответственность за все дурное. Таким образом, когда Генеральная прокуратура, подсчитывая деньги, которые придется заплатить, в противном случае отказываться дальше рассматривать Катынское дело, она ведет себя непатриотично. Это непатриотично, потому что мы патриоты в той мере, в какой мы несем ответственность за это Катынское дело, за расстрел безвинных поляков. Не потому, что мы должны сделать полякам хорошо, а потому, что, не сбросив этот моральный груз, не искупив эту вину, моральным же образом, отчасти и материальным»⁴⁰.

Противоположной точки зрения придерживается обозреватель РИА «Новости» Виктор Литовкин, утверждающий: «Россия, хотя и правопреемница Советского Союза, но нынешняя российская власть, как бы она кому-то нравилась или не нравилась, ни по сути, ни по духу все же не является прямой наследницей советской власти и, тем более, коммунистического режима, который господствовал в нашей стране с 1917 по 1991 год. Каяться и просить прощения за его ошибки и преступления она не может и не должна. Ни при какой погоде. Особенно потому, что подобные ошибки и преступления, если взглядеться в историю и быть честным прежде всего по отношению к самому себе, совершал далеко не только Советский Союз. Более того, он вовсе не был здесь «самым первым учеником»⁴¹. И этот спор между представителями двух лагерей, возможно, будет длиться вечно. Историческая истина играет в нем подчиненную роль, главным же остаются морально-этические критерии и политические позиции участников дискуссии.

Почему победила Красная Армия?

Подводя итоги, надо признать, что образ Советского Союза в период Второй мировой войны, если взять совокупность существующих ныне мифов, получается довольно цельным. Это была страна, войны не хотевшая, но окруженная кольцом врагов, и потому заключавшая договоры только для того, чтобы обеспечить собственную безопасность, и только для этой цели захватывала чужие территории, которые к тому же исконно ей принадлежали. Война оказалась неожиданной, но после первых поражений Красная Армия оправилась и во вторую половину войны воевала уже лучше немцев, чему доказательство — соотношение потерь. Если же советские потери и были слишком большими, то тому виной — бездействие западных союзников, только и думавших, как бы сильнее ослабить СССР. И победили под руководством вождя — Сталина, который один только и мог обеспечить жесткую централизацию управления, заставить союзников считаться с собой и вдохновить народ на подвиг.

Польский юрист Л. Керес справедливо указывает, что такого рода мифы имеют социально-психологические корни у многих россиян: «Русским трудно согласиться с тем, что их «освобождение», правда, принесло Польше избавление от немецкой оккупации, зато навязало ей тоталитарную систему коммунистической власти. Они в рамках этой системы жили с 1917 г. и за этот строй отдавали жизнь»⁴².

Но в то же время положительный мифологический образ Советского Союза 1939—1945 годов, в том числе и образ миролюбивой, или, по крайней мере, не выделявшейся в худшую сторону по сравнению с другими державами советской внешней политики 1939—1941 годов, на фоне продолжающегося падения интереса к истории Второй мировой войны отнюдь не преобладает среди россиян.

В целом в России 60-летие окончания Второй мировой войны большинством историков, политиков и публицистов воспринималось только как Победа СССР в Великой Отечественной войне, что требовало оправдания пакта Молотов — Риббентроп, отрицания оккупации Прибалтики, оправда-

ния или, по крайней мере, умаления значения преступления в Катыни. Однако сейчас российское общество уже не готово считать единственным и главным символом своего объединения в истории Великую Победу в Великой Отечественной войне, и ее 60-летний юбилей, скорее всего, в последний раз, стимулировал положительные, героические мифы, с ней связанные. В дальнейшем россияне, по всей вероятности, уже не будут нуждаться в объединяющих мифах из прошлого, по крайней мере советского. Но для этого должна выработаться собственная российская идентичность, не создающая себя наследницей советской идентичности. Тогда, очевидно, возможна будет объективная оценка пакта Молотова — Риббентропа и его последствий, и российские оценки этих событий не будут отличаться от тех, что приняты в Европе и Северной Америке. Станет возможным и признание факта оккупации Прибалтики Советским Союзом и даже официальное извинение за нее. Можно представить себе и признание Россией истребления поляков в апреле — мае 1940 года в качестве преступления против человечности. Объединяющие же мифы, по всей видимости, по мере того как сходят со сцены поколения, ориентированные на советскую эпоху, будут генерироваться уже в настоящем или, в крайнем случае, из российской истории до 1917 года. Но этот процесс может занять еще не одно десятилетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://www.d-pils.lv/view...article.php?article=24324>. Это заявление было сделано 25 мая 2005 г.

² *Литовкин В.* Соломинка и бревно // РИА «Новости», 30 июня 2005 г. <http://www.rian.ru/authors/20050630/40818591.html>.

³ *Дашичев В.* Между Молотовым и Риббентропом. Советско-германский пакт 1939 года утвердил не границы государств, а линии фронтов // Новая газета, 2005, 28 марта.

⁴ <http://echo.msk.ru/programs/personalno/37844/>.

⁵ *Фалин В.* Вторая мировая война: война против СССР // United Press International, 14 апреля 2005 г.

⁶ The Washington Times, 12.04.2005.

⁷ <http://www.d-pils.lv/view...article.php?article=24324>.

⁸ Там же.

⁹ <http://www.kremlin.ru/appears/2005/02/22/2118...type63379...84394.shtml>.

Почему победила Красная Армия?

¹⁰ РИА «Новости», 28 апреля 2005;

<http://www.nonews.ru/popups/rianpopup.php?varhref=/politics/foreign/20050428/39757108.html>.

¹¹ Голос Америки, 22 июня 2005 г.

¹² См.: Чудакова М. О Победе, славе и чести // Московские новости, 18 марта 2005 г.; Соколов Б. Незаряженная мина // Грани.ру, 22 июля 2005 г. <http://grani.ru/Society/History/m.92494.html>.

¹³ Дашичев В. Урок истории для Прибалтики // РИА «Новости», 5 мая 2005 г. <http://www.rian.ru/analytics/20050505/39896616.html>.

¹⁴ <http://www.d-pils.lv/view...article.php?article=24324>.

¹⁵ <http://www.riga-lv.com/history/okkupacija.htm>.

¹⁶ Литовкин В. Соломинка и бревно // РИА «Новости», 30 июня 2005 г. <http://www.rian.ru/authors/20050630/40818591.html>.

¹⁷ <http://www.shtab.lv/forum/read.php?f=1&i=4989&tt=4989&v=f&d=&m=&g=>. Это — официальный сайт Штаба защиты русских школ (Латвия).

¹⁸ <http://www.kremlin.ru/appears/2005/05/10/1823...type63377typ e63380 type82634...88013.shtml>.

¹⁹ <http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid...4534000/4534777.stml>.

²⁰ <http://www.kremlin.ru/appears/2005/05/23/2050...type63380type 63381...88557.shtml>.

²¹ См.: Хроника России. XX век. М.: Слово, 2002. С. 489.

²² Latvijas avize, 28. 05. 2005.

²³ <http://grani.ru/Politics/m.88894.html>.

²⁴ <http://www.rosbalt.ru/2005/07/19/218009.html>.

²⁵ Там же.

²⁶ <http://grani.ru/Politics/m.88894.html>.

²⁷ Diena, 28. 05. 2005.

²⁸ <http://gorod.lv/?rubid=29&subrubid=12220>.

²⁹ Ильичев Г. Дума входит в доверие к своему народу // Известия, 23 июня 2005 г.

³⁰ <http://www.rian.ru/society/histori/20050524/40407066.html>.

³¹ Цит. по: Дуэль, 18 января 2005 г.

³² Маслонец К. Планомерное истребление. Беседа с директором Института национальной памяти Леоном Кересом // Новая Польша, 2005, № 3. <http://www.novopol.ru/index.php?id=391>. Это — перепечатка интервью Л. Кереса газете «Rzeczpospolita».

³³ Пантелеев С. Катынский тупик: политические игры в «геноцид» <http://www.inforos.ru/?id=6468>. 20 мая 2005 г.

³⁴ Трухачев В. Бывшие друзья о нашей роли в войне // Правда.ру, 26 июля 2005 г. <http://www.pravda.ru/world/2005/5/14/38/20419...potdam.html>.

³⁵ Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 86.

³⁶ Аргунова А. Шляхту наказали за помощь Наполеону // Страна.ру, 8 июня 2005 г. <http://www.strana.ru/stories/03/07/11/3363/250243.html>. Реально в польском плену умерло в 1920 году 18—20 тыс. красноармейцев, подавляющее большинство — от тифа и других инфекций.

³⁷ Коммерсантъ, 14 июня 2005 г.

³⁸ www.regnum.ru/news/434205.html

³⁹ Gazeta Wyborcza, 22.03.2005.

⁴⁰ Эхо Москвы, 18 июля 2005 г.

<http://echo.msk.ru/programs/personalno/37632/>

⁴¹ Литовкин В. Соломинка и бревно // РИА «Новости», 30 июня 2005 г.
<http://www.rian.ru/authors/20050630/40818591.html>.

⁴² Новая Польша, 2005, № 3. <http://www.novopol.ru/index.php?id=391>.

Опубликовано под псевдонимом «А.В. Владимирский»: 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2005.

КАК ПОДСЧИТАТЬ ПОТЕРИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Вопрос о том, сколько потеряло человечество в ходе крупнейшей войны в истории вообще и сколько именно потеряли страны, понесшие наибольшие абсолютные потери, остается актуальным и сегодня, через 60 лет после окончания Второй мировой войны. Эта сложнейшая задача не решена до сих пор. Более того, сейчас уже ясно, что для всех стран-участниц суммарно ее нельзя решить с точностью, превышающей плюс-минус 10 млн. Так что цифра, которую я приведу в итоге своих расчетов, неизбежно будет условной, но повысить ее точность ни сейчас, ни в будущем практически невозможно.

Начну с той страны, потери которой нельзя оценить даже приблизительно. Это Китай. Он вел войну с Японией с 1937 г. вплоть до японской капитуляции. И оценить, сколько солдат и мирных жителей погибло в это время от голода и эпидемий, в принципе невозможно. Первая перепись населения в Китае прошла только в 1950 г., а массовая смертность от голода и эпидемий была характерна для Китая и в довоенные годы, тем более что в 20—30-е гг. страна была охвачена гражданской войной. Не существует ни демографической статистики, ни сколько-нибудь надежной статистики потерь китайских правительственных войск и коммунистических партизан Мао Цзэдуна в борьбе против японцев.

Почему победила Красная Армия?

В то же время потери японских войск в Китае в 1937—1942 гг. были сравнительно невелики и составили 641 тыс. человек убитыми. В 1942 г. активность боевых действий в Китае снизилась, и потери японцев упали по сравнению с 1941 г. вдвое. Если в 1943—1945 гг. уровень потерь Японии в Китае остался на уровне 1942 г., то японцы должны были потерять еще около 150 тыс. солдат, а общие потери японской армии в Китае в 1937—1945 гг. могли составить около 800 тыс. погибших. Китайские войска, по официальным данным правительства Чан Кай Ши, потеряли 1 млн 310 тыс. убитыми и 115 тыс. пропавшими без вести. Даже если принять, что все пропавшие без вести погибли и что японцы также несли потери в борьбе с коммунистическими партизанами, хотя и значительно меньшие, вряд ли китайцы потеряли всего в 1,6 раза больше солдат погибшими, чем их гораздо лучше вооруженный и обученный противник. Поэтому ближе к действительности кажется утверждение китайских властей, относящееся к сентябрю 1945 г., что в войне с Японией погибло 1,8 млн китайских солдат, а еще около 1,8 млн. были ранены или пропали без вести. Учитывая потери коммунистических партизан и умерших из числа пропавших без вести, общие безвозвратные потери китайских вооруженных сил наверняка превышали 2 млн человек¹*. Урланис, в частности, оценивает число погибших китайских солдат в 2,5 млн человек², но, возможно, и эта цифра занижена. Что же касается данных о потерях мирного китайского населения, то они носят чисто условный характер. Так, В. Эрлихман оценивает их в 7,2 млн человек, а к 2,5 млн. погибших военнослужащих добавляет еще 300 тыс. умерших в плену, очевидно, чтобы общая цифра потерь достигла 10 млн, хотя нет достоверных данных ни об общем числе китайских пленных, ни о том, сколько именно их погибло³. Есть и более низкие оценки. В. Петрович общие потери Китая определяет в 5 млн человек⁴. Очевидно, здесь потери мирного населения просто взяты в размере потерь армии. Ясно, что в случае с Китаем потери мирного населения не

могли быть меньше потерь армии, хотя число мирных граждан, убитых японской армией, китайские источники, вероятно, преувеличивают. Например, насчет резни, устроенной японскими войсками при взятии Нанкина в декабре 1937 г., китайцы говорят о сотнях тысяч убитых (называют цифры в 220 и 300 тыс. человек), а японцы — лишь о нескольких тысячах. Здесь истина скорее ближе к меньшим цифрам, поскольку сторона, пострадавшая от резни, обычно любит приводить внушительные круглые цифры, хотя никакой реальной статистики по горячим следам не велось, а оценки по демографическим показателям в тогдашних китайских условиях были невозможны. Но в целом китайские потери, главным образом за счет мирного населения, могут составлять даже не миллионы, а десятки миллионов, однако установить их истинную величину не представляется возможным из-за отсутствия соответствующих данных и методов. Условно для общих подсчетов я беру цифру в 5 млн китайских потерь, сознавая, что они могут быть гораздо выше и превысить потери Германии.

Весьма противоречивые данные существуют о потерях Японии. Официальные данные о потерях армии и флота в 470 тыс. погибших представляются сильно заниженными. Больше доверия вызывает послевоенная оценка совета по экономической стабилизации Японии в 1 млн 555 тыс. погибших. Правда, не вполне понятно, входят ли сюда потери в войне с Китаем. По американской же оценке, японцы понесли потери в 1 млн. 219 тыс. погибших и умерших от ран, в том числе 126 тыс. — в Китае в период 1942—1945 гг., а также в 41 тыс. пленных. Эти данные коррелируют с собственно японскими данными, согласно которым в 1942 г. в Китае погибли 53 тыс. японцев. Если добавить к американским данным 588 тыс. человек (убитые в Китае в 1937—1941 гг.), то общее число погибших достигнет 1 млн 807 тыс. человек³. Если добавить сюда не менее 55 тыс. японцев, погибших в советском плену, а также неизвестное число погибших в плену у западных союзников, равно как и число умерших от

болезней, японские военные потери наверняка превысят 2 млн. Б. Урланис оценивает потери японских вооруженных сил в 2 млн человек, включая потери в Китае⁶, а В. Эрлихман — в 1940 тыс., включая 120 тыс. умерших в плену, а в войне с Китаем в 1937—1941 гг. — в 588 тыс. человек. Мне более близкой к действительности кажется цифра в 2 млн погибших. Потери гражданского населения Японии он оценивает в 690 тыс. человек. Еще примерно 70 тыс. японцев погибли в 1945 г. во время депортации из ряда азиатских стран или стали жертвами расправы со стороны местного населения⁷. Их также можно включить в потери Японии в войне. Тогда их общий размер можно оценить в 2 млн человек, из которых 760 тыс. — потери гражданского населения. Не исключено, что в действительности за счет избыточной смертности в войну число жертв среди гражданского населения было больше.

США, Англия и Франция, державы-победительницы, понесли сравнительно небольшие потери, которые после войны оказалось возможным достаточно точно подсчитать. Потери армии США составили 407,3 тыс. погибших⁸. Потерь мирного населения в США почти не было, так как на американской территории не велось боевых действий. Они оцениваются в 5 тыс. человек — это моряки торгового флота и гражданские пассажиры судов, потопленных германскими подлодками⁹. Потери британской армии и флота, включая служивших в ней представителей доминионов и колоний, составили 429,5 тыс. погибших, из которых 286,2 тыс. пришлось на Англию, 23,4—на Австралию, 11,6 тыс. — на Новую Зеландию, 39,3 тыс. — на Канаду, 8,7 тыс. — на Южно-Африканский Союз, 36,3 тыс. — на Индию, 22 тыс. — на Бирму, 2 тыс. — на Египет¹⁰. Потери мирного населения Великобритании составили около 94 тыс. человек — жертвы бомбардировок и атак подводных лодок. Значительные потери понесло население ряда британских колоний в Азии, где война обострила обычный для них массовый голод. В Индии, по некоторым оценкам, от голода 1943—1945 гг.

погибли до 1,5 млн человек, на Цейлоне — 70 тыс., в голландской Индонезии — около 2 млн., во Вьетнаме — тоже до 2 млн, тогда как в Лаосе и Камбодже вместе погибли не более 50 тыс. человек¹¹. В Бирме жертвами голода и японских репрессий стали более 1 млн. человек, в Малайзии, включая Сингапур, — 600 тыс., а на Филиппинах — до 1 млн, из которых только 42 тыс. приходится на военных и партизан¹². Единственный же японский союзник в Азии Сиам (Таиланд) потерял 2 тыс. погибших солдат, около 3 тыс. анти-японских партизан; и еще до 120 тыс. тайландцев погибли на строительстве стратегической железной дороги в Бирме¹³. В японской колонии Корее в рядах японской армии погибли 10 тыс. человек, а еще 70 тыс. мирных жителей стали жертвами голода и репрессий¹⁴. Все эти цифры, как и цифры в отношении Китая, условны, точный подсчет тут невозможен. Таким образом, в странах Азии, кроме Японии и Китая, в годы Второй мировой войны погибли, главным образом от голода, около 8,5 млн человек. С прибавлением же потерь Китая и Японии суммарные потери стран Азии возрастут до 21 млн. человек, что, кстати сказать, превышает суммарные потери всех европейских стран, исключая СССР, а также США и британских доминионов. Но в потерях Азии на мирное население, ставшее прежде всего жертвой традиционного для этой части света массового голода, падает 75% всех потерь.

Посмотрим, каковы были потери всех европейских стран, кроме СССР. Франция потеряла 233 тыс. военнослужащих, в том числе 47 тыс. погибшими в плену. Кроме того, погибли около 20 тыс. участников партизанского движения, чьи потери логичнее отнести к потерям военнослужащих. Потери же мирного населения составили около 442 тыс. человек, из которых до 30 тыс. приходится на казненных по суду или убитых без суда коллаборационистов¹⁵.

Потери Бельгии составили около 10 тыс. военнослужащих, в том числе 1,8 тыс. — в рядах германской армии, 2,6 тыс. партизан и около 65 тыс. мирных жителей¹⁶, потери Голлан-

Почему победила Красная Армия?

дии — 16,8 тыс. военнослужащих, в том числе 3,7 тыс. — на стороне немцев, 21,5 тыс. партизан и подпольщиков и 182 тыс. мирных жителей¹⁷. В рядах немецкой армии погибли 2,2 тыс. люксембуржцев, потери же мирных жителей Люксембурга составили около 2 тыс. человек¹⁸. Также около 2 тыс. человек мирных граждан потеряла Мальта — от германо-итальянских бомбардировок¹⁹. Норвегия потеряла 2,8 тыс. солдат, в том числе 700 человек — в рядах германской армии. Кроме того, погибли около 5 тыс. участников норвежского движения Сопротивления и около 2 тыс. мирных жителей²⁰. В Дании потери составили 300 с небольшим солдат, служивших в войсках СС, и 15 тыс. мирных жителей²¹. Испанская «Голубая дивизия», сражавшаяся на Восточном фронте как 250-я дивизия вермахта, потеряла, по некоторым оценкам, около 15 тыс. человек²². В Чехословакии 4570 человек погибли, сражаясь в рядах Красной Армии, а 3220 — в войсках западных союзников. Кроме того, примерно 5 тыс. чехов погибли в составе вермахта, а 7 тыс. словаков — в рядах союзной Германии словацкой армии. Еще 4 тыс. чехов и словаков умерли в советском плену. Жертвы среди чешских и словацких партизан и участников восстания в Праге достигали 10 тыс. человек, а потери мирного населения — 385 тыс. человек²³.

Значительно большие потери понесли балканские страны Антигитлеровской коалиции и Польша. Это определялось двумя факторами — тем, что в Польше проходило в основном, наряду с оккупированными советскими территориями и союзными Германии Венгрией и Румынией, «окончательное решение еврейского вопроса», и сильным партизанским движением (в Польше и в странах Балканского полуострова). Потери Польши составили около 6 млн человек, в том числе 2 млн 920 тыс. евреев, уничтоженных в ходе холокоста. Из этого числа на потери польской армии в 1939 г. приходится 66,3 тыс. человек. На Восточном фронте на стороне Красной Армии погибли 24,7 тыс. поляков, а на стороне западных союзников — 3,8 тыс. Кроме того, примерно 120 тыс. по-

ляков погибли в немецком плену, а 130 тыс. — в советском. Число жертв партизанского движения в Польше оценивается в 60 тыс. человек. Остальные 5,6 млн погибших приходятся на мирное население. Не исключено, что эти потери завышены в силу двойного счета жертв евреев Восточной Польши, которая в 1939 г. была оккупирована Советским Союзом. Не исключено, что эти жертвы включены как в потери Польши, так и в потери СССР. Также вполне вероятно, что завышено количество мирных жителей — в частности, вызывает сомнения цифра 120 тыс. мирных варшавян, погибших во время Варшавского восстания, равно как и число в 40 тыс. бойцов Армии Крайовой, павших в этих боях²⁴. Более реалистической представляется цифра в 40 тыс. погибших варшавян²⁵. Вообще жертвы среди мирного населения, как правило, заявлялись в первые послевоенные годы без сколько-нибудь тщательных статистических подсчетов, и, вполне возможно, данные о них содержали пропагандистское преувеличение, так что не исключено, что за счет мирного населения традиционная цифра потерь Польши в 6 млн человек преувеличена на 1—2 млн.

Потери Югославии во Второй мировой войне во времена Тито официально оценивались в 1 млн. 706 тыс. погибших и умерших от голода и болезней. Сейчас исследователи склоняются к значительно меньшей цифре в 1 млн 27 тыс. человек, в том числе 20 тыс. военнослужащих, погибших во время германского вторжения в апреле 1941 г., 16 тыс. хорватских солдат, погибших в боях против Красной Армии на Восточном фронте и в сражениях с партизанами Тито и четниками Михайловича; 22 тыс. югославских солдат умерли в немецком плену, 1,5 тыс. хорватских солдат — в советском. Партизан Тито, по немецким оценкам, погибло примерно 220 тыс. (сам Тито говорил о 300 тыс. погибших). Потери среди мирного населения определяются в 770 тыс. человек, из которых жертвами военных действий в 1941 г. стали только 20 тыс. человек, а еще 70 тыс. умерли от голода и болезней. Число казненных и умерших в лагерях и тюрьмах оце-

Почему победила Красная Армия?

нивается в 650 тыс. человек. Фактически в это число входят и жертвы хорватских, четнических, боснийских и албанских коллаборационистских формирований, боровшихся с партизанами Тито. Число же жертв террора, развязанного партизанами Тито в 1944—1945 гг., главным образом в мае — июне 45-го, оценивается в 335 тыс. человек, что увеличивает общее число жертв войны в Югославии до 1 млн 362 тыс. человек²⁶.

В Греции армия в ходе боевых действий против Италии и Германии потеряла 20 тыс. погибшими, и еще 10 тыс. умерли в плену. Потери партизан составили 30 тыс., еще 6 тыс. погибли в ходе гражданской войны 1944—1945 гг. между коммунистами и роялистами, которых поддержали английские войска. Потери мирных жителей Греции сегодня оцениваются в 375 тыс. человек, из которых 210 тыс. умерли от голода и болезней²⁷. Наконец, Албания потеряла примерно 20 тыс. партизан в борьбе против итальянских и немецких войск, а жертвами карателей и голода стали еще 35 тыс. мирных жителей. Кроме того, в ходе гражданской войны 1944 — 1945 гг. погибли около 1 тыс. человек и еще несколько тыс. человек были казнены²⁸.

Немалые потери понесли и европейские союзники Германии. Италия потеряла убитыми и умершими от ран и в плену 304 тыс. военнослужащих. Из 74 тыс. погибших в плену 28 тыс. умерли в советских лагерях, 40 тыс. — в немецких и 6 тыс. — в англо-американских. Потери итальянских партизан оцениваются в 71 тыс. человек. Также около 105 тыс. мирных жителей стали жертвами войны, а примерно 50 тыс. коллаборационистов были уничтожены победителями в 1944—1945 гг.²⁹.

Потери армии Венгрии в войне составили 195 тыс. погибшими и умершими в плену, потери мирного населения — до 330 тыс. человек, среди которых 170 тыс. евреев³⁰. Потери вооруженных сил Румынии достигли 550 тыс. человек, в том числе 170 тыс. погибли в боях против немецких войск, 55 тыс. умерли в советском, а 15 тыс. — в немецком

плону. Потери мирного населения достигли 580 тыс. человек, из них 450 тыс. евреев³¹. Финская армия потеряла 67,4 тыс. человек, из которых 403 человека умерли в советском плену, а примерно 1 тыс. погибла в боях с немцами в 1944—1945 гг. Потери мирного населения Финляндии оцениваются от 1 до 3,5 тыс. человек, в основном от бомбардировок советской авиации³².

Значительно больше были потери самой Германии. Безвозвратные потери вермахта вплоть до ноября 1944 г. достаточно полно учтены по данным персонального (поименного) учета. В период с 1 сентября 1939 г. по 31 декабря 1944 г. сухопутные силы потеряли убитыми на поле боя, а также умершими от ран, болезней, несчастных случаев и по иным причинам 1 млн 750,3 тыс. человек, а пропавшими без вести — 1 млн 609,7 тыс. человек. Флот за этот же период потерял 60 тыс. человек погибшими и 100,3 тыс. человек пропавшими без вести, а военно-воздушные силы — 155 тыс. погибшими и 148,5 тыс. пропавшими без вести. Потери за период с 1 января по 30 апреля 1945 г. центральными органами учета оценивались для сухопутных сил в 250 тыс. погибших и 1 млн пропавших без вести и для ВМФ — в 5 тыс. погибших и 5 тыс. пропавших без вести, и для ВВС — в 10 тыс. погибших и 7 тыс. пропавших без вести³³. По характеру расчетов все пропавшие без вести в сухопутных силах в период с 1 января по 30 апреля 1945 г. могут быть отнесены к числу плененных. Также и большинство пропавших без вести за этот период в ВМФ и ВВС можно считать пленными. С учетом данных о количестве плененных на разных фронтах число погибших в германских сухопутных силах с начала войны и до конца 1944 г. я оцениваю в 2 млн 496 тыс. человек. Общее число погибших в составе германских вооруженных сил, включая люфтваффе и ВМФ, можно оценить в 4 млн человек, из них около 0,8 млн. умерших в плену, в том числе 0,45—0,5 млн — в СССР и 0,3—0,35 млн — на Западе (всего примерно 11 млн плененных, в том числе 8 млн — на Западе)³⁴. Из этого числа, по моей оценке, на Востоке погибло около

Почему победила Красная Армия?

2,6 млн германских военнослужащих, из которых около 100 тыс. пришлось на люфтваффе и флот³⁵. Таким образом, следует подчеркнуть, что безвозвратные потери Красной Армии превосходят безвозвратные потери германских вооруженных сил примерно в 10,3 раза. Если же учесть потери германских союзников на Восточном фронте, то соотношение уменьшится до 8 : 1.

Существуют и более высокие оценки потерь вермахта, но они представляются мне завышенными. Германский военный историк Р. Оверманнс оценивает потери германских вооруженных сил во Второй мировой войне в 5,3 млн погибших, включая умерших в плену³⁶. Это примерно на 1,3 млн больше, чем по ранее существовавшим оценкам, сделанным, в частности, Б. Мюллером-Гиллебрандом, генералом, во время войны как раз и отвечавшим за учет личного состава. Однако данные Оверманнса вызывают большие сомнения. Во-первых, по его подсчетам получается, что в последние 10 месяцев войны погибло почти столько же германских военнослужащих, сколько за предшествовавшие четыре с половиной года. Только за последние три месяца войны, как полагает немецкий исследователь, погибли, с учетом умерших в плену, около миллиона германских военнослужащих. Однако известно, что в последний год войны основные потери вермахт нес пленными, а не убитыми или ранеными, причем численность германской армии неуклонно сокращалась, так что для миллионов погибших просто не остается места. Да и количество умерших в плену, особенно на Западе, где подавляющее большинство были отпущены в течение двух лет, не могло быть столь велико. Скорее всего, Оверманнс подвел метод подсчета. Он пользовался картошкой военнослужащих вермахта, которая хранилась в Западной Германии до объединения двух германских государств в 1990 г. Поскольку после капитуляции почти все германские военнослужащие попали в плен, то как выжившие фиксировались только те военнослужащие, которые после войны сами обратились в архив (или это сделали их родст-

венники, подтвердившие их возвращение из плена). И далеко не всегда сотрудники архива могли с уверенностью установить гибель военнослужащего в плену, особенно в отношении граждан ГДР и Австрии: значительная часть этих людей не имела реальной возможности обратиться в западногерманский военный архив, а значит, факт их возвращения из плена не мог отразиться в картотеке. Такой возможности, очевидно, были лишены и большинство иностранцев, служивших в немецкой армии и СС и благополучно переживших плен. Вероятно, за счет этих категорий вернувшихся из плена и образовалось более миллиона мнимых погибших.

Еще большую трудность представляет собой определение потерь мирного немецкого населения. Например, число погибших в результате бомбардировки Дрездена союзной авиацией в феврале 1945 г. колеблется от 25 тыс. до 250 тыс. человек³⁷, поскольку в городе находилось значительное, но неустановленное число беженцев из Западной Германии, число которых было невозможно подсчитать. Жертвами воздушных налетов в границах рейха 1937 г. стали, по официальным данным, 410 тыс. гражданских лиц и еще 23 тыс. полицейских и вольнонаемных служащих вооруженных сил. Кроме того, от бомбардировок погибли 160 тыс. иностранцев, военнопленных и перемещенных лиц с оккупированных территорий. В границах же 1942 г. (но без протектората Богемия и Моравия) число жертв воздушных налетов увеличивается до 635 тыс. человек, а с учетом жертв вольнонаемных служащих вермахта и полицейских — до 658 тыс. человек³⁸. Потери немецкого гражданского населения от наземных боевых действий оцениваются в 400 тыс. человек, потери гражданского населения Австрии — в 17 тыс. человек. Жертвами нацистского террора в Германии стали 450 тыс. человек, в том числе до 160 тыс. евреев, а в Австрии — 100 тыс. человек, в том числе 60 тыс. евреев; и еще 250 тыс. — избыточная смертность от голода и болезней³⁹. Сложнее определить, сколько погибло немцев, депортированных из Судет, Прус-

сии, Померании, Силезии, а также из балканских стран в 1945—1946 гг. Всего было выселено более 9 млн немцев, в том числе по 250 тыс. из Румынии и Венгрии и 300 тыс. из Югославии. Число погибших среди них оценивается в 350 тыс. человек. Кроме того, в зонах оккупации Германии, главным образом в советской, после войны были казнены до 20 тыс. военных преступников и нацистских функционеров, а еще 70 тыс. интернированных умерли в лагерях⁴⁰. В Австрии были казнены союзниками и умерли в лагерях для интернированных 1,1 тыс. человек⁴¹. Существуют и другие оценки жертв гражданского населения Германии: около 2 млн жертв, в том числе 600—700 тыс. женщин в возрасте от 20 до 55 лет⁴², 300 тыс. жертв нацистского террора, в том числе 170 тыс. евреев⁴³. Наиболее же достоверной оценкой погибших среди изгнанных немцев представляется цифра в 473 тыс. человек — это число людей, чья гибель подтверждена очевидцами⁴⁴. Необходимо подчеркнуть, что в послевоенные годы претерпели изменения границы и произошли значительные перемещения населения, так что проверить потери Германии, сопоставляя довоенную и послевоенную численность ее населения, на практике не представляется возможным.

Общие потери Германии и Австрии во Второй мировой войне можно оценить в 6,3 млн человек, если брать более высокие оценки. Не исключено, что эта цифра может оказаться больше на 1—1,5 млн человек, если принять более высокую оценку потерь германской армии в 4,77 млн человек (включая сюда и служивших в вермахте австрийцев)⁴⁵, а также более высоких потерь гражданского населения в ходе наземных боевых действий и жертв среди изгнанных. Потери же всех стран Европы, кроме СССР, во Второй мировой войне можно оценить в 18,1 млн погибших, включая сюда также потери США и британских доминионов: Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза. Получается, что потери всех европейских стран и близких им по культуре и цивилизации стран на других континентах, но с исключением потерь Советского Союза, почти не отли-

чаются от потерь стран Азии. Только в Азии на потери вооруженных сил пришлось лишь 25% жертв, а в Европе более 7 млн погибших военнослужащих составили 39% всех жертв.

Но самые большие потери в войне понес Советский Союз. Поскольку они на порядок превышают потери любой другой страны-участницы, а также из-за крайне плохого учета определение истинных потерь СССР в Великой Отечественной войне представляет собой особо трудную задачу. Она должна быть решена несколькими альтернативными методами подсчета, потому что документированные и учтенные в ходе войны потери составляют значительно менее половины от их истинного числа.

Согласно официальным данным, обнародованным только в 1993 г., советские военные потери в 1941—1945 гг. составили 8 668 400 военнослужащих (в том числе — пограничных и внутренних войск), погибших на поле боя или умерших от ран, болезней, несчастных случаев и в плену, а также казненных по приговорам трибуналов и оставшихся на Западе после освобождения из плена. Из этого числа в войне против Японии погибли и пропали без вести (вместе с умершими от ран и несчастных случаев, а также по болезни) всего лишь 12 031 человек⁴⁶.

Однако то, что данные книги «Гриф секретности снят» многократно занижают истинный размер советских военных потерь, доказывает следующий пример, взятый из нее самой. 5 июля 1943 г., к началу Курского сражения, войска Центрального фронта насчитывали 738 тыс. человек и в ходе оборонительной фазы сражения с 5 до 11 июля понесли потери (санитарные и безвозвратные) в 33 897 человек. За неделю оборонительных боев состав Центрального фронта практически не изменился: добавилась одна отдельная танковая бригада и убыли две стрелковые бригады, что в итоге могло уменьшить численность войск фронта не более чем на 5—7 тыс. человек⁴⁷. Согласно всем законам математики к 12 июля, началу наступления, войска фронта должны были иметь в своем составе 704 тыс. человек, однако авторы кни-

ги «Гриф секретности снят» свидетельствуют, что 12 июля Центральный фронт насчитывал всего 645 300 человек. Получается, что как минимум 55 тыс. красноармейцев за неделю стали разысканными дезертирами в беслесных курских степях. Характерно, что данный случай — единственный, когда сведения книги «Гриф секретности снят» поддаются проверке, и при этом ошибка оказывается столь велика, что полностью подрывает доверие к официальной цифре потерь.

В Красной Армии учет потерь был поставлен из рук вон плохо. Рядовой и сержантский состав после финской войны был лишен удостоверений личности — красноармейских книжек. Правда, приказ наркома обороны о введении «Положения о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время» появился 15 марта 1941 г. Этот приказ вводил для военнослужащих медальоны с основными сведениями о владельце. Но до войск Южного фронта, например, этот приказ был доведен лишь в декабре 1941 г. Еще в начале 1942 г. многие военнослужащие на фронте не имели медальонов, а приказом наркома обороны от 17 ноября 1942 г. медальоны вообще были отменены, что еще больше запутало учет потерь, хотя такая отмена диктовалась исключительно стремлением не угнетать военнослужащих думами о возможной смерти (многие вообще отказывались брать медальоны). Красноармейские книжки ввели 7 октября 1941 г., но еще в начале 1942 г. красноармейцы не были ими полностью обеспечены. В приказе заместителя наркома обороны от 12 апреля 1942 г. говорилось: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях (так в документе. — Б. С.) получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не

более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины». И в дальнейшем положение с учетом личного состава и потерь не претерпело существенных изменений. Приказ наркома обороны от 7 марта 1945 г., за два месяца до конца войны с Германией, констатировал, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» этому вопросу⁴⁸.

Поэтому необходимы иные методы подсчета. За основу расчета я беру опубликованные Д. Волкогоновым данные о безвозвратных потерях Красной Армии по месяцам 1942 г.⁴⁹. Кроме того, имеется помесечная разбивка потерь Красной Армии ранеными (пораженными в боях) за период с июля 1941 по апрель 1945 г., выраженная в процентах от среднемесячного уровня за войну⁵⁰. Замечу, что, вопреки распространенному мнению, помесечная динамика потерь ранеными свидетельствует, что в последние год-два войны потери Красной Армии отнюдь не уменьшились. Потери ранеными достигли максимума в июле и августе 1943 г., составив 143% и 172% от среднемесячного числа. Следующий же по величине максимум приходится на июль и август 1944 г., достигая соответственно 132% и 140%. Потери же в марте и апреле 1945 г. были лишь немногим меньше, составив 122% и 118%. Выше этот показатель был только в августе 42-го, в октябре 43-го и в январе и сентябре 44-го (по 130%), а также в сентябре 43-го (137%).

Можно попытаться оценить общее число погибших, принимая число убитых в бою примерно прямо пропорциональным числу раненых. Остается определить, когда учет безвозвратных потерь был наиболее полон и когда почти все безвозвратные потери приходилось на погибших, а не на пленных. По ряду соображений в качестве такого месяца был выбран ноябрь, когда Красная Армия почти не понесла потерь пленными, а линия фронта была стабильна вплоть до 19-го числа. Тогда на 413 тыс. убитых и умерших будет приходиться показатель в 83% пораженных в боях, т.е. на 1%

Почему победила Красная Армия?

среднемесячного числа пораженных в боях приходится приблизительно 5,0 тыс. убитых и умерших от ран и болезней. Если же принять за базовые показатели января, февраля, марта или апреля, то там соотношение, после исключения примерного числа пленных, будет еще большим — от 5,1 до 5,5 тыс. погибших на 1% от среднемесячного числа пораженных в боях. Тогда общее число погибших в боях, а также умерших от ран можно оценить, умножив 5 тыс. человек на 4656 (сумма, в процентах от среднемесячного, потерь ранеными за войну, с учетом потерь июня 41-го и мая 45-го) в 23,28 млн. человек. Отсюда надо вычесть 940 тыс. вернувшихся к своим окруженцев из числа пропавших без вести⁵¹. Останется 22,34 млн человек. Я предполагаю, что в приведенных Д. Волкогоновым данных к безвозвратным не отнесены небоевые потери, т.е. бойцы, умершие от болезней, несчастных случаев, самоубийств, расстрелянные по приговорам трибуналов и погибшие по иным причинам (кроме умерших в плену). По последней оценке авторов книги «Гриф секретности снят», небоевые потери Красной Армии составили 555,5 тыс. человек⁵². Тогда общие безвозвратные потери советских вооруженных сил (без умерших в плену) можно оценить в 22,9 млн человек. Если же в волкогоновские цифры небоевые потери включены, то безвозвратные потери Красной Армии можно оценить в 22, 34 млн погибших.

Для получения итоговой цифры военных потерь необходимо также оценить количество советских военнопленных, умерших в плену. По итоговым немецким документам, на Восточном фронте было взято 5 млн. 754 тыс. военнопленных, в том числе в 1941 г. — 3 млн 355 тыс., при этом авторы документа, представленного западным союзникам в мае 45-го, оговаривались, что за 1944—1945 гг. учет пленных неполный. При этом число умерших в плену оценивалось в 3,3 млн человек⁵³. Однако я склонен присоединиться к более высокой оценке общего числа советских военнопленных 1941 года в 3,9 млн человек, содержащейся в немецких доку-

ментах начала 1942 г.⁵⁴. Несомненно, в это число вошли также примерно 200 тыс. пленных с оккупированных территорий, отпущенных из лагерей еще в 1941 г. С учетом этого, а также пленных, взятых союзниками Германии (так, например, Финляндия захватила 68 тыс. пленных, из которых умерли 19 276—около 30%)⁵⁵, общее число советских военнопленных я оцениваю в 6,3 млн человек. На Родину из германского (а также финского и румынского) плена вернулись 1 млн 836 тыс. человек, еще примерно 250 тыс., по оценке МИД СССР 1956 г., после войны остались на Западе⁵⁶. Общее число погибших в плену, добавляя сюда 19,7 тыс. красноармейцев, погибших в финском плену (из 64,2 тыс. всех захваченных)⁵⁷, я оцениваю примерно в 4 млн человек, учитывая тех окруженцев, кому удалось скрыть пребывание в плену. Это составляет 63,5% от общего числа пленных. Тогда общие потери советских вооруженных сил можно оценить в 26,3—26,9 млн человек.

Общие же потери — и военного, и гражданского населения СССР — я оцениваю в 43,3 млн человек, исходя из оценки ЦСУ, сделанной в начале 50-х годов, численности населения СССР в конце 1945 г. в 167 млн человек, и из оценки ЦСУ, сделанной в июне 41-го, населения СССР на начало 1941 г. в 198,7 млн человек. Принимая во внимание повторный пересчет, который успели сделать по двум регионам, это последнее число следует увеличить на 4,6%. Следовательно, численность советского населения к началу войны можно считать 209,3 млн человек⁵⁸. Тогда потери мирного населения можно оценить в 16,4—16,9 млн человек.

Есть возможность проверить полученную нами выше цифру в 26,9 млн погибших красноармейцев двумя альтернативными методами подсчетов. Первый из них заключается в следующем. Банк компьютерных данных музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе к маю 1994 г. содержал персональные поименные данные на 19 млн военнослужащих, погибших или пропавших без вести в ходе

Почему победила Красная Армия?

войны и до сих пор не обнаруженных. Сюда были включены не все погибшие, о чем свидетельствуют и неудачи десятков граждан, обратившихся в музей с запросами о судьбе своих без вести пропавших родных и близких. Практически невозможно поименно установить всех погибших через полвека после окончания войны. Примерно из 5 тыс. погибших советских военнослужащих, чьи останки были найдены в 1994—1995 гг. и чью личность удалось установить, около 30% не числились в архивах министерства обороны и не попали поэтому в компьютерный банк данных⁵⁹. Если предположить, что 19 млн попавших в этот банк составляют примерно 70% всех погибших и пропавших без вести, их общее число должно достигать 27,1 млн человек. Отсюда надо вычесть примерно 2 млн выживших пленных и примерно 900 тыс. вернувшихся к своим окруженцев. Тогда общее количество погибших солдат и офицеров можно исчислить в 24,2 млн. Однако данный подсчет сделан на основе тех 5 тыс. погибших, которых удалось идентифицировать по сохранившимся у них документам. Следовательно, у этих военнослужащих вероятность оказаться в списках министерства обороны выше, чем у среднестатистического убитого, поэтому, скорее всего, 19 млн охватывают в действительности не 70%, а меньший процент всех погибших. Из-за этого обстоятельства мы считаем более близкой истине цифру в 26,9 млн погибших в рядах советских вооруженных сил, полученную в результате наших предыдущих подсчетов.

Надо также учитывать, что нет никаких шансов сколько-нибудь точно подсчитать общее число лиц, служивших в Красной Армии в годы войны, поскольку в 1941—1944 гг. значительное число людей мобилизовывалось непосредственно в части и централизованного учета таких призывников не велось, равно как и сотен тысяч и даже миллионов ополченцев, погибших еще до зачисления в обычные части. Например, один только Южный фронт и только в сентябре 1943 г. призвал непосредственно в части 115 тыс. человек, большинство из которых прежде не служили в Красной Ар-

мии⁶⁰. Ясно, что за весь период войны общее количество призванных непосредственно в части исчисляется многими миллионами.

Есть еще один вариант подсчета советских военных потерь — по соотношению потерь офицеров Красной Армии и вермахта. Офицеров ведь считали точнее, и в СССР учет их безвозвратных потерь занял после войны много лет и завершился только в 1963 г. С июня 1941 по ноябрь 1944 г. безвозвратные потери офицеров германской сухопутной армии на Востоке составили 65,2 тыс. погибшими и пропавшими без вести. Красная Армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 784 тыс. офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. Это дает соотношение около 12 : 1⁶¹. В немецкой армии на Востоке доля безвозвратных потерь офицеров до конца 1944 г. составила около 2,7%⁶², т.е. практически совпадала с долей офицеров в безвозвратных потерях советских сухопутных сил. Например, за период 17—19 декабря 1941 г. в 323-й стрелковой дивизии потери начальствующего состава среди убитых и пропавших без вести составили 3,36%⁶³. Для 5-й гвардейской армии в период 9—17 июля 1943 г. соотношение потерь рядовых и офицеров составило 15,88 : 1, а с исключением политического и других «чиновничьих» составов — 18,38 : 1⁶⁴. Для 5-й гвардейской танковой армии соответствующие соотношения в период с 12 по 18 июля 1943 г. составят 9,64 : 1 и 11,22 : 1⁶⁵. Для 48-го стрелкового корпуса 69-й армии в период с 1 по 16 июля 1943 г. данные соотношения составят 17,17 : 1 и 19,88 : 1⁶⁶. Надо учитывать, что основные потери в живой силе в войну несли именно общевойсковые, а не танковые армии (в последних доля офицеров была значительно выше). Поэтому общее соотношение безвозвратных потерь офицеров и рядовых красноармейцев в целом будет гораздо ближе того, что было установлено мной для общевойсковых армий, чем для танковой. При этом

Почему победила Красная Армия?

надо учесть, что использованные советские донесения содержат недоучет безвозвратных потерь, причем в большей степени за счет рядовых, а не офицеров. Причем этот недоучет был очень значительным. Так, по донесениям, 183-я стрелковая дивизия 48-го стрелкового корпуса потеряла в указанный период 398 убитых и 908 раненых (пропавшие без вести не были учтены), причем для убитых соотношение солдат и офицеров было 25,5 : 1. Однако численность личного состава дивизии, даже без учета возможного пополнения, сократилась с начала боев и до 15 июля с 7981 человек до 2652, т.е. реальные потери составили не 1300, а 5329 солдат и офицеров⁶⁷. Очевидно, разница в 4029 человек образовалась главным образом за счет неучтенных пропавших без вести, среди которых наверняка солдаты резко преобладали над офицерами.

Для сравнения можно взять другие дивизии 48-го корпуса, относительно которых есть данные и по пропавшим без вести. У 93-й гвардейской стрелковой дивизии соотношение солдат и офицеров среди убитых было 18,08 : 1, а среди пропавших без вести — 12,74 : 1, у 81-й гвардейской соответственно — 12,96 : 1 и 16,81 : 1, у 89-й гвардейской — 7,15 : 1 и 32,37 : 1, у 375-й стрелковой — 67,33 : 1 и 31 : 1. В последнем случае столь большие цифры, очевидно, получились из-за малой величины безвозвратных потерь — 3 офицера и 233 рядовых, что повышает риск статистической погрешности. Замечу также, что в 375-й дивизии был огромный недоучет потерь. Ее численность сократилась за время боев с 8647 до 3526 человек, что дает реальные потери не в 236, а в 5121 человек. В тех случаях, когда среди пропавших без вести доля офицеров оказывается большей, чем среди убитых, это должно указывать на то, что здесь был огромный недоучет пропавших без вести солдат, так как судьбу офицеров обычно определяют точнее. Поэтому в случае с дивизиями, где офицеров среди пропавших без вести было больше, чем среди убитых, мы примем для пропавших без вести то же соотношение, какое было установлено для убитых, и исключим

из подсчета 375-ю дивизию. Замечу, кстати, что в приведенном выше донесении 323-й стрелковой дивизии за декабрь 1941 г., очевидно, достаточно полно подсчитаны пропавшие без вести. Для 183-й стрелковой дивизии мы условно определим число пропавших без вести в 4000 человек. В этом случае подсчеты для 48-го корпуса без одной дивизии дадут соотношение солдат и офицеров в безвозвратных потерях, равное 21,02 : 1. С исключением же политсостава, юридического и административного, соотношение станет равно 24,16. Интересно, что это практически равно соотношению, которое получается для немецкого объединения — III моторизованного (танкового) корпуса генерала Эберхарда Макензена, но за более длительный период времени. Этот корпус действовал на Восточном фронте в период с 22 июня 1941 г. по 13 ноября 1942 г. и за это время потерял погибшими и пропавшими без вести 14 404 человека, в том числе 564 офицера, что дает соотношение 24,54 солдат и унтер-офицеров — на одного офицера⁶⁸. Отмечу, что в немецком моторизованном корпусе доля танковых частей и подразделений была значительно меньше, чем в советской танковой армии, поэтому в соотношении в потерях солдат и офицеров он был ближе к армейским корпусам, чем советские танковые армии — к общевойсковым армиям. Кстати сказать, соотношение солдат и офицеров по немецкому корпусу оказывается ниже, чем по Восточной армии в целом. Разница, вероятно, возникла за счет того, что в корпусе все же была выше доля танковых частей, где доля офицеров была выше, чем в пехоте, а также то, что в корпусных донесениях не учитывались раненые и больные, умершие в госпиталях, среди которых доля офицеров была ниже, чем среди убитых и пропавших без вести. Кроме того, в корпусных донесениях наверняка был некоторый недоучет безвозвратных потерь, и в первую очередь за счет солдат.

Если принять итоговое соотношение между солдатами и офицерами в безвозвратных потерях, установленное мной для 48-го стрелкового корпуса в период Курской битвы,

Почему победила Красная Армия?

близким к среднему соотношению между солдатами и офицерами в безвозвратных потерях сухопутных сил Красной Армии за всю войну и распространить его на потери офицерского корпуса до конца ноября 1944 г. (т.е. на 784 тыс. погибших и не вернувшихся из плена офицеров), то общие потери сухопутных сил Красной Армии погибшими в период с июня 41-го по ноябрь 44-го можно оценить в 18 941 тыс. человек. Если добавить сюда потери сухопутных войск за последние полгода войны — вероятно, не менее 2 млн, и добавить сюда потери флота и авиации — не менее 200 тыс. человек, то получим около 21 млн погибших, что укладывается в пределы точности наших оценок, проведенных иными методами. С учетом же того, что в своей оценке мы имели дело с заведомо заниженными донесениями о потерях, причем заниженными в основном за счет солдат, то истинная величина потерь, по всей вероятности, должна быть больше, чем получилось по оценке, осуществленной по методу сопоставления офицерских потерь.

Поэтому наиболее близкой к истине в данный момент я принимаю цифру в 26,3—26,9 млн погибших солдат и офицеров Красной Армии. При этом необходимо сознавать, что точность этой цифры невелика, в пределах плюс-минус 5 млн, поэтому десятые миллиона в цифрах вполне условны и отражают лишь способы счисления. Однако шансов получить цифру большей точности, равно как и когда-нибудь похоронить всех погибших красноармейцев, просто нет. В то же время потери Красной Армии в целом посчитаны точнее, чем потери мирного населения и, соответственно, чем общие безвозвратные потери советского населения. Так что если в последующем общие потери СССР в результате тех или иных оценок будут уменьшены, то это произойдет главным образом за счет гражданских потерь.

Общее число мобилизованных, если верна моя оценка, также значительно превышает официальные данные об общем числе призванных на военную службу граждан СССР — 34 млн 476,7 тыс. человек (включая армию мирного време-

ни), из которых 3 млн 614,6 тыс. человек были переданы для работы в народном хозяйстве и в военные формирования других ведомств. При этом к 1 июля 1945 г. в Вооруженных Силах СССР осталось 11 млн 390,6 тыс. человек и, кроме того, 1 046 тыс. лечились в госпиталях⁶⁹. Если же исходить из числа погибших в 26,9 млн человек, то, с учетом инвалидов и лиц, демобилизованных для работы в промышленности, чистый призыв в Красную Армию можно оценить в 42,9 млн. человек. В Германии, включая армию мирного времени, общий призыв составил 17,9 млн человек. Из них примерно 2 млн. человек были отозваны обратно, в первую очередь для работы в промышленности, так что чистый призыв составил около 15,9 млн человек, или 19,7% от общей численности населения рейха в 80,6 млн человек в 1939 г. В СССР же доля чистого призыва могла достичь 20,5% от населения на середину 1941 г., оцениваемого в 209,3 млн. человек. Официальные данные о числе мобилизованных в Красную Армию были значительно занижены за счет призванных непосредственно в части.

В целом общая величина советских потерь оказывается большей, чем суммарные потери всех других государств, участвовавших в войне. Последние лишились около 38,95 млн человек, а вместе с советскими потерями потери всех стран во Второй мировой достигают 82,4 млн. человек, из которых на СССР приходится 52,6%. Интересно, что потери советского гражданского населения лишь незначительно — в 1,06 превышают потери гражданского населения Азии, но зато в 1,5 превосходят потери мирного населения всех европейских стран, вместе взятых. Что же касается безвозвратных потерь Красной Армии, то они значительно превышают суммарные потери как европейских (7,2 млн.), так и азиатских (5,3 млн) армий, превосходя их вместе взятые в 2,13 раза.

Практически все эти цифры хорошо демонстрируют, что Россия оставалась страной азиатской как в том плане, что во время войны власть не имела возможности, да и особого же-

лания заботиться о выживании мирного населения, так и в том, что победу могла одерживать, только неся потери, на порядок переходящие потери противника. Любопытно, что в японо-китайской войне, в которой китайцы в основном придерживались тактики малой, партизанской войны, соотношение потерь было в пользу Японии не более чем в 2,5 раза. Вероятно, если бы Красная Армия придерживалась в войне с Германией преимущественно оборонительного образа действий и больше внимания уделяла партизанской войне, соотношение потерь было бы гораздо благоприятнее для советской стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Урланис Б.* Войны и народонаселение Европы // М.: Соцэкгиз, 1960, с. 236—239.

² *Урланис Б.* Народонаселение. Исследования, публицистика // М.: Статистика, 1976, с. 203.

³ *Эрлихман В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник // М.: Русская панорама, 2004, с. 70.

⁴ *Петрович В.* Отечественная история XX — начала XXI в. Курс лекций для дистанционного обучения по учебнику авторского коллектива под руководством академика РАН А.О. Чубарьяна // <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200500109>

⁵ *Урланис Б.* Войны и народонаселение Европы, с. 237—239.

⁶ *Урланис Б.* Народонаселение, с. 203.

⁷ *Эрлихман В.* Потери народонаселения..., с. 81.

⁸ *The World Almanac and Book of Facts 1997* // Mahwah (NJ): World Almanac Books, 1996, p. 184.

⁹ *Эрлихман В.* Потери народонаселения..., с. 107—108.

¹⁰ *Урланис Б.* Войны и народонаселение Европы, с. 229; *Эрлихман В.* Потери народонаселения..., с. 133, 75.

¹¹ *Эрлихман В.* Потери народонаселения..., с. 62, 80, 63, 59, 68, 72.

¹² Там же, с. 74, 79.

¹³ Там же, с. 77—78.

¹⁴ Там же, с. 71.

¹⁵ Там же, с. 53.

¹⁶ Там же, с. 38.

¹⁷ Там же, с. 48.

¹⁸ Там же, с. 47.

¹⁹ Там же, с. 48.

²⁰ Там же, с. 48—49.

²¹ Там же, с. 44.

²² Там же, с. 46.

²³ Там же, с. 54.

²⁴ Там же, с. 49.

²⁵ Дурачинский Э. Варшавское восстание // Другая война 1939—1945 \\ М.: РГТУ, 1996.

²⁶ Эрлихман В. Потери народонаселения, с. 55—56.

²⁷ Там же, с. 43—44.

²⁸ Там же, с. 37—38.

²⁹ Там же, с. 46—47.

³⁰ Там же, с. 41. Из военных потерь исключены 40 тыс. будто бы погибших в небооруженных «трудовых батальонах», ибо эта цифра представляется значительно завышенной.

³¹ Там же, с. 51.

³² Там же, с. 52.

³³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Пер. с нем. Т. 3. \\ М., 1976, с. 338.

³⁴ Существует и более низкая оценка числа германских пленных, умерших в плену у западных союзников — 150 тыс. человек. См.: Эрлихман В. Потери народонаселения..., с. 42—43.

³⁵ Оценка по: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 323—344. Подробнее см.: Sokolov B. The Cost of War: Human Losses for the USSR and Germany, 1939—1945; Соколов Б. Тайны Второй мировой \\ М.: Вече, 2001, с. 247—250.

³⁶ См.: Overmanns R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. // Beiträge zur Militärgeschichte. Bd.46. Schriftenreihe des Militärischen Forschungsamtes. — Wien — München. R. Oldenbourg Verlag, 1999; а также рецензию на эту книгу: Полян П. Убойный блицкриг // Общая газета, 2001, 22 июня; и публикацию фрагмента этой книги на русском языке: Оверманнс. Человеческие жертвы Второй мировой войны в Германии // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований \\ М.: Весь мир, 1996. Новые исследования немецких историков.

³⁷ Итоги Второй мировой войны \\ М.: Издательский центр «Весь мир», 1957, с. 228.

³⁸ Беккер К. Военные дневники люфтваффе \\ М.: Центрполиграф, 2004, с. 538.

³⁹ Эрлихман В. Потери народонаселения..., с. 36—27, 42—43.

⁴⁰ Там же, с. 42—43.

⁴¹ Там же, с. 37.

⁴² Урланис Б. Войны и народонаселение Европы, с. 205.

⁴³ Итоги Второй мировой войны \\ М.: Издательский центр «Весь мир», 1957, с. 598.

⁴⁴ Оверманнс Р. Человеческие жертвы..., с. 692.

⁴⁵ Урланис Б. Народонаселение, с. 203.

⁴⁶ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под ред. Г. Кривошеева \\ М.: Воениздат, 1993. С. 129, 132. Во втором издании этой книги цифры остались прежними (Россия и СССР в войнах XX века. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 236).

⁴⁷ Гриф секретности снят, с. 188—189.

Почему победила Красная Армия?

⁴⁸ «Вопросы истории», 1990. № 6, с. 185—187; «Военно-исторический журнал», 1990. № 6, с. 185—187; «Военно-исторический журнал», 1990, № 4, с. 4—5; «Военно-исторический журнал», 1992. № 9, с. 28—31.

⁴⁹ *Волкогонов Д.* Мы победили вопреки бесчеловечной системе // Известия. 1993, 8 мая, с. 5.

⁵⁰ *Смирнов Е.* Война и военная медицина. 2-е изд. \\ М.: Медицина, 1979, с. 188.

⁵¹ Гриф секретности снят, с. 129.

⁵² Россия и СССР в войнах XX века, с. 237.

⁵³ *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941—1945 \\ L. — N. Y., 1957, p. 427.

⁵⁴ «Вопросы истории», 1989. № 3, с. 37; Нюрнбергский процесс: в 7 тт. Т. 3 \\ М., 1960, с. 29—30.

⁵⁵ *Оз А.* По лесам и лагерям Суоми (в финском плену) \\ «Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, № 30.

⁵⁶ *Гареев М.* О мифах старых и новых \\ «Военно-исторический журнал», 1991, № 4, с. 47.

⁵⁷ См.: *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941—1944 \\ «Север», Петрозаводск, 1990, № 12.

⁵⁸ *Кожурин В.* О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны \\ «Военно-исторический журнал», 1991, № 2, с. 23—26. Подробнее методику подсчетов потерь как армии, так и гражданского населения см.: *Sokolov B.* The Cost of War: Human Losses for the USSR and Germany, 1939—1945 \\ The Journal of Slavic Military Studies (JSMS), vol. 9, № 1, March 1996; *Соколов Б.* Тайны Второй мировой \\ М.: Вече, 2001, с. 219—272.

⁵⁹ Сообщено *С. Д. Митягиным.*

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 29, лл. 75—77.

⁶¹ Подсчет по: *Мюллер-Гиллебранд Буркхарт.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945. Т. 3. \\ М.: Воениздат, 1976, с. 354—409; *Шабаев А.* Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне \\ Военно-исторический архив. Вып. 3. М., 1998, с. 173—189; Россия и СССР в войнах XX века \\ М.: Олма-Пресс, 2001, с. 430—436.

⁶² *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3, с. 342—343.

⁶³ Скрытая правда войны: 1941 год / Под ред. Павла Н. Кнышевского \\ М.: Русская книга, 1992, с. 222.

⁶⁴ ЦАМО РФ, ф. 5 гв. А, оп. 4855, д. 20, л. 4 (Цит. по: *Лопуховский Л.* Прохоровка — без грифа секретности // Военно-исторический архив, 2004, № 2, с. 73).

⁶⁵ Там же, с. 72. (ЦАМО РФ, ф. 5 гв. Т. А, оп. 4952, д. 7, л. 3).

⁶⁶ ЦАМО РФ, ф. 69 А, оп. 10753, д. 442, л. 24.

⁶⁷ *Замулин В., Лопуховский Л.* Прохоровское сражение. Мифы и реальность // Военно-исторический архив, 2003, № 3, с. 101.

⁶⁸ Подсчитано по: *Макензен Э.* От Буга до Кавказа (III танковый корпус в кампании против Советской России в 1941—1942 гг.) \\ М.: АСТ, 2004.

⁶⁹ Гриф секретности снят, с. 139, 141.

Опубликовано: Континент, 2006, № 128

<http://magazines.russ.ru/continent/2006/128/so10.html>

59-я АРМИЯ ГЛАЗАМИ ОСОБИСТОВ

Сов. секретно.

Члену Государственного Комитета Обороны Союза ССР товарищу Маленкову Георгию Максимилиановичу от начальника Особого Отдела НКВД Волховского фронта майора госбезопасности Мельникова (резолуция Суханова: «Ознакомлен 12.III.42 г.»).

59 армия в составе 366, 372, 374 и 382 стрелковых дивизий формировалась в СибВО. Окончательное ее укомплектование и оснащение должно было закончиться в пути и при подходе к фронту.

Оперативные перевозки войск с места формирования армии были спланированы так, что все тыловые органы, питающие армию, отправлялись последними эшелонами. В силу чего основные войсковые соединения армии прибыли на фронт значительно раньше своих тылов. Таким образом, основные соединения оторвались от баз снабжения. В результате неправильная планировка перевозок привела к тому, что в частях армии стал остро ощущаться недостаток продовольствия, фуража, отсутствовали боеприпасы и в некоторых материальная часть.

Приказом Военного Совета Волховского фронта 20 декабря 1941 года армия должна была выйти к исходным позициям.

К моменту сосредоточения 372 стрелковая дивизия имела 3 автомашины, 378 стрелковая дивизия — 18 автомашин. Выполняя распоряжение Военного Совета фронта о своевременном сосредоточении, указанные дивизии из-за отсутствия транспорта оставили на станции Б. Дворы часть артиллерии, боеприпасов и продовольствия. Поднято было самое необходимое и в незначительном количестве. 372 стрелковая дивизия оставила на станции Михеево 58 тонн продовольствия, 65 тонн артимущества.

Аналогичное положение и в других частях армии. 378 стрелковая дивизия не получила 6133 пары валенок, 8578 полу-

Почему победила Красная Армия?

шубков, 372 стрелковой дивизии на 1236 стрелковый полк было выдано только 200 пар валенок. На станции Б. Дворы осталось 50% всей валеной обуви, оказавшейся маломерками.

Необходимо отметить, что 372 и 376 стрелковые дивизии прибыли к исходным рубежам раньше, чем сосредоточилась сама армия.

Создавшееся тяжелое положение на правом фланге 52 армии требовало немедленного подкрепления. С целью выправления положения на фронте 372 и 376 стрелковые дивизии были приданы 52 армии. 31 декабря 1941 г. указанные дивизии, совершив марш без отдыха, вооружения, транспорта, продовольствия, фуража и обмундирования, под Грузино были брошены в бой на сильные укрепления немцев с винтовками.

В первый день боя 376 стрелковая дивизия имела 150 человек обмороженных. 1252 стрелковый полк 376 стрелковой дивизии первым по армии вступил в бой голодным, без средств усиления, в результате потерял 80% всего личного состава.

49 отдельный лыжный батальон в первый день боя потерял все командование и 115 человек бойцов.

1250 сп потеря командира полка Гушкевич, комиссара Смирнова и ответственного секретаря партбюро Антоненко.

Боевой операцией указанных дивизий руководили командующий 52 армии генерал-майор Клыков и начальник штаба полковник Рождественский. Командующему 59 армии генерал-майору Галанину и члену Военного Совета корпусному комиссару Диброва хорошо было известно о необеспечении войск всеми видами довольствия, несмотря на это дивизии одна за другой бросались в бой по своим трупам неподготовленными, обмороженными и голодными.

В результате в течение декабря 1941 года и января 1942 года армия потеряла 40958 человек личного состава, несмотря на значительные потери в живой силе, требуемых успехов в боевых операциях не имела.

Только за январь месяц 1942 г. армия потеряла 20910 человек личного состава, из них:

Убитых — 3843, раненых 12282, обмороженных — 1448, заболевших — 609, пропавших без вести — 2479, по другим причинам — 209 (для сравнения: вся германская Восточная армия, согласно данным дневника Гальдера, потеряла за январь 1942 года 87 082 убитых, раненых и пропавших без вести, всего впятеро меньше. Убитых же и пропавших без вести у немцев было соответственно 18175 и 7075, лишь вчетверо меньше. (И это при том, что таких армий, как 59-я, на фронте Красной Армии насчитывалось в тот момент 55. — Б. С.)

Расследованием установлено, что основными причинами срыва боевых операций и больших потерь в живой силе в частях и соединениях 59 армии является:

1. Невыполнение штабами дивизий и полков приказов вышестоящих штабов.
2. Плохая организация наступления.
3. Неправильное взаимодействие пехоты, артиллерии и авиации.
4. Неудовлетворительная работа связи.
5. Плохая организация в работе тылов.

Указанные недочеты, срывающие ход боевых операций, обуславливаются следующими фактами:

2 января 1942 г. командованием 92 стрелковой дивизии было приказано командиру 60 артиллерийского полка в 6.00 начать артиллерийское наступление и поддержать пехоту. Приказ штабу полка был доставлен только в 8.00, по этой причине артиллерийское наступление по вине штадива было сорвано.

14 января с. г. минометный батальон 1254 стрелкового полка по причине незнания боевой задачи открыл огонь по своим частям.

Командир 378 стрелковой дивизии полковник Дорофеев систематически пьянствует, боем не руководит.

28 января с. г. 378 стрелковой дивизии командованием 59 армии была поставлена задача о выступлении в тыл противника, для самостоятельных боевых действий. По этому вопросу командование дивизии созвало совещание команд-

Почему победила Красная Армия?

но-начальствующего состава. На совещание начсостав явился, не зная состояния своих подразделений, так как последние растянулись при передвижении, а часть отстала в пути.

Дорофеев на совещание явился пьяным, по этой причине совещание вынужден был проводить комиссар дивизии Корнышев.

В результате неподготовленности дивизии операция по выходу в тыл противника была сорвана.

Бывший командир 372 сд полковник Коркин боевыми операциями не руководил, систематически пьянствовал, окружив себя женщинами, в бытовом отношении разложился.

В результате бездеятельности Коркина дивизия понесла огромные потери.

По нашим материалам Коркин Военным Советом фронта с работы снят.

К моменту вступления в бой пункты медицинской помощи 59 армии не были развернуты, обслуживание раненых поставлено неудовлетворительно.

Комиссар медсанбата 288 стрелковой дивизии Никитин, вместо проведения воспитательной работы среди личного состава, систематически пьянствовал, работой медсанбата не руководил.

Раненые, поступающие в медсанбат, зачастую оставались без оказания необходимой помощи.

Начальник артиллерии 374 сд Ричард 13 января с. г. вместо руководства артиллерийским наступлением вместе с командирами 1246 стрелкового полка майором Горожалиным, 1242 сп — Гординым на командном пункте устроили пьянку.

В результате поставленная задача стрелковыми подразделениями не выполнена.

В данное время командующий 59 армии генерал-майор Галанин и начальник штаба генерал-майор Пэрн, мотивируя малочисленностью войсковых соединений и частей в 59 армии, настроены пораженчески.

На заседании Военного Совета армии Пэрн докладывал о невозможности дальнейшего наступления армии и необ-

ходимости перехода к обороне. Галанин не только допустил обсуждение этого вопроса, но и сам занял колеблющееся положение.

По существу изложенного нами информирован Военный Совет Волховского фронта.

Материал о плохом руководстве частями, поведении Галанина и Пэрн прилагаю.

Приложение:

- 1) Рапорт начальника Особого отдела 59 армии на 7 марта.
- 2) Сообщение корпусного комиссара Диброва на 4 листах.

*Начальник Особого Отдела НКВД
Волховского фронта майор
госбезопасности Мельников.
11 марта 42 г. Действующая армия.*

Вскрыть только лично. Сов. Секретно. Копия:
Начальнику ОО НКВД Волховского фронта майору
госбезопасности А. С. Мельникову.

Рапорт

Из моих личных наблюдений, а также бесед с руководящими работниками 59-й армии, у меня сложилось определенное мнение о целом ряде руководящего состава 59-й армии.

1. Командующий войсками 59-й армии генерал-майор Галанин И. В. руководить, организовать и управлять войсками не может. Эти выводы можно подтвердить следующими данными.

а) 59-я армия ни одной поставленной задачи не выполнила потому, что наряду с теми причинами, которые мною сообщались в докладных записках, Галанин не сумел организовать бой, в масштабе армии, а также потребовать этого от командиров дивизий, чтобы последние организовали бой в масштабе дивизии. Требовательность Галанина к командирам дивизий исключительно низкая. Это передается в дивизии и полки.

В армии имеют место много случаев, когда приказы теми или иными командирами выполнялись плохо, несвоевременно. Галанин ни по одному факту не произвел расследования, ни одного командира не отдал под суд.

Почему победила Красная Армия?

Оперативное мышление и тактическая подготовка у Галанина слабая. 59-я армия, вот уже около месяца, ведет наступление, не меняя тактического замысла. Как начали операцию, ведя наступление правым и левым флангами, так эта же идея проводится и сейчас. Попыток произвести какие-либо перегруппировки в масштабе армии совершенно не было. В армии был один момент, когда 377-я стрелковая дивизия (наступающая в центре) быстро продвигалась вперед, ее продвижение не было своевременно поддержано всеми силами армии, перегруппировок никаких не сделано. В результате в дальнейшем эта дивизия остановилась и дальше перестала двигаться.

На заседании Военного Совета армии, числа 10—12 февраля с. г., начальник штаба 59-й армии генерал-майор Пэрн докладывал о невозможности дальнейшего наступления армии и о необходимости перехода к обороне. Галанин долго не мог принять правильного решения.

Само обсуждение этого вопроса на Военном Совете и пресечение его вначале говорит о том, что Галанин проявил здесь политическую близорукость, а именно допустил обсуждение на Военном Совете вопроса о переходе армии к обороне в тот период, когда политическая обстановка в стране требует наступления на противника на всех фронтах.

Свой штаб Галанин не сколотил, не заставил штаб работать так, чтобы в нем ключом была творческая оперативная мысль, чтобы он контролировал решения Военного Совета армии, организовывал бы бой. Штаб армии является механическим сборщиком и передатчиком всевозможных сведений, подчас не проверенных и запутанных.

Вопросами изучения опыта боев, тактики противника, соответственно этому и разработки соответствующих инструкций Галанин не занимается.

Из поля зрения Галанина выпал такой вопрос, как сбор оружия в бою. Армия потеряла много оружия в боях благодаря халатного отношения к этому вопросу командиров дивизий и полков.

В детали по организации боя, по устройству тыла, использования войск и т.д. Галанин не входит, все вопросы решает вообще.

Много пьет вина. В личной беседе с членом Военного Совета тов. Диброва последний мне заявил, что:

«...Галанин водку пьет, как воду. Я (Диброва) наливаю в стакан воды и пью, а он (Галанин) наливает так из графина водку и пьет. Причем пьяным никогда не бывает...»

О том, что Галанин пьет много вина, мне лично говорил начальник Политотдела 59-й армии тов. Лебедев.

Можно часто наблюдать, когда Галанин целыми днями спит (иногда ссылаясь на болезнь, хотя здоров), вечером решает некоторые второстепенные вопросы, а потом опять выпьет и спит.

По заявлению зам начальника Особого отдела НКВД 372 стрелковой дивизии тов. Имандинова, был случай, когда Галанин приехал на КП дивизии, выгнал командира дивизии и комиссара в полки, а сам выпил и лег спать в блиндаже. Это же подтверждает и офицер Генштаба РККА при 59-й армии подполковник Ефимов.

Начальник Политического Отдела 59-й армии бригадный комиссар Лебедев, исполняя обязанности члена Военного Совета, обратил внимание тов. Галанина на то, что нужно бывать больше в войсках и бросить пить. Приехал из госпиталя член Военного Совета армии тов. Диброва, также обратил внимание Галанина на его выпивки. Несмотря на это, положение не изменилось.

Галанин, видя, что армия много потеряла личного состава, не выполнив задачу, стал чувствовать, что его могут снять с армии. В полуофициальном, в полушутливом тоне сказал офицеру Генштаба тов. Ефимову, который ехал в Москву: «...Ты мне закажи номер в гостинице «Москва», я наверное скоро приеду...»

24 февраля с.г. в личной беседе Диброва мне сказал, что ему Галанин говорил о том, что после того, как его на Военном Совете фронта крепко отругали, он (Галанин) хотел застрелиться.

Почему победила Красная Армия?

Между Галаниным и Диброва начались разные разногласия. Эти разногласия в основном сводятся к тому, что Диброва хочет заставить работать Галанина и свалить ответственность за провал операций в известной мере с себя.

Исходя из всего вышесказанного, считаю необходимым принять срочные меры по устранению всех трений внутри самого руководства армии и решить вопрос о Галанине.

2. Член Военного Совета армии — корпусной комиссар Диброва, с работой также не справляется.

По имеющимся данным, Диброва был снят с работы члена Военного Совета ПрибалтВО, был поставлен на дивизию, затем был выдвинут на армию.

В армии партийно-политическая работа стоит на низком уровне. Вина за неуспехи армии также целиком ложится и на Диброва.

Диброва сейчас начинает вопросы ставить резко перед Галаниным. Начались у них между собой трения.

По вопросу о Диброва нужно также принять меры.

3. Начальник штаба 59-й армии — генерал-майор Пэрн, по национальности эстонец (родился в России), в настоящее время с работой не справляется. Штаб операции не разрабатывает. Пэрн это оправдывает тем, что за них все разрабатывает фронт. Штаб взаимодействие в дивизиях не организует. Контроль за выполнением решений поставлен слабо. Сам Пэрн в беседе с офицером Генштаба тов. Ефимовым о штабе сказал: «...У нас не штаб, а сборщик податей, техническая переработка документов, полученные донесения от дивизий переписываем и отправляем во фронт...»

Ко всему этому Пэрн болен эпилепсией. Он говорил, что как возьмем Чудово, так будет проситься в отпуск для лечения.

Пэрн разработал доклад для Военного Совета армии о том, что армия не может наступать в настоящее время, а должна перейти к обороне.

Из всего вышеизложенного считаю необходимым Пэрн немедленно с работы начальника штаба снять, как пораженца и не могущего наладить нормальную работу штаба.

4. Зам. командующего войсками 59-й армии генерал-майор Алферьев мною достаточно не изучен. Но уже сейчас можно сказать, что это бездарная и безответственная личность, привыкшая руководить из кабинета. В период его командования оперативной группой Коровникова о нем говорил командно-начальствующий состав, как о телефонной барышне, управляющей войсками только по телефону.

По первоначальному решению Алферьев должен был командовать с КП (отметка 30,5) группой дивизий (25 сбр, 377 сд, 92 сд). В помощь ему выделялись командиры штаба. На мой вопрос 24.II.42 г., почему эта группа не находится в районе отметки 30,5, Пэрн ответил, что из Селищенского поселка управлять лучше.

Следовательно, опять происходит отсиживание в штабе, а не конкретное руководство войсками на месте.

О командующем ВВС 59-й армии комбриге Котельникове мною сообщалось Вам неоднократно ранее. Сейчас должен только повторить, что он ВВС армии не руководит, и чем скорее будет сменен, тем лучше.

Прошу по моему рапорту проинформировать Зам. Народного Комиссара Обороны — Маршала Советского Союза тов. Ворошилова для принятия быстрейших мер.

При существующем руководстве в армии — толку не будет, оно неспособно выполнять решения Ставки.

Начальник Особого Отдела НКВД 59-й армии

Капитан госбезопасности Никитин.

26.II.1942

Копия. 10.2.42 г. М. Вишера.

Армейскому комиссару I-го ранга

тов. Запорожцу Александру Ивановичу.

Ко мне приезжал наш член Военного Совета т. Яковлев и рассказал об одном важном обсуждении вопроса в Военном Совете армии.

В связи с тем, что армия мала по количеству соединений и малочисленен боевой состав дивизий, было внесено предложе-

ние от наступательных действий армии перейти к обороне. С таким предложением, якобы, выступил начальник штаба Пэрн. А перед выступлением с предложением Пэрн имел разговор, в результате которого пришли к единому мнению с офицером Генерального штаба майором Ефимовым. Последний якобы с таким мнением уехал в Москву на какое-то совещание.

Таким образом, вместо того, чтобы продолжать всеми силами добиться выполнения активной наступательной задачи, поставленной Ставкой и Военным Советом фронта, для чего, если недостает сил, просить для этого у Военного Совета фронта, эти дельцы, по-моему, стали на путь срыва операции, а объективно это поражение.

При обсуждении вопроса Галанин вначале занял неопределенную позицию и активно противоположную позицию занял только член Военного Совета, командующий ВВС т. Котельников, поддержанный тов. Яковлевым. Закончилось якобы тем, что т. Галанин также не разделил предложения Пэрна и было решено продолжать активную наступательную тактику, но просить Военный Совет фронта помочь пополнением и новыми соединениями.

Так информировал меня т. Яковлев. Я по этому вопросу т. Яковлеву сказал, чтобы он замещал меня, обратил бы крепкое внимание на то, чтобы не получилось так, что принято решение одно, а на деле чтобы не протаскивали своей точки зрения те, кто предлагал оборону, или занимавшие неясную позицию. Своим мнением поддержал активное выполнение поставленной задачи.

Пару слов о Пэрне, этот эстонец на меня не производит впечатление подготовленного начальника штаба. Если Токарев, по выражению тов. Мехлиса, был «народный училищка», то этот ничем не отличается от него, если не хуже (учитывая то, что он две академи кончил). Очень прав т. Мерецков, когда говорит ему в глаза — «Чему Вы учили людей в академии и чему сами в двух академиях научились, показывайте...» Ведь в неорганизованном штабе, после прибытия двух академиков, окончивших по две академи каждый (Пэрн и Федо-

тов — начальник Оперотдела), никакого переворота, как это требовалось, не последовало. Этот эстонец или не хочет делать этого, что надо, или не способен. Его предложения перейти к обороне меня заставляют не думать о том, что он не способен, а что он способен, но только на вредное дело.

Я все-таки не понимаю, как это получается, тов. Мехлис предупреждает и требует очищаться от финнов, немцев и прибалтийцев, а тут как на зло на место снятой им кандидатуры прислали Пэрна.

Причем такие предложения, если учесть упадничество и помыслы писать письмо в Москву Галанина, который за последнее время, после ряда трепок, повесил нос, довольно неприятно могут отразиться на армии. Армии требуется крепкий, волевой начальник штаба, который бы подпирал и подкреплял недостаточную опытность и всестороннюю развитость командующего. А этого как раз и нет. В самом штабе начальник Оперативного Отдела, окончивший две академии, которого я, неграмотный человек, беря в работу, учил, как надо работать на карте. Ну какой с него начальник оперативного отдела. Пить он мастер, но не оперативным отделом руководить.

Мне кажется, цель, которую Вы с т. Мехлисом преследовали, оздоровления 59 армии, не достигнута. Поэтому просил бы Вас с тов. Мерецковым, который очень упорно, не считаясь ни с усталостью, ни с чем, работает над воспитанием своих подчиненных, посмотреть мною поставленный вопрос с точки зрения целесообразности затраты сил. Вряд ли это принесет желанную пользу.

Я был бы рад ошибиться, но боюсь, что я окажусь правым. А поэтому, мне кажется, уже теперь следует принять меры.

Вы как-то проговорились, что к нам назначен новый начальник тыла, и я в свою очередь просил комиссаром тыла тов. Маневина. Пока этот вопрос ни с какой стороны не решен, и не известна перспектива его. Просьба осуществить намеченное мероприятие.

Диброва

РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 18, лл. 46-60.

**Докладная записка начальника Особого Отдела НКВД
Волховского фронта майора гоебезопасности Мельникова
от 10 марта 1942 года на имя члена ГКО т. Маленкова
«О морально-бытовом разложении комполсостава частей
и соединений 59-й армии»**

За последнее время в частях 59-й армии со стороны отдельных военнослужащих участились случаи морально-бытового разложения. Зачастую, используя свое служебное положение, командиры склоняют женский персонал к половому разврату, здесь же, в присутствии посторонних, решают боевые задачи.

Отдельные командиры и комиссары частей, увлекаясь женщинами, систематически пьянствуют. В ходе боевых операций, вместо руководства боем отлеживаются в блиндажах. Так, заместитель начальника инженерного отдела штаба 59-й армии — Герой Советского Союза майор Коровин и работник Политотдела армии старший батальонный комиссар Никулин 26 февраля в нетрезвом состоянии зашли в столовую Военторга. **КОРОВИН** без всякого основания, обнажив револьвер, потребовал от начальника Военторга колбасы, варенья и других продуктов. Получив варенье, он бросил стакан с этим вареньем на пол, ругаясь площадной бранью, отдал распоряжение своему адъютанту расставить по углам столовой мины.

КОРОВИН открыто, на глазах у бойцов, сожительствоет с машинисткой штаба армии **ПРИСОВАТЬЕВОЙ** Галиной и вместе с ней ходит в баню (как видно, у «банного министра» Валентина Ковалева был свой предшественник. — *Б. С.*). Все это стало достоянием подчиненных.

28 февраля старший батальонный комиссар **НИКУЛИН** у **КОРОВИНА** напился пьяным, придя в Политотдел армии, разбросал на полу партийные документы. Начальник штаба артиллерийского управления 59-й армии полковник **САМОЙЛОВ** увлекся машинисткой артуправления **ТУГАРИНОВОЙ** Капитолиной, чем скомпрометировал себя в лице сотрудников артуправления. В любовной записке на имя

ТУГАРИНОВОЙ САМОЙЛОВ пишет: «...Капочка! Если ты не хочешь нарушать нашей дружбы, откажись, что ты сказала сегодня — Больше кушать со мной не будешь. Я сильно этим огорчен, ты меня обижаешь незаслуженно. Делаю я все для тебя из дружеских и благих намерений. Ты мне нравишься, я к тебе привык, если не сказать большего. Фима». Эта записка стала достоянием сотрудников аргуправления.

Комиссар 430 гаубичного артполка Резерва Главного Командования батальонный комиссар ФРИДРИК держит у себя в полку в качестве санинструктора днепропетровскую артистку БУЛДАКОВУ, хотя она никакого медицинского образования не имеет. БУЛДАКОВА проживает в одной машине с ФРИДРИК. Бойцы, командиры и политработники называют БУЛДАКОВУ «личным адъютантом комиссара полка».

Командир отдельной кабельно-шестовой роты связи лейтенант ПЛЮСИН сожительствует с военфельдшером Соной. Военком 129 отдельной телеграфно-эксплуатационной роты связи АВТУХОВ, сожительствуя с военфельдшером роты САКИСИНОЙ Полиной, не отпускает ее в роту для обслуживания бойцов, работающих на линии, вызывая этим смехи и возмущение со стороны личного состава.

Начальник обозно-вещевой службы 1249 стрелкового полка 377 стрелковой дивизии ЕФИМОВ Александр Егорович сожительствует с гражданкой д. Кипрово МИХАЙЛОВОЙ Е.Н. По последним, по имеющимся данным, во время пребывания немцев в Кипрово сожительствовала с немецкими офицерами (советские офицеры в данном случае приняли эстафету от своих противников. — Б. С.).

Комиссар 1240 стрелкового полка 372 стрелковой дивизии батальонный комиссар САМОЙЛОВ имеет интимную связь с комсомолкой военфельдшером ПЕТУХОВОЙ. Используя свое служебное положение, САМОЙЛОВ взял ПЕТУХОВУ к себе на командный пункт из ПМП (полкового медицинского пункта. — Б. С.), в качестве медработника, где и сожительствует с ней. Во избежание за свои действия САМОЙ-

ЛОВ объявил перед общественностью полка о том, что ПЕТУХОВА является его женой, в то время как у него имеется жена и трое детей. После того, как САМОЙЛОВ связался с ПЕТУХОВОЙ, в полку значительно ослабла политработа и снизилась дисциплина личного состава.

Комиссар санитарного батальона 372 стрелковой дивизии ЧЕРНЫШЕВ сожительствует с подчиненной ему медсестрой ОКОРЯДЧЕНКО, которую без всякого основания пытался представить к правительственной награде. В результате бездеятельности начальника санитарной службы 372 стрелковой дивизии ГОЛЫШЕВА дисциплина среди военнослужащих санчасти ослабла. Работники пьянствуют и в половом отношении развратничают.

Аналогичное положение и в батальоне связи 372 стрелковой дивизии, где телефонистки ведут себя распушенно. В результате командиры СМИРНОВ, НОРОНОВ и комиссар ЛАРИН сожительствуют с ними без стеснения. Начальник связи штаба 372 стрелковой дивизии подполковник ТИМОШЕНОК, исключенный из ВКП(б), 25 февраля в нетрезвом состоянии, склоняя к сожительству телефонистку МАНЦЕВУ в присутствии бойцов, приказывал ей лечь с ним спать. 26 февраля ТИМОШЕНОК, будучи пьян, отказывался подписать секретный документ, адресованный в штаб 59-й армии, о состоянии связи в дивизии, приказал его подписать своему адъютанту.

28 февраля с. г. начальник 6 отдела армии — капитан ЯНОВСКИЙ, будучи пьян, поднял бесцельную стрельбу из пистолета. В присутствии военнослужащих высказывал настроение о самоубийстве (похоже, бедняга допился до белой горячки. — Б. С.).

Перечисленные факты распушенности, пьянства и морального разложения в 372 стрелковой дивизии известны командиру дивизии — подполковнику ХОРОШЕВУ и комиссару ЗАЙЦЕВУ, которые не только не принимают мер борьбы с этим явлением, а, наоборот, сами стали на путь соительства и разложения. 23 февраля ХОРОШЕВ и ЗАЙ-

ЦЕВ под предлогом проявления «заботы» пригласили к себе девушек-радисток. Радистка АНУРОВА, с которой спал ХОРОШЕВ, должна была с 2-х часов идти на дежурство, однако ХОРОШЕВ не отпустил ее, заявил: «Не ходи на дежурство, пусть назначат другого человека, об этом я сам скажу Вашему начальству».

1 марта ХОРОШЕВ и ЗАЙЦЕВ провели всю ночь в машине радиоузла с девушками-радистками.

Командир 658 отдельного саперного батальона старший лейтенант Сергеев 24 февраля вызвал к себе в землянку помощника командира батальона младшего лейтенанта КОЧЕТКОВА, начальника снабжения БАЛОМОШИНА, старшего адъютанта НЕВЕРОВИЧ, начальника артснабжения АКУЛИНИНА и начальника артиллерийских мастерских МАКАРОВА, приказал принести водку для групповой попойки, которая продолжалась двое суток.

27 и 28 февраля с. г. в районе деревни Мостки СЕРГЕЕВ снова организовал пьянку, в которой принимали участие ВЕРЕТЕННИКОВ, КОЧЕТКОВ, БАЛОМОШИН и военфельдшер ТОРОПОВ. Кроме того, СЕРГЕЕВ сожительствует с военфельдшером ТЕРЕХОВОЙ. Характерно отметить, что все эти факты бытового разложения происходят на глазах у подчиненных (из доклада Мельникова вообще создается впечатление, что brave командиры и комиссары 59-й армии совокупаются с телефонистками, военфельдшерами и радистками едва ли не в присутствии красноармейцев. — Б. С.). Комиссар батальона ДУРНОВЦЕВ, зная об этом, никаких мер к устранению безобразий не принимает.

Начальник санслужбы 942 артиллерийского полка 374 стрелковой дивизии военврач 3-го ранга БЕЛОГЛАЗОВ в нетрезвом состоянии зашел в операционную палатку, вызвал к себе санинструктора УЛАНОВУ, где и пытался ее использовать. Когда УЛАНОВА оттолкнула его от себя, последний с возмущением выхватил пистолет и произвел несколько выстрелов в землю. Здесь же БЕЛОГЛАЗОВ был ранен в ногу (очевидно, одна из выпущенных военврачом пуль дала не-

удачный рикошет) и направлен в госпиталь. Ведется расследование.

Командир 1249 стрелкового полка 377 стрелковой дивизии майор ШВАГИРЕВ систематически пьянствует со своим помощником по хозяйству САВИЧЕВЫМ. Вызвал в полк свою жену, которую оформил на должность военфельдшера полка. 19 февраля ШВАГИРЕВ, будучи в нетрезвом состоянии, площадной бранью отругал и три раза ударил по лицу политрука НОСОВА. ШВАГИРЕВ в пьяном состоянии собрал весь командный состав полка, силами которого приказал взять ДЗОТ противника (не исключено, что пьяную фантазию майора вдохновила офицерская «психическая» атака в фильме «Чапаев». — Б. С.). Вмешательством Особого Отдела комначсостав в бой введен не был (иначе в полку в один день открылось бы множество вакансий. — Б. С.).

26 февраля ШВАГИРЕВ, напившись пьяным, учинил дебош со своей женой, в которую произвел несколько выстрелов, в нее не попал (в докладе Швагирев предстает едва ли не единственным приверженцем брачных уз среди командного и политического состава 59-й армии, но, как видно, и законным женам приходилось несладко. — Б. С.). По делу ШВАГИРЕВА проводим расследование.

Командир 378 стрелковой дивизии полковник Дорофеев и комиссар дивизии КОРНЫШЕВ систематически пьянствуют и сожительствуют с женщинами. 8 января ДОРОФЕЕВ и КОРНЫШЕВ пригласили к себе зубного врача и медфельдшера ЛЕВАНОВУ. Указанные женщины пьянствовали и ночевали с ними двое суток. Будучи выпивши, ДОРОФЕЕВ заявлял командирам: «...Здесь женщины проститутки, их нужно использовать, а вы, командиры, не теряйте этого случая...».

5 февраля во время наступления дивизии, на командный пункт выехал начальник штаба и комиссар дивизии. ДОРОФЕЕВ же вызвал к себе в блиндаж девушку военфельдшера и пропьянствовал с ней четверо суток. Свой невыезд на командный пункт мотивировал болезнью.

Комначсостав в беседах между собой говорит: «...Ну, как там наше пьяное командование, что решило?..» В момент выполнения боевой задачи частями дивизии по овладении д. Остров ДОРОФЕЕВ, КОРНЫШЕВ и начальник штаба АКСЕЛЬРОД на протяжении трех суток пьянствовали, не выходя из блиндажей.

Подобные факты морально-бытового разложения комначсостава в частях 59-й армии не единичны. По нашей информации, командиры и комиссары частей и соединений мер к устранению подобных явлений не принимают, так как сами являются виновниками этого. О фактах морально-бытового разложения отдельных командиров и политработников частей 59-й армии неоднократно информирован Военный Совет армии. Однако мер пресечения творящихся в частях безобразий не принял».

Документ, что и говорить, забавный, несмотря на несколько сухой канцелярский язык. Отмечу, что в некоторых случаях, процитированных майором госбезопасности Мельниковым, на самом деле мы явно имеем не разврат, а самые серьезные чувства, которые чекист привычно подводит под одну статью «морально-бытового разложения». В частности, что-то трогательное есть в наивно-глупой записке, очевидно, уже немолодого полковника Самойлова. Но в целом, конечно, в большинстве случаев речь шла о простом удовлетворении физиологических потребностей и использовании старшими офицерами своего служебного положения. Может показаться, что 59-я была веселой армией. Но если вдуматься, веселого тут мало. Когда младшие офицеры и рядовые бойцы смотрели на разврат и пьянство начальства, моральный дух у них наверняка падал, и очень сильно. А когда командиры сутками пьянствовали вместо того, чтобы руководить боем, это не могло не сказаться самым негативным образом на действиях подчиненных им полков и дивизий. В тот же день, 10 марта 1942 года, Мельников сообщал Маленкову о неудачном наступлении 59-й армии. Командование армии во главе с генерал-майором Галаниным пыталось

Почему победила Красная Армия?

скрыть масштаб неудачи посредством очковтирательских доносений. Мельников непосредственно связывал неудачи 59-й армии с «морально-бытовым разложением». Это отразилось и в его докладной на имя Маленкова о ходе боевых действий на участке этой армии. Она датирована 10 марта 1942 г.: «Части и соединения 59 армии, выполняя приказ Штарма № 0018, 1 марта 1942 года должны были перейти в наступление с задачей: 2 марта главными силами выйти на Ленинградское шоссе, отрезав пути отхода противника на Чудово, а 5 марта окружить и уничтожить противника в Чудово. На 6 марта части 59 армии в составе 377, 372, 374, 111, 267 и 378 стрелковых дивизий успеха в продвижении не имеют, активных действий не ведут, боевые приказы фронта и армии систематически не выполняют, фактически заняли оборону.

Необходимо отметить, что штаб фронта в отдельных случаях недостаточно продуманно относится к разработке планов наступательных операций.

При разработке планов не учитываются такие моменты, как перегруппировка войск, наличие средств вооружения, живой силы и боеприпасов в армии! В результате с наступлением частей 59 армии, когда все было нацелено на выполнение поставленных задач армией, 2 марта распоряжением штаба фронта 92 стрелковая дивизия была выведена в резерв.

Таким образом сковывающая, вспомогательная группировка армии была ликвидирована. Фронт, ранее занимаемый 92 стрелковой дивизией, в данное время занимается частями 377, 374 стрелковых дивизий, и вводится снова в бой небоеспособная 372 стрелковая дивизия, которая перед этим из этого района была выведена в резерв для укомплектования.

Одновременно с этим, по приказу штаба фронта, была выведена в резерв фронта 259 стрелковая дивизия, которая входила в группу Коровникова и действовала в направлении главного удара.

4 гвардейская стрелковая дивизия, втянувшись в блокировку с противником, дальше никуда не двигается.

Таким образом, из группировки войск в направлении главного удара остались только 111 и 267 стрелковые дивизии.

Военный Совет 59 армии в лице командующего, генерал-майора Галанина, члена Военного Совета, корпусного комиссара Диброва и начальника штаба армии, генерал-майора Пэрна не сумели организовать контроль и не потребовали от подчиненных четкого выполнения приказов.

Галанин и Диброва с 26 февраля в частях не были, управляли войсками по телефону, грубо нарушая приказ Наркома Оборона по скрытому управлению.

После того как командование армии встало перед фактом, что приказ фронта не выполняется и части армии вперед не продвигаются, начались поиски причин, которые и были найдены в слишком большом израсходовании сил на блокирование опорных пунктов противника. Начальник штаба армии генерал-майор Пэрн предложил командованию: «Отказаться временно от выполнения поставленной задачи фронтом, а заняться выполнением частной задачи, т.е. ликвидировать группировку немцев в Спасской Полисти и Трегубово».

Пэрн докладывал, что с ликвидацией этой группировки в армии освободится три дивизии.

Это означало, что армия переключилась бы на выполнение частной задачи, не выполняя приказ фронта. Причем эта операция была навязана противником с целью измотать наши части на узлах сопротивления и заставить обессиленную армию перейти к обороне.

План Пэрна юридически принят не был, но фактически за него ухватились Галанин и Диброва. Галанин даже имел намерение этот вариант операции вынести на рассмотрение Военного Совета фронта.

Характерно отметить, что командование 59 армии, зная о том, что 377, 372, 374 и 378 стрелковые дивизии активных

Почему победила Красная Армия?

действий не ведут и фактически занимают оборону, в оперативных сводках штаба действия этих дивизий отмечаются «активным сковыванием противника» и «ведением боевой разведки». Бездеятельность этих дивизий в оперсводках также называется «отражением контратак противника», не стыдясь сообщать, что дивизии отбивают контратаку одного взвода противника. Из наиболее характерных примеров очковтирательства приводим следующие: 1269 стрелковый полк 382 стрелковой дивизии занимает линию фронта протяжением 18 километров, активных действий не ведет, занимает оборону. Штарм пишет о том, что полк активно сковывает противника. 377 стрелковая дивизия занимает фронт протяжением 13 километров, активных действий не ведет, занимает оборону. Штарм в оперативной сводке пишет, что «377 дивизия ведет активную боевую разведку. Фактически для разведки противника высылаются 2—3 человека. Части 372 стрелковой дивизии занимают фронт протяжением 4 километра, активных действий не ведут, занимают оборону. В оперсводке Штарма докладывается, «части 372 дивизии блокируют противника». В оперсводке Штарма отмечается, что 374 стрелковая дивизия блокирует противника на фронте протяжением 9 километров в районе Спасская — Полисть. Фактически дивизия находится в обороне. В оперсводке указывается, что 378 стрелковая дивизия обеспечивает правый фланг группы КОРОВНИКОВА, занимает фронт протяжением 8 километров, тогда как на самом деле дивизия активных действий не ведет.

С первых дней организации и подготовки операции сроки начала действий частей группы, благодаря несвоевременному подтягиванию и перегруппировки частей опергруппы Коровникова, были сорваны, части вынуждены были действовать разрозненно.

267 стрелковая дивизия начала действовать ночью 28 февраля, 4 гвардейская стрелковая дивизия и 259 дивизия начали действовать 1 марта, 111 стрелковая дивизия сменилась с

участка Приютино с опозданием на двое суток, хотя части опергруппы должны были 28 февраля продвигаться вперед.

Все это дало возможность противнику выиграть время, принять меры обороны и разгадать оперативный замысел группы Коровникова. Часть группы Коровникова, продвигаясь на запад, уклонялась от боя с разведкой противника, стремясь обойти ее. Противник, используя это, продвигаясь вперед, строил ДЗОТы. В результате в ходе боев появились укрепления немцев.

Одновременно противник, обнаружив движение частей, предпринял контратаки против наших войск.

При обнаружении противника и накоплении его сил артиллерия группы Коровникова бездействовала.

Командование опергруппы, в лице Коровникова, комиссара группы Петрова и начальника штаба Богдановича, не предприняло решительных мер к обеспечению четкого выполнения поставленных перед ними задач, как по перегруппировке частей, своевременному подтягиванию их к месту сосредоточения, а также и по своевременному приведению их в боевую готовность после марша.

Отдельные командиры частей и соединений 59 армии безответственно отнеслись к выполнению задач фронта и армии. На основании приказа штарма № 0018 372 стрелковая дивизия должна была сформировать из остатков мелких подразделений и спецчастей сводный батальон и к 20.00 2-го марта произвести смену боевого участка, занимаемого частями 92 стрелковой дивизии. Эта операция была произведена с большим опозданием, т.е. в 3.00 3-го марта. Несвоевременная смена частей произошла по причине беспечности командира 372 стрелковой дивизии полковника ХОРО-ШЕВА и старшего батальонного комиссара ЗАЙЦЕВА, которые не приняли решительных мер в четком формировании и оснащении сводного батальона. Капитан ЯНОВСКИЙ, которому было поручено формирование батальона и принятие боевого участка, бездельничал и пьянствовал. В результате оружие было получено за полчаса перед выходом батальона к

Почему победила Красная Армия?

исходным позициям. ХОРОШЕВ и ЗАЙЦЕВ (настоящая сладкая парочка! — Б. С.) вместо организации контроля, проверки формирования батальона для смены частей устроили коллективную пьянку с женщинами. Так, 3 марта при выезде штадива на новое место дислоцирования ХОРОШЕВ и ЗАЙЦЕВ со штадивом не выехали, остались в медсанбате. Прибывшего с приказанием работника оперативного отдела штаба они не приняли. Он, возвратившись, сказал: «Пьяное командование гуляет с женщинами».

Радистка радиации РСБ ТЕМЕРШИНА во время дежурства в течение 13 часов проводила время в землянке командира дивизии ХОРОШЕВА, участвуя в совместной попойке, где и ночевала. Военный Совет армии, по информации Особого Отдела, к ХОРОШЕВУ и ЗАЙЦЕВУ мер не принял.

Немаловажной причиной срыва боевых приказов является и то, что 59 армия, начав операцию, была слабо обеспечена боеприпасами, особенно по основным системам, 76-мм и 122-мм орудиям, как например.

Перед боем артиллерия армии располагала следующими средствами:

В направлении на Трегубово и Остров

14 орудий 203-мм имели 136 снарядов.

34 орудия 152-мм имели 323 снаряда.

40 орудий 122-мм имели 357 орудий.

29 орудий 76-мм имели 614 снарядов

В направлении на Приютино

32 орудия 122-мм имели 470 снарядов.

66 орудий 76-мм имели 918 снарядов.

27 минометов 107-мм имели 100 мин.

В направлении Ольховки

6 орудий 203-мм имели 240 снарядов.

17 орудий 152-мм имели 1513 снарядов.

63 орудия 122-мм имели 1689 снарядов.

40 орудий 76-мм имели 3287 снарядов.

7 минометов 120-мм имели 355 мин.

74 миномета 82-мм имели 3460 мин.

Таким образом, операция началась при среднем обеспечении боеприпасами 0,2—0,5 боекомплекта.

Положение с боеприпасами не изменилось и сегодня.

По всем фактам срыва боевых операций частями 59 армии информирован Военный Совет Волховского фронта.

*Начальник Особого отдела НКВД Волховского фронта —
майор госбезопасности Мельников
10 марта 1942 года, Действующая армия.*

РГАСПИ,
ф. 83, оп. 1, д. 18, л. 25—39.

Прочтя эти строки, понимаешь, что к боевым донесениям наших частей и соединений надо относиться с сугубой осторожностью. Поди пойми, когда там действительно «разведка боем» или «бои местного значения», а когда под этими громкими названиями скрываются поисковые действия разведгруппы в 3 человека. И также со всеми остальными терминами — «атака», «контратака», «десант» и др. Часто все они существуют лишь в фантазии командиров и начальников штабов. Донесениям особистов тут все же больше веры.

ПРОЛОГ К ТРАГЕДИИ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ

Зимой и весной 1942 года недавно сформированная 2-я ударная армия Волховского фронта безуспешно атаковала германские позиции. Причины неудач вскрывает докладная записка начальника Особого отдела НКВД Волховского фронта майора госбезопасности А. Мельникова члену ГКО Георгию Маленкову от 11 марта 1942 года «О недостатках в ходе боевых операций в частях 2-й ударной армии»:

«Анализируя ход боевых операций за последние пять дней в частях 2-й ударной армии, нами вскрыт ряд серьезных недочетов, в результате которых части и соединения армии успеха не имеют и несут большие потери.

Одним из основных недостатков в проведении боевых операций является плохая организация разведки. Части и

Почему победила Красная Армия?

соединения армии ведут наступление, не зная обороняющегося противника, его систему укреплений и наличие огневых точек.

Одновременно с этим в некоторых частях имеющиеся разведывательные подразделения используются не по назначению.

В 22-й стрелковой бригаде разведывательная рота охраняет КП и сопровождает комбрига Пугачева.

Разведывательных и оперативных сводок из штаба армии бригада не получает. Ввиду незнания сил противника штаб бригады своих сводок не составляет.

В ночь с 4-го на 5-е марта группа разведчиков во главе с командиром взвода — лейтенантом Пустовым была направлена в район железной дороги Красная Горка. По возвращении из разведки лейтенант Пустов доложил командованию бригады, что он заходил в тылы противника, где обнаружил там три немецких блиндажа, и что противник обстреливал и бросал в них гранаты. Данные сведения штаб бригады сообщил в штаб 2-й ударной армии.

Проверкой установлено, что в тылы противника данная группа разведчиков не ходила и никаких блиндажей не видела.

Пустов от занимаемой должности отстранен.

В 53-й отдельной стрелковой бригаде из-за отсутствия разведывательных данных во время наступления были окружены и уничтожены противником 2 взвода пехоты.

Аналогичные факты имеют место и в других частях.

Серьезным недостатком, характерным для ряда частей армии при проведении боевых операций, является отсутствие оперативного руководства штабов своими частями и подразделениями.

В 22-й стрелковой бригаде связь штаба бригады с подразделениями налажена плохо. Телефонная связь часто прерывается, запасного кабеля нет. Обстановка на участке фронта штабом бригады до командиров подразделений не доводится, и командиры при выполнении операций не знают не

только действия соседних частей, но и других своих подразделений. Письменные приказы подразделениям из штаба не составляются и не присылаются, а передаются по телефону полным открытым текстом. Этим самым нарушают приказ наркома обороны № 0243 о запрещении незашифрованных разговоров.

Противник, благодаря беспечности отдельных командиров частей, включается в наши провода, использует эти данные и точно в назначенные часы операции наших частей бомбардирует и обстреливает командные пункты и огневые позиции.

4. III. начальник штаба 22-й бригады Дударев сообщил по телефону командиру 1-го батальона Румянцеву, что в 2-00 4. III по противнику будет открыт «концерт». Этот разговор был подслушан противником, и точно в эти часы противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по огневым позициям бригады, в результате чего назначенная операция была сорвана.

5. III в 1-00 ответственный дежурный штаба Базик передал в подразделения приказ следующего содержания: «В дополнение к ранее данному приказанию «концерт» переносится на 3 часа».

В этот же день командир 1-го батальона Румянцев сообщил по телефону начальнику штаба бригады следующее донесение: «У меня в батальоне осталось 30 человек, и то вооруженных винтовками. Противотанковых ружей и пулеметов нет».

6. III в 12-00 начальник штаба 22-й стрелковой бригады Дударев в присутствии комиссара бригады Грикалова передал следующее приказание командиру 1-го батальона: «Тов. Румянцев, по приказанию Пугачева (комбриг) выделите из своего батальона в разведку 30 человек. По имеющимся данным у н. п. войска противника находятся Красная Горка и сегодня ночью продвигались на восток. Дайте указание разведку провести боем, если противник будет оказывать сильное сопротивление, атакуйте его силами и займите Красную

Горку. А при условии сопротивления атаковать не нужно, об исполнении донести».

Румянцев, в свою очередь, докладывая о положении батальона, в 18-00 6.III сообщил Дудареву, что у него открыт левый фланг и сил для прикрытия его нет.

5.III командир 57-й стрелковой бригады полковник Веденичев в разговоре по телефону с генерал-майором Ивановым рассказал последнему свою обстановку и точно указал, где и как занимают оборону части 57-й стрелковой бригады у деревни Крутик.

Отдельные командиры частей подготовкой и ходом боевых операций лично не руководят, пьянствуют и отсиживаются в землянках.

Командир 1267-го стрелкового полка 382-й стрелковой дивизии майор Ходулей вместо руководства боем в ночь с 5-го на 6-е марта был пьян, самовольно оставил полк и уехал в тыл. В пути следования Ходулей зашел в шалаш, где размещались красноармейцы, и потребовал погасить костер, расстреляв при этом двух бойцов (фамилии которых устанавливаются).

7.III комиссар 191-й стрелковой дивизии старший батальонный комиссар Елхин вместо руководства боем ушел в землянку к генерал-майору Иванову на проводы руководства опергруппы и там весь день провожал их.

Елхин напился до такого состояния, что на обратном пути всех встречных красноармейцев ругал нецензурной бранью, а красноармейцев, которые расчищали дорогу, разогнал. Вокруг себя собрал группу в 15 человек, которые обсуждали его действия, заявляя: «Вот с таким комиссаром, который так много пьет, на войне хорошего мало будет».

Не менее серьезным недостатком в ходе боевых операций частей и соединений 2-й ударной армии является недостаточно четкое взаимодействие пехоты с артиллерией. Стрелковые части бросаются в атаку без артиллерийской поддержки и вместе с этим несут излишние потери.

Это подтверждается следующим:

27. II артиллерийские части 22-й стрелковой бригады по причине своей неманевренности дали возможность противнику зайти со стороны Глубочка и потеснить подразделения бригады. Артиллеристы не только не подавили огневых точек противника, но и не вели огня по наступающей пехоте. В этой же бригаде 23 и 24. II из-за отсутствия связи и артиллерийской разведки наступление пехоты поддержано не было и огневые точки противника уничтожены не были.

За последнее время огневые позиции артиллерии 191-й стрелковой дивизии устанавливаются в лесу, вследствие чего батареи вести огня прямой наводкой по огневым точкам противника не могут. Выкатить орудия на опушку леса из-за близости КП противника нельзя, так как противник все время обстреливает из минометов опушку леса.

Политрук стрелковой роты 191-й Краснознаменной стрелковой дивизии Сафронов вместо руководства боевой и политико-воспитательной работой в своей роте пьянствует, чем дискредитирует себя перед командно-рядовым составом.

26. II Сафронов во время наступления роты напился до такого состояния, что не мог руководить подразделением.

В 22-й отдельной стрелковой бригаде за время боевых операций с 21-го января партийно-комсомольских собраний не проводилось и работы Политотдела не чувствуется. Инструктора Политотдела, за исключением зам. нач. Политотдела по комсомолу Шумилина и инструктора по партийному учету Уханова, в стрелковые подразделения не ходят. Работники Политотдела своей основной работой по приезду в части не занимаются, о чем говорит следующее:

2 марта инструктор по партийному учету 22-й отдельной стрелковой бригады Уханов и зам. нач. Отдела по комсомолу Шумилин, будучи в нетрезвом состоянии, пришли в тыл 3-го батальона 22-й стрелковой бригады и стали просить помощника командира батальона по хозяйственной части, чтобы он написал в газету «о их героических подвигах». Если он это сделает, тогда и они в свою очередь постараются создать ему благоприятную обстановку, по которой пом. комбата

Почему победила Красная Армия?

могут представить к правительственной награде» (РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 18, л. 41—45).

Да, если верить донесению особиста, незавидное наследство досталось печально знаменитому генералу Андрею Власову, месяц спустя принявшему 2-ю ударную армию, и ничего удивительного в том, что она оказалась разбита, а командующий оказался в плену. Как знать, будь во 2-й ударной лучше налажена разведка и взаимодействие родов войск, она бы все-таки вышла из окружения, и Власов бы никогда не оказался во главе Русской Освободительной армии.

ГЕНЕРАЛ ШМИДТ: «ОБУЧЕНИЕ И ПОДГОТОВКА ПОПОЛНЕНИЯ ДОЛЖНА ПРОИЗВОДИТЬСЯ НА ПОЗИЦИИ»

Перевод с немецкого
Командование 9 армейского корпуса

Секретно

Штаб корпуса, 14.4.1942 г.

Командованию 4 танковой армии

Заключительное донесение о боях на левом фланге участка корпуса

...2. Атаки противника, произведенные с 4.3.42 г. семью стрелковыми дивизиями, семью стрелковыми и двумя танковыми бригадами против северного фланга 252 пехотной дивизии и против фронта 35 пехотной дивизии, с целью захвата Гжатска, были отбиты. Противник потерял в этих боях свыше 800 пленных.

Его потери убитыми, согласно показаниям пленных и согласно нашему подсчету, «составляют» свыше 20 000 человек, 36 танков противника были уничтожены.

Принимая во внимание благоприятные условия для противника, на участке корпуса (автострада, главная железная дорога, старая почтовая дорога) следует ожидать того, что этот участок останется по-прежнему на направлении главного удара.

1. В ходе боев, с момента занятия зимней позиции наши потери составляли:

А) убитыми и ранеными — 127 офицеров и 5649 унтер-офицеров и рядовых;

Б) потери от обмороживания в тяжелой форме и от тяжелых заболеваний — свыше 3200 офицеров, унтер-офицеров и рядовых;

В) кроме временного снижения боеспособности, вызванного холодом, легкими обмороживаниями и замерзаниями, общие потери корпуса со времени занятия зимней позиции достигают 9000 офицеров, унтер-офицеров и рядовых.

Из общего количества 27 пехотных батальонов дивизий корпуса теперь 24 заняты в крупных боях (включая Васильки), из них 12 с новым пополнением введены в бой вторично.

Дополнительно были введены 3 не входящих в корпус батальона, 3 саперных батальона и 2 разведывательных батальона (отчасти также вторично). Некоторые батальоны имели при этом потери до 90% общей численности.

С момента занятия зимней позиции в корпус прибыло пополнение: 6547 офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Если уже это пополнение покрывает последние потери лишь на 2/3, то в одной только пехоте, если взять в основу новую организацию военного времени (три пехотных полка по два батальона каждый), в результате прежних потерь создается около 10 000 некомплектных должностей.

2. Участок корпуса сейчас простирается по фронту 46,5 км. Существующий сейчас боевой состав пехоты корпуса составляет около 9300 человек. Таким образом, на каждый километр фронта приходится 156 человек, или один человек на 6,4 м ширины фронта. Эти цифры показывают не только слабость фронта, но также трудность создания глубины обороны и создания каких-либо резервов.

В это число включены 2 батальон 62 пехотного полка (7 пд), 68 пехотный полк (23 пд), 2 батальон 475 пехотного полка (255 пд), батальон «Хипе» (11 тд).

Почему победила Красная Армия?

3. С этой численностью войск должны удерживаться и расширяться позиции, а также проводиться срочно требующаяся подготовка войск. При этом особенно ощущаются высокие потери командиров, младших командиров и старых солдат. Снятие с фронта инструкторов невозможно. Поэтому обучение и подготовка должна, как правило, производиться на позиции.

Насколько срочно требуется подготовка пополнения специалистов, показывают данные в приложении, из которых следует, что из имеющегося оружия (которого недостает до необходимого количества) лишь известная часть может быть укомплектована людьми вследствие нехватки подготовленных специалистов. Предполагаемые три маршевых батальона, прибытие которых ожидается в лучшем случае до конца распутицы, не принесут существенного улучшения, так как этому приросту противостоит отдача частей, не принадлежащих корпусу, и время перед началом новых атак (для организации и проведения обучения этого пополнения) является недостаточным.

4. Корпус способен к обороне и местным атакам лишь с 87, 78 и 252 пехотными дивизиями.

35 пехотная дивизия должна поддерживаться другими дивизиями.

Для отражения крупных атак на широком фронте сил корпуса в настоящее время не хватает.

Командир корпуса Шмидт

ЦАМО, ф. 500, оп. 12479, д. 1335, лл. 81—84.

Здесь бросается в глаза, что немцы первостепенное внимание уделяли подготовке пополнения, даже в условиях, когда ощущалась резкая нехватка людей. Иная практика была в Красной Армии. Например, в действовавшей по соседству с 9-м армейским корпусом советской 43-й армии в это время, наоборот, предпочитали бросать в бой необученное пополнение, что приводило к большим потерям. Так, в составленном полковником Генштаба К.Ф. Васильченко в мае — июне 1942 года описании «Операция 33 и 43 армии на Вя-

земском направлении» особо отмечалось, что «в период, когда 43-я армия ведет напряженные бои, ей присылают пополнение не маршевыми подразделениями, а количеством людей. Дальше дивизии в свою очередь получают пополнение количеством людей в тот период, когда они ведут бои по прорыву оборонительной системы противника. Люди сразу (необстрелянные и недостаточно обученные) вливаются в боевые порядки и начинают вести бой. Получалась большая диспропорция в боевых качествах между бойцами, закаленными в боях, и новичками, которые еще даже не были обстрелянные. Первые в боевой обстановке были устойчивые и дрались хорошо. Вторые были менее устойчивые и часто вначале поддавались панике. Вследствие этого, часто растворенные старые части среди малообученных новичков не выполняли боевых задач и несли большие потери» (Митягин С. Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г. // Военно-исторический архив. Вып. 3. М., 1998. С. 156).

Отмечу, что советская группировка в немецком донесении определена весьма точно. В составе 5-й армии на Гжатск в марте — апреле 1942 года наступали восемь стрелковых дивизий (331, 352, 354, 50, 108, 32, 144, 19), шесть стрелковых бригад (1 гвардейская, 64, 55, 36) и две танковые бригады (1 гвардейская и 20) (Г. К. Жуков в битве под Москвой. М., 1994. С. 132, 149). К началу наступления все эти соединения были срочно укомплектованы пополнением (там же. С. 133).

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ

5 мая 1942 года, в самый канун германского наступления в Крыму, Генеральный штаб подготовил «Сводную ведомость о трофеях наших войск и потерях противника за период с 6 декабря 1941 года по 20 апреля 1942 года». В объяснительной записке к этой ведомости утверждалось, что она «составлена на основе донесений военных советов фронтов. В этот период Красная Армия провела целый ряд крупных

Почему победила Красная Армия?

наступательных операций на всех фронтах, в итоге которых, как указывается в первомайском приказе наркома обороны СССР т. СТАЛИНА; «...Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам ряд жестоких поражений и вынудила их очистить значительную часть советской территории. Расчеты захватчиков использовать зиму для передышки и закрепления на своей оборонительной линии потерпели крах. В ходе наступления Красная Армия уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, забрала у врага немалое количество техники и заставила его преждевременно израсходовать резервы из глубокого тыла, предназначенные для весенне-летних операций».

Ярким подтверждением этих слов приказа являются цифры потерь врага в живой силе, самолетах, танках, орудиях, пулеметах, автомашинах и другом военном имуществе, приведенные в сводной ведомости о трофеях наших войск и потерях противника за зимний период Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками. Понятно, что эти цифры не могут претендовать на особую точность, они могут колебаться в сторону небольшого увеличения или уменьшения, тем не менее, они с полным основанием могут быть взяты за исходный момент для анализа состояния немецко-фашистской армии к весне 1942 года.

5. Потери немецко-фашистских войск только убитыми составляют 786 000 человек. Если это количество взять как одну треть к числу раненых, это подтверждается опытом предшествующих войн и настоящей войны, то общие боевые потери противника в людях составят около 2 300 000 убитых и раненых. К этой цифре необходимо добавить 150 000—200 000 человек обмороженных, как результат неподготовленности немецкой армии к ведению кампании в условиях суровой русской зимы.

Таким образом, издержки немецкой армии в живой силе за зимний период составляют около 2 500 000 человек. Эта цифра потерь, естественно, не может не потребовать от германского командования большого напряжения в деле непрерывного пополнения действующих на фронте частей со-

ответствующим контингентом подготовленных людей, а глубокие прорывы войск Красной Армии на многих участках фронта потребовали от противника ввода в действие свежих соединений и частей, предназначенных для весенне-летних операций. Трудно определить, какое количество людей пришло на пополнение в действующие части за счет маршевых рот и запасных батальонов, во всяком случае это пополнение зимой шло непрерывным потоком и перемалывалось в тяжелых оборонительных боях с наступавшими частями Красной Армии. Известно лишь одно, что, несмотря на приход пополнения, около ста дивизий немецкой армии, действующих на Восточном фронте, пришли к весне в 30-процентном боевом составе, а несколько десятков дивизий имеют в своем составе 50—60 процентов к штату. Говорить о боеспособности этих дивизий не приходится. Без солидного отдыха и пополнения людьми такие дивизии вряд ли смогут вести наступательные действия. К этому еще нужно присоединить то обстоятельство, что лучшая и наиболее боеспособная часть солдат и офицеров оказалась выбитой.

За период наступательных действий Красной Армии немцы перебросили из Франции и Германии 38—40 новых дивизий, которые начали прибывать на фронт и вступать в действие с января 1942 года. В боях эти дивизии понесли также огромные потери.

На 20 апреля 1942 года на Восточном фронте у немцев находилось 183 дивизии, из них пехотных 158, танковых — 19, моторизованных — 13. Большая часть этих дивизий участвовала в изнурительных оборонительных боях и понесла большие потери. Для проведения больших наступательных операций в ближайший период времени эти дивизии вряд ли могут быть использованы, так как они нуждаются в пополнении и отдыхе.

6. Потери бронетанковых частей противника равны 4673 танкам, из них захвачено 1888 и уничтожено 2785. В течение зимы для укомплектования танковых частей немцы дали около 3500 танков. Если считать, что в 19 танковых дивизиях к началу наших наступательных операций было около 2500 тан-

ков, то вместе с пополнением это составит 6000 танков. При вычете потерь зимнего периода остается всего около 1500 танков. Танковые дивизии как решающая сила гитлеровской военной машины к весне 1942 года оказались обескровленными, и несомненно, что лучший боевой состав танкистов этих дивизий обрел бесславную кончину на просторах советской территории. Танковые дивизии необходимо было также доукомплектовать людьми и материальной частью. К весне эта задача оказалась невыполненной. Но и доукомплектованные танковые дивизии не будут представлять той силы, которую они имели в первые месяцы войны с нами.

7. Потери немцев в артиллерийском вооружении равны 9867 орудий разного калибра, в том числе и противотанковых (в самой ведомости указывалось также, что советские войска за зимний период захватили 3307 и уничтожили 1635 минометов; уничтожили и захватили 261 бронемашину и 53 929 автомашин. — Б. С.). Это количество в переводе дает вооружение 70 немецких пехотных дивизий. Ясно, что возмещение таких потерь вместе с убылью личного состава артиллеристов требует также немало напряжения людских и материальных ресурсов.

8. За этот период немцы потеряли сбитыми в воздушных боях и уничтоженными на аэродромах 3475 самолетов (в ведомости отмечалось, что, кроме того, 85 самолетов было взято в качестве трофеев. — Б. С.), это дает в среднем на день 25—26 самолетов, или материальную часть 14—15 современных немецких авиадивизий, т.е. двухмесячную продукцию авиапромышленности Германии.

Пополнение самолетного парка и возмещение потерь в летном составе, конечно, потребовало известного напряжения, и вряд ли немецко-фашистское командование могло восстановить свою авиацию к весенне-летним операциям на Восточном фронте в количестве, с каким они входили в войну с нами. Это тем более проблематично, что авиапромышленность в Германии и оккупированной зоне Франции находится под систематическим воздействием авиации англ-

личан и не в состоянии поэтому развернуть производство самолетов на полную мощность.

Общий вывод.

Огромные потери в людях и вооружении, понесенные немецко-фашистской армией за зимний период, значительно ослабили ее силы и подорвали ее боеспособность. После непрерывных и изнурительных оборонительных боев зимнего периода немецкой армии потребуется необходимый период времени для переформирования и доукомплектования частей как людьми, так и материальной частью» (РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 30, л. 7-14).

Этот радужный доклад, на основе которого Ставка приняла решение о проведении наступательных операций на Украине и в Крыму (в случае удачного исхода Харьковской операции), имел очень мало общего с действительностью. На самом деле за период с 11 декабря 1941 года по 20 апреля 1942 года, согласно данным дневника Гальдера, германская армия потеряла на Восточном фронте 78 514 солдат и офицеров убитыми (еще 22 177 пропали без вести) (*Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. С 120, 237. Записи от 14 декабря 1941 года и 25 апреля 1942 года), т.е. ровно в 10 раз меньше, чем полагали советские генштабисты, которые фактически принимали немецкие безвозвратные потери равные истинным безвозвратным потерям Красной Армии. Это доказывает одним простым примером. 323-я стрелковая дивизия за три дня боев с 15 по 17 декабря 1941 года в среднем в день теряла убитыми и пропавшими без вести 560 человек. А вся германская восточная армия, насчитывавшая к тому времени более 150 дивизий, в период с 11 по 31 декабря 1941 года в среднем ежедневно несла лишь немногим большие безвозвратные потери — 681 человек (*Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 120, 161. Записи от 14 декабря 1941 года и 5 января 1942 года). Даже с учетом того, что не все советские дивизии (а только стрелковых дивизий к концу 1941 года было 275) вели в эти дни бои той же интенсивности, что и 323-я дивизия, разница в уровне потерь слишком кричащая,

чтобы ею можно было пренебречь (Скрытая правда войны: 1941 год. С. 222).

В оценке числа раненых советский Генштаб ошибся не менее красноречиво. В период с 10 декабря 41-го по 20 апреля 1942 года германская восточная армия потеряла ранеными 273 185 человек — тоже почти в 10 раз меньше, чем полагало руководство Красной Армии. Насчет общего числа немецких дивизий на Восточном фронте советский Генштаб ошибся несильно (к 16 июня 1942 года на Восточном фронте, включая Финляндию, как раз находились германские силы, эквивалентные 184,5 расчетной дивизии, включая 19 танковых, правда, в это число входило 12 охранных дивизий, имевших лишь ограниченную боеспособность и находившихся в глубоком тылу на оккупированных территориях; хотя, надо полагать, к концу апреля группировка была на несколько дивизий меньше), но вот степень их укомплектованности была многократно приуменьшена. Также преувеличены были советские данные о потерях неприятеля в боевой технике. С 1 декабря 1941 года до 1 февраля 1942 года германские войска на Восточном фронте безвозвратно лишились 951 танка и 881 самолета, в последующие же два с половиной месяца потери боевой техники были незначительны. Но советский Генштаб значительно преувеличил величину танкового пополнения, поступившего в германскую восточную армию, и таким образом угадал общее число боеспособных танков, имевшихся у немцев на советско-германском фронте весной 1942 года. На 31 марта некомплект танков составлял свыше 2000 машин, так что, с учетом численности танков и штурмовых орудий на 22 июня 1941 года, в строю оставалось чуть более 1,5 тысячи единиц бронетехники. Ошибка же советской разведки заключалась в том, что, преувеличив потери, она недооценила резерв танков, имевшийся в распоряжении германского командования, поэтому активные действия танковых соединений вермахта в мае и в ходе летнего немецкого наступления оказались для Красной Армии неприятным сюрпризом.

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЕ ТАНКИСТЫ ПРОИГРЫВАЛИ СРАЖЕНИЯ

Приказ Наркома обороны № 0728

**«О внедрении в боевую практику танковых войск
стрельбы из танков с хода».**

19 сентября 1942 года

Приказываю:

9. Танковым частям Действующей армии с момента подхода к боевым порядкам своей пехоты атаку противника начинать мощным огнем с хода из всего танкового вооружения, как из орудий, так и из пулеметов, не бояться того, что стрельба получится не всегда прицельная. Стрельба из танков с хода должна быть основным видом огневого воздействия наших танков на противника и, прежде всего, на его главную силу.

10. Увеличить боекомплект в танках, доведя его на танке КВ до 114 снарядов, на танке Т-34 до 100 снарядов и на танке Т-70 до 90 снарядов.

В танковых бригадах и полках иметь три боекомплекта, из них один возимый в танках.

11. В целях увеличения дальности действия танков возобновить к 1.10.42 г. установку запасных баков для горючего на танках КВ и Т-34 емкостью для КВ 360 литров и для Т-34 270 литров.

Нарком Обороны И. Сталин (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 460, л. 55).

Но стрельба с хода в то время в принципе не могла быть прицельной. Надежные устройства-стабилизаторы, позволяющие вести прицельный огонь из танковых пушек в движении, появились только в 50-е годы. Немецкие танкисты в период Второй мировой войны предпочитали делать остановку перед тем, как открыть огонь, чтобы не расходовать снаряды для малоэффективной стрельбы в движении. Советских же танкистов приказ обязывал стрелять преимущественно с хода, что, в сущности, означало стрельбу по площадям, а не по конкретным целям. Увеличение боекомплекта оставляло в танке очень мало сво-

Почему победила Красная Армия?

бодного места, что затрудняло действия экипажа. Наличие же на броне заполненных горючим запасных баков приводило к тому, что любая пуля или осколок могли мгновенно превратить танк в пылающий факел.

Совершенно Секретно

Переговоры по прямому проводу товарища Сталина с т.т. Малиновским, Лариным и Корниец (Южный фронт).

22.VII.1942 г.

У аппарата Малиновский, Ларин и Корниец.

У аппарата Сталин. Здравствуйте. Не можете ли Вы теперь же взять на себя оборону южного берега Дона от Батайска до Цимлянская включительно, с тем, чтобы расположенные на этом берегу части Северо-Кавказского фронта перешли к Вам в подчинение?

Малиновский. Здравия желаем. Докладываем:

1. Обстановка сегодня с утра резко усложнилась. Поэтому мы начнем докладывать обстановку, наши мероприятия для получения от Вас указаний.

Докладываю: высланный нами офицер связи из штаба 51 армии доложил, что по полученным данным в Штарме к 5.00 22.VII. противник форсировал Дон у Цимлянская и силами до одной дивизии занял: Красноярская, Попов, Богу-чары. Также противник переправился у Николаевская и занял Морозов, Дубенцовская, Пирожок. Данных об участке Константиновская в Штарме-51 нет. Наша авиация, проводя разведку Дона и возвращаясь с разведки, наблюдала: в 11.40 22.VII. со стороны Западно-Кагальницкий в направлении Обливной двигалось 15 танков и 60 машин. В это же время от Висловский в направлении Большая Орловка двигалось 25 танков и 150 машин. И по направлению от Золотареvская на Нижний и Верхний Соленый двигалось 200 автомашин, причем наши разведчики из этой последней колонны были обстреляны зенитным огнем и над этой колонной в воздухе ходило 2 «Мессершмитта». Для уточнения принадлежности этой колонны и обстановки в этом районе высла-

на наземная разведка и повторная воздушная разведка и командир штаба. Кроме того на переправу через Манычский канал в район Веселый в срочном порядке выдвигаю кое-какие части 9 армии, собравшиеся в районе Верхний Хомулец общей численностью от полутора до двух тысяч бойцов с задачей удерживать эти переправы и не допустить противника через Манычский канал на юг. С этим приказом час тому назад выехал командир штаба, а вслед за ним т. Лопатин с тем, чтобы передать эти силы под командование командира 5 кавкорпуса Пархоменко.

Завтра утром Лопатин готовится вылететь к Вам.

Принимаем все возможные меры к переброске 68 стрелковой бригады из района Батайск в район Веселый на усиление этой группы Пархоменко.

2. На участке 56 армии противник сегодня с 9 часов утра перешел в наступление на фронте Камышевка — Каменный Брод с танками и мотопехотой и на участке Несветай — Генеральское до 100 танков прорвали обвод Г у Генеральская и наступали на Султан — Салы. В 16 часов захватили Султан — Салы, а в 17 часов Красный Крым.

Дан радиоприказ командарму 56, используя свои резервы, уничтожить танки и частями 216 сд занять обвод А в районе Красный Крым. Частями 16 стрелковой бригады на направлении Чалтырь и 31 дивизией обвод А от реки Аксай до Щепкин. Подчинил командарму-56 176 сд в районе Раковка — Большой Лог. Командарму-18 приказал отошедшими дивизиями в район Ростов, их у него 3 дивизии, прочно занять для обороны Ростовский обвод В и продолжать переправу войск на южный берег Дона, собирая армию в районе Красноармейск, станица Злодейская, станица Кагальник.

Военный Совет ночью работал на переправах. Переправлялась артиллерия 68 бригады и автотранспорт по переправам через остров Зеленый и по железнодорожному мосту.

С 6 часов утра противник опять сильно бомбит ростовские переправы. После переговоров с Вами члены Военного Совета опять выезжают на переправы для ускорения переброски войск на южный берег Дона.

Почему победила Красная Армия?

3. Имеем достоверные данные, добытые перехватом радиодонесения румын за 21 июля, из которого видно: на фронте Бирюково — Матвеев Курган действует армейская группа Руофф, далее на фронте Каменск — Бирюково 17-я немецкая армия, с фронта Каменск — Белокалитвенская в направлении Новочеркасск 1-я танковая армия и с фронта Белокалитвенска — Тацинская в направлении также на Новочеркасск — 4-я танковая армия и с фронта Тацинская — Морозовский в направлении на юг на Цимлянская — Николаевская 2-я танковая армия.

В этом же донесении румыны сообщают в свой Генштаб, что наступление немцев на Воронеж и севернее успеха не имеет, а бои за Кавказ начнутся в ближайшее время армейской группой А Листа в составе перечисленных танковых армий, 17 армии и армейской группы Руофф, а армейская группа Б всеми силами союзников, итальянской, румынской и венгерской армиями будут нести оборону по реке Дон и наступать на Волгу.

4. Очень необходимо быстро усиливать 51 армию силами, причем главным образом танковыми и моторизованными за счет закавказцев и действовать группой 64 армии и танковыми бригадами со стороны Сталинграда в общем направлении на Ремонтная и вдоль южного берега Дона.

5. По только что полученному донесению с прибывшим нашим офицером связи, 37 армия переправила части 295 сд в район Костылевский, 230 сд в район Елкин и переправляет 74 сд, собирая ее в Калинин.

Противник занял Мелеховская и пытался форсировать реку Дон, но его атаки отбиты, штаб 37 армии занимает Калинин, под прикрытием 110 кд, занимающей оборону по Дону от Семикараковская до Богаевская. Отдан приказ 37 армии двинуться в район Нижний и Верхний Соленый, Большая Орлавка и, если успею, захвачу рубеж по реке Сал и, если это удастся, буду выдвигать 37 армию на усиление частей 51 армии на участке Николаевская, Константиновская. Артиллерию свою 37 армия также переправила.

6. Очень нуждаемся в горючем для авиации, которое разыскиваем по всем железным дорогам, но указанных нам номеров транспортов с горючим и вообще какого бы то ни было авиагорючего найти не можем.

В связи с создавшейся обстановкой крайне необходимо подчинить нам 51 армию и все части, расположенные от Семикараковская до Батайска. Им нужно давать немедленно приказы, вытекающие из сложившейся обстановки. Неясность подчинения пагубно отражается на боевых действиях и управлении.

Считаем, что вся авиация вместе с нашей авиацией Северо-Кавказского фронта и авиацией Сталинградского фронта должна действовать по противнику от Цимлянская до Ростова. Необходимо резкое усиление авиации для борьбы против этих танковых армий и принять все меры подачи авиагорючего.

У нас все.

Сталин. Ваши разведывательные данные малонадежны. Перехват сообщения полковника Антонеску у нас имеется. Мы мало придаем цены телеграммам Антонеску. Ваши авиаразведывательные сведения тоже не имеют большой цены. Наши летчики не знают боевых порядков наземных войск. Каждый фургон кажется им танком, причем они не способны определить — чьи именно войска двигаются в том или ином направлении. Летчики-разведчики не раз подводили нас и давали неверные сведения. Поэтому донесения летчиков-разведчиков мы принимаем критически и с большими оговорками. Единственно надежной разведкой является войсковая разведка, но у вас нет именно войсковой разведки или она слаба у вас.

Критический разбор всех авиадонесений приводит к следующим выводам:

1. У переправ на Дону от Константиновской до Цимлянской у противника имеются лишь незначительные группы.

2. Наши липовые командиры объаты страхом перед немчурой, у страха, как известно, глаза велики и, конечно, по-

нятно, что каждая маленькая группа немцев рисуется как пехотная или танковая дивизия.

Вы должны немедленно занять южный берег Дона до Константиновской включительно и обеспечить оборону южного берега Дона в этой зоне. В этом районе южный берег Дона гористый и высокий, а северный — низкий. Следовательно, при известной распорядительности, можно бы обеспечить эту зону. Все части Северо-Кавказского фронта, стоящие в этой зоне, подчиняются Вам. Авиация Южного фронта и Северо-Кавказского фронта должна быть объединена в Ваших руках. Что касается района от Константиновская до Верхне-Курмоярская — его будет обеспечивать авиация Сталинградского фронта.

И. Сталин. Какие имеются у Вас замечания?

Малиновский: Неясно, кому будут подчинены части, занимающие Дон от Константиновской на восток? Остальное все понятно. На основании Вашего указания подчиняю себе все части от Константиновской до устья Дона и подчиняю себе все части от Константиновская до устья Дона и объединяю авиацию в своих руках.

Сталин. Район от Константиновская до Верхне-Курмоярская пока останется у Буденного, а потом, смотря по обстановке, будет переподчинен либо Вам, либо Гордову, который с сегодняшнего дня назначен командующим сталинградским фронтом вместо Тимошенко. Все. Сталин.

Малиновский: Все понятно. Будем действовать и ожидать Вашего приказа.

Сталин. Соответствующий приказ Ставки будет передан Вам, Буденному и Сталинградскому фронту, а Вы можете немедленно приступить к делу, исполнению, согласно полученного указания. Все.

Малиновский: Приступаем к исполнению. Все (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 489, л. 65—70).

Два дня спустя, 24 июля, немцы заняли Ростов. Прав оказался Малиновский, а не Сталин. Родион Яковлевич очень точно вскрыл неприятельскую группировку на юге и опреде-

лил направления основных ударов. Верховный же Главкомандующий думал, что немцы наносят мощный удар не только в направлении Сталинграда и Кавказа, но и у Воронежа в обход Москвы с юга, а на донских плацдармах у Ростова у немцев не танки, а фургоны. Поэтому резервов Малиновскому не давал, а тратил их в бесполезных и безрезультатных контрударах на воронежском направлении, где немецкие войска давно уже перешли к обороне. И чтобы свалить вину с больной головы на здоровую, 28 июля 1942 года появился знаменитый сталинский приказ № 227, где утверждалось, будто «часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором». Но в глубине души Сталин понимал, что Малиновский оказался прав, и, хотя и снял его с командования Южным фронтом, доверие к Родиону Яковлевичу сохранил. Вскоре Малиновский был назначен командовать ударной 2-й гвардейской армией, а потом опять оказался во главе фронта.

ГКО, тов. Сталину, тов. Молотову

27 декабря 1942 г.

По сообщению Особого Отдела НКВД Сталинградского фронта, в ночь на 27-е декабря с. г. у себя на квартире застрелился член Военного Совета 2-й Гвардейской армии генерал-майор Ларин.

Ларин оставил записку следующего содержания: «Я не причем. Прошу не трогать мою семью. Родион умный человек. Да здравствует Ленин».

Родион — командующий 2-й гвардейской армией т. Малиновский.

19 декабря с. г., выезжая на передовую линию фронта, Ларин вел себя нервно, ходил во весь рост и был легко ранен пулей в ногу, создавалось впечатление, что он искал смерти.

Расследование на месте ведет Начальник Особого Отдела НКВД фронта тов. Селивановский.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР — Л. Берия.

РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 19, л. 8.

Почему победила Красная Армия?

Вот как излагал бывший секретарь Военного Совета Южного фронта старший батальонный комиссар А. Феденеев в письме Маленкову от 29 декабря 1942 года историю бегства в августе 42-го адъютанта бывшего командующего фронтом генерала Р.Я. Малиновского капитана Сиренко:

**«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову
от ст. батальонного комиссара А. Феденеева**

29.XII.42 г.

Будучи секретарем Военного Совета Южного фронта, я, после расформирования такового, находился в составе Донской оперативной группы под командованием генерал-лейтенанта Малиновского и весь период существования этой группы был вместе с тов. Малиновским.

В период существования этой группы, примерно во второй половине августа месяца 1942 г., когда штаб группы находился в г. Нальчике, произошел следующий факт.

При генерал-лейтенанте Малиновском на штатной должности — для особых поручений при командующем фронтом — служил капитан Сиренко. Сиренко прибыл в Военный Совет Южного фронта вместе с т. Малиновским из армии, где он был при нем адъютантом, и весь период пребывания т. Малиновского на Южном фронте был при нем. Находился вместе с Малиновским он и в оперативной группе до момента прибытия ее в Нальчик.

В г. Нальчик было получено указание Ставки Главного Командования о слиянии группы Малиновского с Северной группой войск Закавказского фронта и выбытии генерал-лейтенанта т. Малиновского в распоряжение командующего Закавказским фронтом.

По получении этого указания т. Малиновский приказал штабу группы следовать в г. Орджоникидзе, куда должен был следовать и он для встречи с командующим Северной группы генерал-лейтенантом Масленниковым.

Которого числа точно не помню, но утром, когда все машины штаба группы и охраны были готовы, чтобы следовать

в г. Орджоникидзе, было обнаружено отсутствие капитана Сиренко и водителя т. Малиновского, техника-лейтенанта Летинского. Отъезд был назначен на 7.00, но в 8.00 их еще не было. Несколько человек было отправлено на розыск, так как предполагали, что Сиренко вместе с Летинским и бывшим шофером дивизионного комиссара т. Ларина поехали на квартиру последнего, так как он был местный уроженец и в г. Нальчике находились его родные.

В этот период розысков меня отзывает к себе Малиновский и дает читать письмо, которое он нашел у себя в портфеле и адресованное мне. Письмо оказалось от капитана Сиренко. Обращаясь ко мне, он пишет, что обстановка на фронте сложилась очень тяжело, что-де наши генералы показали себя неспособными командовать, разложились, пьянствуют, развратничают, вроде старого развратника генерала Жук (генерал-майор Жук был на Южном фронте зам командующего по артиллерии и прибыл в штаб фронта вместе с Малиновским из 6 армии). Что генералы возят с собой разных «жен» и «дочерей», а попросту возят проституток. Насмотревшись на все это, он, Сиренко, решил, что должен активно бороться с немцами за свою родину, и решил идти в партизаны. Что уже маленький отряд он организовал, пока из 3-х человек, но он разрастется, и о нем, Сиренко, еще услышат. Подписал письмо он уже как командир партизанского отряда.

После этого стало ясно, что Сиренко удрал, и, подобрав на машину Малиновского шофера, мы последовали на Орджоникидзе.

В г. Орджоникидзе поехал один Малиновский, а мы по дороге были направлены в г. Грозный. По пути в Грозный т. Малиновский нас догнал, и в Военном Совете Северной группы я был вместе с ним. В г. Грозном Малиновский сказал мне, что сообщил о пропаже Сиренко в Особый отдел и что дано указание о розыске его и задержании. Затем я сам разговаривал с оперумолномоченным группы, фамилию его не знаю, так как видел его впервые. Находясь уже на Северо-Кавказском фронте, в сентябре месяце со мной разговари-

Почему победила Красная Армия?

вал начальник Особого Отдела фронта ст. майор госбезопасности т. Зиленин, из чего я сделал вывод, что факт этот особым органам известен.

29.XII.42.

Ст. батальонный комиссар А. Феденев»

РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 19, л.11—12.

Очевидно, история с бегством адъютанта и шофера Машиновского и шофера Ларина стала одной из причин самоубийства члена Военного Совета 2-й гвардейской армии, опасавшегося, что особисты состряпают против него и Машиновского политическое дело в связи с бегством Сиренко. И в дни Сталинградской победы советские генералы особистов боялись больше, чем немцев.

«ЛУЧШЕ НАМ БЫТЬ СЕГОДНЯ УБИТЫМИ, ЧЕМ НЕ ВЫПОЛНИТЬ ЗАДАЧУ»

Вот — приказ командующего 33-й армии генерал-полковника Василия Гордова от 4 сентября 1943 года командиру 173-й стрелковой дивизии полковнику Зайцеву, копии которого были переданы командирам 1311-го, 1313-го и 1315-го стрелковых полков подполковникам Милованову и Сизову и майору Гуслицеру. Этот приказ был издан еще до того, как начались злополучные наступательные операции против Орши и Витебска. Василий Николаевич требовал от подчиненных прорвать оборону врага всеми средствами, в том числе и довольно экзотическими: «Дивизия второй день продолжает топтаться на месте, имея перед собой небольшие группы автоматчиков противника. Ваши заверения меня лично (3.9.) выполнить поставленную задачу оказались очередным обманом. Преступное топтание на месте и окрыление мелких групп автоматчиков врага (стиль у генерала замечательный — вероятно, в данном случае он имел в виду, что немецкие автоматчики окрылены сознанием того, что сдерживают целую советскую дивизию! — Б. С.) происходит потому, что ни Вы, как командир дивизии, ни Ваши

командиры полков не понимают или явно не желают организовать бой.

В самом деле, неужели Вы не можете понять, что никакого сопротивления Вашей дивизии в данных условиях местности противник оказывать не может, да и нет у него к этому никаких условий. Если бы Вы учли обстановку и организовали бой хотя бы маленькими группами (что в данных условиях имеет большое значение), Вы бы выкурили давно мелкие группы автоматчиков, обогатились пленными и давно бы выполнили задачу — выход на рубеж Мишутково — Заполье.

Требую:

3. Организовать бой в соответствии с данными мною лично 3.9. указаниями.

4. Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд.

5. Псылаю Вам группу офицеров, которые помогут Вам поднять людей и двинуть их вперед.

6. Задача дивизии к исходу 4.9. должна быть во что бы то ни стало выполнена. Невыполнение Вами задачи ставит в тяжелые условия соседей справа и слева.

7. Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу. Поймите, этого требуют интересы нашего оружия».

Чувствуется, что на генерала Гордова неизгладимое впечатление произвел кинофильм «Чапаев», особенно «психическая» атака офицерских рот. Да и «Слово о полку Игоре-ве», судя по цитате, было ему хорошо знакомо.

ИСТОРИЯ ГЕНЕРАЛА КЛЯРО

Я хочу рассказать драматическую историю полковника Игнатия Викентьевича Кляро, командира 60-й стрелковой дивизии. Весной 1943 года Сталин заинтересовался судьбой 1-й дивизии московского ополчения и, узнав, что она теперь — 60-я стрелковая, захотел присвоить командовавшей ей полковнику генеральское звание. В связи с этим нахо-

Почему победила Красная Армия?

дившийся в тот момент на Центральном фронте Маленков затребовал данные о дивизии и ее командире. Полковник Чернышев из Политуправления Центрального фронта в связи с этим посетил штаб 60-й дивизии. 18 марта 1943 года он докладывал Маленкову и командующему Центральным фронтом генералу Рокоссовскому:

«Секретно.»

Члену Государственного Комитета Обороны тов. Маленкову
Командующему войсками Центрального фронта
генерал-полковнику тов. Рокоссовскому

Докладная записка

«О состоянии 60-й стрелковой дивизии»

Командир 60 сд полковник Кляр И. В.

*Зам. командира сд по политчасти полковник Юрченко Ю. С.,
начальник штаба сд полковник Либерзон З. Л.*

Начальник Политотдела подполковник Громов М. Д.

Выполняя Ваше приказание, мною совместно с подполковником Ермаковым и майорами Рудаковым и Егориным проверено состояние 60 сд, входящей в состав 2-й танковой армии. Проверкой установлено, что 60 сд была сформирована 7 июля 1941 года в Ленинском районе Москвы и носила название 1-й Ленинской дивизии ополчения.

В сентябре 1941 года дивизия вела первые бои в районе Ельни, затем Спас-Деменска, где попала в окружение противника, причем из старого состава ополченцев остались только тылы дивизии.

С 10 октября 1941 года дивизия пополнилась личным составом и вместе с этим получила порядковый номер 60 сд. Октябрь, ноябрь и декабрь вела бои под Серпуховом и в направлении на Полотняный Завод.

1 января 1942 года выведена в Серпухов на формирование, где полностью получила личный состав и вооружение и 27 января передана в состав 3-й армии Брянского фронта, где провела ряд ожесточенных боев, дважды пополняясь личным составом.

Над 60 сд шефствуют предприятия и учреждения Ленинского района г. Москвы. Дивизия поддерживает тесную связь с Ленинским райкомом ВКП(б), Наркомпищепромом и т. д.

На Центральный фронт 60 сд прибыла из состава 3-й армии Брянского фронта 24 февраля 1943 года, удовлетворительно совершив марш пешим порядком в условиях зимнего бездорожья расстоянием до 450 км.

К моменту своего прибытия на Центральный фронт дивизия в своем составе имела личного состава — 7384, лошадей — 1081, грузовых машин — 66, тракторов СТЗ — 7, раций — 17, винтовок — 6030, автоматов — 708, пулеметов ручных — 177, пулеметов станковых — 89, пулеметов зенитных — 9, ПТР (противотанковых ружей — Б. С.) — 162, пушек разных — 69, минометов — 178, боеприпасов: от 0,3 до 0,65 боекомплекта, продовольствия — от 0,5 до 3 сутодач.

Надо сказать, что в результате нераспорядительности кожаная обувь для личного состава была оставлена в тылах 3-й армии (Выползово) и сейчас люди ходят в валенках. За кожаной обувью посланы автомашины.

В дивизии имеются представители 21 национальности СССР, из них: русских — 62,5 процента, украинцев — 10 процента, казахов — 12,5 процентов, азербайджан (так в документе. — Б. С.) — 3,3 процента, татар — 1,7 процента, других национальностей — 10 процентов.

Весь личный состав — участники Отечественной войны против немцев. Из них орденосцев — 347 человек, коммунистов — 20 процентов, комсомольцев — 12 процентов.

За время наступательных боев на Центральном фронте с 26 февраля по 16 марта дивизия понесла потери: убитых — 723, раненых — 1685, пропавшими без вести — 17, больными — 166, всего — 2566 человек (суммирование приведенных выше цифр дает 2591. — Б. С.).

При этом нанесли потери противнику: убито 745, ранено 1150 солдат и офицеров, взято в плен 84 человека, уничтожено: танков — 3, пушек — 3, пулеметов — 25, взято трофеев: складов с боеприпасами — 8, орудий — 14, легких пулеметов — 1.

тов — 45, станковых пулеметов — 11, пушек — 10, танков — 1, грузовых машин — 2, тракторов — 1, мотоциклов — 6, радиостанций — 5 (помня об истории кавкорпуса Кириченко, мы не должны безоговорочно принимать на веру эти цифры, которые могут отличаться от истинных в десятки раз. — *Б. С.*).

Главная причина больших потерь в дивизии заключается в том, что командир и штаб дивизии, командиры полков плохо организуют руководство и управление боем. Разведка переднего края и сил противника, по сути дела, ни в дивизии, ни в полках не ведется. Вопросами рекогносцировки, взаимодействия, взаимосвязи и взаимоподдержки частями друг друга в дивизии пренебрегают. В результате всего этого части теряют связь со штабом дивизии и друг с другом, действуют изолированно, на свой страх и риск. И если при этом еще учесть недостаточный опыт командиров полков, зачастую попадают в подготовленные противником огневые мешки и несут излишние потери. Подтвердим это некоторыми фактами.

— 1283 сп (командир полка подполковник Фомин) приказ штадива № 008 от 25.2.43 г. 18.15 на наступление получил 26.2.43 г. в 0.35, час атаки 7.00 26.2.43. К этому времени полк был расположен от исходных позиций на расстоянии в 5—8 км. До этого полк никакой разведки противника не вел, так как только что прибыл с марша. Посланная после поступления приказа штадива разведка вернулась в 5.00, не принеся никаких данных об огневых точках противника и линии переднего края, в связи с тем, что время было ночное. Штаб дивизии также не имел разведданных.

Рекогносцировки местности из-за темноты проведено не было. В связи с этим и артиллерия не могла быть поставлена на огневые позиции. В приказе штадива в качестве одного из маршрутов для полка предлагалась дорога Дмитриев — Липки. Когда же полк подошел к этой дороге, то оказалось, что она находится в руках противника. Полк здесь же вынужден был ввязаться в бой.

Таким образом, 1283 сп начал бой вслепую, без разведки противника, без рекогносцировки местности, без артилле-

рийской поддержки. Поэтому неслучайно, что он за первый день боя 26 февраля потерял 187 человек, из них 31 убитыми и 156 ранеными. 27 февраля здесь же потеряно еще 159 человек.

— 2 марта 1943 года при наступлении на Меркуловку командир дивизии приказал командиру учеббатальона (учебно-го батальона. — Б. С.) капитану Мишутину прикрыть фланг дивизии. Мишутин не выполнил приказа, а штаб дивизии не проконтролировал. Мишутин потерял связь со штабом дивизии, вышел вперед боевых порядков дивизии, был пропущен немцами, а затем с флангов и с тылу подвергся ожесточенному обстрелу. За краткое время учебный батальон потерял: убитыми — 71, ранеными — 102, всего 173.

— Так же по-глупому попал в затруднительное положение и 1281 сп (командир полка майор Ощепков). Тов. Ощепков и по возрасту и по стажу молодой командир полка. 9 марта 1943 года при наступлении на Козинку он не разведдал противника и не подумал о стыке с соседом и о своих флангах. Командир и штаб дивизии не проверили готовность полка к бою. В результате полк был пропущен в огневой треугольник Угревичи — Добрудчин — Козинка и под перекрестным огнем потерял убитыми 36, ранеными 67. Всего 103, причем все 3 комбата и 2 заместителя их вышли из строя. Кроме того, потерял 6 станковых пулеметов (из них 3 оставлены противнику), 3 ПТР, 4 миномета.

— В результате медлительности командира 60 сд полковника тов. Кляро командиры полков зачастую не имеют времени на освоение боевого приказа. Поэтому, как правило, спешат и выводят стрелковые батальоны «на авось». Например, 28 февраля в 4.00 дивизия получила боевой приказ штаб-арма на наступление. Час атаки 10.00. Собравшиеся у командира дивизии командиры полков и работники штаба до 9.00 ожидали, пока т. Кляро примет решение, т.е. для командиров полков времени уже не осталось.

— Этот же день — 28 февраля характерен и тем, что штаб 2-й танковой армии включил в свой боевой приказ средства усиления и поддержки 60 сд, заведомо зная, что эти средства

Почему победила Красная Армия?

не могут быть использованы на данном участке. В приказе указывалось, что 60 сд будут поддерживать: вся артиллерия 11 тк, вся артиллерия 112 сд, 37 гмп (гвардейский минометный полк. — Б. С.) и 27 гвардейский тп. На самом же деле оказалось, что артиллерия 11 тк ушла с корпусом на Севск, артиллерия 112 сд стояла далеко на подходе без тягла, 37 гмп был в 15 км без горючего и масла, а из 21 танка 27 гв. тп прибыло лишь 5. Поэтому должной поддержки и взаимодействия не получилось.

По состоянию на 16 марта в дивизии насчитывается 5461 человек. Из них активных штыков вместе с автоматчиками, пулеметчиками, разведчиками, минометчиками и артиллеристами — 3337. Кроме того, дивизия получила местное пополнение в 400 человек. Вооружением дивизия обеспечена. Боеприпасов имеет от 0,3 до 0,6 боекомплекта. 20 автомашин стоят в Дмитриеве и с часу на час ждут подвоза боеприпасов.

Политико-моральное состояние личного состава крепкое. Настроение бодрое. В прошедших боях личный состав дрался самоотверженно и готов к выполнению очередных боевых задач.

Таким образом, несмотря на большие потери, дивизия не обескровлена. Она и сейчас является крепкой, боевой единицей. Последние действия дивизии по отражению вражеских контратак показали, что 60 дивизия является боеспособным соединением.

Дивизией командует полковник Кляро Игнатий Викентьевич. Год рождения 1895, беспартийный, окончил Академию им. Фрунзе. 10 лет преподавал тактику в Военно-Политической академии им. Ленина, в свое время подвергался аресту. Дивизией командует с ноября 1942 года. Представляет собой тип среднего командира стрелковой дивизии. В тактическом отношении грамотен. Работать может и желает. В силы и возможности своей дивизии верит. Любит не учить, а поучать. В своих рассуждениях излишне пространен, в принятии решений несколько медлителен. В бою смел, в сложной обстановке не теряется. Болезненно вос-

принимает тот факт, что с ноября 1942 года не утвержден в должности. Кроме того, обижен на то, что в звании полковник Красной Армии ходит с 1935 года, а также до настоящего времени не награжден, хотя в Отечественной войне участвует с 1941 года и был контужен под Москвой.

Вывод:

— Политико-моральное состояние дивизии и крепкое настроение бойцов и командиров бодрое. Дивизия боеспособна. Личный состав верит в свои силы и готов к выполнению очередных задач.

— Если командир 60 сд полковник Кляро не будет переведен на штабную или преподавательскую работу, то его следует утвердить в должности и поставить вопрос о присвоении ему звания «генерал-майор».

*Начальник Танкового отдела ПУ ЦФ
подполковник Чернышев
18 марта 1943 г.*

РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 20, лл. 27—29.

Содержание доклада Чернышева Маленков уже от своего имени в тот же день шифрограммой передал Сталину, но внес при этом некоторые существенные коррективы и дополнения (РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 20, лл. 1—2). Георгий Максимилианович, в частности, увеличил число орденосцев в дивизии с 347 до 437. Простая ли это описка или маленькая хитрость? Подозреваю, что последнее: Маленков хотел чуть-чуть улучшить представление о дивизии, чтобы Верховному было психологически легче исполнить свое желание — поощрить нынешнего командира 1-й ополченческой дивизии, носившей гордое имя Ленинской.

Потери Маленков подсчитал правильно, исправив ошибочное 2566 на 2591, но зато преувеличил численность личного состава дивизии на данный момент — 5861 человек вместо правильного 5461. Очевидно, к цифре, представленной Чернышевым, член ГКО прибавил численность местного пополнения в 400 человек (эта цифра в шифрограмме отсутствует). Но из доклада Чернышева можно заключить,

Почему победила Красная Армия?

что эти 400 человек приводятся дополнительно не к общей численности дивизии — 5461 человек, куда они, несомненно, входят, а лишь как дополнение к числу активных штыков — 3337 человек. Естественно, что сосредоточенное в запасном батальоне пополнение предназначено для возмещения потерь именно среди активных штыков. А зачем же такая цифровая эквилибристика понадобилась Маленкову? Чтобы скрыть от Сталина тот факт, что данные о потерях 60-й дивизии существенно занижены. Давайте решим несложную арифметическую задачу. К началу боев личный состав дивизии насчитывал 7384 человека, а к концу боев — 5461. Как легко посчитать, убыль составляет 1923 человека, потери же составили 2591 убитых, раненых, пропавших без вести и больных. Однако к этой последней цифре надо добавить величину местного пополнения — 400 человек, потери возрастут как минимум до 2323 человек, т. е. на 32 человека. Однако за три недели боев в строй могло успеть вернуться большинство больных и некоторая часть раненых. Реально данные о потерях, скорее всего, занижены на 100—120 человек. Кроме того, поразительно низким выглядит число пропавших без вести в 17 человек, с учетом, что один из полков и учебный батальон дивизии даже в наступлении успели побывать в немецком окружении и оставить врагу богатые трофеи. Наверняка эти части имели потери пропавшими без вести, значительно превышавшие 17 человек. Стоит обратить внимание и вот на какое обстоятельство. Если верить докладу подполковника Чернышева, только за 26 и 27 февраля один из полков потерял 346 человек, другой полк в бою 9 марта потерял 103 человека, а учебный батальон в несчастливый для себя день 2 марта лишился сразу 173 человек. В сумме это дает 622 человека — почти четверть от общих потерь. Но ведь бои продолжались не 4, а 19 дней, и, кроме перечисленных, в них участвовал еще один полк и другие части и подразделения. Неужели в остальные 15 дней потери были в среднем в 6—7 раз ниже, чем в указанные дни 26 и 27 февраля и 2 и 9 марта? Скорее всего, официальные дан-

ные о потерях занижены значительно больше, чем на 100 человек.

Но давайте еще попробуем сравнить даже эти явно уменьшенные безвозвратные потери с потерями тех немецких войск, которые противостояли 60-й стрелковой дивизии. Воспользуемся, как и в случае с Западным фронтом, только данными о числе убитых, поскольку цифра пропавших без вести слишком ненадежна. Средние ежедневные потери 60-й дивизии за 19 дней конца февраля — первой половины марта 1943 года составляют 38 человек. Германские сухопутные силы за март 1943 года потеряли убитыми и умершими от ран и по другим причинам 38 115 человек. В этом месяце шли ожесточенные бои в Тунисе. Только в начале марта общие германские потери там составили почти 1,5 тысячи человек. Можно предположить, что потери немцев убитыми на Северо-Африканском театре военных действий в этом месяце, во всяком случае, превысили 1 тысячу человек. Тогда на германскую восточную армию приходится примерно 37 тысяч убитых и умерших от ран. К 1 апреля 1943 года группировка вермахта на советско-германском фронте составляла около 169 расчетных дивизий (147 пехотных и 22 танковых, без охранных и резервных дивизий, не принимавших участия в боевых действиях). В среднем на одну дивизию получается по 6 убитых в день, если мы примем пропорцию в 15 процентов умерших от ран от общего числа убитых и умерших от ран для германских сухопутных сил за войну в целом близкой к действительности и для марта 1943 года.

Теперь попробуем определить, какие по численности германские войска могли противостоять дивизии Кляро. В 1943 году на фронте Красной Армии находилось около 400 стрелковых дивизий, несколько десятков танковых, механизированных корпусов, каждый из которых по численности был немного больше стрелковой дивизии, несколько десятков стрелковых бригад и 8 кавалерийских корпусов, каждый из которых по численности был эквивалентен не менее чем 2 стрелковым дивизиям. Германская разведка на

Почему победила Красная Армия?

1 апреля 1943 года оценивала силы Красной Армии на фронте в 408 стрелковых дивизий и в 143 танковых дивизии (танковых и механизированных корпусов). Еще 60 стрелковых и 79 танковых дивизий немцы числили в резерве, а еще 36 стрелковых и 29 танковых — в стадии формирования и переброски. Вероятно, в целом эти цифры были недалеко от истинных. В среднем на одну германскую расчетную дивизию приходилось до трех советских соединений. Так что против 60-й дивизии, вероятнее всего, сражались 1—2 германских полка. Значит, и потери противостоявших дивизии Кляро немецких войск можно оценить не более чем в половину от средних мартовских потерь одной германской дивизии, т.е. в 3 человека в день. Таким образом, безвозвратные потери 60-й стрелковой дивизии превышали неприятельские почти в 13 раз. Соотношение, как видим, было вдвое хуже, чем для Западного фронта в октябре 1943 года — марте 1944 года. Правда, в последнем случае недоучет советских безвозвратных потерь был значительно больше, чем в дивизии Кляро. Но Соколовского сняли с должности (но в звании снижать не стали) и назначили... начальником штаба 1-го Украинского фронта, хотя генерал только что успешно развалил работу штаба на своем фронте. Лишились своих постов и командующий артиллерией фронта Камера, и начальник разведотдела Ильницкий. А вот начальник штаба Западного фронта генерал Покровский свою должность сохранил, став начальником штаба 3-го Белорусского фронта, одного из двух, на которые в апреле 44-го был разделен Западный фронт. Генерал Гордов, отстраненный от командования 33-й армии, уже в апреле 1944 года возглавил 3-ю гвардейскую армию, вместе с которой брал Берлин и удостоился звания Героя Советского Союза. Бывший член Военного Совета Западного фронта Булганин, которого критиковала комиссия, в ноябре 44-го получил крупное повышение — стал членом ГКО. Другой член Военного Совета Западного фронта, Мехлис, благополучно занимал эту же должность на различных фронтах вплоть до конца войны.

Кляро же за действия 60-й стрелковой дивизии был 31 марта 1943 года произведен в генерал-майоры. В шифрограмме на имя Сталина Маленков указал, что 60-я дивизия в ходе боев продвинулась более чем на 50 км. А вот об аресте прямо не упомянул, отметив только, что в службе полковника в Красной Армии был пятилетний перерыв, очевидно, с этим арестом и связанный. Еще уточнил, что Кляро — белорус (чтобы не заподозрили в нем крамольной польской национальности). Сначала Георгий Максимилианович собирался сказать еще о том, что Военный Совет Центрального фронта ходатайствует о награждении Кляро орденом Красного Знамени, но, подумав, про орден вычеркнул. Сталин ведь мог решить, что орден и генеральство вместе — слишком много, и одно из двух аннулировать. Потери же новоиспеченному генералу в вину не ставились, раз ценой их удалось отвоевать более или менее значительный кусок территории.

Игнатий Викентьевич Кляро на самом деле был типичным средним советским комдивом. Звезд с неба, наверное, не хватал, но и особо грубых промахов не делал. И потери его дивизии в феврале — марте 1943 года вряд ли существенно отличались от среднего уровня потерь в Красной Армии в целом.

Свидетельство о том, как воевал Кляро, мне удалось найти в мемуарах бывшего командующего 65-й армии Центрального фронта генерала армии Павла Ивановича Батова. Летом и осенью 43-го в состав этой армии входил 27-й стрелковый корпус с 60-й стрелковой дивизией. Павел Иванович вспоминал, что в конце августа «вспомогательный удар 27-го стрелкового корпуса должен был обеспечить охват Севска с юга... Командир 60-й дивизии генерал-майор Игнатий Викентьевич Кляро быстро сманеврировал частью правифланговых сил. Один полк перешел на участок дивизии Кузовкова (69-й стрелковой. — Б. С.) и по ее переправам форсировал реку (Сев. — Б. С.). Немцы видели маневр. Ударили огнем. Но Бескин быстро подавил вражеские батареи армейской артиллерийской группой. Кляро втянул в прорыв остальные полки, и они завязали бой на окраинах горо-

да. А 69-я тем временем обходила город с северо-запада и затем частью сил атаковала немцев в Севске. Противник не выдержал согласованного удара и начал отходить из города на юго-восток. Тогда обе дивизии получили почетное наименование Севских. Мы были горды ими — идущими впереди. Они прокладывали путь всей армии».

Если верить милейшему Павлу Ивановичу, в боях за Севск Кляро проявил себя с самой лучшей стороны. Но затем, при форсировании Десны, внезапно засбоил. Вот что об этом пишет Батов: «...Мы рассчитывали, что немецкие переправы у Свердловки захватит 18-й корпус. Но его попытка 8 сентября не имела успеха. 69-я дивизия завязала бой с немецкими частями, державшими предмостные укрепления на восточном берегу, и была встречена сильным огнем. Дивизия И.В. Кляро с боем пробилась к реке. На воду спущено 12 лодок. Сосредоточенный артиллерийский огонь немцев с противоположного берега уничтожил десант. Кляро пошел на неоправданный риск, пытаясь переправить отряд до подхода дивизионной артиллерии. Пришлось ему окопаться на берегу». Наладить взаимодействие артиллерии с пехотой Игнатий Васильевич, похоже, так и не научился. Но к большим и бессмысленным потерям генералу, как и его начальству, было не привыкать. Впрочем, вскоре 60-я дивизия реабилитировала себя. После форсирования Днепра в начале октября ее части, как сообщает Батов, захватили какой-то немецкий штаб и даже убили неприятельского генерала, фамилии которого Павел Иванович не помнил.

В целом же командование фронтом и Ставка действия Кляро оценила положительно. Он стал командиром 54-го стрелкового корпуса во 2-й гвардейской армии на 1-м Прибалтийском фронте. Не исключено, что до конца войны Игнатий Викентьевич дорос бы до командарма, и, чем черт не шутит, получил бы, как Гордов, Золотую Звезду Героя. Но в ходе операции «Багратион», 13 июля 1944 года, генерал Кляро на марше наскочил на мину и погиб.

КАК ПОССОРИЛИСЬ ГЕНЕРАЛ И МАРШАЛ

Многие советские генералы, в том числе и те, кому повезло покинуть ГУЛАГ в эпоху «бериевской оттепели», искали на полях сражений Великой Отечественной прежде всего славы, ради которой солдатские и офицерские жизни готовы были класть бесцельно. Возьмем для примера колымского сидельца Александра Васильевича Горбатова, чьи мемуары в «Новом мире» в 60-е годы имели шумный успех. Но, думаю, что взгляд на него немного изменится, когда читатели ознакомятся со следующим замечательным документом. 1 марта 1944 года, командуя 3-й армией 1-го Белорусского фронта, Горбатов обратился с письмом к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с просьбой о переводе на другой фронт:

«Глубокоуважаемый товарищ Маленков!

Прошу извинить за беспокойство. Был вынужден подать командиру прилагаемый к сему рапорт. Прошу, если сочтете возможным, помочь скорейшему переводу. Более желательно к тов. Попову М.М. (Прибалтийский фронт), с ним я хорошо сработался и дам максимум помощи».

В рапорте «лично командиру войсками первого Белорусского фронта генералу армии Рокоссовскому» говорилось: «Прошу Вашего ходатайства о моем переводе в другой фронт.

Мое пребывание в Вашем подчинении в течение пяти месяцев привело меня к выводу, что оценка моей работы с Вашей стороны — необъективна.

К этому выводу я пришел, исходя из следующего. Мой характер не приспособлен к длительному сидению в обороне. Я всегда изыскивал все возможные способы к активным действиям, и неудивительно, что проведенные операции 3 Армии были осуществлены не по Вашему приказу, а моей инициативе, как выпрошенные, и даже с трудом.

Эти операции, предпринимаемые, как частные — армейские с дивизиями небольшой численности, имели вначале большой успех, но не подкрепленные Вами вовремя, неиз-

бежно выдыхались в своем дальнейшем развитии. В разговорах накануне операции имели часто место такие выражения с Вашей стороны: «Если будет успех», «Если Вы будете продвигаться». Это говорит за то, что Вы не верили в успех, а поэтому не подбрасывали заблаговременно к району наших действий необходимых подкреплений.

Когда же наступление приостанавливалось, Вы всегда бросали мне незаслуженные упреки и искали виновников в 3 Армии, а не во фронте. Ваши обычные обвинения: «упустили момент», «опустили руки», «не здраво оценили обстановку» я считаю незаслуженными, ибо они не подтверждались фактами.

Привожу некоторые факты. 15.11.43 г. (шифр-телеграмма № 177261ш) вы приказали силами одной стрелковой дивизии провести частную операцию с ограниченной целью.

15.11.43 г. (шифр-телеграмма № 4737) я предложил Вам план действий силами всей армии (семь стрелковых дивизий) с решительной целью, чтобы форсировать р. Сож и выйти к р. Днепр и движением на Рогачев угрожать Гомельской группировке.

Я просил мой правый участок с плацдармом на западном берегу р. Проня передать 50 Армии с тем, чтобы она одновременно с 3 Армией наступала в западном направлении. Вы на это дали свое согласие, но когда подготовка была почти закончена и части выходили на исходное положение, Вы операцию отменили и приказали провести ее южнее 10 километров на местности, совершенно непригодной — на левом фланге армии (шифр-телеграмма № 17945/ш 18.11.43). 20.11.43 г. в разговоре по телефону Вы согласились на проведение операции в ранее намеченном нами районе (т. е. на участке Костюковка, Студенец).

В первый день операции при переговорах со мной по телефону Вы сказали: «Хорошо — если за всю операцию Вы выйдете на шоссе» (т.е. 15 км за Сож).

К исходу 3-го дня 3 Армия вышла к р. Днепр, но в своем движении на Рогачев была остановлена частями противника, отходящими от г. Гомель.

По этому случаю Вы не замедлили выразить мне свое возмущение, хотя знали, что нам нечем было стрелять (патроны подбрасывали самолетами связи).

Вы ничем нас не поддержали, не дали даже горючего, а работавший на нас до операции автобат получил приказ выбыть из армии, и когда я его задержал, то был снят с должности комбат.

В этой задержке наступления виновные есть, но только не в 3 Армии.

3 Армия очистила от противника полосу между р. Сож и р. Днепр, но в правом углу нашей полосы, на восточном берегу р. Днепр еще сидела 267 пехотная дивизия противника. Ликвидация этого противника была подготовлена и проведена также без Вашего приказа, но когда части армии отбросили противника за р. Днепр в своей полосе, Вы опять не замедлили выразить мне свое неудовольствие тем, что я не продолжал наступление за пределы своих границ на север вдоль Днепра.

Проведя эту последнюю операцию, я снова готовился к наступательным действиям, хотя в дивизиях оставалось менее 4500 человек людей. Выведя половину армии во второй эшелон, я усиленно с ними занимался, а 13.1.44 послал Вам снова мое предложение на форсирование р. Днепр в районе Свержень с тем, чтобы выйти южнее Рогачев, захватить Рогачев и тем самым очистить плацдарм, занимаемый противником восточнее Рогачев — Жлобин (моя шифр-телеграмма № 200 от 13.1.44 г.).

Вы своей шифр-телеграммой № 863/ш от 14.1.44 отклонили мое предложение.

4.2.44 за № (пропуск в тексте. — Б. С.) я дал Вам подробную оценку противника, обратив внимание на его слабость, указав на то, что нет оснований бояться за правый фланг и попыток с его стороны перехода в наступление.

Вы (шифр-телеграмма № 2281/ш от 5.2. 44) приказали действовать с ограниченной целью — захватить два небольших плацдарма на западном берегу р. Днепр. Как выясни-

Почему победила Красная Армия?

лось позднее, это предприятие имело целью не допустить переброски сил противника с фронта 3 Армии.

7.2.44 с Вашего разрешения я выехал к Вам для доклада по существу последнего Вашего приказа. Я Вам доложил о полной нецелесообразности проводить такие операции, сулящие только потери, но неуспех.

Я просил Вас еще раз разрешить наступать с решительной целью во исполнение от моего предложения от 13.1.44 за № 200/ш, отвергнутого Вами.

Вы ответили, что не можете усилить меня просимыми тремя-четырьмя сд. Я Вам доложил свое мнение, что нецелесообразно держать столько сил в обороне перед плацдармом на фронте 63 А и просил передать мне ее полосу с войсками и тем самым скомбинировать наступление с форсированием р. Днепр с целью занятия г. Рогачев и очищения плацдарма перед 63 А от противника. Я Вас просил взять правый участок до Селец —Холопеев, передать его 50 Армии, чтобы т. Болдин увидел противоположный берег Днепра хотя бы одним глазом и сосредоточил на этом участке до пяти сд, не боясь оголения своего правого фланга, с тем, чтобы одновременно со мной наступать для захвата г. Быхов. Я также просил, чтобы 48 А одним корпусом наступала между р. Днепр и Березина и не допустила бы переброски противника от него ко мне. Я знал, что дорогое время (оставшийся один месяц зимы) упущено, но верил в успех, считая, что остающегося времени может хватить.

Вы с этим согласились.

Чтобы наверстать упущенное время, мы спешили, принимали дивизии от 63 А, пополняли их насколько возможно, учились, делали перегруппировки. На фронте 75 км оставили только УР, запасной полк, заградительный отряд и другие мелкие специальные части. Все силы сосредоточили к участку прорыва и 21.2.44, преодолевая сверхчеловеческие трудности, связанные со штурмом отвесного, обрывистого западного берега Днепра, на третий день наступления после прорыва сильно укрепленной полосы противника (6 — 7 рядов траншей), с проволокой и минными полями — вышли к

р. Друть, овладели городом Рогачев, очистили плацдарм от противника, расширив фронт прорыва до 70 километров. При этом армия потеряла 7000 человек.

Значительно обескровленные дивизии, встретив организованное сопротивление переброшенных к участку прорыва сил противника, не могли безостановочно продолжать наступление. Обещанная Вами даже одна сд ко мне не пришла.

Спрашивается, почему последняя операция, так тщательно подготовленная, успешно начатая, после выхода на р. Друть не получила дальнейшего развития?

Я полагаю, это произошло по следующим причинам:

2. Западный берег р. Днепр, артиллерией и танками мы преодолели только через 12 часов с начала наступления, так как отвесная крутизна западного берега потребовала проведения громадных инженерных работ и отняла большое количество времени для устройства выездов для артиллерии и танков из долины реки.

3. Потери наступающих дивизий не были возмещены подброской свежих сил за счет Вашего левого фланга.

4. Противник сумел быстро перебросить силы с других участков и организовать оборону на р. Друть, которая сама по себе является серьезной водной преградой, с заранее подготовленной системой инженерных сооружений (2—3 линии траншей и опорные пункты). Эту переброску сил противник смог осуществить отчасти в силу того, что стрелковый корпус 48 А наступал по-прежнему на Паричи, а не в междуречье р. Днепр и р. Березина.

Помимо других упреков, Вы меня также упрекнули и в погоне за салютами. Я не считаю это большим недостатком, так как салют, заслуженный боями, воодушевляет войска. Я не берусь судить, как будут развиваться события с захваченного 3 Армией плацдарма, но с удовлетворением могу сказать, что проведенной операцией сделано многое.

Считаю не лишним возвратиться к Вашему приказу № 417 от 27.12.43, которым Вы отменили мой приказ № 400 от 7.12.43, объявив мне замечание и обвинив меня в не присущих мне грехах.

Почему победила Красная Армия?

Мой приказ № 400 исходил целиком из директивы маршала Василевского о внимании стрелковой роты. А директива ГШ КА, полученная 5.1.44, определяющая численность частей и подразделений сокращенной дивизии, целиком подтверждает правдивость моих требований, изложенных в приказе № 400, но Ваш приказ в отношении меня до сих пор не отменен.

Имеется ряд и других фактов.

С 3 Армией я прошел большой трудный путь, она завоевала себе определенное место в Красной Армии.

С 3 Армией у меня связаны сотни случаев, когда я рисковал жизнью, чтобы добиться скорейшего и полного успеха. Уходить из нее мне очень тяжело, но интересы дела требуют, чтобы я ушел из Вашего подчинения.

Прошу рапорт мой доложить Народному комиссару Обороны.

*Командующий войсками 3 Армии
Гвардии генерал-лейтенант / Горбатов / (автограф).
28.2.44.*

РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 29, лл. 94—98.

В итоге Горбатов и Рокоссовский помирились, и Александр Васильевич остался командовать 3-й армией. В мемуарах Горбатов так рассказал о финале конфликта: «Итак, чтобы избежать напрасных потерь, мы решили перейти к обороне, но с этим не был согласен командующий фронтом. Он категорически требовал продолжать наступление на Бобруйск. Мы впервые разошлись во мнениях с таким авторитетным и уважаемым в войсках человеком. В дело вмешалась Москва. Ставка рассудила, что правы мы. Я побаивался, что после этого у нас с К.К. Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков Константинович. Командующий фронтом по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился». О том, что они с Рокоссовским не поделили славу, Александр Васильевич в мемуарах предпочел умолчать. Под словом «Ставка» тут, конечно, подразумевается не Маленков, а Сталин. На этот раз Иосиф Виссарионович решил поддер-

жать Горбатова, чтобы Рокоссовский слишком уж не зазнавался. Сам же Константин Константинович в мемуарах написал о Горбатове следующим образом: «Александр Васильевич Горбатов — человек интересный. Смелый, вдумчивый военачальник, страстный последователь Суворова, он выше всего в боевых действиях ставил внезапность, стремительность, броски на большие расстояния с выходом во фланг и тыл противнику, когда армии стали массовыми, а фронты сплошными. Для прорыва вражеских позиций уже бывает недостаточно сил одной армии, приходится прибегать к операциям огромного масштаба, в которых участвуют одновременно несколько фронтов. И сейчас вот проводилась такая широкая операция, в которой армии Горбатова выпала довольно скромная роль действовать на второстепенном участке и отвлекать на себя силы врага, когда главная группировка фронта будет наносить удар на решающем направлении.

Горбатов — старый командир, получив приказ наступать, прилагал все силы, чтобы выполнить задачу. Но обстановка складывалась так, что его старания не приводили к тем результатам, которые ему хотелось бы достичь. И тогда командарм со всей прямотой заявил, что его армия командующим фронтом используется неправильно. Я прочитал его жалобу и направил в Ставку.

Проступок Александра Васильевича только возвысил его в моих глазах. Я убедился, что это действительно солидный, вдумчивый военачальник, душой болеющий за полученное дело. Так как ответа не последовало, я сам решился, в нарушение установившейся практики, раскрыть перед командармом все карты и полностью разъяснить ему роль его армии в конкретной обстановке. Александр Васильевич поблагодарил меня и заверил, что задача будет выполнена наилучшим образом.

Однако жалоба генерала Горбатова, которую я переслал в Ставку, по-видимому, все же сыграла свою роль. Вскоре Ставка стала полнее информировать всех нас о своих замыслах и месте наших войск в осуществлении этих планов.

Почему победила Красная Армия?

А командарм Горбатов и на второстепенном участке фронта сумел показать себя. Улучив момент, возглавляемая им армия внезапным ударом опрокинула противника и на его плечах форсировала Днепр».

Здесь я более склонен доверять Горбатову, чем Рокоссовскому. На жалобу Горбатова, сопровождаемую просьбой перевести его на другой фронт, Ставка, точнее, Сталин, не могла не отреагировать. И наступление его армии действительно было прекращено. Да и о том, что Рокоссовский посвятил его в замыслы операции, Горбатов ничего не пишет. Рокоссовский намеренно или невольно, из-за аберрации памяти, относит кульминацию своего конфликта с Горбатовым к более раннему времени, чем это было на самом деле, к моменту, когда армия Горбатова еще не форсировала Днепр. Видно, Константину Константиновичу очень не хотелось признавать, что Сталин встал на сторону его подчиненного. Характерно также, что, как минимум, до марта 1944 года, если верить свидетельству Рокоссовского, Ставка не посвящала командующих фронтов в общий замысел кампании, а командующие фронтов не посвящали в замыслы фронтовых операций командующих армий. Несомненно, это делалось по приказу Сталина. Иосиф Виссарионович полагал, что каждому генералу совсем не обязательно понимать свой маневр. Во-первых, тут играли свою роль соображения секретности. Чем больший круг лиц будет посвящен в замысел предстоящего наступления, тем больше вероятность утечки информации к противнику. Вспомним инцидент с майором Рейхелем, начальником штаба одной из немецких дивизий, в июне 1942 года. Тогда у него оказались документы, раскрывающие замысел плана «Блау» — германского генерального наступления на юге. И эти документы попали к командованию Красной Армии, поскольку самолет майора по ошибке приземлился на нейтральной полосе, майор был убит, а его портфель захвачен. Не меньшее значение имело и то, что если командарм будет знать: он наступает на второстепенном направлении только для демонстрации и отвлечения неприятельских сил от направления главного удара, то он, возмож-

но, не будет слишком усерден в проведении наступления и начнет щадить своих людей.

А в конфликте Рокоссовского с Горбатовым Сталин, очевидно, встал на сторону последнего потому, что уже считал нужным время от времени одергивать своих победоносных маршалов, чтобы они не думали приписать победу всецело себе, забыв о ведущей роли Верховного Главнокомандующего.

БЕССУДНЫЕ РАССТРЕЛЫ

Вот замечательный документ — директива, изданная 27 мая 1944 года Военным Советом 1-го Белорусского фронта в связи с вопиющими случаями самоуправства командиров всех уровней, повлекших за собой трагические последствия: «Командир 12-й дивизии нашего фронта полковник Гавилевский в ходе последних боев без обстоятельного разбора дела, без суда расстрелял командира батальона майора Дурнова. Майор Дурнов был награжден за время войны орденами Суворова 3 степени, Красного Знамени и Красной Звезды и характеризуется как храбрый и грамотный офицер. Этот позорный для фронта случай не единичен. Военный Совет фронта решительно осудил действия Гавилевского и предал его суду Военного трибунала.

Некоторые офицеры, даже из состава высшего состава, до сих пор не понимают того, что самочинным расстрелом, самоуправством, грубым нарушением закона они не укрепляют воинскую дисциплину, а наоборот, подрывают ее, что такие действия не поднимают авторитет командира в глазах подчиненных, а наоборот, подрывают его авторитет, дискредитируют и позорят командиров, допускающих эти факты.

Совершенно недопустимым является также, что вышестоящие командиры в армиях, соединениях и частях недостаточно борются с фактами самочинных расправ, а не предупреждают такие случаи.

Партийные и политические органы в частях, соединениях и армиях также не ведут борьбы с этими позорными явлениями.

Почему победила Красная Армия?

Военный Совет фронта требует от всех генералов, офицеров и политработников искоренить случаи самочинных расстрелов без суда и другие факты произвола в отношениях между военнослужащими.

Военным Советам армий, командирам соединений и частей разъяснить и потребовать от офицеров строгого соблюдения уставных положений о порядке служебных взаимоотношений командира с подчиненными.

Напомнить офицерам и командирам частей, что применение оружия допустимо только в крайних случаях, предусмотренных приказом Наркома Обороны № 227 (строго говоря, этот приказ не слишком точно трактовал обстоятельства, при которых командир мог применять оружие по отношению к подчиненным; там только утверждалось: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины». — Б. С.), лишь в сложной боевой обстановке и только в целях обеспечения и понуждения к выполнению боевой задачи.

Командирам и политорганам, не оставляя ни одного случая самочинного расстрела без тщательного расследования, всемерно предупреждая эти факты и донося немедленно о них Военному Совету фронта.

Прокурору фронта направить работу военных прокуроров на искоренение случаев самоуправства в войсках, привлечения виновных к судебной ответственности».

За директивой последовало специальное письмо о самочинных расстрелах члена Военного Совета 1-го Белорусского фронта Н.А. Булганина, адресованное Г.М. Маленкову. Там отмечалось: «...Военная прокуратура собрала данные о фактах самочинных расстрелов на фронте.

Установлено, что за время с 1 января по 1 мая 1944 года было 30 случаев самочинных расстрелов, из них: по 3 Армии — 1, по 70—4, по 47—5, по 48—6, по 65—6, по 69 —8».

Факты сводились к следующему: «1. 6 апреля 1944 года на наблюдательном пункте 132 дивизии полковника Гавилевского был расстрелян командир 2 стрелкового батальона 498 стрелкового полка майор Дурнов при следующих обстоятельствах:

2 стрелковый батальон 498 сп 6. IV-44 г. занимал оборону. Его соседи были: справа — 1 сб 498 сп и слева — 1 сб 712 сп. В 16 час. 30 мин. 6. IV противник после артиллерийской подготовки перешел в наступление на участке первого батальона 498 сп и первого батальона 712 сп. В результате предпринятого наступления оба батальона были сбиты со своих рубежей и в беспорядке стали отступать, что же касается 2-го батальона 498 сп, которым командовал майор Дурнов, то последний прочно удерживал свой рубеж. Все атаки на участке этого батальона были отбиты.

Не имея связи с полком и соседями в течение полутора часов и не зная вследствие этого обстановки, майор Дурнов принял решение направиться лично на КП полка для уточнения обстановки и доклада. Командование батальоном переложил на своего заместителя по строевой части майора Сорокина.

Противник, воспользовавшись отходом первого батальона 498 сп и первого батальона 712 сп, прикрывавших фланги 2-го батальона, по уходе Дурнова, не знавшего обстановки, отрезал батальон от остальных сил полка и дивизии, вследствие чего Дурнов в свой батальон возвратиться не смог.

Начальник дивизионной разведки майор Скворцов в 19.00 по радио доложил командиру дивизии Гавилевскому обстановку, сообщив при этом, что 2-й батальон оказался в окружении, а командир батальона майор Дурнов — в расположении 1-го батальона.

Полковник Гавилевский, не зная обстановки и причины нахождения майора Дурнова в 1 батальоне, приказал по ра-

дио майору Скворцову немедленно майора Дурнова за трусость и паникерство расстрелять. Но так как майор Дурнов был на КП командира полка, Скворцов приказание командира дивизии не выполнил, о чем и доложил полковнику Гавилевскому.

Гавилевский передал свое приказание о расстреле майора Дурнова командиру полка Чижевскому.

Командир полка Чижевский не выполнил этого приказа и отправил майора Дурнова в дивизию.

В дивизию майор Дурнов прибыл около 20.00 часов и пытался доложить командиру дивизии Гавилевскому обстановку и просил в ней разобраться. Гавилевский отказался выслушать доклад майора Дурнова и приказал сержанту комendantского взвода Харлову, а также своему адъютанту старшему лейтенанту Телегину майора Дурнова расстрелять. Дурнов был расстрелян.

Перед расстрелом Дурнов просил снять с него ордена. Дурнов был награжден тремя орденами: Красной Звезды, Красного Знамени и Орден Суворова 3 степени. Однако в этом ему было отказано.

Командир дивизии Гавилевский Военным Советом отстранен от должности и предан суду.

2. 3 апреля с. г. командир взвода противотанковых ружей 339 отдельного истребительно-противотанкового дивизиона младший лейтенант Свириденко, будучи на огневых позициях, организовал вместе со своими подчиненными пьянку. Во время выпивки противник обстрелял боевые порядки артогнем.

Младший лейтенант Свириденко приказал ефрейтору Иванову, участвовавшему в этой пьянке, занять огневые позиции. Иванов, будучи пьяным, не в состоянии был выполнить приказ Свириденко. Тогда Свириденко его расстрелял.

Приговором Военного трибунала Свириденко осужден к 8 годам лишения свободы с применением примечания 2 к ст. 28 УК, т.е. с посылкой на фронт в штрафные части.

3. В ночь на 12 апреля с. г. рядовой 2 роты 1-го стрелкового батальона 110 гвардейского стрелкового полка 38 гвар-

дейской дивизии Каджиев был обнаружен спящим на посту. Командир роты лейтенант Кубышко, узнав об этом, вызвал к себе Каджиева и, установив, что Каджиев действительно спал на посту, принял решение расстрелять Каджиева перед строем и тут же свое решение выполнил.

Приговором Военного трибунала Кубышко осужден к 7 годам лишения свободы с применением примечания 2 к ст. 28 УК, т.е. с посылкой на фронт в штрафные части.

4. 3 апреля с. г. старшина хозвзвода 2 батальона 113 гвардейского стрелкового полка 38 гвардейской стрелковой дивизии Демидкин, следуя на передовые позиции, обнаружил на лесной тропинке отдыхающего бойца с перевязанной головой. Демидкин решил проверить, действительно ли этот боец ранен. Когда боец снял с головы повязку, Демидкин установил, что никакого ранения головы нет. Тут же Демидкин этого бойца расстрелял.

Приговором Военного трибунала Демидкин осужден к 8 годам лишения свободы с примечанием ст. 28 УК с направлением в штрафные части на фронт.

5. 15 апреля с. г. связисты 1 стрелкового батальона 1297 стрелкового полка 160 стрелковой дивизии под командованием помкомвзвода связи Козлова работали по проводке телефонной линии. Козлов почувствовал себя больным и ушел на хутор отдыхать, оставив своих подчиненных на работе. На хутор приехал заместитель командира батальона старший лейтенант Татаринцев и, обнаружив Козлова спящим, стал его избивать, а затем выстрелом из пистолета убил Козлова. Татаринцев был пьян.

Татаринцев предан суду Военного трибунала.

6. 8 января с. г. помощник начальника штаба 4 отдельного стрелкового батальона 115 отдельной стрелковой бригады старший лейтенант Смурников получил от начальника штаба бригады майора Шехтера приказание выяснить, почему в 1 стрелковую роту не доставляются боеприпасы. Смурников отправился в тыл батальона и установил, что старшина 1 роты Бочкарев напился пьяным и заснул в блиндаже и что

Почему победила Красная Армия?

поэтому доставка боеприпасов в роту не организована. Смурников вызвал Бочкарева к себе и из пистолета застрелил его.

Смурников предан суду.

7. Заместитель командира 220 сп 4 сд по политчасти майор Грищенко 1 февраля с. г. двумя выстрелами из пистолета убил старшину хоззвода 2 батальона 101 сп Банных. Грищенко был пьян. Занимаясь размещением штаба полка, он выгонял несколько раз Банных из одного дома в другой. Когда Банных пришел за своими вещами, Грищенко обругал его и вытолкнул в сени, а затем взял у своего ординарца пистолет и двумя выстрелами убил Банных.

Грищенко осужден.

8. 5 февраля с. г. заместитель командира 2 батальона 471 сп 73 сд старший лейтенант Мойса по приказанию командира батальона старшего лейтенанта Садыкова расстрелял тяжело раненного на поле боя командира 4 роты того же полка лейтенанта Шевченко, который был заподозрен в трусости. Расследованием установлено, что никакой трусости Шевченко не проявил.

Садыков осужден.

9. 6 февраля с. г. командир 307 сд генерал-майор Еншин на своем НП лично расстрелял и. о. начальника артиллерии 1019 сп капитана Баранкова. На Еншина наложено административное взыскание Военным Советом армии.

10. В феврале с. г. и в марте с. г. в 188 отдельной штрафной роте имели три случая незаконного расстрела красноармейцев-штрафников командиром роты лейтенантом Каштановым. Были расстреляны три бойца за то, что они отстали от роты в момент марша на исходные позиции.

Каштанов передан суду Военного трибунала.

11. 9 января помощник начальника 1-го отделения штаба 60 Севской стрелковой дивизии майор Демченко расстрелял командира 2 минометной роты 2 стрелкового батальона 1481 сп старшего лейтенанта Куц. Обстоятельства расстрела таковы.

Куц в состоянии сильного опьянения явился к командиру полка майору Штептеву для получения боевой задачи.

Вместо того, чтобы отстранить его от командования ротой, ему было приказано отправиться в подразделение для выполнения боевой задачи. Вместо управления огнем минометных батарей Куц оказался в лесу в тылу боевых порядков своей роты и боем не управлял. В лесу его обнаружил майор Демченко. Связавшись с командиром 60 сд полковником Богоявленским, майор Демченко доложил ему о поведении Куц. Полковник Богоявленский отдал приказание расстрелять Куц. Последний был расстрелян.

12. 21 января с. г. командир 372 сп 218 сд подполковник Рябов расстрелял командира пулеметной роты 2 батальона лейтенанта Митрофанова. Когда подполковник Рябов явился в роту для проверки боевой готовности подразделения, он застал людей, в том числе и Митрофанова, спящими, боевое охранение отсутствовало, пулеметы не охранялись, командиры взводов на местах не оказались. Рябов пытался разбудить Митрофанова, но последний не вставал. Двумя выстрелами в упор Рябов расстрелял Митрофанова (подполковник, кажется, даже не удосужился разбудить свою жертву. — Б. С.).

22 января сам Рябов был тяжело ранен и на самолете эвакуирован в тыл.

Приведенные факты показывают, что самоуправства и самочинные расстрелы приняли распространенный характер. В целях решительной борьбы с этими позорными фактами Военный Совет фронта издал прилагаемую директиву.

Соответственно ориентированы на предупреждение этих преступных случаев политорганы и члены военных советов армий».

Бросается в глаза повышенная концентрация самочинных расстрелов в штрафных частях — в одной только роте расстреляли 3 из 30 жертв по всему 1-му Белорусскому фронту.

Генералы в штрафные части не попадали, и расстреливали их крайне редко, и почти исключительно в 41-м году. Проступки, за которые лейтенанты и капитаны прямоком шагали в штрафбат. Вот — еще один самочинный расстрел, имевший совсем иной исход, чем перечисленные выше толь-

ко потому, что его фигурантом был генерал, да еще пользовавшийся покровительством самого Георгия Жукова. По этому поводу начальник Главного управления кадров Красной Армии генерал-полковник Ф.И. Голиков писал секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову 30 апреля 1944 года: «Маршал Советского Союза тов. Жуков (шифровкой № 117396 от 28 апреля с. г.) донес на имя Народного комиссара обороны Маршала Советского Союза тов. Сталина о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором начальника 237 стрелковой дивизии майора Андреева.

Представляю Вам по этому вопросу копию моего доклада на имя тов. Сталина».

Сталину же Голиков сообщал днем раньше, 29 апреля: «Маршал Жуков Вам донес о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором Афониним начальника Разведывательного отдела 237 стрелковой дивизии майора Андреева.

Несмотря на то что этот самочинный расстрел был совершен 12 апреля с. г., донесение было сделано только 28 апреля, т.е. через 16 суток.

Вопреки ходатайства маршала Жукова — не предавать Афонина суду Военного трибунала, а ограничиться мерами общественного и партийного воздействия, я очень прошу Вас предать Афонина суду.

Если, вопреки всем уставам, приказам Верховного Главнокомандования и принципам Красной Армии, генерал Афонин считает для себя допустимым ударить советского офицера, то едва ли он вправе рассчитывать на то, что каждый офицер Красной Армии (а тем более боевой) может остаться после такого физического и морального оскорбления и потрясения в рамках дисциплины, столь безобразно и легко нарушенной самим генералом.

К тому же после убийства Андреева едва ли можно принять на веру ссылку генерала Афонина на то, что Андреев пытался нанести повторный удар и вел себя дерзко. Что же касается положительных качеств генерала Афонина, из-за

которых маршал Жуков просит последнего не судить, то генерал-полковник Черняховский дал мне на днях на Афони-на следующую характеристику (устно): легковесный, высокомерный барин, нетерпимый в обращении с людьми; артиллерии не знает и взаимодействия на поле боя организовать не может; не учится; хвастун, человек трескучей фразы.

Тов. Черняховский (по его словам) все это высказывал об Афонине лично маршалу Жукову.

У маршала Жукова Афонин работал порученцем в начале 1943 года и в штабе группы на Халхин-Голе.

Интересно, что в своих мемуарах Георгий Константинович Жуков дал Ивану Михайловичу Афонину совсем иную характеристику. Вспоминая бои у Халхин-Гола, он писал: «Перед рассветом 3 июля (1939 года. — Б. С.) старший советник монгольской армии полковник И.М. Афонин выехал к горе Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и совершенно неожиданно обнаружил там японские войска, которые, скрытно переправившись под покровом ночи через реку Халхин-Гол, атаковали подразделения 6-й кавдивизии МНР. Пользуясь превосходством в силе, они перед рассветом 3 июля захватили гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки местности. 6-я кавалерийская дивизия МНР отошла на северо-западные участки горы Баин-Цаган.

Оценив опасность новой ситуации, Иван Михайлович Афонин немедленно прибыл на командный пункт командующего советскими войсками... и доложил сложившуюся обстановку на горе Баин-Цаган. Было ясно, что в связи с неорганизованным отходом 6-й монгольской кавдивизии в этом районе никто не может преградить путь японской группировке для удара во фланг и тыл основной группировки наших войск».

Здесь Иван Михайлович предстает толковым командиром, способным правильно оценить обстановку. И не подумаешь, что это легковесный и высокомерный человек, не способный организовать управление войсками, зато способный ни за что ударить и пристрелить подчиненного.

Почему победила Красная Армия?

Из письма Голикова картина происшествия проясняется. Афонин за что-то съездил по морде Андреева, майор не стерпел и дал сдачи. Тут бравый генерал, видно, понял, что в рукопашной здоровяка разведчика ему не одолеть, схватился за револьвер и пристрелил на месте строптивца.

Жуков заступался за Афонина, возможно, еще и потому, что незадолго до того, в марте 44-го, на 1-м Украинском фронте, который он принял после ранения Ватутина, у него был точно такой же инцидент, к счастью, закончившийся не столь трагически. Начальник инженерных войск фронта генерал Б.В. Благодиславов вспоминал, как Жуков, только вступив в командование, собрал командиров ночью на совещание. Там, на основании кратких докладов, одних он готов был представить к наградам, других снять с должности, третьих отдать под суд, а четвертых просто расстрелять. При этом маршал широко использовал непереводимые русские выражения и ко всем обращался исключительно на «ты», хотя брудершафт прежде ни с кем не пил. Благодиславов Жукову сразу же не понравился. Когда же генерал попросил обращаться к нему без мата и угроз, маршал выхватил маузер. Благодиславов в ответ схватился за парабеллум (оба предпочли трофейное оружие). Возникла неловкая пауза. Благодиславов напомнил Жукову, что ждет его выстрела. Это был не просто генерал, но генерал инженерных войск, человек куда более образованный, чем обычный пехотный генерал, и имевший хорошо развитое чувство собственного достоинства. Но дуэль не состоялась. Жуков сообразил, что за расстрел на месте столь высокопоставленного генерала его по головке не поглядят. Это ведь не какой-нибудь командир полка или даже дивизии. Георгий Константинович убрал маузер в кобуру и пообещал, что расправится с Благодиславовым. Однако у Жукова не дошли руки до строптивного генерала, возможно, единственного в Красной Армии (другие и не такое сносили молча). Видно, пределы его власти не распространялись на бессудное снятие с должности командующих армиями и им соответствующих во фронтовом звене. Благодиславов

благополучно закончил войну на прежней должности на 2-м Белорусском фронте у Рокоссовского, с которым у него, как и с Жуковым, сложились прекрасные отношения, участвовал в качестве знаменосца в знаменитом параде победы 24 июня 1945 года в Москве. Для чинов же пониже, вроде майора Андреева, подобное «сопротивление злу силой» обычно оканчивалось гибелью.

Вообще же сцены маршал Жуков против генерала Благославова или генерал Афонин против майора Андреева напоминают даже не вестерн средней руки, а рядовую разборку на бандитской малине, где паханы, в роли которых выступают Жуков и Афонин, утверждают свою власть над братвой — подчиненными офицерами и генералами. Над всеми же красноармейцами, офицерами, генералами и маршалами был главный пахан — Сталин. Генералы, командовавшие корпусами и выше, и маршалы его боялись, потому что только «отец народов» мог распорядиться их расстрелять, разжаловать или засадить в тюрьму (в штрафбаты генералов не посылали, опасаясь, что попадут в плен или перебегут к противнику). Офицеры и генерал-майоры, которые командовали дивизиями, Сталина не боялись и искренне любили, порой обращались к нему или к его фактическому заместителю по партии Маленкову с жалобами на притеснения и несправедливости со стороны вышестоящего начальства, а порой и с форменными доносами на это начальство. Зато офицеры боялись и нередко ненавидели своих непосредственных начальников — от командира роты до командующего фронтом, каждый из которых мог в любой момент их расстрелять или отправить в штрафбат. При этом, конечно, угроза со стороны собственного командира батальона была куда реальней, чем от далекого командарма и тем более командующего фронтом, шансов попасть которым под горячую руку было немного. Вот по отношению к своим солдатам командиры взводов, а в какой-то мере — и рот, вынуждены были быть более осмотрительными и без особой нужды их не расстреливать и в штрафные роты не отправлять — иначе

Почему победила Красная Армия?

от товарищей осужденных свободно можно было получить в бою пулю в спину. Исключением, как мы убедились, были лишь штрафные части и подразделения, где постоянный (офицерский) состав расстреливал переменный (штрафников) за милую душу. Все равно им завтра в бою погибать, а офицерам вместе со штрафниками в атаку не ходить, а стоять сзади в качестве заградотряда. В обычных же частях солдат расстреливали не непосредственные начальники, а вышестоящие — начиная от штаба батальона или заградотряды и комендантские роты из бойцов НКВД. Им-то пуля в спину не грозила. Расстреливали также солдат тыловых подразделений — для поднятия духа идущих на фронт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ	5
ВЕЛИКАЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ: КАК ШЛИ МЫ К ПОБЕДЕ	80
СТАЛИН-ПОЛКОВОДЕЦ И ЕГО МАРШАЛЫ	147
ЦЕНА ПОБЕДЫ	164
ПРИЛОЖЕНИЯ	209
Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотов — Риббентроп, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ	209
1. Пакт Молотов — Риббентроп: экспансионизм, ошибка или забота о безопасности СССР	210
2. Оккупация Прибалтики: на защите Империи	217
3. Катынское дело: военное преступление, геноцид или «наша месть полякам»	235
Как подсчитать потери во Второй мировой войне	247
59-я армия глазами особистов	273
Пролог к трагедии 2-й ударной армии	295
Генерал Шмидт: «Обучение и подготовка пополнения должна производиться на позиции»	300
Головокружение от успехов	303
Почему советские танкисты проигрывали сражения	309
«Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу»	318
История генерала Кляро	319
Как поссорились генерал и маршал	331
Бессудные расстрелы	339

Борис Соколов

КРАСНЫЙ КОЛОСС

Почему победила Красная Армия?

Издано в авторской редакции

Художественный редактор **П. Волков**

Технический редактор **В. Кулагина**

Компьютерная верстка **С. Пяташ**

Корректор **С. Горшкова**

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

ООО «Издательство «Яуза»

109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5

Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,

Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kancs@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancs-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбург: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Суварская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.07.2007.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5000 экз.

Заказ № 1241.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Почему Красная Армия победила в Великой Отечественной войне, несмотря на тяжелейшие поражения 1941–1942 годов? Собирался ли Советский Союз напасть на Германию? Какую роль в победе сыграл Сталин, а какую – советский народ? Мог ли победить Советский Союз в схватке с Германией один на один и как бы закончилась Вторая мировая война, если бы Красная Армия потерпела в 1942 году решительное поражение? Почему советские потери многократно превышали немецкие и можно ли было выиграть войну с меньшими жертвами? Могли ли первые атомные бомбы быть применены в Европе, а не в Японии? На все эти и многие другие вопросы, используя многочисленные, ранее не публиковавшиеся архивные документы, дает нестандартные ответы в своей новой книге известный военный историк Борис Соколов.

ISBN 978-5-699-23404-2

9 785699 234042 >